3

П. Н. КРАСНОВЪ.

ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ

Томъ III

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
АВТОРОМЪ ИЗДАНІЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ" РИГА.

П. Н. КРАСНОВЪ

ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ

1804—1921

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

Изданіе третье,
пересмотрѣнное и исправленное авторомъ

ТОМЪ III

ЧАСТИ ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1 9 3 0

Всѣ права сохранены за авторомъ
Copyright by author

Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
Рига, Петроцерковная площ. 25-27.

ФГБУОБ № 1599.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

Въ октябрѣ 1916 года Саблинъ, совершенно неожиданно для себя, былъ назначенъ командиромъ Н-ского армейскаго корпуса. Это назначеніе его нисколько не устраивало. Онъ отлично сжился и полюбилъ свою дивизію. О командованіи корпусомъ онъ не мечталъ и, если когда думалъ о повышеніи, то считалъ, что онъ можетъ командовать только кавалерійскимъ корпусомъ. Когда онъ получилъ телеграмму о назначеніи, онъ принялъ ее со смиреніемъ истиннаго христіанина. Радоваться было нечему. Корпусъ былъ только что сформированный изъ двухъ новыхъ дивизій съ новыми полками, безъ именъ, безъ традицій, безъ завѣтовъ прошлаго. Генералъ Пестрецовъ, командовавшій арміей, сообщая о назначеніи Саблина, писалъ ему: — „не огорчайся такимъ назначеніемъ, Саша. Не диво командовать и отличаться со старыми хорошими частями. Въ тебя мы вѣримъ. Ты вдохнешь въ эти молодыя части свой бодрый кавалерійскій духъ и ты сотворишь съ ними чудеса. Обрати только вниманіе на офицерскій составъ. Въ 819-мъ пѣхотномъ Захолустномъ полку былъ случай отказа идти на позицію подъ вліяніемъ агитаціи прапорщиковъ. Зато 812-мъ Морочненскимъ полкомъ командуетъ подполковникъ Козловъ, герой Ново-Корчинскаго дѣла и на смотру у меня онъ показалъ полкъ молодецки. Твой корпусъ пока безъ сапогъ и полушубковъ и безъ своей артиллеріи, но какъ-нибудь справимся, Когда будешь ѣхать принимать корпусъ, заѣзжай ко мнѣ, покалякаемъ. Конечно ѣхать ко мнѣ крюкъ, я живу далеко отъ позиціи, но ре-

зервная дивизія твоя стоитъ и не такъ далеко отъ меня. Пріѣзжай прямо къ обѣду. Въ любой день, но лучше въ воскресенье. Тогда у меня музыканты играютъ, а вечеромъ концертъ и спектакль. Жду. Храни тебя Господь. Твой Пестрецовъ".

Съ грустью простился Саблинъ со своими лихими полками. Съ ними такъ много онъ пережилъ. Вспомнилъ Желѣзницкое дѣло, прорывъ у Костюхновки, вспомнилъ всѣхъ тѣхъ, кто съ беззавѣтною удалью шли впередъ, вспомнилъ убитыхъ и такъ дорогихъ ему драгунъ, уланъ, гусаръ и казаковъ. Прослушалъ трогательныя рѣчи командировъ полковъ и сопровождаемый громкимъ ура солдатъ и казаковъ поѣхалъ на автомобилѣ въ штабъ арміи, отправивъ лошадей, вьюки и вещи свои къ резервной дивизіи.

Сердце щемило. Ему казалось, что и люди его здѣсь любили, что они поняли его и онъ съ ними сросся въ одно цѣлое. Что ожидало его впереди? Но Саблинъ вѣрилъ въ Русскаго офицера и солдата и ѣхалъ, обдумывая планъ, какъ воспитать и обучить свой корпусъ.

Не желая огорчать командующаго арміей онъ подогналъ свой пріѣздъ къ 12 часамъ дня. Шикарный молодой адъютантъ встрѣтилъ его въ прихожей большого господскаго дома и сказалъ, что онъ доложитъ.

— Командармъ сейчасъ говоритъ по телефону съ Главкозапомъ, — проговорилъ онъ на томъ нелѣпомъ разговорномъ кодѣ, который въ то время усиленно культивировался молодыми офицерами генеральнаго штаба. — Но я очень прошу васъ пройти въ гостиную, супруга Командарма просила доложить, когда вы пріѣдете.

Саблинъ снялъ шинель и прошелъ за адъютантомъ въ гостиную. День былъ хмурый, дождливый. Въ гостиной съ тяжелыми портьерами и занавѣсками изъ расшитаго тюля было полутемно. На полу поверхъ ковровъ лежали волчьи, медвѣжьи и рысьи шкуры, трофеи охоты хозяина помѣстья. Мебель была старая. Но въ затхлое помѣщичье гнѣздо ворвалось и что-то свѣжее, Петербургское. У

оконъ стояли корзины съ пестрыми астрами и высокими, мичурины, точно завитыми громадными хризантемами.

Въ короткомъ, едва закрывающемъ колѣни платьѣ, изъ-подъ котораго видны были щегольскіе высокіе сапожки на высокомъ каблукѣ, въ роскошномъ широкомъ соболѣ, накинутомъ на плечи, сіяя радостной улыбкой свѣже вымытаго лица, вошла въ гостиную Нина Николаевна Петрецова. Ея фоксъ, позванивая бубенцами, ее сопровождалъ. Она прищурила глаза съ подведенными рѣсницами, приложила къ нимъ черепаховый лорнетъ и, улыбаясь выхоленнымъ, полнымъ лицомъ женщины подходящей къ сорока годамъ, заговорила быстро и весело, подавая небольшую сильно надушенную руку для поцѣлуя.

— Генералъ Саблинъ, конечно? О, я такъ давно жаждала познакомиться съ вами. Я такъ много про васъ слышала. Всѣ безъ ума отъ васъ. И графиня Палтова, и бѣдная Нина Ротбекъ, и Скальскій, и Масальскіе. Особенно Нина Ротбекъ... О! мнѣ такъ описывали васъ. И герой, и красавецъ. Un vrais gentil' homme*) Правда! Романами Дюма — père'a**) отъ васъ должно вѣять. А Саша Ростовцева! она молится на васъ, какъ на святого. Не удивляйтесь, что я васъ такъ встрѣчаю. Я только что изъ Петрограда. Тамъ какая то манія на васъ. Я заряжена вами. Пріѣзжаю, а мой Jakob говоритъ мнѣ: — представь: — Саблинъ получилъ у меня корпусъ и будетъ на дняхъ. Провидѣніе, monsieur Саблинъ. Вы вѣрите въ мистицизмъ, въ эти... какъ ихъ... флюиды... и потомъ, ахъ я все забываю, эти странныя названія. Знаете, маленькія такія. Они мнѣ, какъ лягушки, почему то представляются... какъ они... мальвы... нарвы... лавры... да ларвы. Я ихъ ужасно боюсь... Садитесь. Jakob сейчасъ придетъ. Онъ на аппаратѣ. Ахъ онъ такъ занятъ... Вотъ вы какой!

Саблинъ, выросшій въ свѣтѣ, чувствовалъ себя теперь

---

*) *Истинный дворянинъ.*
**) *Отца.*

сторонившимъ. Онъ какъ будто одичалъ за войну и не успѣвалъ вставить слова въ болтовню Нестрѣцовой.

— Вы давно были въ Петроградѣ? — спросила, садясь, Нина Николаевна.

— Уже скоро годъ, что я не уѣзжалъ съ фронта.

— О! Ужасно. Это совсѣмъ, какъ мой мужъ. Но у него я. Я создаю ему и на войнѣ семейную обстановку. Мы устроили въ корпусную летучку старшей сестрою Любовь Матвѣевну Рокову... О, не судите ее строго. Tout comprendre c'est tout pardonner.*) Надо знать ея исторію. C'est un vrais ange.**) У насъ такъ мило по вечерамъ. Мы провели свое электричество въ домъ, намъ командиръ телеграфной роты устроилъ, и каждый день или тихій бриджъ, или, загасимъ свѣтъ и вокругъ столика съ блюдечкомъ, вызываемъ духовъ. Мнѣ кажется, я разъ видала этого... Нарва, — содрогнулась Нина Николаевна. — Какіе вопросы мы задаемъ! И о войнѣ, и о побѣдѣ, и о Распутинѣ, и о революціи. Да, mon general, надо думать и объ этомъ, и и къ этому надо быть готовымъ. Какіе планы! Какіе люди! Здѣсь у насъ представитель Земгора бываетъ, онъ кадетъ по партіи, но монархистъ по убѣжденію, что онъ разсказываетъ! Вы послушайте его! Онъ къ вамъ пріѣдетъ. Онъ здѣсь по осушкѣ окоповъ отъ сточной воды, въ „гидроуланахъ“, какъ ихъ называютъ. И съ нимъ команда шестьдесятъ человѣкъ. Все цвѣтъ общества! Ахъ, какая молодежь! Какіе таланты. По воскресеньямъ у насъ маленькія soirées musicales — поемъ, играемъ. Вы знаете, теперь въ солдаты забрали массу артистовъ, по мобилизаціи. Мы съ Jakob'омъ ихъ тщательно выуживаемъ и сейчасъ зачисляемъ въ комендантскую роту и вся рота у насъ сплошной артистъ. Наши воскресенья c'est delicieux.***) Совсѣмъ модный Петроградскій cabaret.†) Ну вотъ и Jakob. Какъ я рада, что познакомилась съ вами. Говорите

---

*) *Все понять — все простить.*
**) *Это настоящій ангелъ.*
***) *Это очаровательно.*
†) *Кабачокъ.*

о дѣлѣ, и ровно въ часъ обѣдъ въ интимномъ кругу: вы, я, Jakob, Любовь Матвѣевна и Самойловъ. Нашъ старый вѣрный циникъ Самойловъ! Но quel ésprit!*)...

Она выпорхнула изъ гостиной и дала возможность Саблину вытянуться и произнести условную фразу представленія командующему арміей.

— Ну, какъ я радъ, — сказалъ Пестрецовъ. — Садись, милый Саша. Нина уже разсказала тебѣ, какой бедламъ творится у насъ.

II

За тѣ десять мѣсяцевъ, что Саблинъ не видалъ Пестрецова, тотъ сильно постарѣлъ и подался. Вмѣсто мужественной плотности явилась обрюзглая, одутловатая полнота. Усы были сбриты и круглое лицо, полное морщинъ, казалось хитрымъ и лукавымъ, какъ у ксендза.

— Радъ я, Саша, что ты попалъ ко мнѣ, — началъ Пестрецовъ, — и жаль мнѣ тебя, — ибо — болото. И мѣстность — болото, и люди — болото. Чортъ его знаетъ, что такое произошло. Помнишь, когда въ японскую войну Куропаткинъ отъ маневренной войны перешелъ къ оконному сидѣнію, всѣ возстали противъ него и первый великій князь Николай Николаевичъ осудилъ его. „Куропаткинская“, молъ, стратегія, а теперь мы сами закопались и носа никуда сунуть не можемъ. Отъ моря и до моря сплошной окопъ. Ужасъ одинъ.

— Но почему это такъ произошло?

— Все французы. Мы помѣшались на западномъ фронтѣ. Фошъ для насъ все. Петенъ и Жоффръ, — это, милый мой, Наполеоны и геніи. Кому какое дѣло, что тамъ фронтъ всего 400 километровъ и по три дивизіи стоятъ въ затылокъ одна другой, а пушки не то, что вытянулись въ рядъ, а въ три ряда стоятъ непрерывно. Тамъ море стали и свинца. Оттуда насъ засыпаютъ инструк-

*) *Какой умъ!*

ціями, переводами, описаніями, наставленіями. Учитесь, Русскіе дикари, какъ надо. Тамъ — желѣзо и бетонъ. Глубокія подземныя галлереи, цѣлые города съ водопроводами и канализаціей, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ желѣзными койками. Грузовые автомобили коленнами тянутся и везутъ туда снаряды и продовольствіе, а оттуда раненыхъ. Тамъ каждыя двѣ недѣли смѣна, путешествіе въ тылъ. Тамъ мертвая война и это вызвано коротким фронтомъ, близостью такихъ чувствительныхъ мѣстъ, какъ Парижъ, великолѣпною техникою и массою войскъ, которыхъ некуда дѣвать. Тамъ долбятъ мѣсяцами одну точку, чтобы сдѣлать прорывъ и податься на четыре километра. У насъ все наоборотъ. Громадное пространство, гдѣ можно замотать, окружить и уничтожить любую армію, фронтъ на двѣ съ лишнимъ тысячи верстъ, на него даже и проволоки не хватаетъ, отсутствіе артиллеріи и все-таки французская тактика и Фошъ, Фошъ! Ахъ, не къ добру это!

— Но развѣ нельзя бороться?

— Бороться? Какъ? Писать доклады, проекты? Все кладется подъ сукно. Меня забросалъ своими проектами одинъ начальникъ казачьей дивизіи. Тутъ и „конница при прорывѣ укрѣпленной позиціи“, и „о сосредоточеніи кавалеріи на Югѣ и наводненіи ею Венгерской долины“, и „созданіе казачьей Арміи для завоеванія Малой Азіи и захвата Константинополя со стороны Скутари“. И, знаешь, не глупо. Я имъ и хода не давалъ.

Пестрецовъ понизилъ тонъ.

— Саша, развѣ мы можемъ побѣдить? Хотятъ англичане нашей побѣды? Наша побѣда — это рѣшеніе восточнаго вопроса въ нашу пользу. Это православный крестъ на святой Софіи и свободный выходъ нашего южнаго хлѣба въ Средиземноморскіе порты.

— И слава Богу.

— А англійскіе банки? А значеніе Англіи на востокѣ? Никогда англичане этого не позволятъ. И вотъ насъ закопали въ болота и учатъ по Фошевской указкѣ. Мы со-

здаемъ новыя части, не считаясь съ тѣмъ, какого онѣ качества.

— И мой корпусъ такой?

— Да, такой. Твои начальники дивизій — одинъ тридцать лѣтъ сидѣлъ въ кадетскомъ корпусѣ, отличный воспитатель, ученый математикъ, написавшій какое-то изслѣдованіе о какихъ-то кривыхъ, но болѣющій медвѣжьею болѣзнью отъ звуковъ пушечной стрѣльбы. Другой просидѣлъ всю жизнь въ какомъ-то управленіи и настолько потерялъ понятіе о фронтѣ, что полкъ принимаетъ за дивизію. Оба совершенно растеряны и не знаютъ съ чего начать. Это верхи! Теперь внизу — то новое Поливановско-Гучково-Думское изобрѣтеніе, — что всякій интеллигентный юнона можетъ быть офицеромъ. Эти студенты и гимназисты, прошедшіе четырехмѣсячные курсы, милый другъ, — они ужасны! Это офицерье, а не офицеры! Прежде всего, полное отрицаніе войны, полное непріятіе и непониманіе дисциплины. Лучшіе: — съ мѣста влюбляются въ солдата и потворствуютъ ему во всемъ и плачутъ надъ нимъ. худшіе: — стремятся сохранить свою шкуру отъ пораненія. Они совершенно не понимаютъ, что имъ дѣлать и какъ подойти къ солдату. Ну да увидишь, увидишь...

— Ваше высокопревосходительство, я почитаю тебя, какъ человѣка высокаго ума, скажи, что же тогда надо дѣлать?

— А вотъ, милый Саша, — годъ тому назадъ, Самойловъ мнѣ говорилъ, надо миръ заключить сепаратный, и я — старый дуракъ, возмутился и не согласился съ нимъ, а теперь вижу — надо плыть по теченію. Наверху — мистика. Вѣра въ Божественный промыселъ и... въ Распутина. Посерединѣ глубокое недовольство и желаніе перемѣны — хотя бы и революціи. Все недовольное группируется около Земгора и подлѣ боевой арміи растетъ какая-то новая политическая армія и, кто ее знаетъ, для чего? Стали совать къ намъ свой носъ новыя лица, — сегодня съ банями, завтра съ подарками, тамъ съ лазаретами. Пріѣзжаютъ и ужасаются тому, что у насъ творится. Все плохо.

Въ окопахъ вода, — мы вамъ выкачаемъ. И дѣйствительно пришлютъ команду — отлично одѣтую, молодую, бравую и раздѣлаютъ версту фронта, а сто сорокъ по-прежнему плывутъ въ грязи. Людей вши ѣдятъ — пришлемъ баню. И пришлютъ. Тысячу человѣкъ вымоютъ и выстираютъ имъ бѣлье, а сто тысячъ по-прежнему со вшами. На станціи питательные пункты, съ семгой и свѣжей икрой, тамъ гдѣ-нибудь летучка на кровныхъ лошадяхъ съ нарядными сестрами, въ тылу лазаретъ на сто кроватей съ Рентгеновскими лучами, зубоврачебный кабинетъ и все чисто, красиво, богато и ласково. Реклама! Понимаешь, Саша, — такъ выходитъ — вотъ взялась общественность и какъ хорошо! Лампа Гелiосъ, граммофонъ играетъ, конденсированное молоко, молодые люди во френчахъ — а вонъ тамъ, гдѣ правительство — тамъ по-прежнему сальныя свѣчи, грязныя палаты, голодное брюхо и санитары изъ раненыхъ категорійныхъ солдатъ. И ѣврая скотинка понимать это начинаетъ. Ловкость рукъ большая. Солдату невдомекъ, что одни на всѣхъ, а другіе на нѣкоторыхъ, что у однихъ штаты и смѣта, а для другихъ законъ не писанъ.

— Но почему нельзя бороться?

— Да какъ? За ними Дума, пресса, народъ, осиное гнѣздо журналистовъ, ну и не трогаютъ.

— А вы главкосѣвы, главкозапы, командармы — вы начальники?

— Молчимъ, Саша, и ждемъ. Въ бриджъ играемъ, по воскресеньямъ молодые люди во френчахъ придутъ и такихъ Румынъ на скрипкѣ, окаринѣ и фортепiано изобразятъ, что ай люди малина! Всѣ съ женами, — и я съ женой. Любовь Матвѣевна здѣсь принята, какъ своя, а вѣдь ты знаешь, кто она стала? Коли пятисотъ рублей не жалко, скажи когда, и пріѣдетъ на позицію и переночуетъ въ землянкѣ. Это называется: поѣхать сдѣлать впрыскиваніе. Кругомъ развратъ небывалый. Въ Петроградѣ такъ веселятся, какъ никогда. Что же я-то сдѣлаю? Ну да вотъ ты, молодой, энергичный, посмотрю я на тебя, что ты сдѣлаешь!

— Пугаешь ты меня, ваше высокопревосходительство.

— Ахъ, Саша. А до чего я напуганъ! Повѣришь, временами снжу и думаю: — да есть война, или это такъ только кажется. Вотъ сейчасъ докладываютъ мнѣ, что ты пріѣхалъ. А я на Юзѣ разговоромъ важнымъ занятъ. Кошкинъ, членъ Думы, сюда ѣдетъ, такъ чтобы принять его хорошо... А утромъ тамъ гдѣ-то поискъ былъ. Раненые, убитые, плѣнныхъ взяли, установили, что 269-й пѣхотный полкъ все на томъ же мѣстѣ стоитъ. Никому это и не интересно. Донесеніе перервали. Кошкинъ ѣдетъ!.. Покажите ему баню Солигаличскаго полка... А? Чѣмъ мы славимся. Что поискъ! — баня!... Кошкинъ!! — Это важнѣе.

Въ гостиную просунулся адъютантъ.

— Ваше высокопревосходительство, — сказалъ онъ, — Нина Николаевна проситъ кушать.

— Ну, пойдемъ, Саша. Можетъ, хочешь руки помыть, а то пойдемъ. Нина не любитъ, чтобы опаздывали.

III

Въ самомъ тяжеломъ настроеніи ѣхалъ Саблинъ изъ штаба арміи къ своему корпусу. „Посмотрю, увижу“,— думалъ онъ. „Буду работать, вѣдь люди тѣ же, что были въ нашемъ полку, что были и въ дивизіи, неужели я не смогу воспитать ихъ?“ То, что онъ видѣлъ по пути, было безотрадно. Стояла грязь по деревнямъ и вдоль избъ повсюду толпились солдаты. Въ грязныхъ, старыхъ, непригнанныхъ шинеляхъ, большинство безъ погонъ, оборванные, въ небрежно надѣтыхъ искусственнаго сѣраго баранка папахахъ, въ лаптяхъ, опоркахъ, башмакахъ, очень рѣдко въ сапогахъ, они съ удивленіемъ поглядывали на автомобиль Саблина, пыхтѣвшій въ грязи, не отдавали чести, а если и отдавали, то такъ, что лучше бы и совсѣмъ не надо. Это были люди его корпуса. Саблина поразило то, что они были двухъ возрастовъ — или очень молодые — лѣтъ около 20—23, или уже старше 30-ти — середины не было. Саблинъ понялъ, что середина — выбита, уничтоже-

на, настоящихъ солдатъ въ Россіи не осталось, остался сырой матерьялъ, изъ котораго можно сдѣлать солдата, и остались тѣ, кто уцѣлѣлъ по обозамъ, за легкимъ раненіемъ, или просто, удравъ съ поля сраженія. Саблинъ ѣхалъ полтора дня съ остановками и въ какіе бы часы дня онъ ни проѣзжалъ черезъ деревни, полныя солдатъ, онъ нигдѣ не видѣлъ строевыхъ ученій, или какихъ бы то ни было занятій. Вездѣ была одна и та же картина. Подлѣ избъ кучки солдатъ. Лущатъ сѣмечки, пересмѣиваются, или просто сидятъ на завалинкѣ съ хмурыми сѣрыми лицами, какъ инвалидная команда.

Въ Заставце, гдѣ былъ расположенъ штабъ 205-й дивизіи, той самой, которой командовалъ генералъ, просидѣвшій тридцать лѣтъ на стулѣ въ Управленіи и не могшій отличить полка отъ дивизіи, или по образному выраженію Самойлова, распознать фокса отъ моиса, Саблинъ смотрѣлъ полки, расположенные въ резервѣ, и бесѣдовалъ съ полковыми командирами.

Полки не произвели на него впечатлѣнія войска. Безъ музыкантовъ, безъ знаменъ, они стояли сѣрыми громадами на тяжеломъ черномъ паровомъ полѣ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ нимъ Саблинъ, тѣмъ больше замѣчалъ тѣ признаки, по которымъ старый фронтовикъ судитъ о дисциплинѣ и боеспособности части. Неаккуратная одежда, неоднообразно надѣтыя папахи, отсутствіе стойки и выправки, безразличныя тупыя лица. Въ первой ротѣ одинъ солдатъ держалъ „на караулъ“ — стволомъ отъ себя, Саблинъ показалъ рукой командиру роты, тотъ не замѣтилъ и засуетился, не зная и не видя въ чемъ дѣло. Ротный былъ юнопа съ широкимъ круглымъ лицомъ, узкими глазами и стриженными усами. Поправилъ самъ командиръ полка. Оказалось, что и въ другихъ ротахъ то же самое. Не знали даже ружейныхъ пріемовъ. Когда Саблинъ потребовалъ, чтобы мимо него прошли церемоніальнымъ маршемъ, начальникъ дивизіи долго совѣщался съ командирами полковъ. Онъ не могъ сдвинуть съ мѣста эту массу въ двѣнадцать тысячъ людей. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда командъ, ему удалось перестроить резервныя колонны, и ро-

ты ноили медленнымъ тяжелымъ шагомъ по блестящей жирной землѣ. Люди скользили и падали. Шеренги разравнивались. Шедшіе въ лаптяхъ теряли лапти. Винтовки лежали на плечѣ плоско. Видно, не привыкли ихъ носить. У многихъ винтовокъ не было ружейныхъ ремней и ихъ замѣняли веревки. За рѣдкимъ исключеніемъ офицеры не умѣли салютовать. Вилѣшнести не было. Но за этимъ отсутствіемъ вилѣшнести, Саблинъ замѣчалъ и болѣе существенное. Люди запыхались, пройдя нѣсколько шаговъ по грязному полю, въ рядахъ былъ разговоръ. „А, если придется вести обходное движеніе на нѣсколько верстъ“, — думалъ Саблинъ, — дойдутъ ли?“ Онъ вспомнилъ все то, что писали многіе военные и съ именами, противъ музыкантовъ и барабанщиковъ, противъ церемоніальнаго марша и муштры и теперь видѣлъ плоды ихъ работы. Но снимать жатву придется Саблину, который все время былъ ихъ противникомъ.

Саблинъ вспомнилъ уроки тактики и стратегіи. „Арміи“, — говорилъ съ кафедры профессоръ — „разбитыя на поляхъ сраженія — разбиты задолго до самаго сраженія“. Саблину казалось, что онъ видитъ такую армію, обреченную на гибель.

Послѣ смотра, въ большой комнатѣ гминнаго управленія, собрались начальникъ дивизіи со штабомъ и полковые командиры. Три полковыхъ командира были старые полковники, четвертый совсѣмъ молодой офицеръ генеральнаго штаба. Каждый изъ стариковъ годился въ отцы своему корпусному командиру. Годы тяжелой жизни и рядъ пороковъ изрыли ихъ хмурыя обросшія клочками сѣдыхъ волосъ лица. Командиръ 817-го полка, полковникъ Наступховъ, до войны былъ двадцать лѣтъ становымъ приставомъ и большимъ поклонникомъ Бахуса, командиръ 818-го полка командовалъ батальономъ въ Среднеазіатскомъ захолустьи и никогда не видалъ своего батальона, который стоялъ по постамъ на границѣ, командиръ 819-го полка имѣлъ за плечами лѣтъ 26, былъ изъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба и хотѣлъ создать свою собственную стратегію, отрицая опытъ прежняго времени, новую тактику и новую

систему обученія, наконецъ, командиръ 820-го полка былъ старый кадровый батальонный командиръ, но онъ былъ толстъ, страдалъ одышкой и такъ громко дышалъ, что Саблину приходилось повышать голосъ, чтобы заглушать его сипѣніе.

Саблинъ разнесъ ихъ. Они выслушали, молча, сокрушенно, все то, что онъ говорилъ.

— Я требую, — говорилъ Саблинъ послѣ нѣкоторой паузы, — непрерывнаго обученія людей. Я требую гимнастики, чтобы развить тѣла солдатъ и подготовить къ быстрымъ и ловкимъ движеніямъ, я требую работы штыкомъ по чучеламъ, я требую ротныхъ, батальонныхъ и полковыхъ ученій и маневровъ, умѣнья работать на всякой мѣстности и во всякое время года... То, что я видѣлъ — срамъ.

— Позвольте вамъ доложить, ваше превосходительство, захрипѣлъ толстый командиръ 820-го полка.

— Что вы можете сказать?

— То, что вы изволили сказать, совершенно вѣрно. Я, какъ старый капитанъ и ротный командиръ славнаго Закатальскаго полка, вполнѣ понимаю васъ, но привести въ исполненіе ваши указанія полагаю невозможнымъ. И вотъ почему. Эти два года войны я былъ, по немощи своей, смотрителемъ госпиталя. Много раненыхъ солдатиковъ прошло черезъ мои руки. Я думаю тысячъ до четырехъ. И я съ ними говорилъ и сестры мнѣ то же самое разсказывали. Нашъ солдатъ, особенно побывавшій въ госпиталѣ, питаетъ отвращеніе ко всякимъ занятіямъ. „Не желаемъ“, — говорятъ, — „больше учиться, маршировать, честь отдавать, ружейные пріемы дѣлать и все тутъ. А ежели“, говорятъ, „заставлять станутъ — мы офицеровъ перебьемъ“. Такое настроеніе. Какъ я съ такимъ настроеніемъ выведу роты на ученья? Кто учить будетъ? Офицеровъ настоящихъ нѣтъ. Все пошли — верхи хватать.

— Ваше превосходительство, — сказалъ туркестанецъ, — Вотъ вамъ примѣръ. Надо учить гранаты метать. Офицеры и солдаты согласны этому обучаться. А гимнастикѣ не согласны. Теперь, изволите видѣть, — сами они,

какъ верблюды неуклюжіе, пальцы имъ не повинуются. Взялъ такой дядя гранату, вертѣлъ, вертѣлъ - она и разорвалась у него... Руку оторвала. Тогда и съ гранатами перестали заниматься.

— Все оттого происходитъ, если позволите мнѣ мое глупое мнѣніе сказать, — сказалъ Пастуховъ и отъ волненія его темнокрасный бугристый носъ сталъ совершенно сизымъ, — все оттого, что водки нѣтъ. Раньше бывало,— я въ Бѣлгорайскомъ полку службу началъ, — чуть что, — по — чаркѣ водки! Молодцы ребята! — и „рады стараться“, и все такое. Рота, я доложу вамъ, у меня была такая, что всѣ въ зависть входили, когда ее видали. Меня и звали — поручикъ-дьяволъ. Ей Богу — правда. А все — чарка водки. Все она милая, вдохновительница. А теперь чѣмъ его приманешь? Скажешь — спасибо — онъ и отвѣчать не хочетъ, — крикнетъ: — р-ра! а дальше и не идетъ. Голоса безъ водки нѣтъ.

Пастуховъ вдругъ сконфузился и замолчалъ.

— Ваше превосходительство, — звонко и молодо заговорилъ офицеръ ускореннаго выпуска генеральнаго штаба. — Воспитывать нужно, бесѣдовать. Когда солдатъ пойметъ все великое значеніе войны, — онъ станетъ львомъ. Когда мы строили тутъ окопы, я разсказывалъ своимъ людямъ о геройской оборонѣ французами Вердена, я чертилъ имъ форты, показывалъ рисунки — и, можете себѣ представить, мои солдаты, сами, по своему почину назвали наши укрѣпленія — фортъ Мортомм, и фортъ Верденъ, а третій фортъ маршала Фоша. Они вдохновлялись бесѣдами. Ихъ глаза горѣли и они работали съ удивительнымъ усердіемъ. Не ружейными пріемами, не гимнастикой мы покоримъ солдата, а его воспитаніемъ. А душа у него, смѣю завѣрить, удивительная. Чуткая и ко всему покорная душа.

— Я не сомнѣваюсь въ прекрасныхъ качествахъ Русской души, — сказалъ Саблинъ, — но я знаю одно, что воспитаніе, муштра, обученіе владѣнію оружіемъ и маневръ должны составлять правильный квадратъ и одно

дополнять другое, и я требую, господа, исполненія моихъ указаній.

— Не извольте безпокоиться,—суетливо заговорилъ начальникъ дивизіи.—Все будетъ исполнено. Я съ Григоріемъ Петровичемъ, — онъ кивнулъ на своего начальника штаба, — составлю расписаніице и все какъ слѣдуетъ поведемъ. Не извольте безпокоиться, все будетъ исправно.

— А вы, полковникъ,—обратился Саблинъ къ молодому командиру полка, — вѣроятно знаете, какое громадное воспитательное значеніе имѣетъ музыка и пѣніе. Похвастайтесь мнѣ своими пѣсенниками. У васъ вѣдь есть они?

— Какъ же. Въ каждой ротѣ.

— Позовите сюда самыхъ лучшихъ.

IV

Послѣ обѣда пришли пѣсенники и офицеры 819-го полка. Саблинъ вышелъ на крыльцо. Погода прояснивала. Красная полоса заката горѣла надъ недалекимъ густымъ и темнымъ лѣсомъ. Пѣсенники толпились на дворѣ гминнаго управленія. Саблинъ замѣтилъ, что это все была молодежь. Съ пѣсенниками шло нѣсколько прапорщиковъ. Три изъ нихъ привлекли вниманіе Саблина. Первый былъ красивый стройный юноша съ тонкимъ прямымъ носомъ и черными хищными глазами. Усы были сбриты и большой чувственный ротъ показывалъ бѣлые крѣпкіе зубы. Сильная воля, рѣшимость, мужество были въ каждой его ухваткѣ, въ каждомъ жестѣ. Изъ-подъ сплюснутой спереди папахи хорошаго дорогого мѣха, запрокинутой на затылокъ, выбивались на лобъ подвитою чолкою черные густые волосы. Лицо было красиво, но въ красотѣ было что-то непріятное: — отталкивало слишкомъ чувственное выраженіе рта, грубость чертъ, во всемъ обликѣ его было нѣчто жестокое, животное.

Саблинъ спросилъ у командира полка, кто этотъ прапорщикъ.

— Нѣкій Осетровъ. Сынъ богатаго извозопромышленника и кулака. Говорятъ, отецъ его конокрадствомъ зани-

мался, да, кажется, не гнушался и убійствомъ. Лихой парень. А? Красавецъ. Я бы его адъютантомъ сдѣлалъ, да уже больно крѣпколобъ и малограмотенъ. А ѣздитъ, рубитъ, стрѣляетъ — картина. Настоящій разбойникъ.

Другой, пришедшій съ хорошей большой гармоникой, былъ юнона съ круглымъ какъ блинъ широкимъ скуластымъ лицомъ и узкими монгольскими глазами. Его лицо улыбалось тупою безсмысленною улыбкой.

— А гармонистъ? — спросилъ Саблинъ.

— Гайдукъ, латышъ, тоже сынъ кулака. Онъ коммерческое училище кончалъ, да потомъ увлекся военной службой. Выпитъ можетъ бочку. Руками подковы гнетъ.

Подлѣ нихъ, оглядываясь кругомъ страстными мечтательными глазами, стоялъ третій. Тонкое, худое, блѣдное лицо съ большими синими глазами, обведенными глубокой синевой, было полно тоски. Худыя руки съ длинными пальцами были украшены перстнями и золотая браслетка болталась у запястья. Онъ былъ одѣтъ изысканно и изгибался кошачьими движеніями, словно подражая женщинѣ.

— Вотъ этотъ бѣлобрысый, что на дѣвку похожъ, — сказалъ командиръ полка, — это Шлоссбергъ, сынъ петербургскаго адвоката. По-моему онъ ненормальный, истерикъ. Но какой голосъ! Какая манера пѣть! Онъ учился въ консерваторіи и участвовалъ въ спектакляхъ. Мы ихъ зовемъ три Аякса. Неразлучны. Шлоссбергъ среди нихъ, что младенецъ среди чертей — тѣ два лихачи, ухари, кумиры солдатъ, а этотъ стихи пишетъ, рыдаетъ надъ убитымъ и... кажется, морфиноманъ.

— Да, пріятная компанія, — оглядывая ихъ, сказалъ Саблинъ. — Въ нихъ офицерскаго, кромѣ погонъ и кокардъ, ничего.

— Ничего и нѣтъ, — прохрипѣлъ Пастуховъ. — И представьте, больше половины такихъ. Хороши тѣ, что изъ корпусовъ вышли, въ нихъ манера есть, а это ломаки какіе-то.

— Командармъ смотрѣлъ ихъ, такъ офицерьемъ назвалъ, — сказалъ начальникъ дивизіи, не умѣвшій отличить фокса отъ мопса.

— Революціонные офицеры, — сказалъ полковникъ генеральнаго штаба и самъ былъ не радъ, что сказалъ, такъ остро и внимательно посмотрѣлъ на него Саблинъ, точно хотѣлъ ему проникнуть въ самую душу.

Съ хоромъ не пришли ни фельдфебель, ни старые унтеръ-офицеры. Несмотря на присутствіе начальства и командира корпуса, пѣсенники переминались, иные продолжали лущить сѣмечки и вся ватага ихъ походила на толпу разгулыныхъ деревенскихъ парней, пришедшихъ на господскій дворъ, или на компанію мастеровыхъ, но не на солдатъ. У многихъ на шинеляхъ не было погонъ, у кого обоихъ, у кого одного. Видно, отличіемъ этимъ не гордились, не щеголяли номеромъ своего полка и его именемъ.

Осетровъ распихалъ руками солдатъ по голосамъ и сталъ передъ ними. Гайдукъ съ гармоникой пристроился рядомъ, усѣвшись на большомъ чурбанѣ, нѣжный Шлоссбергъ сталъ поодаль. Осетровъ обвелъ хоръ глазами и сильнымъ, красивымъ голосомъ завелъ:

Изъ-за острова на стрѣжень,
На просторъ рѣчной волны!

Хоръ же особенно дружно подхватилъ:

Выплываютъ расписные
Стеньки Разина челны.

Много разъ слыхалъ Саблинъ эту пѣсню, давно ставшую модною въ полкахъ, но такого исполненія не слыхалъ. Оно было грубое. Въ хорѣ не было главнаго: — гармоніи. Пѣвцы не пѣли, а кричали, мало было хорошихъ голосовъ, но они ж и л и этою пѣсней, они упивались всѣмъ ея диким смысломъ и каждое слово пѣсни отражалось на ихъ лицахъ. Голосъ Осетрова звучалъ разгуломъ сладострастнаго могущества.

Мощнымъ взмахомъ поднимаетъ
Онъ красавицу княжну
И за бортъ ее бросаетъ
Въ набѣжавшую волну!

Одинаковая звѣриная усмѣшка играла на лицахъ солдатъ-пѣсенниковъ, Осетрова и Гайдука. Словно каждый изъ нихъ всей душой переживалъ торжество разгульнаго атамана и мечталъ подражать ему.

Передъ середину хора вышелъ Шлоссбергъ. Онъ поклонился передъ Саблинымъ, какъ кланяются артисты, выходя на эстраду, и сказалъ два слова Гайдуку. Шлоссбергъ устремилъ мечтательные глаза вдаль, лицо его проникло выраженіемъ глубокой скорби и не сильнымъ баритономъ хорошо поставленнаго голоса онъ началъ:

Какъ король шелъ на войну
Въ гужедальнюю страну,
Заиграли трубы мѣдныя
На потѣхи на побѣдныя!

И, сбавивъ тона и опустивъ красивую голову, Шлоссбергъ полнымъ печали голосомъ продолжалъ:

А какъ Стахъ шелъ на войну
Въ гужедальнюю страну:
Зашумѣла рожь по полюшку
На кручину, на недолюшку.
Свищутъ пули на войнѣ...
Ходитъ смерть въ дыму, въ огнѣ.
Тѣшатъ взоръ вожди отважные,
Стонутъ ратники сермяжные.
Конченъ бой. Труба гремитъ.
Съ тяжкой раной Стахъ лежитъ.
А король стезей кровавою
Возвращается со славою!..

И, едва кончилъ Шлоссбергъ, какъ Гайдукъ, протянувъ печальный аккордъ, вдругъ искривилъ свое полное лицо въ ликующую усмѣшку, весело перебралъ гармоникой и громкимъ и зычнымъ голосомъ, потрясшимъ весь дворъ, выкрикнулъ могуче, звѣрино и радостно:

Э-эхъ! Ээхъ! Ээхъ!

Эхъ, жилъ бы, да былъ бы,
Пилъ бы, да пилъ бы.
Не работалъ никогда!
Жралъ бы, игралъ бы
Былъ бы веселъ завсегда!

Хоръ подхватилъ ликующими голосами:

Жилъ бы, да былъ бы,
Пилъ бы, да пилъ бы,
Не работалъ никогда.

Два парня выскочили впередъ и, размахивая руками, стали отплясывать Русскую, отъ которой пахнуло фабричнымъ кварталомъ и иноземнымъ мателотомъ.

Горло сдавило Саблину отъ всего того, что онъ видѣлъ и слышалъ, и глухимъ голосомъ онъ сказалъ: „Господа офицеры, пожалуйте въ избу. Прапорщики Осетровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ, попрошу васъ сюда".

Хоръ затихъ. По тону голоса Саблина, по его мрачному недовольному лицу всѣ поняли, что чѣмъ-то не угодили корпусному командиру. Офицеры затопотали ногами по крыльцу гминнаго правленія, стѣснились въ дверяхъ и вошли, неловко толкаясь.

— Станьте, господа, по полкамъ, — строго сказалъ Саблинъ.

Пастуховъ сокрушенно вздыхалъ и не зналъ, куда спрятать свой красный носъ, толстякъ прерывисто громко сопѣлъ, набирая воздухъ, полковникъ генеральнаго штаба придалъ независимый видъ мокрому лицу и поправилъ небольшіе стриженые усы, начальникъ дивизіи сталъ на правомъ флангѣ, комично вытянувшись и всѣмъ видомъ своимъ говоря: — „вотъ видите, до чего вы довели! Разсердили его превосходительство. А я не виноватъ. Я старался и буду стараться. Что прикажете, то и сдѣлаю. Только прикажите!"

— Господа! — сказалъ Саблинъ и голосъ его звенѣлъ отъ негодованія. — Я запрещаю, слышите, — к а т е г о-

рически запрещаю пѣть эти и имъ подобныя пѣсни. Откуда вы набрали это все?

— Ваше превосходительство, — волнуясь, заговорилъ командиръ полка, отъ котораго были пѣсенники. — Это все очень извѣстныя народныя пѣсни и народныя частушки. Это творчество Русскаго народа...

— Такъ вотъ это творчество я вамъ и запрещаю пѣть.

— Что же тогда пѣть? — пробормоталъ удивленный полковникъ генеральнаго штаба.

— Вы что притворяетесь, что не знаете! „Полтавскій бой", „Бородино", „Что за пѣсни, вотъ такъ пѣсни распѣваетъ наша Русь", „Раздайтесь напѣвы побѣды", эти прекрасные стихи князя Касаткина-Ростовскаго... Будто вы не пѣли въ корпусѣ и училищѣ хорошихъ пѣсенъ, будто не видали пѣсенниковъ. А эту развращающую солдата грязь потрудитесь изъять изъ обращенія. И вы, ваше превосходительство, благоволите наблюсти за тѣмъ, чтобы репертуаръ вашихъ пѣсенниковъ былъ патріотическій и возвышающій душу, а не роняющій высокое имя солдата... Жралъ бы, игралъ бы! — Чортъ знаетъ, чего не придумаютъ! Какіе идеалы!

Саблинъ круто повернулся и вышелъ. Автомобиль уже былъ поданъ. Петровъ зналъ своего генерала и зналъ, что онъ ни минуты не останется тамъ, гдѣ ушелъ, не поблагодаривъ солдатъ.

Едва автомобиль завернулъ за уголъ улицы селенія, командиръ полка, отъ котораго были пѣсенники, сказалъ громко:

— Ну гусь! Настоящій гвардейскій гусь. Реакціонный генералъ. Молчать и не пущать!

— Оставьте, Михаилъ Ивановичъ, — сокрушенно сказалъ начальникъ дивизіи, — ну, въ самомъ дѣлѣ, что это за пѣсни?

— Современныя пѣсни, ваше превосходительство, — сказалъ Шлоссбергъ. — Теперешній солдатъ не станетъ пѣть той дребедени, которую назвалъ командиръ корпуса. Онъ переросъ все это. У него свои пѣсенники, свои душевные запросы и переживанія и мы, офицеры, въ тя-

желое время войны должны слѣдить за сложными изгибами его смятенной души.

— Плевицкая „Стеньку Разина“ передъ Государемъ пѣла и Государь одобрялъ, а его превосходительству не понравилось.

— Оставьте, Михаилъ Ивановичъ. Видите, мы у праздника. Тошно и безъ васъ. Извольте теперь занятія придумать, да въ жизнь провести. Онъ, вѣдь, провѣритъ. Я слыхалъ про него.

— Да какія же занятія, ваше превосходительство? Что же, вы хотите ожесточить солдатъ передъ боемъ? — сказалъ полковникъ.

— Но, господа, что-нибудь да надо дѣлать. А этихъ пѣсенъ, господа, чтобы при немъ не пѣли.

— Понимаю, — улыбаясь, сказалъ Осетровъ.

Саблинъ въ это время ѣхалъ по длинной гати въ густомъ лѣсу и пожимался, какъ отъ холода, въ теплой шинели. Тошно было у него на душѣ.

... „Жралъ бы, игралъ бы — не работалъ никогда!“ — думалъ онъ. — „Это завѣтъ солдату, присягнувшему терпѣть и холодъ и голодъ. Да присягали ли эти молодцы? Оборванные, безъ погонъ. Господи! И никто не видитъ. Надо будетъ просить смѣнить всѣхъ комадировъ. Всѣхъ долой — къ чертямъ! И офицеровъ этихъ! Пусть пришлютъ лучше унтеръ-офицеровъ, храбрыхъ да честныхъ, чѣмъ эти три Аякса — альфонсъ, сутенеръ и гермафродитъ. А хорошо поетъ, каналья, съ надрывомъ. Надо будетъ его къ Пестрецову отправить, пусть Нину Николаевну услаждаетъ. Шлоссбергъ! Да уже не жидъ-ли? Нѣтъ, не похожъ на жида. На позицію ихъ, — туда, гдѣ свищутъ пули, гдѣ ходитъ смерть въ саванѣ, гдѣ лица серьезныя и скорбныя, глаза, откуда глядится безсмертная душа! Посмотрю, что будетъ тамъ! А тамъ частою смѣною воспитаю солдатъ и въ самомъ бою. Иначе мы погибли. Господи!“, съ мольбою подумалъ Саблинъ — „намъ надо наступленіе, горячіе бои, побѣда, или... или миръ“.

Иначе мы погибли.

V

Маленькій, рыжій, кривоногій Давыдовъ, начальникъ штаба корпуса, тронулъ шоффера и сказалъ Саблину: — надо остановиться. Дальше ѣхать нельзя.

Все говорило кругомъ, что они подъѣхали къ той роковой полосѣ, гдѣ кончается мирная и беззаботная жизнь и начинается царство смерти. Въ туманномъ воздухѣ ранняго осенняго утра точно застыла глубокая тишина. Тамъ, откуда они выѣхали полчаса тому назадъ, еще въ темнотѣ, были жизнь и движеніе. Кто-то пѣлъ заунывно, тачая сапоги, кто-то хрипло ругался и по деревнѣ пѣли пѣтухи и басомъ, по-осеннему, лаяли собаки. Здѣсь все вымерло. Деревня стояла пустая. Избушки съ разбитыми окнами и снятыми съ петель дверями смотрѣли точно покойники съ провалившимися глазами. Онѣ прерывались пожарищами. Лежали груды пепла и торчали печальныя березы съ черными обугливщимися вѣтвями. Большое зданіе, не то школы, не то управленія, было безъ оконъ и крыльцо было разобрано на дрова. Подлѣ него, чуть поднимаясь надъ землею, была большая землянка съ насыпанною на потолкѣ на аршинъ землею.

— Что, хватаетъ развѣ? — спросилъ Саблинъ начальника штаба, глядя на землянку, и тотъ сразу понялъ, о чемъ онъ говоритъ.

— Теперь нѣтъ. А раньше хваталъ. Аэропланами одолѣваетъ. Больше отъ нихъ прячемся.

— Здѣсь кто же?

— Резервная рота. Зайдете?

— На обратномъ пути, если успѣю.

Такъ было тихо кругомъ, что не вѣрилось, чтобы въ земляпкахъ могли быть люди.

— Спятъ, должно быть, — сказалъ Давыдовъ. — Ночью то боятся. Все газовъ ждутъ. Пойдемте, ваше превосходительство, тутъ версты полторы пѣшкомъ идти придется.

За краемъ деревни шла на западъ прямая, давно неѣзженная дорога. Вѣтеръ и дожди сравняли ея колеи. Бу-

рая трава поросла по ней. Кругомъ были пустыри, необработанныя и несятыя поля, побитыя осенними морозами, комья черной земли, частыя черныя воронки, затянутыя водою, кое-гдѣ возвышался едва замѣтный холмикъ земли и крестъ изъ двухъ палокъ, безъ надписи, безъ имени.

— Слѣды августовскихъ и сентябрьскихъ боевъ, — сказалъ Давыдовъ. — Этакое сумасшествіе было такъ наступать. Положилъ тутъ народу II-скій армейскій корпусъ! Мы пришли почти мѣсяцъ спустя, покойнички еще валялись. Хоронили, какъ могли. Вѣдь это болото. Окопаться невозможно. Вода. А видите, сколько воронокъ крутомъ дороги. Все инстинктивно сдавилось на дорогу. А онъ тяжелой артиллеріей билъ.

Дорога спустилась къ мосту черезъ широкую канаву, потомъ стала медленно подниматься на песчаные бугры.

— Вотъ и деревня Шпелеври, — сказалъ Давыдовъ, показывая на пустое мѣсто.

— Гдѣ? — спросилъ Саблинъ, не увидѣвшій никакого признака деревни.

— Здѣсь. Ее всю растащили по окопамъ. Тамъ каждая доска, каждый кирпичъ дороги. Вѣдь, сюда не подвезешь. Пожалуйте сюда.

Среди песковъ, кое-гдѣ поросшихъ голыми кустами тальника, торчалъ изъ земли косой сѣрый дрючокъ и къ нему была прибита доска. На ней чернильнымъ карандашомъ крупно было написано: „участокъ 812-го полка“. Подлѣ этого мѣста начиналась постепенно углублявшаяся въ песокъ канава — ходъ сообщенія къ окопамъ. Саблинъ, а за нимъ Давыдовъ вошли въ него и было время — съ сильнымъ свистомъ и клокотаніемъ пролетѣлъ снарядъ и тамъ! разорвалась бѣлымъ дымкомъ германская шрапнель и свистнули гдѣ-то сзади и вверху пули.

— Видитъ, — сказалъ Давыдовъ. — Препротивное, знаете, чувство. Идешь. Пустыня, а кто-то на тебя смотритъ, примѣчаетъ, видитъ. У нихъ этотъ входъ съ шара отмѣченъ и виденъ.

Привязной шаръ, длинной сѣрой колбасой, висѣлъ да-

леко подъ горизонтомъ. Горизонтъ упирался въ пески. Саблинъ и Давыдовъ все больше уходили подъ землю и скоро шли въ канавѣ глубже ихъ роста и только тусклое сѣрое осеннее небо было видно надъ ними. Канава съ осыпающимися песчаными боками смѣнилась плетенкой изъ ивы, прикрывшей бока, стало пахнуть землею, сыростью и человѣческими отбросами.

— Да, — сокрушенно говорилъ Давыдовъ, то и дѣло переступая черезъ слѣды нарушенія порядка службы въ окопахъ, — не понимаетъ нашъ солдатъ своей пользы и не соблюдаетъ чистоты. Ему все равно гдѣ, лишь бы его видно не было, а тамъ хотя на парадномъ крыльцѣ и замѣтьте — это лучшій полкъ. Свиньи, прямо свиньи. Въ австрійскихъ, или германскихъ окопахъ я ничего подобнаго не видалъ.

— А устроены ли у васъ хорошо... мѣста? — спросилъ Саблинъ.

— Ну не такъ, чтобы очень.

— Въ этомъ весь секретъ. Не браните мнѣ, Сергѣй Петровичъ, Русскаго народа. Мы, начальники, виноваты. Если онъ скотъ, то мы должны быть пастухами при этомъ скотѣ и учить его уму-разуму, а то мы хотимъ сами учиться у этого скота. Народъ-богоносецъ! Жралъ-бы — игралъ-бы, не работалъ никогда!..

Они прошли уже около полуверсты по ходу сообщенія, который то шелъ прямо, то дѣлалъ изгибъ, или огибалъ траверсы. Наконецъ, ходъ уперся въ поперечный ходъ, въ стѣнахъ изъ плетня были прибиты доски и на нихъ чернилами, печатными буквами, было написано, направо — „на фортъ Мортомъ“, налѣво — „на фортъ Верденъ“. Вдоль ходовъ была сдѣлана ступенька и самый ходъ былъ приспособленъ для стрѣльбы.

— Куда желаете? На Мортомѣ 13-ая рота — это укрѣпленіе, передѣланное изъ австрійскаго форта, — оно ближайшее къ непріятелю. Оттуда весь Любартовъ, какъ на ладони виденъ. Простымъ глазомъ видно, какъ нѣмцы ходятъ, оттуда можно пройти и за рѣку, на нашъ плацъ-д'армъ. Жаркое мѣсто, а бригаду съѣдаетъ.

Саблинъ повернулъ направо. Чаще стали попадаться отвѣтвленія и доски съ надписями: „Вода“, „на кухню 13-й роты 812-го полка“. „Къ командиру полка“. — У этого отвѣтвленія на ходу сообщенія появилась высокая фигура, затянутая въ солдатскую шинель. „Значитъ“, подумалъ Саблинъ, „и тутъ кто-то слѣдилъ невидимо за нами и кто-то далъ знать о нашемъ приходѣ. Это хорошо“. Худощавый подполковникъ съ узкимъ лицомъ, безъ усовъ и бороды, подходилъ къ Саблину, держа руку у края папахи. Сзади него шелъ солдатъ съ винтовкой въ рукахъ. Это былъ командиръ полка, подполковникъ Козловъ.

Онъ отрапортовалъ Саблину и спокойно и вѣжливо сказалъ ему:

— Ваше превосходительство, пустить васъ въ передовую линію не могу и долженъ просить васъ вернуться обратно или обождать, пока не принесутъ противогазы. Желѣзкинъ, — обернулся онъ къ солдату, — сбѣгай въ цейхгаузъ и принеси два противогаза.

Саблинъ покраснѣлъ, но промолчалъ и укоризненно посмотрѣлъ на Давыдова.

— Вы правы, полковникъ, — сказалъ онъ. — Я обожду. А у васъ запасъ есть?

— 20 процентовъ, согласно приказа, держу. Нашъ солдатъ не опрятенъ и не бережливъ. Пока самъ газа не испытаетъ, не пойметъ, что противогазъ такъ же нуженъ, какъ ружье и лопата. Старый солдатъ ружье уважалъ, а нынѣшній и къ нему равнодушенъ.

— Вы давно на службѣ?

— Юнкеромъ рядового званія съ 1906 года.

— А гдѣ служили?

— Все время въ Зарайскомъ пѣхотномъ полку.

— Тамъ получили и георгіевскій крестъ? . . .

— Такъ точно. За штурмъ укрѣпленной позиціи у посада Новый Корчинъ.

— Я слыхалъ про это дѣло. Чистое дѣло.

— Солдатъ былъ другой, ваше превосходительство,— съ тѣмъ солдатомъ и не такія дѣла можно было дѣлать.

Саблинъ смотрѣлъ въ лицо Козлова и чѣмъ больше

вглядывался въ его печальные сине-сѣрые глаза, тѣмъ болѣе оно ему нравилось. Въ немъ отражалась тоска и сильная душевная мука, такъ знакомая Саблину по личнымъ переживаніямъ. Мука не о себѣ, не о своемъ, а объ общемъ, государственномъ, о Россійскомъ.

Желѣзкинъ принесъ противогазы.

— На фортъ Мортоммъ? Къ тринадцатой ротѣ? — спросилъ Козловъ. Саблинъ отвѣтилъ утвердительно. Онъ пошелъ впереди, за нимъ Козловъ. Ходъ сообщенія сейчасъ же уперся въ отлично отдѣланное укрѣпленіе. Двѣ ступеньки вели къ банкету. На банкетѣ, тянувшемся шаговъ на триста и разсчитанномъ на роту, былъ одинъ человѣкъ —часовой. Онъ стоялъ, опершись локтями о край бруствера, и внимательно смотрѣлъ въ бойницу. Это былъ такой же молодой солдатъ, какихъ видѣлъ Саблинъ среди нѣсенниковъ, но волосы у него были острижены подъ гребенку, папаха надѣта слегка на правый бокъ, шинель пригнана, на погонахъ защитнаго цвѣта, аккуратно, по трафарету, былъ напечатанъ номеръ полка. Патронныя сумки, противогазъ и ручная граната были пригнаны, ремень стягивалъ талію, часовой производилъ впечатлѣніе солдата. Саблинъ поднялся на банкетъ и сталъ у бойницы рядомъ съ часовымъ. Часовой не шелохнулся. Мѣстность полого спускалась къ неширокой рѣкѣ, поросшей по берегамъ потемнѣвшими камышами. Въ тридцати шагахъ отъ укрѣпленія частымъ переплетомъ въ восемь рядовъ толстыхъ кольевъ шло проволочное загражденіе, еще дальше, шагахъ въ шестидесяти тянулась вторая полоса проволоки. Отъ нашихъ укрѣпленій до рѣки былъ только песокъ, изрытый снарядами и поросшій мѣстами сухою травой. За рѣкою берегъ круто поднимался и по немъ лѣпились домики. Нѣсколько поодаль отъ селенія, въ чащѣ темнаго сада безъ листьевъ, просвѣчивалъ двухъэтажный бѣлый господскій домъ. Никого не было видно на томъ берегу. Казалось, селеніе вымерло. Не вѣрилось, что тамъ сосредоточенъ цѣлый полкъ германской пѣхоты. Саблинъ взялъ бинокль. Въ бинокль чуть намѣтились узкія полоски окоповъ и ходовъ сообщенія. Два человѣка вышли изъ деревни и пошли по дорогѣ

вдоль рѣки и странно было думать, что это непріятель, что имъ нельзя закричать, замахать платкомъ, но можно поставить прицѣлъ, выстрѣлить и убить. Они прошли по дорогѣ, свернули отъ рѣки и пошли отъ окоповъ. До нихъ было меньше версты.

— Не стрѣляете? — спросилъ Саблинъ.

— Нѣтъ. Ни къ чему, — отвѣчалъ Козловъ. — Даромъ тратишь патроны. И они не стрѣляютъ. Тутъ вѣдь нѣмцы, а не австрійцы. Другой разъ два, три дня такая тишина стоитъ, что можно подумать, что они ушли.

— Что видалъ? — спросилъ Саблинъ часового.

— Тихо, — отвѣчалъ тотъ. — А вчора ночью музыка у него играла, чудно. Темно все, зги не видать. И музыка играетъ, печально такъ. Праздникъ что ли какой у него.

— А кто командуетъ ротой? — спросилъ, спускаясь съ банкета, Саблинъ.

— Капитанъ Верцинскій.

Саблину показалось, что онъ гдѣ-то слышалъ эту фамилію.

— Что за человѣкъ?

— Онъ сумасшедшій, ваше превосходительство.

— Какъ же вы держите такого?

— Тутъ такія обстоятельства, что онъ намъ еще и нуженъ. Когда Н-скій корпусъ бралъ эти укрѣпленія у австрійцевъ, на этомъ самомъ фортѣ произошла не совсѣмъ обычная, даже и на войнѣ, драма. Въ блиндажѣ ротнаго командира роскошно, кстати сказать, обставленномъ, было найдено два трупа. На широкой, пружинной кровати, принесенной изъ господскаго дома, среди обстановки изящной спальни, лежалъ молодой венгерскій офицеръ и рядомъ съ нимъ молодая женщина. По обстановкѣ можно было догадаться, что офицеръ застрѣлилъ женщину, а потомъ застрѣлился самъ. Кровь и мозги изъ раздробленныхъ череповъ забрызгали стѣны, обитыя досками. На войнѣ не привыкать къ трупамъ. Часто приходится сутками лежать среди убитыхъ, и солдатъ нашъ не брезгливъ къ нимъ, но почему-то эти произвели особенно тяжелое впечатлѣніе, и создалась легенда, что ночью въ

окопѣ слышны стоны, что пытались соскоблить кровь съ досокъ, а она снова проступала еще болѣе яркими пятнами. что снимали со стѣны ея портретъ, а онъ появился снова, что ночью кто-то ходитъ по блиндажу. Словомъ — бѣсовское мѣсто. Никто не соглашался жить въ блиндажѣ, несмотря на всю роскошь его обстановки. Блиндажа чурались и на самомъ фортѣ создалось тревожное настроеніе. Спереди непріятель, а сзади бѣсовскія силы — согласитесь, что увѣренности въ томъ, что при такихъ условіяхъ удержать фортъ, у полкового командира быть не можетъ. Вотъ тутъ мнѣ Верцинскій и пригодился. Онъ ни въ Бога, ни въ чорта не вѣритъ, завалился на этой самой кровати, накрылся одѣяломъ съ пятнами крови и хоть бы что. А солдатъ это ободрило. Онъ георгіевскій кавалеръ, хотя и говоритъ, что по недоразумѣнію, ну да, кто его знаетъ. Говорятъ, у Костюхновки прорывъ позиціи сдѣлала этою весною его рота — ну, значитъ, ему и книги въ руки. Роту его держитъ въ полномъ порядкѣ подпоручикъ Ермоловъ, дивный юноша.

— Интересный должно быть типъ этотъ Верцинскій, — сказалъ Саблинъ.

— А вотъ мы и у него.

Окопъ четырьмя ступенями спускался внизъ на площадку, обращенную къ непріятелю. На ней, какъ колонны, стояли большія бревна, поддерживавшія тяжелый потолокъ изъ накатника, накрытаго на сажень землею и бревнами. Въ глубинѣ навѣса виднѣлась дверь и два окна. Въ окна мерцалъ красный огонекъ свѣчи. Саблинъ открылъ дверь и странное зрѣлище представилось ему.

VI

Комната, куда вошелъ Саблинъ, походила болѣе на пещеру, чѣмъ на комнату. Вышиною около четырехъ аршинъ, она имѣла приблизительно столько же въ глубину и ширину. Большую часть ея занимала кровать, стоявшая въ нишѣ и безпорядочно накрытая смятымъ, пестрымъ тряпьемъ. Прямо противъ двери былъ письменный столъ

и подлѣ него два большихъ глубокихъ кресла. Съ одного, при ихъ входѣ, медленно поднялся худощавый человѣкъ средняго роста. На немъ, какъ халатъ, висѣла смятая солдатская шинель безъ клапана. Лицо его было освѣщено снизу свѣчою, бросавшею на него бѣглыя тѣни. Оно было болѣзненно худощаво, изрыто глубокими морщинами и поросло неопрятною клочковатою бородою. Бѣлесые глаза его напомнили Саблину глаза Распутина. Но въ нихъ не было той зоркости, которая отличала глаза Распутина, напротивъ, вѣки растерянно мигали и онъ словно не понималъ, кто пришелъ къ нему и не зналъ, что ему дѣлать.

— Капитанъ Верцинскій, — сказалъ Козловъ, — рапортуйте же. Его превосходительство, новый корпусный командиръ у насъ.

Фигура пошатнулась, медленно выдвинулась изъ-за стола, подошла къ Саблину и стала въ тусклый свѣтъ растворенной двери. Но вмѣсто рапорта, капитанъ Верцинскій проговорилъ:

— Казиміръ Казиміровичъ Верцинскій — и протянулъ большую вялую руку.

Саблинъ невольно принялъ ее и вглядѣлся въ лицо Верцинскаго. Что то знакомое показалось ему въ сѣдыхъ волосахъ, жидкими прядями висѣвшихъ вдоль высохшаго черепа, въ остромъ лицѣ, откуда со злобною скукою смотрѣли свѣтлые глаза.

— Мы съ вами нигдѣ раньше не встрѣчались? — спросилъ Саблинъ.

— Какъ же! — и нѣчто похожее на улыбку скривило лицо Верцинскаго. — Лѣтъ двадцать тому назадъ у товарища Мартовой.

Краска бросилась въ лицо Саблину. Ему показалось, что этотъ страшный человѣкъ сейчасъ дотронется до самаго больного мѣста его воспоминаній.

— Помните гимназиста съ бѣлыми волосами, напавшаго на васъ за вашъ милитаризмъ. Вы-то тогда и вниманія на меня не обратили. Фамиліей моей не поинтересовались. Вашъ интересъ тогдашній былъ намъ ясенъ.

Ну, а я то къ вамъ очень присматривался. Другой планеты человѣкъ.

Какъ-то сразу этотъ человѣкъ себя такъ поставилъ, что рушили перегородки дисциплины и чинопочитанія и не было блестящаго свитскаго генерала, командира корпуса и захудалаго израненнаго капитана изъ штатскихъ чиновниковъ, но были два человѣка, связанные общею тайною.

— Текущая война васъ, вѣроятно, совершенно излѣчила отъ вашихъ антимилитаристическихъ заблужденій, — сухо сказалъ Саблинъ, собираясь выйти и кончить разговоръ, начавшій странно его волновать, какъ нѣкогда волновали споры на вечеринкахъ у Вари Мартовой.

— Совсѣмъ даже напротивъ. Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь въ правотѣ нашихъ мнѣній и въ вашихъ заблужденіяхъ. Именно война поставила тотъ штрихъ на нашемъ ученіи, котораго намъ недоставало.

— Мы объ этомъ съ вами когда-нибудь на досугѣ побесѣдуемъ, — торопясь къ выходу, сказалъ Саблинъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ. Милости просимъ сюда какъ-нибудь ночью. Здѣсь очень хорошо. Тихо, какъ въ могилѣ. Иногда проносятся надъ головою его „чемоданы“. Онъ вѣдь это мѣсто знаетъ. Точно поѣздъ гудитъ надъ головой. Куда-то плетется! Какого идіота русачка обратитъ въ ленешку за вѣру, царя и отечество. Приходите, милости просимъ.

Было что-то жуткое въ его пригласительномъ жестѣ, которымъ онъ, одновременно приглашая Саблина, запахивалъ полы своей шинели.

Онъ не пошелъ провожать Саблина по своему форту, онъ не считалъ это нужнымъ. Вмѣсто него у дверей вырось славный веселый юнона съ розовымъ безусымъ лицомъ, и четко отчеканивая каждое слово, отрапортовалъ: „ваше превосходительство на фортуМортоммъ 13-й роты 312-го пѣхотнаго Морочненскаго полка, офицеровъ 2, рядовыхъ 112; со стороны непріятеля ничего не замѣчено“.

Саблинъ подалъ ему руку. Офицеръ поклонился и отчетливо представился: — подпоручикъ Ермоловъ.

— Вы изъ какихъ Ермоловыхъ?

— Мой отецъ помѣщикъ Ставропольской губерніи.

— Давно на фронтѣ?

— Четвертый мѣсяцъ.

Рота уже была имъ разбужена и стояла на нижней ступенькѣ блиндажа. Молодыя и старыя лица внимательно смотрѣли на Саблина и въ нихъ была осмысленность и пониманіе обстановки.

— Что же вы дѣлаете, чтобы люди не скучали?

— На балалайкахъ играемъ. Намъ изъ „Земгора“ балалайки подарили, пѣсни поемъ, читаемъ, вотъ книгъ мало, а просилъ прислать — прислали все неподходящее. Имъ читать нельзя. Брошюры разныя, да еще Горькаго сочиненія, Андреева — совсѣмъ нельзя имъ читать. Надо бы бодрое что. Мы не скучаемъ.

Саблинъ кончалъ обходъ форта. Доска на краю его указывала путь къ 14-й ротѣ, на фортъ маршала Фоша.

— Пойдемте, — сказалъ онъ Козлову. — До свиданія, милый поручикъ. Храни васъ Господь!

Саблину хотѣлось перекрестить и поцѣловать этого юношу, такъ непохожаго на видѣнныхъ имъ въ тылу трехъ Аяксовъ.

— Славный, славный офицеръ, — говорилъ сзади него Козловъ. — Вся рота на немъ.

— Такъ для чего же вы этого сумасшедшаго-то держите?

— Нельзя безъ него. Для авторитета. Вѣдь Ермоловъ мальчикъ. Иной разъ заколеблется рота, онъ юркнетъ къ Верцинскому, помолчитъ съ нимъ полчаса и выйдетъ къ ротѣ: — „ничего не подѣлаешь“, говоритъ, „командиръ роты такъ приказалъ. Злющій, презлющій сидитъ“. Ну и смирятся. Верцинскій-то имъ не понятенъ, что у него на умѣ. Съ чертями знается. Ну и боятся его. Политика, ваше превосходительство, стала нужна, вотъ что худо. Солдатъ не тотъ и офицеръ новый. Вотъ и 14-ая рота.

Худощавый чернобородый капитанъ подходилъ къ Саблину съ рапортомъ.

VII

Саблина тянуло къ Верцинскому на его страшный фортъ Мортоммъ, въ его блиндажъ-землянку, полную кровавыхъ воспоминаній и привидѣній, и именно ночью тянуло, одного. Это тоже было своего рода сумасшествіе ѣздить по ночамъ на позицію одному, безъ Давыдова и адъютанта. Онъ доѣзжалъ на автомобилѣ съ потушенными огнями почти до самаго Шпелеври. Здѣсь онъ выходилъ и говорилъ шоффферу: — „подать утромъ въ Бережницу, къ резервной ротѣ“, и шелъ въ окопы. Ночью окопы жили. Пахло по ходамъ сообщенія щами и солдатомъ и вдоль окопа по бойницамъ стояли и сидѣли люди. Часто били пушки. На той сторонѣ вспыхивали ракеты и оттуда чудился гомонъ людей. Потомъ вдругъ стихало и изъ далекаго тыла слышался быстро приближающійся тяжелый рокотъ большого снаряда. Казалось, что было видно, какъ онъ летѣлъ. Вдругъ гдѣ-нибудь совсѣмъ неожиданно и не тамъ, гдѣ думали, зашуршитъ и завизжитъ воздухъ, вспыхнетъ, все освѣщая, яркое пламя, раздастся страшный оглушающій грохотъ и завоютъ осколки, разлетаясь кругомъ. Потомъ наступитъ мучительная тишина. Ухо прислушивается, не слышно ли стоновъ, не кричитъ ли кто жуткимъ голосомъ „носилки!“ Пахнетъ какою-то химіей. Не порохомъ, но ѣдкимъ запахомъ кислоты. Тихо все. Потомъ раздастся чей-то голосъ — „куда попало?“ И послышится отвѣтъ: — „немного не дохватило до командирской землянки“.

Послѣ этого царитъ жуткая тишина. Солдаты боятся сидѣть въ земляпкахъ и жмутся подлѣ брустверовъ и траверсовъ. Кто-нибудь тихо вздохнетъ и скажетъ задумчиво: — „такъ-то вотъ Павлиновскіе сидѣли въ землянкѣ, а оно ударило. Не то восемь, не то шестнадцать человѣкъ положило. И не нашли“.

И больше всего смущало людей то, что были люди и ничего не осталось, чтобы похоронить.

Ночью мерещились газы. Особливо подъ утро. Вдругъ гдѣ-то на флангѣ печально зазвонитъ чугунная доска, за-

вторитъ другая, раздадутся выстрѣлы и люди тревожно хватаются за маски и начинаютъ надѣвать ихъ, и кажутся уже не солдатами, а страшными демонами, ходящими подъ землей. Выбѣжитъ впередъ химическая команда, пойдутъ тяжелыя минуты. Шибко бьется сердце и не знаешь, почему оно бьется, потому ли, что волненіе охватило, или это уже газъ начинаетъ отравлять. Сквозь мутныя очки противогаза все кажется необычнымъ и чудятся у кольевъ какія-то темныя фигуры.

— Снимай маски! Никакихъ газовъ!

Ложная тревога. Туманъ поднялся съ рѣки. Скоро разсвѣтъ.

Утромъ по всему фронту поднимается пальба. Грохочутъ пушки и въ блѣдной синевѣ неба часто бѣлыми зайчиками, цѣлыми стайками рвутся шрапнели. Летятъ аэропланы. Одинъ, другой, третій, четвертый, пятый. Къ грохоту нашихъ пушекъ начинаютъ примѣшиваться тяжелые глухіе удары отъ взрывовъ большихъ бомбъ, бросаемыхъ съ аэроплановъ. Теперь и брустверa и траверсы не спасутъ. Все прячется по землянкамъ, подъ блиндажи и только часовые стоятъ у брустверовъ, смотрятъ впередъ и творятъ молитву.

Часамъ къ восьми, когда окончательно разсвѣтетъ, все стихаетъ. Въ земляпкахъ крѣпко спитъ наволновавшійся за ночь народъ, гуще становится воздухъ и душнѣе въ темныхъ норахъ. Кто-нибудь откроетъ дверь и свѣжій осенній воздухъ остановится, не дерзая войти въ землянку. Густой паръ повалитъ изъ нея и еще крѣпче заснутъ люди, наполняя окопъ переливами густого могучаго храпа. „Эхъ — ихъ!“ — скажетъ часовой и славно зѣвнетъ и потянется.

Эта тревога ночью, игра на жизнь и смерть, на случайное попаданіе снаряда въ землянку развлекали Саблина. Пребываніе ночью въ одной обстановкѣ тревоги съ солдатами давало ему оправданіе передъ совѣстью за Карнова, за все то, что онъ сдѣлалъ, какъ начальникъ. Оно оправдывало его генеральскіе погоны и давало ему право приказывать и диктовать свою волю солдатамъ. Козловъ, чернобородый капитанъ, Ермоловъ и ихъ солдаты привыкли къ

мому и называли Саблина почтительно — папъ генералъ. Онъ въ ихъ понятіи выдвинулся, выросъ надъ цѣлыми десятками другихъ генераловъ, ему вѣрили, его любили.

Наверху, напротивъ, его осуждали. Давыдовъ и начальники дивизіи усматривали въ этомъ упрекъ себѣ, а сами не хотѣли ни рисковать ночными сидѣніями, ни лишать себя комфортабельнаго сна по избамъ. И опять, какъ тогда, когда, корнетомъ, Саблинъ началъ дѣлать именно свое дѣло, про него говорили, что онъ выслуживается, что онъ не въ мѣру старается, такъ и теперь считали, что это только битье на популярность, исканіе извѣстности. „Въ Скобелева играетъ!“ — „Карьеристъ,“ говорили про Саблина.

Но кромѣ острыхъ впечатлѣній непосредственной близости къ непріятелю, Саблина тянуло на фортъ Мортомъ еще щекочущее нервы ощущеніе бесѣды съ Верцинскимъ. Онъ зашелъ къ нему первый разъ, какъ бы случайно, въ отвѣтъ на его приглашеніе, усматривая въ немъ вызовъ своей храбрости и желая показать бѣдному гимназисту въ синемъ мундирѣ съ истертыми до желтизны бѣлыми пуговицами, что корнетъ Саблинъ ничего не боится. Ему хотѣлось показать свое превосходство и право надъ лѣвымъ и только, но разговоръ увлекъ его и взволновалъ.

VIII

Въ землянкѣ такъ же, какъ днемъ, горѣла одинокая свѣча. Въ шубкомъ креслѣ, устремивъ бѣлые глаза на постель и на темныя пятна на дощатой стѣнѣ, выше которыхъ висѣла большая фотографическая карточка красивой брюнетки въ бальномъ платьѣ съ локонами надъ ушами, передъ желѣзной кружкой, на столѣ подлѣ книги, все въ той же шинели, похожей на халатъ, сидѣлъ Верцинскій. Онъ посмотрѣлъ на входившаго Саблина и лицо его не выразило удивленія. Онъ нехотя приподнялся и, вмѣсто рапорта и титулованія, просто сказалъ:

— Хотите чаю? Въ чайникѣ есть, еще горячій.

Саблинъ отказался и молча сѣлъ въ кресло сбоку Верцинскаго, лицомъ къ двери. Онъ только что простился съ провожавшими его командиромъ полка и подпоручикомъ Ермоловымъ. Онъ сказалъ Козлову, что хочетъ поближе испытать, насколько ненормаленъ Верцинскій, его знакомый съ ранней юности.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Пламя свѣчи, заметавшееся было, когда открывали дверь, успокоилось и горѣло ровнымъ красножелтымъ языкомъ. Глаза Саблина уже привыкали къ темнотѣ и онъ разбиралъ темныя пятна крови на серебристо-сѣромъ шелковомъ стеганомъ одѣялѣ и на доскахъ землянки лѣвѣе портрета. Онъ посмотрѣлъ на портретъ. Венгерка была богато одѣта, съ обнаженными плечами, красивыя полныя руки были украшены браслетами.

— Какъ вы думаете, кто была она? Невѣста, неудачно пріѣхавшая навѣстить жениха и попавшая въ моментъ штурма, жена, любовница, или просто искательница приключеній, пріѣхавшая утѣшить своего прежняго любовника?—спросилъ Верцинскій, поймавъ взглядъ Саблина.

Саблинъ не отвѣчалъ.

— Во всякомъ случаѣ, можно сказать, попала не кстати.

— Какъ она такъ попалась? — спросилъ Саблинъ.

— Наши прорвали фронтъ верстахъ въ десяти лѣвѣе. Венгерцы ничего не знали. Въ прорывъ бросились Забайкальскіе казаки. Началась паника. Всѣ сдались. Кто знаетъ, что тутъ было. Побоялся ли онъ, что ее замучаютъ казаки по праву побѣдителей, или, можетъ быть, никто не долженъ былъ знать, что она была у него, но только онъ застрѣлилъ ее, а потомъ и себя прикончилъ.

— Я понимаю его.

— Ну, еще бы, — многозначительно сказалъ Верцинскій и цинично хихикнулъ.

Саблина передернуло.

— Почему вы такъ сказали?

— Какъ такъ?

— Нехорошо.

— Ахъ нѣтъ. Вотъ это напрасно. Въ этомъ дѣлѣ я всегда былъ, есть и буду на вашей сторонѣ, вы поступили по праву.

— О какомъ дѣлѣ вы говорите? — холодѣя, сказалъ Саблинъ.

— О товарищѣ Маріи Любовиной.

— Что вы знаете? — притворно небрежно проговорилъ Саблинъ.

— Мнѣ везетъ на любовныя исторіи. Можетъ быть потому, что я на нихъ неспособенъ. Я товарища Коржикова, и все знаю. Мнѣ же пришлось наблюдать драму хорунжаго Карпова. Чудакъ влюбился въ лазаретѣ въ великую княжну Татьяну Николаевну и погибъ съ ея именемъ на устахъ, на Костюховкѣ. Онъ погибъ, а я ношу георгіевскій крестъ, который мнѣ совсѣмъ не къ лицу и на который я не имѣю никакого права... Такова справедливость. Теперь мой „комполка“ Козловъ, идеальнѣйшая личность, старается, тянется, но влюбленъ въ свою жену и, замѣтьте, у меня есть всѣ данныя, что она ему измѣняетъ съ какимъ-то шалопаемъ, за его счетъ срывающимъ цвѣты удовольствія. И опять, замѣтьте, — любовь всегда такова, кто любитъ, тотъ и наказанъ. Не отдавайся безавѣтно этому чувству. Но вы-то не виноваты, повторяю вамъ. Вы не любили. Вы рвали цвѣты удовольствія и вы были правы. Тутъ была тактическая ошибка, и такъ ли, этакъ ли, товарищъ Любовина должна была погибнуть. Если бы она не умерла, можетъ быть, намъ пришлось бы ее ликвидировать.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ Саблинъ, чувствуя, что какая-то страшная сила тянетъ его остаться, бередить раны и узнавать то, чего не нужно.

— Обстановка-то какая, — хихикая сказалъ Верцинскій. — Любовь и смерть. Ложе, гдѣ сплетались въ сладострастныхъ изгибахъ любви два молодыхъ и сильныхъ тѣла, и кровь, и мозги, и вся грязь, и непристойность смерти. Впрочемъ, и любовь, если посмотрѣть на нее философически холодно, — тоже только грязь и непристойность. Одно не лучше другого.

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы пояснили свои загадочныя слова относительно Маріи Михайловны Любовиной, — настойчиво сказалъ Саблинъ.

— Извольте... Но раньше дайте и мнѣ немножко позабавиться... Обстановка меня захватываетъ. Черноокая красавица изъ пятенъ крови и мозговъ подмигиваетъ намъ, — вы, — все еще красавецъ, про васъ сказали какъ-то солдаты: — ангелъ небесный — и я... Я! Мефистофель! Чортъ, дьяволъ, исчадіе сатаны. Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

Верцинскій засмѣялся, и его морщинистое лицо искривилось. Ротъ открылся, рѣдкіе гнилые зубы торчали изъ него. Саблину страшенъ сталъ его смѣхъ. „Чего я съ нимъ сижу?“ — подумалъ онъ. — „Сумасшедшій“. Но сумасшедшій этотъ зналъ тайну, унесенную въ могилу Марусей, и Саблинъ хотѣлъ открыть и узнать ея тайну.

— Вы знаете, что такое партія?—спросилъ вдругъ Верцинскій и лицо его стало серьезно. — Я-то не принадлежу ни къ какой партіи. Я, дорогой мой, выше всего этого. Я — Діогенъ въ капитанскомъ чинѣ. А? „Его благородіе Діогенъ“. — Ловко? Діогенъ, командующій ротой. О масонахъ, поди, тоже слыхали? Эхъ! Всѣ вы что-то слыхали, никто толкомъ не знаетъ, и всѣ трепещутъ, ибо — тайна. Въ древности былъ храмъ и въ храмѣ былъ алтарь, занавѣшенный тяжелой занавѣсью. Жрецы молились и кланялись и приходили толпы вѣрующихъ и обожающихъ только потому, что никто не зналъ, что за занавѣсью. Нашелся дерзновенный, подкрался ночью, усыпилъ стражу, отдернулъ занавѣсъ и заглянулъ туда. И тамъ ничего не было. Пыль, мусоръ, паутина, затхлость. И этому молились! Люди прожили 20 вѣковъ, а умнѣе не стали. Желѣзная маска! ахъ, какъ интересно! Масоны! Сіонскіе протоколы, Агасферъ, Люциферъ, Бафометъ, Адонирамъ! Боже, что за прелесть!! Гюисманъ, Черная месса, Розенкрейцеры, рыцари Кадошъ, таинства посвященія, всемірный заговоръ, символы, таинственные знаки, пятиконечная звѣзда! Липнемъ отъ волненія, руки холодѣютъ отъ любопытства. Знать бы! А знать нельзя.

Если узнаете, то выйдетъ: пыль, мусоръ и нечистоты. И всякій знаетъ, что такъ оно и есть, но сознаться боится.

Саблину показалось, что Верцинскій потерялъ нить разговора и онъ напомнилъ ему.

— Какое же отношеніе имѣетъ все то, что вы говорите, къ Любовницей?

— Гмъ... Да. Математически, какъ безконечно большая величина къ величинѣ безконечно малой. Но, чтобы вычислить эту малую, мы должны заняться большой. Итакъ, слушайте, я набросаю вамъ маленькими штрихами эволюцію нѣкоторой партіи, какъ образчикъ людского тупоумія. Здѣсь это умѣстно. Ну, чѣмъ не храмъ у меня?! Посмотрите на постель. А одѣяло: — потоки крови, брызги мозга. И страсти брызги! Все засохло, шелушится и только смердитъ. Фотографія смѣется. Вы скажете, что когда-то безсмертная душа смотрѣла черезъ ясные глаза въ аппаратъ, и солнце, властитель міра, запечатлѣло лицо на бумагѣ.. А вотъ, гдѣ же она? Гдѣ?... Слышите... гудитъ...

Будто поѣздъ желѣзной дороги стремительно несся по воздуху. Лицо Верцинскаго побѣдѣло. Страхъ появился въ его бѣлыхъ глазахъ и онъ, открывъ ротъ и трясясь всѣмъ тѣломъ, ждалъ и слушалъ, гдѣ упадетъ снарядъ. Тяжело ухнуло гдѣ-то вдѣве, далеко и нѣсколько секундъ былъ слышенъ звонъ и стрекотаніе въ воздухѣ летящихъ осколковъ и ш-шлепъ, ш-шлепъ, шлепъ — ударяли они по песку.

— Охъ! не люблю! — сказалъ Верцинскій и лукаво пальцемъ погрозилъ портрету. — Все она посылаетъ.

— Слушайте, — сказалъ Саблинъ, — или вы знаете что-то о Любовницей, чего я не знаю, и тогда вы скажете мнѣ, или вы ничего не знаете и тогда я уйду. Мнѣ здѣсь дальше нечего дѣлать.

— А страшно? Сознайтесь, что страшно. Страшно и... тянетъ. И снаряды и событія здѣсь бывшія. Мистика. Всѣ вы немного мистики. Вотъ такъ и Распутинъ тянетъ.

— Что Распутинъ? Онъ-то причемъ?

— А тоже алтарь за занавѣсью. Тайна. И всѣ тя-

нутся узнать эту тайну, поднять занавѣсъ. А поднимутъ и сами не рады. Пустота, мусоръ, козломъ воняетъ и еще чортъ знаетъ что.

— Да вы что про Распутина знаете?

— Знаю и про Распутина. И про Распутина разскажу. Только все по порядку.

— Ну, чортъ съ вами. Разсказывайте.

— А вы чорта не поминайте здѣсь. Не къ мѣсту это. Ну, слушайте. Сперва о безконечно большихъ величинахъ. Есть въ мірѣ семьдесятъ мудрецовъ, которые правятъ всѣмъ міромъ. И что занятно, никто не знаетъ, кто они такіе! Вудро Вильсонъ, Пуанкарэ, Ллойдъ Джорджъ, Бьюкенэнъ — нѣтъ, это только маріонетки. Этихъ семидесяти никто не знаетъ, и гдѣ они — не знаютъ. Что ловко пущено? 70 Сіонскихъ мудрецовъ.

— Кто же они? Жиды?

— Я же вамъ говорю: никто не знаетъ. И вотъ они правятъ всѣмъ міромъ и дѣлаютъ политику. Эта война — это ихъ работа. Она имъ нужна. Ну, скажите, можетъ ли быть что-либо болѣе нелѣпое, чѣмъ эта война для Россіи? Мы боремся за Англію. Мы поссорились съ Германіей, съ которой мы тѣсно связаны не только торговыми и земельными, но и кровными интересами, и воюемъ за Англію, которая всегда ненавидѣла, презирала и угнетала насъ. Мы — и никто другой, какъ Николай II и дворянство, — и вы въ томъ числѣ, усиленно уничтожаемъ то, на что опираемся. Мы поссорились съ Балтійцами, составлявшими прочнѣйшую опору трона, мы разорили польское шляхетство, которое тяготѣло, если не къ Россіи прямо, то къ трону, и мы потеряли польскую корону. А? Ну, не ловко ли пущено? Генералъ Саблинъ, — я васъ спрашиваю, сколько легло вашихъ доблестныхъ товарищей, искренно преданныхъ трону? А? Сколько вы загубили и кто пришелъ имъ на смѣну? Я... Я... Я... слышите — я!!! Ха-ха-ха!

— Послушайте, Казиміръ Казиміровичъ, — я бы просилъ васъ бросить эти сказки и политику и просто сказать мнѣ, почему погибла Любовина.

— А будто не знаете? А про Распутина не хотите? Я и про Распутина знаю. Такъ вотъ война — нелѣпость, — а вы третій годъ съ идіотскимъ упорствомъ ведете ее. По волѣ семидесяти неизвѣстныхъ, никому невѣдомыхъ мудрецовъ... Но мудрецы-то за занавѣской и, можетъ быть, если приподнять эту самую занавѣску, тамъ окажутся не мудрецы, а подлецы, воры, спекулянты, банкиры, негодяи и мерзавцы... Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

— Нельзя ли покороче?

— Слушаюсь. Дальше-то проще будетъ. Дальше партія и члены ея, связанные партійной дисциплиной.

— Какая партія?

— А не все ли равно? Борющаяся противъ существующаго порядка и все. Ну, такъ вотъ видите, Коржиковъ, другъ Маріи Любовиной, былъ въ партіи и цѣль партіи была разрушить армію. Помните нашъ антимилитаризмъ. Рѣшили, что хорошо было бы залучить васъ въ партію, ну, и послали Любовину. Ужели не ясно?

Саблинъ молчалъ. Какъ все это было просто и какъ онъ тогда ничего не понялъ и ни о чемъ не догадался!

— Да... А вы оказались сильнѣе. Понимаете, тутъ зотъ эта-то самая подлая любовь затесалась и товарищъ Любовина все позабыла, и партійную дисциплину, и программу, и на все стала смотрѣть вашими глазами. Если бы она не умерла родами — ее пришлось бы убить. Партія безпощадна съ ренегатами.

— Ну, а Распутинъ? — вяло спросилъ Саблинъ.

— О Распутинѣ разговоръ длинный. Въ немъ много есть и мистическаго. Но извольте. До утра далеко. А я по ночамъ все равно никогда не сплю. Нервы!...

IX

— Весь цивилизованный міръ держался на христіанской религіи,—началъ Верцинскій и лицо его стало серьезнымъ. — Вѣра, надежда и любовь. И, пока есть любовь между людьми, они свободны и никакимъ семидесяти мудре-

цамъ ихъ не поработить. Значитъ: первая задача сѣять любовь ненавистью, а для этого разрушить вѣру. Вы навѣрное слыхали, какъ наши юноши и дѣвушки пѣли звучными голосами: — „отречемся отъ прежняго міра, отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ“. Ну вотъ и начали отрекаться и отряхать. Прежде всего забросили евангеліе. Евангеліе нужно только для тѣхъ, кто хочетъ изучать философію. Платонъ, Сократъ и Христосъ: — просто. А остальнымъ ни къ чему. Христіанство — пережитокъ язычества. Устами величайшаго писателя и кумира молодежи, Толстого, была осмѣяна литургія. На богослуженіе стали смотрѣть, какъ на забавную комедію, стали ходить, какъ пошли бы посмотрѣть пляски шамановъ, танцы дервишей и тому подобное. Вотъ тутъ-то и понадобился Распутинъ. И, если бы его не было, его пришлось бы изобрѣсти. Что такое христіанство? — Распутинъ. Что такое царь: — Распутинъ. Что такое русскій народъ. — Распутинъ. Нѣтъ, каково придумано-то!

— Да, придумано ли?

— А семьдесятъ мудрецовъ?... А таинственная занавѣсъ?... Вы думаете, надо убить Распутина... Попробуйте... Вы не способны на убійство. Ну, вотъ вы, — воинъ, герой, георгіевскій кавалеръ, раненый — вы убили кого-нибудь? Если кто-нибудь изъ васъ въ пылу боя двинетъ кого-нибудь прикладомъ, или застрѣлитъ изъ револьвера — о, сколько потомъ терзаній, мукъ, истерики! Убилъ человѣка, ужасъ! Вспомните у Достоевскаго — Раскольниковъ и убійство старухи-процентщицы и Лизаветы. Вѣдь горѣлъ потомъ человѣкъ. И Сонечкѣ Мармеладовой молился и за Сонечкою пошелъ и каялся и томился. Нѣтъ, вы не убьете. Убить можемъ мы. Но намъ нѣтъ смысла убивать Распутина, потому что онъ намъ нуженъ. Мы возвысились до убійства. Да, — не унизились, не пали, какъ сказали бы вы, а возвысились... Когда мясникъ бьетъ скотину и брызжетъ кровь, когда онъ свѣжуетъ ее, обдирая шкуру, вы спокойны, вы сладострастно вдыхаете запахъ парного мяса. Бифштексы, ростбифы грезятся вамъ. Вы хладнокровно проходите мимо окровавленныхъ тушъ, мя-

но бѣлыхъ, какъ покойники, мороженыхъ свиней... Ну, еще шагъ. Перейдите черту и такъ же спокойно убейте человѣка. Станьте подлѣ, возьмите, вытяните руку съ револьверомъ и — готово. Трупъ. Но на трупѣ есть одежда, можетъ быть, есть деньги. А развѣ самый трупъ нельзя утилизировать? Нельзя попробовать человѣческое мясо? А? Васъ коробитъ... что-то не хочется. Ну, кормить звѣрей... собакъ. Наконецъ, утилизировать кожу, кости, волосы?

— Оставьте, Казиміръ Казиміровичъ.

— Вамъ претитъ? Какъ же хотите вы убить Распутина? Нѣтъ, ужъ рѣшились, такъ и всѣ послѣдствія возьмите на себя. И пять пудовъ мяса раздѣлайте. А мы ножемъ. Я не знаю, читали ли вы, какъ одинъ инженеръ — убилъ человѣка въ Петтуховомъ переулкѣ съ цѣлью ограбленія, а потомъ раздѣлалъ трупъ, какъ мясную тушу, и по фунтамъ разбросалъ и развезъ повсюду. Возвысится же человѣкъ!

— Вѣрно сумасшедшій.

— Для васъ — сумасшедшій, а по нашему сильный человѣкъ. Вотъ еще: когда я былъ раненъ, а потомъ лѣчился въ прошломъ году, я видѣлъ не то у Александра, не то у Кнопа, на Невскомъ, выставлены хорошенькіе такіе кошельки и на нихъ надпись — „изъ человѣческой кожи". Кто ихъ знаетъ, изъ чего они сдѣланы, надо полагать, не изъ человѣческой кожи. Полиція бы не позволила. Но публика жадно смотрѣла на нихъ и покупала... А веревка повѣшеннаго и счастье игрока? А восковая свѣча изъ человѣческаго сала? Чувствуете, скользимъ мы по чему-то страшному. Нѣкій вельможа и богачъ былъ влюбленъ въ танцовщицу, и когда она въ молодые годы умерла, онъ положилъ ее въ цвѣтахъ въ гробъ, поставилъ ее въ своемъ домѣ въ залѣ и никуда не далъ хоронить... Такъ и стоитъ она у него... А помните заключительную сцену „Идіота", и Рогожина надъ трупомъ... Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

— Это садизмъ.

— Милый мой, а если въ этомъ садизмѣ воспитать молодежь? А? Создать этихъ смѣлыхъ людей? Будемъ,

какъ боги! И въ море, въ синее море въ распахнутой студенческой шинели и въ шубкѣ, съ муфтой на рукѣ, сплетясь руками! Какой просторъ! И алое знамя революціи и задорные звуки шаляпей марсельезы! Но, слушайте, слушайте! — Бога нѣтъ, евангелія никто не читаетъ. Помнятъ его только какіе-то старички, надъ которыми всѣ смѣются. Убійство не преступленіе. Любовь — есть просто животный актъ безъ всякихъ прелюдій. Собственность — кража. Все позволено, все можно... А? Какой просторъ! Въ шинели и шубкѣ въ холодное синее, неизвѣстное безбрежное море!

— Вы говорите ерунду.

— Я... Нѣтъ, ваше превосходительство, ужъ только не я. Это говорите вы — интеллигенція. Такъ чего же вы хотите отъ народа? Слава, честь — вздоръ... Долой георгіевскіе кресты. Я былъ въ лазаретѣ. Солдатъ, солдатикъ, матросикъ — герой, кумиръ изысканныхъ дамъ. Подвигъ солдата, геройство солдата! Офицера замолчали, генераловъ заплевали. Герой войны солдатъ. Герой міра — народъ... Исторія? — не нужно ея. Наука? — къ чорту! Грамотности не надо. Сидятъ академики и профессора, слышите: — академики и какъ „Павелъ Ивановъ“, мечтаютъ слопать букву „ять“! Сегодня вы — „ваше превосходительство“. Я сдѣлаю одинъ шагъ, назову васъ „господинъ генералъ“, а тамъ ахну по имени отчеству, а тамъ — „товарищъ“, а тамъ возьму за горло и стану душить. Сегодня я не отдамъ вамъ честь — а завтра исколочу въ темномъ коридорѣ. Просто!...

— Вы заговариваетесь, глубокоуважаемый, — сказалъ, вставая, Саблинъ. Верцинскій тоже всталъ и задулъ свѣчу. Въ небольшія окна сталъ входить мутный свѣтъ. День наступалъ.

— Что же это будетъ, — сказалъ Саблинъ. — Стадо скотовъ? Каменный вѣкъ вернется?

— Да, — отвѣчалъ холодно и жестко, отчеканивая каждое слово, Верцинскій, — да — это будетъ стадо. Панургово стадо, которымъ легко будетъ править тѣмъ семидесяти, что сидятъ наверху. Это будутъ рабы ихъ. Они

будутъ цѣловать ихъ пятки и восторженно выть за каждую подачку. Имъ будетъ казаться, что они свободны, потому что ничего сдерживающаго, ничего возвышающаго не будетъ. Вѣра, надежда, любовь, слава, честь, честность, неприкосновенность личности, собственность: — они будутъ свободны отъ всего этого. Они не будутъ знать своего прошлаго, не будутъ думать о будущемъ. Они будутъ жить настоящимъ.

— Они погибнутъ.

— Можетъ быть. Но это будетъ новый міръ, непохожій на старый...

Саблинъ взялся за дверь.

— То, что вы говорили мнѣ — было безуміе.

— Нѣтъ, только правда. Пойдемте. Наступаетъ заря и я покажу вамъ еще правду во всей ея полнотѣ. У нашего полкового командира есть жена Зоя. Онъ зоветъ ее Зорькой. Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ ни на одно письмо его она не отвѣчаетъ. Я имѣю свѣдѣнія, что она окружена людьми новыхъ понятій и на краю бездны, если уже не свалилась въ нее. А онъ молится на нее. Каждую утреннюю зарю, передъ тѣмъ, какъ уходить въ свою землянку, спасаться отъ аэроплановъ, онъ выходитъ изъ окопа и долго стоитъ на верху и смотритъ, какъ загорается небо на востокѣ. Онъ молится своей Зорькѣ, онъ молится Богу, чтобы было письмо, чтобы Богъ сохранилъ его Зорьку... Ха-ха-ха... Хи-хи-хи... Чудакъ!

Саблинъ уже не слушалъ Верцинскаго. Онъ вышелъ изъ землянки и пошелъ по окопу. Окопъ былъ пустъ. Небо было ясное, морозное, блѣдно-голубое, можно было ожидать налета аэроплановъ и всѣ люди попрятались въ блиндажахъ. Но было еще тихо. Верцинскій шелъ за Саблинымъ.

— Не провожайте меня, — сказалъ Саблинъ. Верцинскій ему былъ противенъ.

— Я не провожаю васъ. Я иду за нуждою, — сказалъ Верцинскій

„Скотина“, — подумалъ Саблинъ и поежился плечами.

— Нѣтъ, ну, смотрите, пожалуйста, не говорилъ ли я

вамъ... вправо, вправо, — зашепталъ, хихикая, Верцинскій.

Саблинъ невольно посмотрѣлъ. На скатѣ холма неподвижно стояла одинокая стройная фигура. Они были такъ близки отъ нея, что Саблинъ отчетливо видѣлъ блѣдное, тонкое лицо съ мукой любви устремленное на востокъ. Ему казалось, что онъ слышитъ, какъ Козловъ шепчетъ: — „Зорька! Зорька моя! Гдѣ ты!..“

— Какъ вамъ это нравится? Какъ вы назовете это?..

„Любовь!“ — подумалъ Саблинъ, восторженно глядя на Козлова, и ускорилъ шаги, точто старался убѣжать отъ злобно хихикавшаго сзади Верцинскаго, безцеремонно остановившагося у траверса.

„Любовь“, — почти громко сказалъ Саблинъ, и сердце его забилось. И онъ уже отчетливо и громко проговорилъ самъ себѣ съ нѣжностью и сладкою радостью:

— Любовь!..

X

Послѣ объявленія войны Зоя Николаевна Козлова не осталась въ томъ городѣ, гдѣ стоялъ полкъ ея мужа, но такъ же, какъ и большинство семействъ, уѣхала изъ казармъ и поѣхала въ Петроградъ. Отецъ и мать ея умерли. Въ Петроградѣ у ней никого не было, кромѣ блѣдныхъ и милыхъ институтскихъ воспоминаній и надежды встрѣтить кого-нибудь изъ прежнихъ подругъ. За два мѣсяца до начала войны умерла ея тетка и оставила ей въ Петроградѣ небольшое на лѣдство изъ квартирной обстановки на пять комнатъ и капитала въ пять тысячъ серіями Государственнаго банка.

Для Козловыхъ, жившихъ на жалованье, это было цѣлое состояніе, и Зоя Николаевна со страстью принялась устраивать свое столичное гнѣздо. У нея была мечта, по окончаніи войны, а она, по ея мнѣнію, не могла долго продолжаться, уговорить мужа устроиться въ Главномъ штабѣ. Интендантствѣ, или по Военно-Учебному Вѣдомству

и зажить веселой столичной жизнью. Этого требовало и будущее воспитаніе и образованіе маленькой Вали. Ей удалось найти квартиру изъ пяти крошечныхъ комнатъ на Пушкинской улицѣ, и въ первые мѣсяцы войны она занялась ея устройствомъ. Она наняла горничную Таню, молодое, красивое, легкомысленное существо, наряжавшееся въ изящные чепчики и передники и скоро ставшее наперсницей Зои Николаевны. Отъ Александра Ивановича письма приходили часто и были нѣжныя и трогательныя; она писала ему тоже каждый день. Заботы о маленькой Валѣ и ея гардеробѣ поглощали много времени, вечера она коротала или одна въ театрѣ, или вдвоемъ съ Таней въ кинематографѣ. У ней явилась страсть къ кинематографу и она внимательно слѣдила за каждой новой фильмой.

Но она была всегда одна и это начало ей прискучивать. Квартира была убрана, какъ бонбоньерка. Надъ большимъ зеркаломъ волнами къ туалетному столику свѣшивался розовый газъ, спальня, веселая, свѣтлая, пахла нѣжными духами. Въ гостиной по стѣнамъ были наколоты японскіе круглые вѣера, стоялъ рояль и на немъ тонкія фотографіи и фарфоровыя бездѣлушки, на стѣнахъ нѣжныя гравюры, изображавшія Мадонну съ ангелами, стадо овецъ въ горахъ, швейцарскую деревню съ водопадами. Мебель была старинная, добротная, цѣльнаго орѣха. Она обтянула ее свѣтлымъ репсомъ съ розовыми мелкими цвѣточками, наставила вазъ съ искусственными пальмами и стало очень хорошо и красиво. Чтобы не скучать, по совѣту мужа, она устроила себѣ расписаніе занятій, играла на фортепьяно и пѣла, читала по-французски, рисовала, занималась и гуляла съ Валей, возя ее передъ собою въ розовой колясочкѣ, ходила по театрамъ. Но она была одна и одна. Ей казалось, что она начинаетъ старѣть, что ея молодость загублена, что ея жизнь скучна. Она задумывалась, были ли радости въ ея жизни, и не находила. Она садилась передъ зеркаломъ и внимательно разглядывала себя. Нѣтъ ли морщинъ? нѣтъ ли сѣдыхъ волосъ? Но морщинъ не было. На нее изъ зеркала смотрѣло молодое лицо вполнѣ созрѣвшей двадцатисемилѣтней женщины,

начинающей полнѣть отъ бездѣлья и скуки. Свѣтло-каштановые волосы красивыми природными завитками падали на чистый бѣлый лобъ, спускались на уши, на плечи, а, дай только имъ волю, широкими блестящими волнами закрывали ей полспины. Лобъ былъ бѣлый, чистый, немного узкій, но красивый. Тонкія темныя брови были надъ очень большими, сѣрыми блестящими, влажными глазами. Плакала она всегда много и охотно, и по всякому поводу. Отъ радости, отъ счастья, отъ печали; тронетъ ее пьеса, поразитъ ее сцена въ кинематографѣ — слезы сейчасъ же появлялись въ углахъ ея прекрасныхъ глазъ, вѣки розовѣли и прозрачная капля катилась по щекѣ. Носъ былъ бѣлый, чистый, красиваго капризнаго рисунка. Губы полныя, блѣдно-розовыя чуть опускались книзу по угламъ и придавали лицу мило-капризное выраженіе беззащитности и робости. Щеки были полныя, розовыя, уши маленькія, зубы безъ малѣйшаго пятнышка, ровные и такіе красивые, что многіе думали, что они искусственные. Руки и грудь полныя и бѣлыя.

Строго разбирая себя, Зоя Николаевна рѣшила, что она, конечно, не красавица, но очень хорошенькая. Она вспоминала, какъ влюблялись въ нее въ институтѣ, какъ висли на ней маленькія дѣвчонки, писали ей стихи, какъ подруги ее называли: „милкой“ и „pleurnicheuse“*), но любили довести ее до слезъ, чтобы потомъ цѣловать ее. Она была очень женственна, очень женщина и вкусы у нея были женскіе. Она любила сладкое, любила сентиментальные, или какъ говорили въ институтѣ, „сердцещипательные“ романы, мелодрамы и танцы. Танцы были ея слабость.

Разглядывая себя въ зеркало, она вспоминала своего Александра Ивановича. Онъ былъ на двѣнадцать лѣтъ старше ея. Онъ женился на ней, когда ей было 23 года и она начала бояться остаться старой дѣвой. Любила ли она его? Бракъ былъ по любви, но, провѣряя теперь въ одиночествѣ свое чувство, Зоя Николаевна приходила къ выводу, что она безпредѣльно уважала своего мужа, слегка

*) *Плакса.*

боялась его и только послѣ этихъ двухъ чувствъ — любила. Онъ былъ физически силенъ, могъ смять и стиснуть ее такъ, что у ней духъ захватитъ и слезы выступятъ на глазахъ. Послѣ его объятій у ней всегда оставалось чувство боли и синяки на рукахъ. Его страсть пугала ее. Она чувствовала себя передъ нимъ маленькой и глупенькой и, если бы не безконечное благоговѣніе его передъ нею, готовность для нея на все, она боялась бы его. И теперь, въ письмахъ, онъ давалъ ей совѣты, какъ отецъ, и у нея къ нему чувство любви было не страстное, а почтительное. Александра Ивановича очень любилъ и уважалъ покойный отецъ Зои Николаевны и онъ внушилъ и ей это уваженіе. Александра Ивановича ея отецъ всегда аттестовалъ какъ образцоваго офицера, молодца во всѣхъ отношеніяхъ и она благоговѣла передъ нимъ.

Но особенно первое время послѣ брака она, воспитанная въ институтѣ, далекая отъ жизни, не понимала его интересовъ, его преклоненія передъ службой, часто осуждала его и плакала. На нее найдетъ сентиментальный стихъ, ей хочется тихо сидѣть на берегу ручья, подъ густою липою и молчать, обмѣниваясь рѣдкими, пустыми на видъ, но полными глубокаго внутренняго значенія словами. — „Какъ тихо!“ скажетъ она, и цѣлая картина давнишняго, можетъ быть, никогда не бывшаго тихаго счастья понесется передъ нею. — „Правда, милый, это уже когда-то было?“ — „Что было?“ — спроситъ онъ такъ просто, что ея сердце наполнится тоскою. Она чувствуетъ, что онъ не понимаетъ и никогда не пойметъ ее, и все-таки говоритъ: — „Это было очень давно. Можетъ быть нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Только это было не въ Россіи, а въ Англіи. Вотъ такъ же, помнишь, мы сидѣли подъ громаднымъ деревомъ, не то дубомъ, не то каштаномъ“... Она поднимала глаза и мечтательно смотрѣла вдаль. — „Нѣтъ, помню отлично, это былъ каштанъ. Да, конечно, каштанъ. Вправо бродили бараны съ густою шерстью цвѣта поджаренныхъ сливокъ съ ванилью. Меланхоличное побрякиваніе ихъ большихъ колокольцевъ смѣшивалось съ тихими руладами наступьей свирѣли, а въ воздухѣ было такъ же тихо. Ты помнишь?“

— Ахъ ты, милая моя мечтательница, — говорилъ Александръ Ивановичъ, со вкусомъ цѣлуя ея руку. — Прости меня, но фельдфебель меня ждетъ, мнѣ надо идти распорядиться. — Онъ вскакивалъ на свои стройныя упругія ноги и уходилъ, оставляя ее одну.

„Да, онъ красивъ, — думала она. — Но онъ совсѣмъ, совсѣмъ другой, онъ никакъ меня не понимаетъ. И любитъ, но не понимаетъ. Онъ грубый, какъ и всѣ мужчины грубы.“ — И она плакала, сама не зная, о чемъ. Онъ всегда оказывался занятъ, у него всегда являлось дѣло именно тогда, когда ей такъ хотѣлось бы помечтать, побыть вдвоемъ, поиграть, попѣть, потанцовать, — и она оставалась одна.

Своего ребенка, маленькую Валю, она любила, но вѣдь нельзя же было всю жизнь отдать ему, когда онъ еще ничего не понимаетъ, не говоритъ и только плачетъ? Но она была хорошею матерью, сама кормила его и возилась съ нимъ, сколько могла.

Александръ Ивановичъ, какъ она и ожидала, оказался героемъ. Онъ получилъ георгіевскій крестъ, былъ раненъ штыкомъ въ грудь и остался въ строю. Самъ онъ объ этомъ не писалъ. Но его товарищи по полку писали ей восторженныя письма о немъ, писали, что онъ былъ раненъ потому, что своею грудью прикрылъ солдата. Радостное и горделивое чувство, вызванное этими письмами у Зои Николаевны, было отравлено чувствомъ досады: — „все для другихъ“ думала она, — „все для службы, а обо мнѣ и о Валѣ въ эту минуту не подумалъ!“...

Ее тѣшило, что ея мужъ двигался по службѣ. Въ 1916 году она стала уже подполковницей и командиршей, правда, какого-то неслыханнаго Мороченскаго полка, происходящаго чуть не отъ моровки, но все-таки полка.

„Какой-то это полкъ?“ думала она. „Каковы офицеры? Навѣрно, есть хоръ музыкантовъ, адъютантъ и собраніе.“ Ей рисовалась, какъ она будетъ входить подъ руку съ Александромъ Ивановичемъ, и музыканты будутъ играть встрѣчный маршъ, а офицеры вставать и вытяги-

лться. Мать командирша! Ей хотѣлось поскорѣе увидѣть всѣхъ этихъ милыхъ веселыхъ поручиковъ и подпоручиковъ въ защитнаго цвѣта мундирахъ съ алыми лацканами и въ эполетахъ, какъ она видѣла послѣдній разъ на Настю и ихъ позку. Да, это было хорошо. Мать командирша! Слеза умиленія скатывалась изъ ея глазъ и тихо текла по щекѣ къ розовому, красиво опущенному, печальному рту.

XI

Петроградъ мѣнялся на глазахъ Зои Николаевны. Онъ становился людиѣе и шумнѣе. На улицахъ появились новыя лица; — это были бѣженцы, поляки изъ Варшавы и другихъ городовъ Привислинскаго края. Кругомъ слышна была польская рѣчь, въ трамваѣ стало невозможнымъ получить мѣсто, билеты въ театры стало трудно доставать, въ кинематографахъ было полно.

Всѣ одѣвались въ защитные френчи англійскаго фасона, въ галиффе, всѣ становились военными, милитаризовались. Почтенный докторъ, профессоръ, человѣкъ самыхъ мирныхъ убѣжденій, вдругъ появлялся въ высокихъ сапогахъ съ грозно звенящими шпорами и съ тяжелой шашкой на боку; театры были полны молодыми людьми въ защитномъ платьѣ и можно было подумать, что весь Петроградъ вотъ-вотъ устремится на фронтъ и сядетъ въ окопы. На улицахъ висѣли воинственные плакаты, возвѣщавшіе о военномъ займѣ, были нарисованы солдаты, снаряды, патроны. По улицамъ часто провозили пушки, привязанныя къ ломовымъ подводамъ, везли снаряды, проводили толпы плѣнныхъ. Часто можно было видѣть одного или нѣсколькихъ раненыхъ солдатъ въ сопровожденіи кокетливо одѣтой сестры милосердія; они ходили по улицамъ, дѣлали покупки, посѣщали музеи, церкви, соборы, бывали въ театрахъ и кинематографахъ. Городъ шумѣлъ и жилъ, или притворялся, что живъ войной. Всѣ что-то дѣлали и гдѣ-то служили, и эта служба не только занимала ихъ, но и давала различныя блага земныя въ видѣ казеннаго обмундированія, пайка, хлѣба, муки, крупы, консервовъ, ко-

торыхъ уже никогда недоставало на фронтѣ, но которыя можно было получать въ Петроградѣ по особымъ карточкамъ и запискамъ.

И женщины всѣ что-нибудь дѣлали въ Петроградѣ, помогая дѣлу войны. Появились женщины извозчики, женщины трамвайные кондуктора, женщины дворники и швейцары, смѣнившія своихъ мужей, уѣхавшихъ на войну. Жены офицеровъ тоже мобилизовались. Онѣ пошли въ сестры милосердія, работали въ различныхъ складахъ, мастерскихъ, фабрикахъ, снаряжали патроны, шили рубашки и кальсоны для раненыхъ, запаковывали „подарки", которыми Петроградъ и другіе города забрасывали армію.

Одна Зоя Николаевна не дѣлала ничего. Она была словно щепка, прижатая бурнымъ потокомъ къ камню. Кругомъ несутся другія щепки, цѣлыя бревна, деревья, куда-то стремятся, бьются о камни, а она стоитъ неподвижно въ тихой заводи, куда ее занесло. Она и хотѣла бы что-нибудь дѣлать, тоже помогать этому общему дѣлу войны, но она не знала, какъ и куда толкнуться. Она было сунулась въ ближайшій лазаретъ съ предложеніемъ услугъ, какъ сестры милосердія. Какой-то сердитый врачъ въ бѣломъ фартукѣ мрачными, усталыми глазами посмотрѣлъ на ея прелестное личико, готовое заплакать, на ея дорогую котиковую шубку и кокетливую шляпку и спросилъ ее: — была ли она на курсахъ сестеръ милосердія? Она и не подозрѣвала, что этому надо учиться. Она думала, что достаточно только быть доброй, внимательной, любить „солдатиковъ" и больше ничего не нужно. Она отвѣтила отрицательно. — „Ну такъ мнѣ съ вами и разговаривать нечего", — сказалъ врачъ, поворачивая ей широкую спину. Изъ коридора неслись раздирающіе душу стоны и пахло очень нехорошо. Слезы потекли по лицу Зои Николаевны. Она подумала — „ахъ, какъ всѣ мужчины грубы" — и выбѣжала вонъ изъ лазарета.

Она ходила къ Зимнему Дворцу — тамъ тоже шла какая-то работа. Но, когда она увидѣла громадныя двери высокаго подъѣзда, важнаго величественнаго швейцара, увидѣла, какъ подкатывали къ нему автомобили съ богато

одѣтыми дамами и собственные экипажи, она побоялась входить. Ей было жутко знакомиться со всѣми этими аристократками и она прошла мимо.

Было горько, что она „мать командирша“ жена героя войны, ничего не могла сдѣлать для войны и была, какъ чужая на этой войнѣ, гдѣ ея мужъ уже пролилъ свою кровь.

Но она была одна въ Петроградѣ, у ней не было здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ, а если и были — она не знала, гдѣ ихъ искать. Она пошла даже однажды въ институтъ, думая тамъ найти совѣтъ и помощь. Но и въ институтѣ все были чужіе люди. Швейцаръ былъ новый, а не старикъ Илья Григорьевичъ, ни начальница, ни классныя дамы не остались прежнія. Отъ большого вестибюля съ прямыми колоннами пахнуло на Зою Николаевну такою тюрьмою, что, вернувшись домой, она такъ глубоко почувствовала свое полное одиночество, что горько расплакалась и проплакала до поздняхъ часовъ. Ей было жаль себя. Она рѣшила ѣхать, не дожидаясь разрѣшенія, на фронтъ, къ мужу, бросить ребенка, бросить все.

Когда она засыпала, усталая отъ слезъ, она не знала, что завтрашній день повернетъ всю ея жизнь въ другую сторону.

XII

Покатавъ свою маленькую Валю, Зоя Николаевна, послѣ обѣда, часовъ около четырехъ, вышла пройтись по Невскому проспекту и сдѣлать кое-какія покупки. Былъ прекрасный августовскій день. Надъ Невскимъ ярко сіяло веселое солнце. Торопливо неслись трамваи, увѣшанные гирляндами солдатъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, проѣзжали рѣдкіе извозчики и съ гудками проносились автомобили. Столица жила шумною кипучею жизнью. Зоя Николаевна шла, разсѣянно глядя по сторонамъ и остро чувствуя свое одиночество.

— Зоря, ты? — вдругъ услышала она восторженный молодой голосъ, — и хорошенькая дѣвушка въ костюмѣ сестры милосердія, съ короткой юбкой, едва закрывавшей

колѣни, и въ высокихъ желтыхъ ботинкахъ, быстро подошла къ Зоѣ Николаевнѣ.

— Ужели не узнаешь? Ниночка Бергъ... Ну да, я выросла и перемѣнилась. А ты... Ты все такая же милка и pleurnicheuse.*)

У Зои Николаевны дѣйствительно показались слезы волненія и радости.

— Боже мой! Ниночка! — воскликнула она. — Но какъ ты выросла. Вѣдь я тебя знала совсѣмъ маленькой, а теперь...

— Да что тутъ необыкновеннаго. Девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.

— Ахъ, да. Правда, девять лѣтъ! Я и не замѣтила. Но какъ ты меня узнала?

— А ты совсѣмъ не перемѣнилась. Только пополнѣла немного, похорошѣла — страсть. Мужчинки должно быть такъ и липнутъ къ тебѣ. Сознайся, ты пожирательница сердецъ? Да? Ты замужемъ?

— Да, я замужемъ. И у меня есть славная милая дѣвочка, Валя. А ты?

— Нѣтъ, я не удосужилась. Все это пустяки. Теперь жизнь пойдетъ по новому и это станетъ совершенно не нужно.

— Что же ты дѣлаешь?

— Была на высшихъ женскихъ курсахъ. Бросила. Поступила въ консерваторію. Надоѣло. Такая рутина, такъ давятъ настоящій талантъ, сушатъ бюрократизмомъ, что я ушла. Теперь я на драматическихъ курсахъ. Я поэтесса. Мой сборникъ сонетовъ, мои поэзы и пѣсни „о лужѣ“ напечатаны.

— Пѣсни о лужѣ?—переспросила Зоя Николаевна. Ей показалось, что она ослышалась.

— Да. „Пѣсни о лужѣ“. Лужа это Россія. Это аллегорія. Это политическій сборникъ. Я даже боялась, что его запретятъ. Пришлось подмасливать кое-кого. А гдѣ твой мужъ?

---

*) *Плакса.*

— На войнѣ.

— Онъ докторъ, надѣюсь.

— Почему? Онъ офицеръ.

— Кадровый?

— Я не понимаю.

— То-есть, старо-режимный. Корпусъ, училище, непоколебимая вѣра въ Бога, преданность Государю, любовь къ родинѣ, весь этотъ ужасъ.

— Что ты говоришь, милая Ниночка!.. Какой ужасъ? Это такъ и должно быть. За что же умирать, за что же сражаться! А помнишь институтъ?

— Ахъ, институтъ! — со злобою сказала Нина.

Она просунула свою маленькую ручку подъ локоть Зои Николаевны и пошла съ ней въ ногу, мѣрно раскачиваясь.

— Милая моя, ты ничего не знаешь. Ты живешь завѣтами старины, ты не видишь, что дѣлается кругомъ. Гдѣ твои мысли?

— Я думаю, какъ у всѣхъ: — на войнѣ, — отвѣчала Зоя Николаевна.

— Какъ у всѣхъ. Вотъ то, чего не должно быть. Создается великая новая Россія... Не тамъ, въ холодныхъ окопахъ, а здѣсь, гдѣ все громче и властнѣе раздается слово наряда, на котораго уже вѣетъ грядущей свободой. Оглянись кругомъ. Какіе теперь стали офицеры и солдаты! Ты посмотри, уже солдатчиной отъ него не несетъ на сто верстъ, это не рабъ Царя и произвола, это не опричникъ, но свободный гражданинъ! Гдѣ же ты жила эти два года, что проглядѣла эту эволюцію войска! Вѣдь это наша работа, работа революціонной молодежи.

— Я жила въ Петроградѣ, но была совершенно одна.

— И ни съ кѣмъ не видалась?

— Ни съ кѣмъ.

— Если бы я не знала тебя раньше, я бы тебѣ не повѣрила. Куда ты идешь?

— Домой. Зайди ко мнѣ. Хочешь? Мы напьемся чаю. Поговоримъ. Ты разскажешь мнѣ. Я жила какъ

въ тюрьмѣ, какъ въ одиночномъ заключеніи. Я и правда ничего не знаю.

Ниночка согласилась. Ей показывали Валю, но она не проявила особаго восторга увидать маленькое существо, копошащееся въ плетеной кроваткѣ.

— Растетъ будущая гражданка, — сказала Ниночка.— Зоря, сумѣй воспитать ее въ понятіяхъ истинной свободы и любви къ человѣчеству.

Она отвернулась отъ заплакавшей Вали и прошла въ столовую, гдѣ охотно принялась за чай. Зоя Николаевна должна была подробно разсказать всю свою жизнь. Ниночка слушала ее, какъ докторъ слушаетъ больного, разсказывающаго исторію своей болѣзни. Иногда она прерывала Зою Николаевну вопросами, заставлявшими ее мучительно краснѣть.

— Зачѣмъ тебѣ это знать? Ты дѣвушка, — сказала она, наконецъ.

— Зоря, я знаю, что ты не осудишь меня и поймешь. Я не дѣвушка.

— Ты замужемъ, — воскликнула Зоя Николаевна, — ты нарочно обманула меня.

— Нѣтъ. Я предпочла свободную любовь. Сначала это былъ студентъ. Ахъ, какъ онъ любилъ меня! Теперь это офицеръ, но офицеръ новый. Онъ бывшій юристъ.

— Ниночка. Какъ же это! — чуть не плача говорила Зоя Николаевна. — Какъ же это возможно? А твои родители?

— Я давно оставила родителей. Ахъ, милка! Ты не поймешь этого сразу. Тебѣ надо отрѣшиться отъ буржуазныхъ предразсудковъ, уяснить полностью значеніе гражданской свободы.

— Но какъ же! Какъ же, не вѣнчаясь. Одинъ, потомъ другой. Вѣдь это кошмаръ какой-то.

Ниночка весело, непринужденно расхохоталась, вскочила изъ-за стола, схватила обѣими руками за щеки Зою Николаевну, расцѣловала ее въ губы, въ глаза и въ носъ, откинулась на два шага назадъ, стала въ трагическую позу, сложивъ руки на груди, опустила хорошенькую головку на

грудь и, исподлобья глядя на Зою Николаевну, сказала полнымъ драматизма голосомъ:

— Ну что же? Презираешь? Презирай! Гони меня вонъ!

Зоя Николаевна совсѣмъ растерялась.

— Ахъ что ты, Ниночка! Да развѣ я могу презирать или осуждать?

— Ты безъ грѣха, кидай на меня камень, — мрачнымъ контральто проговорила Ниночка и увидавъ, что Зоя Николаевна готова всерьезъ расплакаться, она обняла ее, расцѣловала снова и, взявъ за талію, увлекла въ гостиную.

— Играешь? — говорила она, — рисуешь, поешь?

— Ахъ, все надоѣло. Не для кого. Завоешь тутъ отъ скуки, а не запоешь, — печально сказала Зоя Николаевна.

— А у тебя отлично. Такъ тихо, хорошо, на незамѣтномъ мѣстѣ. Можно ходить къ тебѣ, учить тебя?

— Ради Бога! Какъ я буду счастлива, если ты будешь бывать у меня часто, часто. Хочешь, каждый день. Приходи завтра обѣдать, или еще лучше завтракать, а потомъ обѣдать — на цѣлый день.

— А е г о можно привести? Онъ мужчина ничего себѣ. Сейчасъ онъ въ гвардейскомъ запасномъ батальонѣ работаетъ. Офицерикъ хоть куда.

— Пожалуйста, — смущенно проговорила Зоя Николаевна.

— Только ты, ради Бога, никому не говори. И мужу не нини.

— У меня отъ него нѣтъ секретовъ.

— А это пусть будетъ секретъ. До поры, до времени. Хорошо?

Зоя Николаевна подумала, что Ниночка не хочетъ, чтобы ея мужъ зналъ о ея романѣ, и согласилась.

— Ну вотъ, милка! — воскликнула Ниночка. — Славная ты душа. Хочешь я е г о сейчасъ вызову. Славно проведемъ время.

— Ну какъ же такъ... Безъ визита.

— Нѣтъ, это ты, Зоря, забудь. Никакихъ визитовъ. Никакѣйшихъ. Это пережитокъ негоднаго прошлаго, фео-

дализма, рыцарства, отрыжка крѣпостного права, китайскія церемоніи. Товарищъ Борисъ этого не признаетъ. Придетъ и зачаруетъ. Онъ говоритъ: — заслушаешься. Поетъ: — ротъ разинешь. А станетъ шутить: — отъ хохота умрешь. Изъ него прекрасный артистъ conferencier*) бы вышелъ, но онъ партійный работникъ и весь ушелъ въ работу. Право, я позвоню ему. У тебя есть телефонъ?

— Нѣтъ. Для чего мнѣ телефонъ. Съ кѣмъ бы я стала разговаривать, когда я одна-одинешенька въ Петроградѣ.

— Ахъ, какъ же это безъ телефона. Придется поставить. Я хочу тебя увлечь, мой милый мотылекъ, въ самое пламя революціонной борьбы.

Ниночка отошла къ окну, стала подъ искусственной пальмой, сложила на груди руки, какъ на молитву и вдохновенно произнесла: —

Проклялъ рабскія цѣпи рабочій народъ,
Онъ зажегъ негасимое пламя,
Поруганію смѣло царизмъ предаетъ
Всюду поднято красное знамя!

— Слыхала ты это, Зоря! Молилась съ нимъ, съ народомъ нашимъ, видала юныя лица рабочей молодежи, вдохновенно повторяющей за тобою слова стиха — молитвы.

Подымайтесь, весенніе всходы!
Поднялися они — и двуглавый орелъ
Напрягаетъ послѣднія силы;
Чтобъ остался въ странѣ роковой произволъ
Чтобъ царилъ самодержецъ постылый!

— Пѣсня двуглаваго орла спѣта, скоро встанетъ надъ народными массами, надъ тѣсными рядами солдатъ—граждан торжествующее красное знамя. Ты помнишь, у Горькаго, въ пѣснѣ о Буревѣстникѣ: „Буря! Скоро грянетъ

*) *Разсказчикъ.*

буря! Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды: — пусть сильнѣе грянетъ буря!"... Вотъ этихъ буревѣстниковъ я приведу къ тебѣ, моя милка, я приведу къ тебѣ борцовъ за красное знамя, и, когда ты почувствуешь дуновеніе весны, запахъ свободы — мечты о прежнемъ разлетятся передъ тобою въ прахъ, какъ карточный домикъ, и ты вкусишь плоды познанія добра и зла и ты поймешь тогда, что все прошлое — чепуха. Тогда ты и меня поймешь, милка, и не осудишь.

— О, что съ тобою, Ниночка, но развѣ я могу тебя осуждать. Да, Боже мой, никогда, никогда, я ни слова не скажу противъ тебя, я такъ тебѣ благодарна, что ты меня учишь. Вижу, что я многое проглядѣла.

— Ты не видала новой жизни! И я тебя научу ей.

XIII

На другой день Ниночка пришла вечеромъ съ офицеромъ. Это былъ плотный человѣкъ съ густыми слегка волнистыми рыжеватыми волосами, бритый, какъ актеръ, съ маслянымъ наглыми глазами. На немъ былъ хорошо сшитый френчъ, короткіе шаровары галифэ, башмаки и обмотки, стягивавшія жирныя икры до колѣна. Онъ былъ развязный, сальный и чрезчуръ ласковый. Зоѣ Николаевнѣ онъ не понравился.

— Ну вотъ, Зоря, я и привела тебѣ товарища Бориса. Имѣю представить — подпоручикъ Борисъ Матвѣевичъ Кнопъ. Ты зови его просто товарищемъ Борисомъ.

— Ну зачѣмъ же такъ сразу,— сказалъ Кнопъ.— Пусть малая барышня привыкнетъ сначала къ намъ, узнаетъ, полюбитъ, пойметъ.

Онъ почтительно склонился передъ Зоей Николаевной и поцѣловалъ ея руку. Зоя Николаевна не могла не замѣтить, что руки у него выхоленныя, на пальцахъ дорогіе перстни и розовые ногти отточены и отполированы, какъ

у свѣтской дамы. Отъ него пахло духами. Зоя Николаевна не знала о чемъ говорить и терялась, отвыкнувъ отъ мужского общества.

Кнопъ, по ея предложенію, сѣлъ въ кресло и просилъ разрѣшенія закурить.

— Волнуешься, Боря, — сказала Ниночка, хлопая по рукѣ Кнопа. — Куришь. Первый признакъ, что волнуешься.

— Уже больно красива барынька, — вздохнулъ Кнопъ. — Я не ожидалъ. Трудно очень начать, когда не знаешь истинное credo субъекта, съ которымъ приходится говорить.

— Ея credo,*) — смѣясь, сказала Ниночка — Kaiser, Kirche, Kinder, Kleider und Küche**) — дальше этого милую Зорюшку никто ничему не училъ. Институтъ. Папа, бригадный генералъ въ глухомъ богоспасаемомъ городѣ Глуповѣ, а мужъ — капитанъ, лихой ротный командиръ, георгіевскій кавалеръ — слуга Царю — отецъ солдатамъ.

— Что же, — сказалъ Кнопъ, — все это очень хорошо. Нетронутая натура, не переболѣвшая — это куда воспріимчивѣе, чѣмъ человѣкъ сомнѣвающійся и уже боровшійся. Что вы знаете, милая барынька? — обратился Кнопъ къ Зоѣ Николаевнѣ.

Зоя Николаевна пожала плечами. Ей было непріятно, что ее такъ спрашивали, точно учитель на экзаменѣ, или священникъ на исповѣди. Но Кнопъ устремилъ на нее умные каріе глаза и въ нихъ она увидала ласковое вниманіе и сердце у нея затрепало. Онъ ей показался истиннымъ другомъ.

— Болѣете ли вы за нашу многострадальную Родину? — вкрадчиво сказалъ Кнопъ.

Зоя Николаевна молчала. Подступали слезы и отъ этого ея прекрасные большіе глаза блестѣли. Углы рта опускались, она готова была заплакать. Кнопъ понялъ ея душевное состояніе и заговорилъ красиво, образно, мягкій

---

*) *„Вѣрую“.*

**) *Императоръ, церковь, дѣти, платья и кухня.*

баритонъ его журчалъ и переливался, то усиливаясь, то спадая почти до шопота.

— Идетъ война, — говорилъ Кнопъ. — Вотъ уже третій годъ идетъ страшная, губительная, небывалая по жестокости война и конца ей не видно. Милліоны жертвъ, милліоны голодающихъ вдовъ, брошенныхъ дѣтей, раззоренная до тла страна. Тамъ, на фронтѣ, плохо одѣтые, босые, голодающіе солдаты, проклинающіе свою долю и готовые возстать противъ офицеровъ, гонящихъ ихъ на убой.

— Александръ Ивановичъ мнѣ писалъ, — робко перебила Кнопа Зоя Николаевна, — что они хорошо одѣты, сыты и ни въ чемъ не нуждаются. Особенно, когда онъ былъ въ Зарайскомъ полку. Да и теперь, принявъ новый полкъ, онъ мнѣ писалъ, что ему удалось все получить и очень хорошо одѣть солдатъ. Онъ даже просилъ ничего, кромѣ табаку и папиросъ, ему не посылать, потому что всѣ эти подарки, разные шарфы и фуфайки, солдату некуда дѣвать, онъ ихъ продаетъ и это развращаетъ солдата.

— Вашъ мужъ, — сказалъ Кнопъ, — должно быть особенный человѣкъ. Такихъ офицеровъ, какъ онъ, мало. Почти нѣтъ. То, что мнѣ приходится слышать съ фронта, совершенно противоположно. Солдатъ изнемогъ въ борьбѣ. Солдату нуженъ миръ, но миръ теперь невозможенъ. Мы не можемъ измѣнить союзникамъ, а союзники не могутъ заключить миръ, не разгромивъ Германію. Нужна побѣда.

— Ахъ, они такъ стараются! — вырвалось у Зои Николаевны.

— Но они никогда не побѣдятъ, пока старый отжившій міръ не уступитъ мѣста новому. Идея монархіи отжила свой вѣкъ и монархъ уже не нуженъ народу. Монархъ безконечно скомпрометтированъ въ глазахъ народа. Распутинъ съ его страшнымъ вліяніемъ на дѣла войны и государства, Александра Ѳедоровна, тяготѣющая къ Германіи, невозможныя назначенія, ведущія армію къ пораженію — все это показываетъ, что старый міръ готовъ рухнуть и на смѣну ему идетъ новый прекрасный міръ.

— Господи! Что же будетъ! — со страхомъ воскликнула Зоя Николаевна.

— Будетъ вѣчный миръ, свобода, равенство и братство людей. Развѣ можемъ мы жить, если мы только люди, если бьется въ насъ человѣческое сердце, когда знаемъ, что наши братья томятся по каторгамъ, что Нерчински и Зерентуи переполнены интеллигентными, умными людьми, вся вина которыхъ только въ томъ, что они, страдая за народъ, хотѣли протянуть руку гибнущему брату! Какъ можемъ мы спать спокойно на мягкихъ постеляхъ, когда дикіе жандармы въ поѣздномъ купэ безнаказанно насилуютъ дѣвушку, обвиненную въ политическомъ преступленіи. Можемъ ли мы ѣсть и пить, когда разстрѣлы идутъ по темнымъ закоулкамъ крѣпостей и висѣлицы ставятъ на развѣтѣ въ тюремныхъ задворкахъ. Свободы личности, неприкосновенности жилища жаждемъ мы. А гдѣ онѣ? Поймите слова нечитаннаго вами и не печатаннаго здѣсь поэта:

Арестованъ! — ворвался ночью гурьбой.
И въ столахъ и въ шкапахъ перерыли,
Если бъ можно, они бы пахальной рукой
Даже сердце и душу раскрыли...

Жандармъ, полицейскій и дворникъ, звонъ цѣпей и кандалы на каждое свободное слово, на каждую мысль, направленную на защиту страдающаго брата! Возможно ли это!? Думали ли вы, Зоя Николаевна, что всѣ эти юноши, дѣвушки, чистыя Русскія дѣвушки, прекрасные юноши, отрекшіеся отъ уюта богатой жизни и уѣдшіе отъ родителей, чтобы говорить свободное слово, что они негодяи и преступники?! Писаревы, Добролюбовы и Герцены достойны ссылки, изгнанія и тюрьмы? А тѣ, кто хотѣли слабыми силами выразить всю мощь народнаго гнѣва, тѣ, кто шелъ, чтобы кровью крикнуть о возмущеніи народа — всѣ эти Рысаковы, Желябовы, Перовскія, Гельфманъ, Квятковы, лейтенанты Шмидты, Маруси Спиридоновы, — что же, ужели они достойны висѣлицы за то, что мстили за

поруганныя права и боролись за свободу? Ужели думаете вы, что ихъ имена нами забыты? Что мы не помнимъ ихъ окровавленныхъ могилъ, что мы забыли ихъ въ ссылкѣ? Они не за себя легли въ раннюю могилу, но за насъ. Ваша подруга шутя, конечно, сказала о васъ, что Kaiser, Kirche, Kinder, Kleider und Küche*) составютъ весь интересъ вашей жизни. Это потому, что вы не слыхали другихъ святыхъ словъ. Братство, равенство, свобода. Свобода личности, свобода слова, свобода печати, свобода собраній, стачекъ, неприкосновенность личности и жилища — развѣ это не выше всего? Идетъ, Зоя Николаевна, новая, молодая Россія и мы хотѣли бы, чтобы вы не отстали отъ насъ. Тѣсно, сплоченными молодыми рядами, мы пойдемъ къ святой свободѣ и скоро будетъ день, когда ружья и пушки откажутся стрѣлять по своимъ братьямъ.

Кнопъ подошелъ къ роялю и сѣлъ на табуретъ. Онъ взялъ нѣсколько мощныхъ аккордовъ марсельезы.

— Какая музыка! Какая сила! Какая мощь! А?

Мы марсельезы гимнъ старинный

— запѣлъ онъ пріятнымъ баритономъ. —

На новый ладъ теперь споемъ —
И пусть трепещутъ исполины
Передъ проснувшимся врагомъ!
Пусть въ пѣснь мощной и свободной
Ихъ поразитъ, какъ грозный бичъ,
Великій кличъ международный:
Могучій зовъ, побѣдный кличъ,
Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой
На смертный бой
Вставай, народъ-титанъ!

— Вы должны разучить слова этого гимна свободы. Когда мы пойдемъ съ нимъ дружными рядами, съ нами должны быть и вы.

**) Императоръ, церковь, дѣти, платья и кухня.*

— Но... какъ-же... война?.. — тихо сказала Зоя Николаевна и умолкла.

У нея была зеленая десятиверстная карта, купленная ею въ магазинѣ Главнаго Штаба. На ней краснымъ и синимъ карандашомъ она отмѣчала по газетамъ и письмамъ Александра Ивановича тѣ мѣста, гдѣ были бои. Всѣ эти Бережницы, Любашевы, Рудки Червинце, Воли Снятынски, ей были родными и знакомыми. Тамъ была таинственная, невѣдомая война, о которой она имѣла смутное предетавленіе по газетамъ и иллюстрированнымъ прибавленіямъ. Тамъ были ужасъ и смерть, но тамъ были ея воздыханія и молитвы.

— Война, — сказалъ Кнопъ, — не тамъ, а здѣсь. Будетъ побѣда здѣсь и тамъ все полетитъ къ чорту и свободный народъ сокрушитъ врага и прогонитъ его далеко за предѣлы Русской земли. Да и что такое — предѣлы Русской земли? Никакихъ границъ, никакихъ предѣловъ, никакихъ таможенъ не будетъ знать грядущее братство народовъ!

Кнопъ говорилъ и за чаемъ и послѣ чая. Онъ говорилъ почти все время одинъ. Онъ не давалъ возражать себѣ. Да и могла ли Зоя Николаевна что-нибудь возразить, когда все было такъ прекрасно? Но ей было все-таки горько. Подвигъ ея мужа, его георгіевскій крестъ, то, что она, Зоя Николаевна, мать командирша, что ея Александра Ивановича и ее будутъ встрѣчать въ собраніи полковымъ маршемъ музыканты и дежурный офицеръ подходитъ съ рапортомъ, этого какъ-будто въ будущей новой Россіи не предполагалось. И она не могла себѣ представить, что же будетъ тогда на мѣстѣ Морочненскаго полка и ея Александра Ивановича? Выходило, какъ будто, пустое мѣсто. Шумливо и сумбурно подъ звуки марсельезы, по чужому звучавшей для нея, выявлялась какая-то громадная толпа какихъ-то пролетаріевъ и въ ней безъ остатка тонула личность ея Александра Ивановича, ея самой, Вали, значеніе подвига и святость креста. И объять этого она не могла. Ей хотѣлось задать множество вопросовъ, самыхъ мелкихъ, но и самыхъ для нея важныхъ. Будетъ ли она

„барыня“ и будетъ ли ей служить ея милая Таня? Можно ли будетъ ходить въ церковь и на Рождество устраивать елку для Вали и смотрѣть мокрыми отъ слезъ глазами на ея огоньки и вспоминать прошлое? Будутъ ли вербы и свѣчки, съ которыми такъ пріятно возвращаться домой, закрывая ихъ бумагой, или ладонью отъ вѣтра? Будетъ ли Пасха, яйца и христосованье и окорокъ на столѣ?

Но спросить объ этомъ она не смѣла, а Кнопъ все говорилъ и говорилъ.

Когда въ первомъ часу ночи онъ уходилъ, Ниночка безцеремонно выпроводила его впередъ, а сама осталась на минуту въ прихожей обмѣняться впечатлѣніями съ подругой.

— Ну, какъ, Зорюшка, тебѣ понравился мой Боря?

— Ахъ очень, — печально отвѣтила Зоя.

— Не правда ли, какой онъ умный? Я считаю его прямо геніальнымъ.

— Да. Конечно. Но я многаго не поняла.

— Сразу и не поймешь. Это не дается сразу. Мы будемъ часто ходить и тогда постепенно все тебѣ станетъ ясно. Въ октябрѣ на пулеметные курсы въ Ораніенбаумъ пріѣзжаютъ три его товарища — Осетровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ — вотъ теплые ребята! Я непремѣнно приведу ихъ къ тебѣ. Кнопъ — это теорія и ученость — а другіе — тѣ вопроще и погрубѣе — черноземная сила — они практики. И какая сила! Настоящіе братья-разбойники. Прелесть какіе ребята! Такъ ты довольна?

— Очень! Очень! — сквозь слезы отвѣчала Зоя, провожая подругу.

Ей хотѣлось плакать...

XIV

Ниночка стала бывать у Зои каждый день и почти всегда ее сопровождалъ Кнопъ. Они вмѣстѣ обѣдали, ходили по кинематографамъ и театрамъ, пили чай вечеромъ и Кнопъ развивалъ Зою, открывая передъ нею тѣ широкія

перспективы, которыя будутъ въ новой свободной соціалъ-демократической Россіи. По его словамъ царство Божіе, великая правда спускалась на землю и на землѣ наступалъ рай. Зоя Николаевна, слушая его, восхищалась. Не будетъ смертной казни, не будетъ тюрьмы и ссылки, всѣ будутъ счастливы, не будетъ обиженныхъ и обездоленныхъ. Какъ это будетъ дивно хорошо. Но, оставаясь одна и перебирая въ мысляхъ своихъ все то, что говорили Кнопъ и Ниночка. тоже старавшаяся по мѣрѣ силъ развить подругу, Зоя открывала въ будущемъ раю много такихъ подробностей, съ которыми никакъ не мирилось ея сердце.

Былъ праздникъ, крѣпкій осенній воздухъ хватилъ неожиданный октябрьскій морозъ, гулко звенѣлъ благовѣстъ. въ открытую форточку гостиной доносились могучіе удары колоколовъ Знаменской церкви, имъ справа отвѣчала менѣе слышная, заглушенная шумомъ города Владимірская и издалека, тая въ прозрачной синевѣ блѣднаго неба, звучалъ Казанскій звонъ. Этотъ благовѣстъ поднималъ со дна сердца волнующія воспоминанія. Такъ же прислушивалась она къ колоколамъ и въ институтѣ, когда вдругъ открывали окна и несла свой благовѣстъ Знаменская, а ей отвѣчала Владимірская и все покрывалъ Казанскій соборъ. А какъ это было хорошо на Пасху!

Въ новой Россіи этого какъ-будто не должно быть. Кнопъ касался этого вопроса осторожно. Ниночка на прямо поставленный вопросъ о церкви отвѣчала смѣясь: — „лучше безъ поповъ. Что попы! только обираютъ и обманываютъ народъ“. Зоя вспомнила восторженно-умиленное чувство, охватывавшее ее передъ причастіемъ, чувство душевной чистоты и устремленія ввысь послѣ причастія. бѣлыя одежды, изящную прическу, чай не во-время, предупредительность домашнихъ къ причастницѣ, Христовой невѣстѣ, и ей до боли въ сердцѣ становилось жаль всего этого. У Кнопа выходило такъ, что церковь останется, но кто хочетъ — ходитъ и вѣруетъ, а кто не хочетъ — никто не неволитъ. Таинство не таинство, а просто свое удовольствіе, и богослуженіе въ храмѣ ничѣмъ не разнится по смыслу отъ театральнаго представленія. Дѣтей зако-

ну Божьему учить не предполагалось, но кто хочетъ, можетъ приглашать къ себѣ на домъ священника и пусть тотъ учитъ.

Кнопъ и Ниночка напирали на то, что Государь очень много сдѣлалъ зла Россіи, что вообще Цари мучили и тиранили народъ и не только они сами, но самая память о нихъ, даже описаніе ихъ дѣйствій и подвиговъ, исторія, должны быть уничтожены и вытравлены изъ народной памяти. Государя они называли не иначе какъ „тиранъ“, „Николашка кровавый“ и изъ-подъ полы показывали ей ужасныя карикатуры преимущественно нѣмецкаго изготовленія.

Зоя совсѣмъ не знала Государя, но она отлично помнила ту суматоху, которая поднялась въ институтѣ, когда туда пріѣхали Императоръ съ Императрицей. Ее тогда охватило такое волненіе, что она даже не видала ясно ихъ лицъ. Что-то свѣтлое, сіяющее, непохожее на людей проходило по залamъ, кто-то говорилъ стихи, весь институтъ колыхаясь, какъ море, бѣлыми передниками, присѣдалъ въ почтительномъ глубокомъ реверансѣ. Сама Зоя, тогда воспитанница шестого класса, танцовала характерную венгерку съ воспитанницей Сѣдовой и сама себя не помнила отъ счастья и волненія. Когда Государь уѣзжалъ, барышни вытащили у него изъ кармана платокъ, изъ-за этого платка былъ страшный споръ, потомъ этотъ платокъ разорвали на части, и у Зои и до сихъ поръ въ шкатулкѣ съ ея подвѣнечными флеръ д'оранжами, вѣнчальными свѣчами и воскомъ съ волосами ея Вали, взятыми при ея крещеніи, хранится маленькій кусочекъ батиста отъ Государева платка.

Все, что случалось хорошаго въ жизни ея отца, а теперь ея мужа, случалось Монаршею милостью. Вотъ и недавно, когда Александръ Ивановичъ получилъ Морочинскій полкъ Таня и кухарка поздравляли Зою Николаевну съ Монаршею милостью и Таня заказала въ булочной большой крендель съ ванилью и изюмомъ и подала его къ чаю по случаю Монаршей милости.

Безъ слезъ и умиленія Зоя не могла слушать Русскаго

гимна и все, что касалось Государя и Россіи, было для нея свято.

Въ новой Россіи вмѣсто Государя будетъ народъ. „Самъ народъ“, говорилъ Кнопъ, „черезъ своихъ избранниковъ будетъ вершить всѣ свои дѣла“. Кнопъ много объяснялъ ей о великомъ значеніи прямого, равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія и называлъ его священной четырехвосткой.

Оставшись одна, Зоя достала небольшой ученическій атласъ, развернула карту Россійской имперіи и, сморщивъ бѣлый лобъ и нахмуривъ брови, углубилась въ воспоминанія институтской географіи. Географію она любила и по географіи у нея всегда было двѣнадцать. Она смотрѣла на большія зеленыя пространства, гдѣ змѣились черныя рѣки, гдѣ не было желѣзныхъ дорогъ и очень рѣдко видѣлись надписи странныхъ, не виданныхъ городовъ. Якутскъ. Енотаевскъ, Колымскъ, Петропавловскъ, Нижнга — читала она. Она спускалась ниже къ скромному блѣдно-желтому пятну, окруженному коричневыми горами, читала названія Пржевальскъ, Джаркентъ, Кокчетавъ и думала, какъ тамъ будутъ избирать и какъ оттуда на оленяхъ, на собакахъ, на лошадяхъ, черезъ лѣса и горы, черезъ тайги и тундры, черезъ пустыни и степи поѣдутъ всѣ эти самоѣды, якуты, буряты, киргизы и будутъ вершить вмѣсто Государя дѣла Россіи...

И Таня будетъ вершить и ихъ денщикъ, Ибрагимка, татаринъ, косолапый, всему смѣявшійся и ничего не понимавшій, котораго Зоя и за человѣка не считала.

Она высказала свои сомнѣнія Кнопу.

— Что же, если выберутъ, — сказалъ Кнопъ.

Онъ говорилъ ей о Думѣ. Она вспоминала картинки засѣданій Думы, вспоминала свои впечатлѣнія о посѣщеніи Думы и рослую осанистую фигуру съ барскими широкими жестами Родзянки.

Государь или Родзянко?..

„Ну, конечно, Государь. Родзянко былъ человѣкъ, а Государь...“

Но она не смѣла сказать того, что думала, Кнопу. Она чувствовала, что у Кнопа, какъ и у всѣхъ, кто съ нимъ, развита почему-то страшная ненависть и злоба къ Государю, и говорить объ этомъ не стоило. Но странно было думать, что якуты, буряты, самоѣды, Таня и Ибрагимъ вмѣстѣ съ Родзянкой будутъ рѣшать всѣ Русскія дѣла, объявлять войны, заключать миръ, посылать посольства. „Да станутъ ли съ ними еще и разговаривать тамъ, въ Европѣ?“ думала Зоя, но молчала.

Дальше, по разсказамъ Кнопа, выходило совсѣмъ чудесное, какъ въ сказкѣ. Войско и полиція, судъ и тюрьмы уничтожались за ненадобностью. Главная причина всѣхъ человѣческихъ преступленій -- деньги, отмѣнялись. Все, что нужно человѣку для жизни — пища, одежда, жилище, все это будетъ общее и будетъ выдаваться людямъ по мѣрѣ надобности безплатно.

„Будетъ ли это хорошо?“ думала Зоя Николаевна. „Вотъ уже теперь ввели карточки на сахаръ, на муку, въ интендантскомъ складѣ выдаютъ по квитанціямъ крупу и консервы и не даромъ, а за деньги и то сколько мучиться приходится, стоя въ очередяхъ и переходя отъ барышни къ чиновнику и отъ чиновника къ приказчику. И сколько злоупотребленій и зависти. Одинмъ почему-то даютъ, другимъ нѣтъ. Прежній порядокъ былъ куда проще. — зашелъ, взялъ и заплатилъ. Она высказала свои сомнѣнія на счетъ практичности такой системы Кнопу, но тотъ пожалъ плечами и сказалъ: — „обывательская психологія“ и сталъ длинно и подробно разсказывать ей объ обмѣнѣ труда на продукты. Трудъ писателя, чиновника, художника, актера приравнивался къ труду сапожника, земледѣльца, скотовода, высчитывался и какъ-то волшебно обращался въ право на комнату, на постель, на одѣяло, на кусокъ хлѣба, обѣдъ въ общей столовой, бутылку пива, кресло въ театрѣ.

Въ воображеніи Зои появлялись табуны, стада людей, которыя что-то дѣлали, а больше вмѣстѣ ѣли и сидѣли по театрамъ. Было необычно, неизвѣстно, и въ общемъ, непонятно.

— Но, если я не хочу быть вмѣстѣ, въ общей столовой,

а хочу быть у себя за столомъ, чтобы Таня мнѣ служила, и сидѣть со своею посудою и ѣсть то, что я хочу?

— Этого уже нельзя будетъ, милая барынька — говорилъ Кнопъ и на лицѣ его было написано: ежели бы ты не была такая хорошенькая, я бы съ собою и разговаривать не сталъ. — Равенство требуетъ отмѣны собственности.

Но когда затронули вопросы любви, Зоя Николаевна пришла въ ужасъ. Этотъ деликатный вопросъ Кнопъ поручилъ Ниночкѣ. Но только Ниночка начала говорить, какъ Зоя Николаевна заплакала и замахала руками.

— Это какія-то собачьи понятія, — воскликнула она. — И не говори, милая Ниночка, родная моя, не говори. Мнѣ просто гадко это слушать. Это и вообще-то гадость, а такъ, какъ ты говоришь, съ любымъ мужчиной, хоть на полчаса. Нѣтъ, нѣтъ, оставь! А дѣти! Какъ же дѣти! — съ отчаяніемъ закричала она и, ставъ пунцово-красной, убѣжала въ другую комнату.

— Ахъ, какъ сильны буржуазные предразсудки! — вздыхая, говорилъ Кнопъ, когда Ниночка разсказала ему результаты своего разговора о свободной любви.

Соціалъ-демократическій рай будущей Россіи казался Зоѣ Николаевнѣ далеко не раемъ, а грязной толпой, мечущейся безпорядочно отъ удовольствія къ удовольствію и не сдержанной никакимъ трудомъ. Все было смутно и неясно и прозрѣвать она стала только тогда, когда къ ней однажды вечеромъ нагрянула вмѣстѣ съ Кнопомъ и Ниночкой веселая шумная компанія изъ Осетрова, Гайдука и Шлоссберга и съ ними какая-то странная дѣвица, высока протянувшая Зоѣ Николаевнѣ холодную руку, устремившая на нее большіе свѣтлые русалочьи глаза и назвавшая себя „товарищъ Дженни“.

XV

Всѣ три офицера были одѣты изысканно и богато, но каждый имѣлъ нѣчто свое въ одеждѣ и манерахъ.

Осетровъ въ прекрасно сшитой, защитнаго тонкаго

сукна, рубахѣ въ широкихъ Русскихъ шароварахъ и высокихъ, хорошей дорогой шагрени сапогахъ, съ клокомъ волосъ на лбу, съ ухватками деревенскаго парня, походилъ на ухаря купца. Онъ вдругъ наполнилъ маленькую гостиную Зои шумомъ, говоромъ и широкими жестами разгульнаго волжскаго разбойника. Говорилъ онъ громко, съ прибаутками, звонко хохоталъ, сверкая бѣлыми зубами, и очаровалъ прежде всего Таню, не спускавшую съ него восхищенныхъ глазъ. На лицѣ и въ жестахъ у него сквозило: — все могу! все позволено, все куплю.

Гайдукъ былъ въ модномъ френчѣ, галиффэ, утрированно широкихъ у бедръ, башмакахъ и обмоткахъ. Вся его фигура квадратная, точно составленная изъ геометрическихъ линій, давила своею опредѣленностью. Онъ почти ничего не говорилъ и, какъ только познакомился съ Зоей, устремилъ на нее тяжелый неподвижный взглядъ. Широкое, круглое, бритое лицо его лоснилось отъ пота, и около ушей и на вискахъ были прыщи и черные угри. На большомъ мясистомъ ртѣ играла сладострастная улыбка, обнажая два ряда рѣдкихъ, мелкихъ, желтыхъ зубовъ.

Шлоссбергъ, одѣтый во френчъ, имѣлъ подъ нимъ рубашку со штатскими высокими крахмальными воротниками, подиравшими его подбородокъ. На немъ были длинные брюки и штатскіе ботинки на шнуркахъ. Онъ одинъ былъ безъ ремня на френчѣ, висѣвшемъ на немъ свободно, какъ штатскій костюмъ. Голое, синевато бѣлое лицо его, съ глубокими синяками подъ глазами было нездорово. Взглядъ былъ тусклый и усталый, движенія медленныя, лѣнивыя. Онъ протянулъ Зоѣ руку съ длинными тонкими пальцами и холеными отшлифованными ногтями жестомъ короля, ожидающаго, что у него поцѣлуютъ руку. Волосы блѣдно желтаго цвѣта были тщательно разобраны проборомъ и блестѣли. На лбу и на затылкѣ уже была лысина.

„Товарищъ“ Дженни была одѣта въ мужскую рубашку съ галстухомъ ярко-краснаго цвѣта, заштопаннымъ булавкой съ Адамовой головой. Поверхъ рубашки былъ пиджакъ синяго тонкаго сукна. Такая же юбка охватывала ея узкія

бедра и кончалась немного ниже колѣна. Дальше были высокіе желтые сапожки на шнуркахъ. Она была бы красива со своими обезцвѣченными водородомъ свѣтло-желтыми волосами, съ большими задумчивыми, загадочными глазами, если бы ея лицо не было мертвенно-блѣдно нездоровою блѣдностью бѣлокровія. Она смотрѣла то на того, то на другого изъ гостей пристальнымъ печальнымъ взглядомъ и вдругъ разражалась веселымъ истеричнымъ смѣхомъ. Тогда лицо ея оживало.

Зоя Николаевна при видѣ столькихъ незнакомыхъ мужчинъ совершенно потерялась, но гости не смущались. Они вошли въ ея квартиру, какъ въ свою собственную, и Гайдукъ, ни у кого не спрашивая позволенія, закурилъ толстую папиросу.

— Не удивляйтесь нашей безцеремонности, — мягко сказалъ Шлоссбергъ, обращаясь съ Зоѣ Николаевнѣ. — Война насъ сдѣлала такими. Мы привыкли жать, гдѣ не сѣяли.

— Подъ каждымъ дерева листомъ ей былъ готовъ и столъ, и домъ, — развязно сказалъ Осетровъ. — Товарищу Ниночкѣ привѣтъ. Какъ ваша муза? Нащелкали что-либо?

— Немного есть.

— Прочтете?

— Это уже, какъ хозяйка.

— Коммуна, Ниночка, коммуна! Давайте, выберемъ предсѣдателя, если хотите, но не хозяйка. Гдѣ хозяйка, тамъ есть работники. А мы не работники. Аминь! „Быть по сему!“ „прочелъ съ удовольствіемъ“ — какъ говоритъ Николашка кровавый, — выкрикнулъ Осетровъ.

— Пожалуйста читай, Ниночка, — сказала Зоя Николаевна.

— Просимъ, просимъ!

— Нѣтъ, я не буду первая. Пусть Шлоссбергъ прочтетъ что нибудь хорошее.

Шлоссбергъ не отказывался. Онъ подошелъ къ роялю и товарищъ Дженни покорно пошла за нимъ и сѣла на табуретъ. Она взяла нѣсколько тактовъ похороннаго марша,

потомъ смолкла и рѣдкими торжественными аккордами сопровождала мелодекламацію Шлоссберга.

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась;
То одна изъ ступеней отъ трона царя
Съ грознымъ трескомъ долой отвалилась...

Дженни ушла въ басовой ключъ и клавиши звучали мягко и торжественно.

Мраченъ царь... Думу крѣпкую думаетъ онъ,
Кто осмѣлился стать судіею
Надъ тобою, надъ вѣрнымъ слугою моимъ,
Надъ любимцемъ, возвышеннымъ мною.

Шлоссбергъ рисовалъ грозную картину видѣній Царя, нарисованную Ольхинымъ въ его стихотвореніи „На смерть Мезенцева".

Царь стоитъ и не вѣритъ смущеннымъ очамъ;
Какъ на гласъ неземного велѣнья,
Поднялись и проносятся мимо него
Рой за роемъ живыя видѣнья.

Изможденны, избиты, въ тяжелыхъ цѣпяхъ,
Кто съ прострѣленной грудью, кто связанъ,
Кто въ зіяющихъ ранахъ на вспухшихъ спинахъ,
Будто только что плетью наказанъ.

Тутъ и лапоть крестьянскій, и черный сюртукъ,
Женскій локонъ, солдатикъ въ мундирѣ,
И съ веревкой на шеѣ удавленный трупъ,
И поэтъ замороженный въ Сибири.

Всѣ притихли. У Зои глаза были полны слезъ. Она чувствовала, какъ колебалась ея любовь къ Государю и Монаршая милость теряла свое обаяніе.

Шлоссбергъ долго читалъ среди затихшихъ гостей, и звуки рояля уже бурно гремѣли угрозой и бунтомъ, и нѣжно и гнѣвно не говорилъ, а кричалъ слова мести Шлоссбергъ:

— „И виситъ эта туча, и будто бы ждетъ,
Словно крылья орелъ расправляетъ,
Но ударитъ твой часъ, — грозовая стрѣла,
Какъ архангела мечъ засверкаетъ.
Каждый стонъ, каждый вздохъ, пролитая слеза
Въ огнедышащихъ змѣй обратятся,
И въ давно зачерствѣлое сердце твое
Милліонами зубьевъ вонзятся!

Шлоссбергъ понизилъ свой голосъ почти до шопота, Дженни подъ сурдинку играла похоронный маршъ.

Полумракъ, тишина... пышный гробъ и налой.
Образа съ восковыми свѣчами,
И покойникъ съ суровымъ холоднымъ лицомъ,
Съ искаженными смертью чертами.

Нѣсколько секундъ въ гостиной царила тишина.

— Здорово! — сказалъ Осетровъ.

— Да! Эт-то талантище! Эт-то писатель, — проговорилъ молчавшій пока Гайдукъ.

— Товарищи, — сказалъ Кнопъ, — а какъ у васъ въ пулеметномъ полку, насчетъ пѣсенъ и литературы?

— Идетъ, — сказалъ Осетровъ, произнося по мужицки и д е т ъ. — Тутъ легко. Народъ сознательный, ну и начальство растеряно. Рабочую марсельезу разучили, „Вы жертвою пали“ — поемъ, — „ночь темна“ знаемъ, тутъ можно, а вотъ въ полку — египетскія казни пошли. Саблинъ генералъ корпусъ принялъ и понило. Цензура... все запрещено, только „громъ побѣды раздавайся“ и пой. Ну генералъ! И молодой совсѣмъ, а такой ассидъ. Занятія завелъ.

— Какія же занятія? — спросилъ Кнопъ.

— Да разныя. Укрѣпленія въ тылу построилъ, проволокою окуталъ, теперь атаки дѣлать заставляетъ, проволоку рѣзать, черезъ рвы прыгать, ручныя гранаты бросать. А то еще музыкантовъ завелъ, гимнастику всѣмъ полкомъ подъ музыку заставляетъ дѣлать. Бѣгать по часамъ заставляетъ. Самъ ночью въ окопахъ сидитъ, а утромъ къ резервной дивизіи катитъ, на занятія, значитъ. Двухъ командировъ полковъ прогналъ, новыхъ поставилъ. Тянутъ солдата. Всѣхъ остритъ, даже офицеровъ, вшей уничтожилъ, честь отдавать заставилъ. Самъ двужильный и другихъ тянетъ.

— Ну, а солдаты какъ на это? — спросилъ Кнопъ.

— Не одобряютъ. Погоди, говорятъ, дай срокъ, мы съ тобой раздѣлаемся. Намъ, говорятъ, этого не надо, мы воевать не хотимъ.

— Непріятіе войны? — сказалъ Кнопъ.

— Надоѣло. Окопы замучили. Кабы война настоящая, а то только такъ. Томленіе одно. Газовъ страсть боятся.

— Гмъ, гмъ, — сказалъ Кнопъ. — Воевать все таки придется.

— А нельзя пошабашить? — спросилъ Гайдукъ. — Ежели революція и все такое.

— Нельзя. Они требуютъ. И деньги на революцію давали съ тѣмъ, чтобы никакого мира. Такъ и пропаганду надо вести — революція, моль, долой Царя, устройство демократическаго образа правленія и — сейчасъ продолженіе войны — въ полномъ согласіи съ союзниками.

— Трудно это будетъ, — сказалъ Осетровъ.

— Какъ рабочіе? — спросилъ Гайдукъ.

— Тамъ все готово. Наши на мѣстахъ и каждую минуту готовы стать къ власти.

— Помните, товарищъ, наши требованія — сейчасъ же демократизація арміи, комитеты, выборное начало при назначеніи на командныя должности, отмѣна дисциплинарной власти, отмѣна отданія чести...

— Понимаю, понимаю, — торопливо сказалъ Кнопъ. Droit du soldat.*) Декларація правъ солдата. На это идутъ. Согласны. П. немного артачится, а Г. идетъ. Онъ теперь подъ подозрѣніемъ. Въ Кисловодскъ удралъ. Но вы увѣрены, что у васъ изберутъ кого надо?

— Боимся, чтобы не Саблина, — сказалъ Шлоссбергъ.

— Какъ такъ? Вѣдь вотъ товарищъ Осетровъ говоритъ, что его ругаютъ, — сказалъ Кнопъ.

— А вотъ, подите, товарищъ, — поймите психологію солдата. Онъ де кормить сталъ хорошо, полушубки досталъ, сапоги — и уже многіе за него и про занятія молчатъ.

— Спровоцировать придется, — сказалъ Кнопъ. — Задержать транспорты съ продовольствіемъ. Пищу испортить.

— Не учите. Сами понимаемъ, — сказалъ Гайдукъ.

XVI

Послѣ чая стало шумнѣе.

— Я все таки, товарищъ Борисъ, не понимаю ни кубизма, ни футуризма этого самаго, — говорилъ Осетровъ. — Ну къ чему оно? Какое отношеніе къ революціи?

— А мозги набекрень свернуть. Эхъ, товарищъ, мы такъ старательно захаяли все старое, что надо дать все новое съ иголочки, чтобы ничѣмъ этого стараго не напоминало. Если бы можно, надо было бы новый языкъ изобрѣсти вмѣсто русскаго. Посмотритъ нашъ дикарь на эти пестрые кубы, цилиндры, конусы, вопящіеся куда то, на эту яркую желтую краску, вылупитъ глаза и дивится, какъ баранъ на новыя ворота. Это вотъ картина! Да что простой народъ. Есть на наше счастье и художественные критики, находящіе новое откровеніе въ искусствѣ кубистовъ. А, напримѣръ, товарищъ, вся та белиберда, что преподносятъ теперь поэты, она уже потому намъ хороша.

---

*) *Права солдата.*

что никакъ не похожа на старое. Слова пошли новыя... Я бы и буквы придумалъ другія. Новая Россія и все по новому.

— Боюсь, я не угожу вамъ стихами, — сказала Ниночка. — Они проникнуты особымъ настроеніемъ и музыкою слова.

— Прочти ихъ намъ, Нина, — сказалъ Кнопъ.

— Мы слушаемъ, — сказалъ Осетровъ, не сводя знойнаго страстнаго взгляда съ Зои.

Ниночка встала съ кресла, отошла въ уголъ комнаты и устремила мечтательные глаза вдаль.

— Ну! — сказалъ Осетровъ.

— Погодите. Я создаю настроеніе. Помолчите пожалуйста. Я поймаю минуту, когда начинать.

Всѣ притихли. За двѣ комнаты въ спальной тихо, точно жалуясь кому то, плакала маленькая Валя.

— Ты точно насъ на фотографію снять хочешь, — сказала Зоя Николаевна.

Ниночка болѣзненно сморщилась и погрозила ей пальцемъ.

— Есть! наконецъ! — сказала она. Звучнымъ грудным контральто, растягивая слова, она начала:

Я больна тобою, мой милый.
Я давно тобою больна.
Со стѣны смотритъ Ликъ унылый
И на небѣ луна.

Мнѣ не жить, не жить безъ тебя.
Умереть я давно готова.
Умереть тяжело мнѣ, любя...
На дворѣ промычала корова.

Я умру.... Схорони меня въ полѣ,
Гдѣ цвѣтутъ голубые цвѣты.
На томъ свѣтѣ я буду на волѣ...
Я... а со мною — и ты!

— Браво! — воскликнулъ Шлоссбергъ.

— А не украла Ниночка? — сказалъ Кнопъ. — Съ тобою бываетъ. У Анны Ахматовой, напримѣръ.

— Нѣтъ, — покрасивѣвъ сказала Ниночка. — Но, правда, эти стихи навѣяны мнѣ ея стихами. Такими сладкими, за душу берущими стихами. Ты, Боря, ко мнѣ всегда придираешься.

— Ты, правда, виноватъ, — сказалъ Шлоссбергъ. — За это ты долженъ прочесть твой гимнъ товарищу Нинѣ.

— Извольте, — развязно сказалъ Кнопъ.

Я иду въ пустынь жалкой
Воспѣвая красоту.
Жизнь мнѣ мнится приживалкой,
Глупой, хищной, черной галкой,
Устремленной въ высоту.

Я иду... Кругомъ тѣснины,
Рвы, могилы, скалы, горки.
Я пою красоты Нины,
Синихъ глазъ ея глубины.
Жизнь мнѣ кажется не горькой.

Я иду. А солнце вянетъ,
Лѣсъ закатомъ окраля,
Въ мысляхъ Нина, точно фея
Лиловѣя, голубѣя
Вѣчно милая мнѣ краля!

— Это мнѣ? Спасибо, Боря, — сказала Ниночка.

— Прелестно, — задумчиво проговорила Зоя.

— Неправда ли, сколько настроенія, — заговорилъ самъ Кнопъ. — И какъ удалось мнѣ это: — „лѣсъ, закатомъ окраля“ — это уже новое. Каждое новое слово мнѣ кажется важнымъ достиженіемъ будущаго. Напримѣръ, я придумалъ слово — „остулиться“ — вмѣсто сѣсть. Неправда ли хорошо. Я остулился — то есть сѣлъ на стулъ.

— Ну... Я отабуретился.

— Ловко.

— Шлоссбергъ, прочти начало твоей новой поэмы „Пулеметчики — молодчики“, — сказалъ Гайдукъ.

— Это я надумалъ осенью въ окопахъ, когда генералъ Саблинъ тиранилъ насъ, а я мечталъ о свободѣ, — сказалъ Шлоссбергъ и мечтательно, полузакрывъ глаза, сталъ декламировать:

Ночь лихая,
Грязь кругомъ,
Мысли таютъ
Въ головѣ моей пустота:
Мысли... Мысли...
Будьте сильны, будьте страшны...
Мой пулеметъ
Поливаетъ дождикъ...
Дождикъ не пойметъ,
Что таится,
Что гнѣздится
У него въ стволѣ... тра-та-та!

Дождемъ насъ мочитъ и мучитъ грязь,
Въ полку осталась только мразь.
Душа черна, на сердцѣ жаръ,
Въ груди пожаръ, пожаръ, пожаръ...
Христа у насъ какъ не бывало,
Надъ кровью сердце не рыдало,
Безъ страха, безъ страха,
Безъ совѣсти мы,
Безъ стыда.

Пулеметчики младые
Будутъ за народъ стоять,
Будутъ за народъ стоять —
По врагамъ его стрѣлять!
Ахъ ты, воля волюшка!
Дѣвочка намъ дастъ,
Пьянымъ какъ напьюся я,
Поцѣлуетъ, не продастъ.

Трепещите, офицеры,
Отберемъ пуховики:
Поднимаются эсъ-эры,
И идутъ большевики...

— Прекрасно, прекрасно! — заговорилъ Кнопъ. — Ваша поэма открываетъ совершенно новые горизонты стихосложенія. Ваше пренебреженіе размѣромъ, своеобразная музыка стиха, оригинальная римовка, недосказанная повторенность, неограненная огранность образовъ великолѣпны. Неправда ли, Зоя Николаевна, какъ чувствуется здѣсь настроеніе озлобленнаго нелѣпою войною солдата, подавленнаго грязью, тяжелой природой и начальственнымъ произволомъ? Ваша поэма переживетъ вѣка, товарищъ. Какъ думаете вы, Зоя Николаевна? Это выше Пушкина? Не хуже Блока?

— Не знаю, ахъ, не знаю, — сказала Зоя.

Ея сердце мутилось тоскою отчаянія.

XVII

Зоѣ Николаевнѣ казалось порою, что кругомъ нея сумасшедшіе, что она попала въ домъ умалишенныхъ. Они приходили часто. Они безцеремонно приносили съ собою вино, водку и закуски и часовъ около двѣнадцати шли въ столовую, пили и шумѣли. Что могла она сдѣлать? Она говорила Ниночкѣ, что это ей не нравится, что ея домъ не кабакъ, и ей непріятно, что они тратятъ деньги...

— Милка моя. Неужели ты не понимаешь, что это коммуна! Въ этомъ наша сила, въ этомъ все счастье будущей жизни, гдѣ не должно быть никакого стѣсненія! Ты замѣтила, — Осетровъ въ тебя влюбился съ перваго взгляда. Тебѣ подвезло. Онъ красавчикъ и богатенькій. У его отца, несмотря на войну, пятьдесятъ запряжекъ осталось. А у него такой характеръ, что, если онъ вздумаетъ закуралесить, такъ такого навертитъ, что просто ужасъ. Онъ тебѣ понравился?

— Да, онъ красивый, но у него страшные глаза.

— Ты говоришь это такъ холодно. Ты знаешь, какъ онъ въ тебя влюбленъ. Когда онъ говоритъ о тебѣ, онъ прямо скрежещетъ зубами и выворачиваетъ глаза. Ты должна быть его.

— Что ты говоришь, Ниночка!

— Ты должна отдаться ему. Подумай: — видный партійный работникъ, вождь будущаго движенія и такой красавецъ. Тебѣ везетъ.

— Нина, — строго сказала Зоя. — Я тебя очень попрошу, никогда не говори мнѣ ничего такого. Понимаешь. Это нехорошо. Это гадко, Нина, — со слезами воскликнула она. — Это пошло! И устрой такъ, чтобы господинъ Осетровъ у меня больше не бывалъ. Не забывай, что я замужемъ и люблю своего мужа.

Ниночка кое-какъ успокоила Зою. Какъ-то Зоя позавидовала сапожкамъ Ниночки. На другой день, въ неурочное время послѣ завтрака, къ ней явился Осетровъ со сверткомъ. Она хотѣла отказать ему и не могла. Когда она вышла въ гостиную, онъ развернулъ свертокъ и вынулъ прелестные высокіе сапожки.

— Это я вамъ, Зоя Николаевна. Примите отъ меня презентъ. Осчастливьте! Вы хотѣли.

— Нѣтъ, Михаилъ Сергѣевичъ. Ни за что. Развѣ можно дѣлать такіе подарки. Уберите ихъ. Оставьте меня.

— Зоя Николаевна, ну только примѣрить. По ногѣ ли я вамъ купилъ? Угадалъ ли размѣръ?

Онъ стоялъ противъ нея, держа лакированные черные высокіе сапоги на рукѣ. Глаза его горѣли страстью. На лбу у волосъ выступили капли пота. Широкая грудь тяжело дышала. Но во взглядѣ она уловила робость. Руки его дрожали. Сапожки были восхитительны, и Зоя безпомощно сѣла въ кресло. Онъ понялъ это, какъ разрѣшеніе примѣрить, и кинулся къ ея ногамъ. Дрожащими руками онъ сталъ распинуровывать башмачки и, снявъ ихъ, натянулъ до самаго колѣна сапожки.

— Ну, какъ? Хорошо? Пройдитесь, — умолялъ онъ, не вставая съ колѣнъ.

Зоя Николаевна прошлась. Сапоги сидѣли отлично. Маленькая ножка была, какъ облитая. Зоя не могла скрыть, что сапоги ей понравились.

— Ну теперь давайте, я сама сниму и уходите съ ними, ради Бога! Какой вы сумасшедшій! - Она сѣла въ кресло. Онъ кинулся къ ней и сталъ покрывать жадными поцѣлуями ея ноги, все выше и выше поднимая юбки. Зоя Николаевна оцѣпенѣла отъ такой наглости и отъ страха чуть не потеряла сознанія.

— Вы... Вы... негодяй!... Вы съ ума сошли! — закричала она. — Идите... Идите вонъ!

— Прелестный тигренокъ! Ты будешь моя! Что хочешь возьми! Всего меня возьми? Но отдайся мнѣ.

Осетровъ хотѣлъ охватить ее руками, но она выскользнула, опрометью бросилась въ спальню и заперлась на ключъ.

— Зоя, — крикнулъ онъ, — пусти! Я съ ума сойду, Зоя. Лучше покончимъ добромъ.

Она молчала.

— Зоя! Я такого натворю. Мнѣ все равно. Я отпѣтый. На смерть и на казнь иду.

Ни звука.

Онъ ломился въ дверь. Пришла Таня. Зоя вызвала ее изнутри звонкомъ.

— Уходите, Михаилъ Сергѣевичъ, полноте скандалить, — смѣясь сказала Таня. — Ну что вы въ самомъ дѣлѣ задумали. Жена полковника и мужъ на войнѣ. Генеральская дочка, а вы такое задумали, прости Господи. Развѣ можно. Въ благородномъ семействѣ.

— Таня! — съ мольбою сказалъ Осетровъ. — Пойми меня... Хочу!

— Ну уходите, Михаилъ Сергѣевичъ, будетъ скандалить.

— Я съ ума сойду, Таня!

Его дикіе воспаленные глаза устремились въ каріе глазки Тани и что то въ нихъ прочли. Какая-то искра про-

скочила изъ глазъ Тани въ его глаза и обратно, еще и еще. Таня вдругъ поблѣднѣла и стала тяжело дышать.

— Озолочу, Таня!

— Не надо, Михаилъ Сергѣевичъ, — отходя, сказала Таня и остановилась въ дверяхъ.

Осетровъ медленно послѣдовалъ за нею. Его руки сжимались въ кулаки. Онъ ощущалъ всѣмъ тѣломъ чувство бѣглыхъ поцѣлуевъ по стройнымъ нѣжнымъ ногамъ Зои Николаевны. Онъ почти не помнилъ себя.

Таня убѣжала въ свою комнату, оставивъ дверь открытою. Осетровъ пошелъ, крадучись за нею.

— Озолочу! — сказалъ онъ, самъ не понимая того, что говоритъ. Таня, блѣдная, тяжело дышащая, стояла у окна, спиною къ свѣту.

Осетровъ подошелъ къ ней, схватилъ за талію и губами встрѣтилъ ея ищущія поцѣлуя губы.

— А! пролетарка! — прохрипѣлъ онъ. — Будь какъ она! Запрись... Откажись!... Подлая кровь!... — и онъ тяжело повалилъ ее на кровать.

XVIII

Семь дней Осетровъ не показывался къ Зоѣ. По намекамъ его товарищей она могла понять, что онъ кутилъ и шатался по такимъ мѣстамъ, какія при всей свободѣ обращенія Кноинъ не назвалъ. Ниночка сжала руки Зои и сказала ей съ горькимъ упрекомъ: — ахъ, что ты надѣлала, Зорюнка! Осетровъ седьмую ночь кутитъ съ самыми послѣдними женщинами. Погибъ мальчишечка совсѣмъ.

На восьмой день Осетровъ появился какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ почтительно поцѣловалъ руку Зои. Онъ былъ тщательно выбритъ, надушенъ. Лицо его осунулось и побѣднѣло, вѣки глазъ налились и опухли, взглядъ былъ тяжелый.

— А, — сказалъ Гайдукъ, — пожаловали, — и запѣлъ:

Только ночь съ ней провозжался
Самъ на утро — бабой сталъ!

— Оставь, — сурово сказалъ Осетровъ. — Помни уговоръ!

Вечеръ шелъ какъ всегда. Говорили о политикѣ, о Распутинѣ, о неизбѣжности революціи, о тяжести войны. Ниночка декламировала, потомъ заставили танцовать Дженни съ Зоей модный уанъ-степъ. Зоя разошлась, расшалилась, происшествіе недѣлю тому назадъ стало казаться ей не кошмаромъ, а забавнымъ приключеніемъ. Она прошла въ свою комнату, надѣла высокіе сапожки, подарокъ Осетрова, и вышла въ гостиную.

— Ниночка, — сказала она, — давай венгерку.

Танцовала она отлично. Скромность, съ какою она танцовала, ея классическія па, увлекали больше, чѣмъ разнузданныя движенія Дженни, танцовавшей потомъ со Шлоссбергомъ матросскій танецъ.

Глаза у Осетрова разгорѣлись, лицо стало краснымъ и онъ дико озирался. За ужиномъ онъ много пилъ водки и коньяку. Послѣ ужина онъ вышелъ въ гостиную и остановившись у рояля запѣлъ безъ аккомпанимента сильнымъ, полнымъ страсти голосомъ:

Этотъ ропотъ и насмѣшки
Слышитъ грозный атаманъ,
И онъ мощною рукою
Обнялъ персіанки станъ.
Брови черныя сошлися,
Надвигается гроза,
Буйной страстью налилися
Атамановы глаза.
Волга, Волга, мать родная,
Волга, русская рѣка!
Не видала-ль ты подарка
Отъ донского казака!

— Эхъ, товарищи!... Было таки времячко! Золотое времячко! Княжнами владѣли... А не то что... тьфу! Генеральская дочка!... Что намъ генералы... Плевать... — и онъ выругался сквернымъ русскимъ словомъ.

Онъ помолчалъ и дико оглянулся кругомъ. Всѣ примолкли.

— Я говорю — плевать. Ерунда!... Вздоръ!... Къ чортовой матери.

— Эхъ, Миша! Былъ ты коммунистъ. А сталъ буржуй! — сказалъ Кнопъ съ упрекомъ.

— Ну, довольно! — строго обрѣзалъ Осетровъ. — Нечего скулить. Въ чемъ свобода, товарищъ Кнопъ? Хочу — могу! Не такъ ли — а? Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое? А? Эхъ вы, голодранцы, мелкія душонки!... Вы только на слова горазды... Царизмъ!... Красное знамя!... А красное знамя подъ тюфякомъ держите!... Смѣлости нѣтъ ни у кого. Интеллигенція заѣла. Права ищете... Хочу, вотъ мое право!

— Дерзай, — сказалъ, нагло подмигивая, Гайдукъ.

— Вы мѣшаете, — глухо проговорилъ, опуская красивую голову, Осетровъ.

— Уйдемте, товарищи, что въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Шлоссбергъ. — Человѣкъ съ ума спятилъ.

Ниночка истерично смѣялась. Дженни въ упоръ смотрѣла, не мигая, въ глаза Зои, и ея лицо было мертвенно блѣдно. Кнопъ пожимался, онъ чѣмъ-то былъ очень недоволенъ. Всѣ суетились съ какими-то гаденькими, пошлыми улыбками и одѣвались въ прихожей. Осетровъ оставался одинъ въ гостиной, все въ той же презрительной позѣ со скрещенными на груди руками. Зоя Николаевна растерянно смотрѣла на всѣхъ. Она ничего не понимала. Ей казалось, что всѣ дѣлаютъ что то худое и торопятся это сдѣлать скорѣе. Она видѣла, какъ Гайдукъ что-то шепнулъ Танѣ, подававшей ему пальто, и Таня сейчасъ же ушла и вернулась, блѣдная, въ большомъ платкѣ и пальто.

— До свиданья, Зорюшка. И будь умницей. Вѣрь, что такъ надо, — сказала Ниночка и поцѣловала Зою. — Вамъ надо объясниться.

Всѣ ушли и со всѣми ушла и Таня. Всѣ предали Зою во власть этого страшнаго человѣка. Зоя рѣшила бѣжать въ спальню и запереться. Не сломаетъ же онъ двери? Но Осетровъ какъ будто понялъ ея мысли. Онъ быстро подо-

шелъ къ ней и схватилъ ея похолодѣвшія руки. Она устремила на него умоляющіе глаза.

— Михаилъ Сергѣевичъ, — прошептала она, — пустите меня. Вы не сдѣлаете этого.

— Нѣтъ. Сдѣлаю, — тихо сказалъ Осетровъ, еще ниже опуская голову.

— Вѣдь это не любовь. Это насиліе... Это подлость.

— Вы знаете, что ни любви, ни подлости я не признаю.

— Пустите меня! Ну, миленькій, хорошій, пустите!

— Зоя Николаевна, я все-таки былъ честенъ. По вашему... По прописной буржуазной морали былъ честенъ. Я хотѣлъ оставить васъ и забыть. Не могу. Пришелъ, чтобы проститься навсегда. А вотъ затанцовали вы вейгерку — и всего меня взяли.

— Пустите!

— Зоя Николаевна! Я вѣдь новый человѣкъ и то, что было и то, что будетъ, ни во что считаю. Мнѣ человѣка убить все одно, что вошь раздавить. Безъ предразсудковъ, значитъ. Бороться будете, — задушу и мертвую возьму. Мнѣ все одно, — тихо, но настойчиво сказалъ Осетровъ и перехватилъ за талью Зою Николаевну.

— Эхъ, полюбилась ты мнѣ! Генеральская дочь! - сказалъ Осетровъ, легко поднимая Зою. — Перышко!

Онъ понесъ ее въ спальню, больно сжимая ее своими сильными руками и склоняясь своимъ разгорѣвшимся лицомъ къ ея лицу. Въ темныхъ глазахъ его лучилась любовь звѣря.

Зоя Николаевна затихла, понявъ, что борьба безполезна.

Разбуженный тяжелыми шагами ребенокъ въ колыбели проснулся и заплакалъ.

— Ребенка постыдитесь, — прошептала Зоя.

— Плевать! — сказалъ сердито Осетровъ и бросилъ Зою на постель.

— Спасите! — хотѣла крикнуть она, но въ груди не было голоса.

Темное забытье спустилось надъ Зоей.

XIX

13 декабря, вечеромъ, Саблинъ получилъ приказъ Государя Императора арміямъ и флоту, гдѣ говорилось о задачахъ и цѣляхъ войны. Онъ читалъ и перечитывалъ его. Въ красивыхъ благородныхъ формахъ стараго русскаго языка было сказано о твердомъ рѣшеніи Государя, въ единеніи съ народомъ продолжать войну до полной побѣды надъ врагомъ и о завѣтныхъ русскихъ цѣляхъ: — Константинополѣ, гдѣ долженъ снова возсіять православный русскій крестъ, проливахъ, передаваемыхъ Россіи, и о полномъ отдѣленіи Польши отъ Россіи и созданіи изъ нея свободнаго государства.

Этотъ приказъ былъ отвѣтомъ на рѣчь Милюкова, сказанную въ Думѣ въ ноябрѣ и въ тысячахъ экземплярахъ распространенную по фронту, это былъ благородный призывъ къ наступленію и побѣдѣ. Саблинъ такъ и понялъ этотъ приказъ. Онъ зналъ, что въ сосѣднемъ корпусѣ шили бѣлые балахоны, чтобы, пользуясь зимой, можно было ночью незамѣтно рѣзать проволоку.

„Вотъ это“, — подумалъ Саблинъ, — „дѣйствительно повѣяло весною!“

Онъ рѣшилъ самъ прочесть этотъ приказъ въ резервной дивизіи при возможно болѣе торжественной обстановкѣ и объяснить все значеніе его солдатамъ. Въ резервѣ стояла уже не та дивизія, которою командовалъ генералъ, не могущій отличить фокса отъ мопса, но та, которою командовалъ тихій старичекъ, и гдѣ первымъ полкомъ командовалъ подполковникъ Козловъ.

Утромъ 14-го декабря дивизія собралась на обширной лѣсной прогалинѣ, окруженной землянками полковъ. Ночью нападалъ густой мягкій снѣгъ, въ лѣсу было тихо и говоръ строившихся людей и крики командъ раздавались гулко. 812-й полкъ былъ отлично одѣтъ въ новыя прекрасно пригнанныя шинели и втягивался на свое мѣсто, блестя штыками туго подтянутыхъ ружей. Другіе полки за три мѣсяца управленія корпусомъ Саблина тоже пріодѣлись и подтянулись. Въ двухъ полкахъ уже появилась

музыка и музыканты продували свои трубы и согрѣвали въ перчаткахъ мундштуки.

Саблинъ въ сопровожденіи Давыдова и двухъ ординарцевъ, гусара и казака, красивымъ свободнымъ галопомъ, ловко сидя на разжирѣвшей и игравшей на первомъ снѣгу Ледѣ, подскакалъ къ правому флангу взявшаго на караулъ Морочненскаго полка и поздоровался съ нимъ. Могучій крикъ четырехъ тысячъ человѣкъ привѣтствовалъ его. Саблинъ, счастливый и довольный, шагомъ объѣхалъ полки. Его радовала выправка солдатъ, отчетливость пріема, когда брали на караулъ и съ „на караулъ“ къ ногѣ, и болѣе или менѣе чистая и однообразная одежда. Только одного человѣка въ 814 полку Саблинъ нашелъ безъ погонъ, сдержался и лишь показалъ на него пальцемъ командиру полка. Разрумянившіеся на морозѣ, согрѣвшіеся ходьбою по глубокому снѣгу люди смотрѣли весело. Ихъ заинтересовало, почему вмѣсто обычныхъ занятій ихъ собрали всѣхъ вмѣстѣ для какого то объявленія и у многихъ была затаенная мысль: — уже не вышло ли какъ-нибудь замиренія?

Саблинъ читалъ приказъ по полкамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы каждый солдатъ ясно слышалъ и понялъ каждое Государево слово.

Первый полкъ, дрогнувъ два раза, взялъ „на караулъ“ и замеръ. Саблинъ въѣхалъ въ середину батальоновъ, отчетливо, чекая слово за словомъ, прочиталъ приказъ Императора арміямъ. Когда онъ кончилъ, онъ приказалъ взять „къ ногѣ“ и сталъ говорить о значеніи для Россіи Константинополя и проливовъ, а самъ вглядывался въ лица и хотѣлъ прочесть мысли и ощущенія своихъ солдатъ.

— Вы всѣ земледѣльцы, — говорилъ Саблинъ. — Никто изъ васъ, имѣя амбаръ съ хлѣбомъ, не будетъ отдавать ключъ отъ этого амбара въ сосѣднюю деревню, но будетъ имѣть его при себѣ. А у насъ, въ Россіи, такъ было. Житница наша, — югъ, богатый хлѣбомъ, полный элеваторовъ и хлѣбныхъ ссыпокъ, былъ закрытъ на ключъ турками. Захотятъ турки выпустить нашъ хлѣбъ на заграничный рынокъ — пропустятъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, а не захотятъ — и нашъ хлѣбъ будетъ гнить по амбарамъ,

а мы не получимъ ни желѣза, ни машинъ, ни косъ, ни плуговъ, ни матерій, ни чаю. Наши Государи давно стремились, для блага народа, исправить это. Много войнъ вели мы съ турками. 38 лѣтъ тому назадъ едва не вошли въ Константинополь... Но... — Саблинъ запнулся, вспомнивъ, что нехорошо обвинять теперешняго союзника. — Не судилъ, видно, Богъ! Не удалось тогда Царю Мученику, Царю Освободителю завершить славное царство свое этою побѣдою и русскому народу отдать ключи отъ его житницы... Теперь настаетъ это время. Черное море подлинно станетъ русскимъ моремъ. Наши сыновья и внуки прославятъ насъ за этотъ щедрый подарокъ. Заботясь о русскомъ народѣ, нашъ Государь не забылъ и великихъ страданій Польши. Кровь и разореніе Польскаго Края несутъ ему ту свободу, къ которой польскій народъ стремился давно. Запомните, братцы, этотъ великій день, заучите слова приказа Царева и, если кому придется помирать, то умирай спокойно, ибо за правое дѣло, за святое дѣло помираешь. Благословятъ тебя сыны и внуки твои изъ рода въ родъ. Изъ Константинополя, изъ стараго греческаго Царьграда, пришла къ намъ святая вѣра православная. Но не святой крестъ, но турецкій полумѣсяцъ горитъ и сверкаетъ надъ Софійскимъ соборомъ. Пойдемъ, братцы, и возстановимъ по слову Цареву святой крестъ на его старомъ мѣстѣ!

Саблинъ повторялъ эту рѣчь во всѣхъ четырехъ полкахъ дивизіи. На него смотрѣли солдатскія лица, онъ слышалъ тихіе вздохи, но за всѣмъ тѣмъ ему казалось, что и приказъ и его слова дошли до солдатъ и стали имъ понятными. Завоевать, забрать себѣ, улучшить свою и своихъ дѣтей жизнь — это было понятно для каждаго. И проливы были понятны и ясны, и поставить крестъ на Софіи хотѣлось, и Польшу было жалко — все казалось правильнымъ и яснымъ, не яснѣе всего было то, что ночью напалъ снѣгъ, отъ чего сразу стало какъ то теплѣе, роднѣе и уютнѣе въ чужомъ лѣсу, что погода была тихая, генералъ сидѣлъ на прекрасной лошади и красиво и ясно говорилъ звучныя бодрящія слова. Объѣхавъ полки, Саб-

линъ выскочилъ эффектно, чортомъ, по-кавалерійски, передъ середину дивизіи, и самъ громко скомандовалъ: — дивизія шай на краулъ! Слуша-ай!...

Полки вздрогнули и ощетинились штыками.

— Державному вождю русской арміи могучее лихое русское ура!

Два хора вразбродъ, но торжественно, заиграли гимнъ и шестнадцать тысячъ человѣкъ заревѣли могучими голосами такъ, что снѣгъ посыпался съ мохнатыхъ елей на опушкѣ. Едва стихли голоса, какъ на правомъ флангѣ въ Морочненскомъ полку кто-то молодо и звонко крикнулъ ура и загорѣлось раскатистое ура снова, подхватились трубы и загремѣлъ, заглушенный криками людей, властный и могучій русскій гимнъ. И еще и еще разъ кричали ура. Когда кончили и взяли „къ ногѣ“, то сами удивлялись силѣ своего крика и были взволнованы и возбуждены.

Саблинъ пропускалъ мимо себя полки. Музыка гремѣла, кое-гдѣ пѣли пѣсенники и люди шли по снѣгу въ колоннахъ по отдѣленіямъ и, казалось, не было конца этимъ длиннымъ и узкимъ сѣрымъ колоннамъ.

По мѣрѣ того, какъ уходили полки, пустѣла площадка и на ней оставалось только затоптанное ногами, почернѣвшее мѣсто, настроеніе у Саблина мѣнялось. Тоска закрадывалась ему въ сердце. Далеко до Константинополя! И правда ли въ этихъ словахъ приказа, что казались ему еще минуту назадъ святыми? Не обманываетъ ли онъ снова, какъ столько разъ обманывалъ, какъ обманулъ и тогда, 17-го октября 1905 года? Не ставитъ ли въ неловкое, тяжелое положеніе генераловъ и офицеровъ? Позволитъ ли Англія исполнить эти, какъ говорилось въ приказѣ, завѣтныя цѣли войны? А Распутинъ? Въ рѣчи Милюкова не мало говорилось о Распутинѣ, отчего же вмѣстѣ съ этимъ приказомъ не пришло извѣстіе объ арестѣ, или хотя объ удаленіи Распутина? Приказъ написанъ подъ вліяніемъ какого-то хорошаго, любящаго Россію человѣка, а завтра придетъ человѣкъ, не любящій Россію, не понимающій ее,

ридетъ лордъ Бьюкенэнъ, которому этотъ приказъ поперекъ горла, придетъ Распутинъ... и конецъ ему.

„Да, конечно, ничего и нѣтъ," — думалъ Саблинъ, щурясь отъ солнца, сверкавшаго на снѣгу. — „Это обманъ. Такой приказъ долженъ заканчиваться приказаніемъ арміямъ выйти изъ этого инертнаго позиціоннаго состоянія и начать зимнее наступленіе, выгнать нѣмцевъ изъ насиженныхъ теплыхъ траншей и вернуть Варшаву освобождаемой Польшѣ. Этого нѣтъ. Все обманъ. Обманъ, Распутинъ и, какъ справедливо говорилъ Нестрецовъ, — указка Фоша и англичанъ. Имъ-то менѣе, чѣмъ кому-нибудь интересно, чтобы проливы были русскіе!"

Рота за ротой, подходя къ своимъ землянкамъ, брали „къ ногѣ" и съ шумомъ и говоромъ разбѣгались, снося ружья.

— Землякъ, а землякъ! Егоровъ, слышь что-ль, что говорилъ командиръ корпуса, мириться что-ль Турція пожелала? А?

— Какое мириться! Сказано поголь воевать будемъ, пока не заберемъ самого Царьграда.

— Эх-ма! Ковеля отнять не можемъ. Ку-у-ды жъ Царьградъ! Это и нивѣсть гдѣ будетъ.

— Слыхалъ, хлѣбъ продавать будутъ съ юга Россіи, такъ чтобы свободнѣе.

— Прода-ва-ать? Хлѣ-ѣ-бъ! Вона що еще. А намъ замѣсто двухъ съ половиной фунтовъ по два отпускать стали. Какое же тутъ продавать? Неладно придумали!

— Товарищи, — это все иностранные капиталисты затѣяли. Для чего намъ эти самые проливы! Польша освободиться хочетъ, пусть сама и освобождается. Мы-то тутъ при чемъ?

— Сказывали казаки, десять лѣтъ будемъ воевать, вотъ тебѣ и крышка.

— Пусть казаки и воюютъ, а у насъ дома жены плачутъ.

Около офицеровъ толпились солдаты. Ермоловъ горячо и страстно говорилъ о величіи Россіи, въ другой ротѣ молодой прапорщикъ, уныло читая приказъ, розданный

въ роты, говорилъ съ тоскою: — много еще крови пролить придется, а будетъ ли толкъ, кто его знаетъ...

Но въ общемъ приказъ, гимнъ, крики ура, рѣчь Саблина возбудили какія-то надежды, желанія и стремленія, и солдаты оживленно стали толковать о томъ, что къ Рождеству Ковель и Владиміръ-Волынскій будутъ заняты нами. Кто-то уже слышалъ, что на югѣ наши перешли въ наступленіе и не то тридцать, не то сорокъ тысячъ австрійцевъ забрали въ плѣнъ.

Приказъ создалъ порывъ. А порывъ, какъ учитъ тактика — не терпитъ перерыва.

XX

Дома Саблинъ нашелъ весьма спѣшный пакетъ, привезенный ему мотоциклистомъ изъ штаба арміи. Самъ мотоциклистъ, мокрый отъ пота и усталый — онъ изъ-за снѣга ѣхалъ всю ночь тѣ тридцать верстъ, что отдѣляли штабъ арміи отъ штаба корпуса, въ шведской курткѣ, стоялъ на дворѣ крошечной халупы, гдѣ Саблинъ жилъ вмѣстѣ съ Давыдовымъ.

— Ваше превосходительство живете не такъ, какъ наши, — фамильярно улыбаясь сказалъ мотоциклистъ, интеллигентный солдатъ. — У насъ въ такой халупѣ да никакой писарь не согласится жить. Всѣмъ подавай господскіе дома, да электричество.

Саблинъ ничего не сказалъ и, принявъ пакетъ, сталъ расписываться въ книгѣ.

— Ваше превосходительство, вы не слыхали, правда или нѣтъ, говорятъ: Распутина убили?

— Я ничего не слыхалъ, — сказалъ Саблинъ и подумалъ, что, значитъ, не ему одному пришла въ голову та же мысль, что благородный приказъ Государя самъ собою исключалъ Распутина.

— У насъ въ штабѣ тоже ничего не слыхали. Я у товарища на радіо справлялся, и тамъ ничего нѣтъ. Но солдаты говорятъ.

— Вы студентъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, — отвѣчалъ, вытягиваясь, мотоциклистъ. — Я могу ѣхать?

— Погодите. Я скажу, чтобы васъ чаемъ напоили и накормили. Дорога тяжелая.

— Покорно благодарю. Не надѣюсь до ночи вернуться.

Саблинъ приказалъ адъютанту позаботиться о мотоциклистѣ-студентѣ, а самъ, согнувшись въ низкихъ дверяхъ, прошелъ въ крошечную халупу съ землянымъ поломъ и сталъ разсматривать бумаги.

Первая была частная телеграмма изъ Петрограда.

— „Пріѣзжай немедленно. Очень нуженъ общій совѣтъ. Событія чрезвычайной важности. Подробности у тебя на квартирѣ. Рѣпнинъ, Мацневъ, Гриценко."

Саблинъ поморщился. Послѣ приказа, по смыслу котораго выходило, что скоро должно быть наступленіе, послѣ того, какъ онъ увидалъ результаты своей работы надъ корпусомъ, его совсѣмъ не устраивала поѣздка въ Петроградъ, но было очевидно, что тѣ, кто вызывали его, предусмотрѣли характеръ Саблина и его нелюбовь къ отпускамъ. Изъ штаба арміи была прислана телеграмма, Саблинъ былъ назначенъ членомъ Петроградской Георгіевской Думы и долженъ былъ немедленно пріѣхать на засѣданія, которыя начинались 17-го декабря. Самойловъ позаботился о Саблинѣ и вмѣстѣ съ телеграммой прислалъ предписаніе и всѣ удостовѣренія для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Саблинъ подалъ эти бумаги Давыдову.

— Вамъ придется сейчасъ же и ѣхать. Иначе опоздаете, — сказалъ Давыдовъ.

— Когда идетъ поѣздъ?

— По узкоколейкѣ отходитъ въ три часа. Но я вамъ не совѣтую ѣхать. Только намучаетесь. Поѣзжайте прямо автомобилемъ на Сарны. Если вы въ три часа выѣдете, вы къ десяти будете, а поѣздъ идетъ въ половинѣ двѣнадцатаго, да еще и опаздываетъ.

Саблинъ отдалъ нужныя распоряженія, написалъ приказъ и въ сумеркахъ зимняго дня сѣлъ въ автомобиль и по мягкой усыпанной снѣгомъ дорогѣ поѣхалъ на Сарны.

Черезъ сутки онъ былъ въ Петербургѣ.

XI

Раннимъ утромъ поѣздъ подходилъ къ Николаевскому вокзалу. Было темно. На вокзалѣ еще горѣли фонари. На улицахъ они были погашены и мягкій туманный сумракъ стлался надъ городомъ. Въ немъ тонули дали Невскаго проспекта. Адмиралтейства не было видно. Саблинъ отправилъ съ посыльнымъ свой чемоданъ на квартиру, а самъ пошелъ пѣшкомъ по Невскому проспекту. Ему не хотѣлось домой. Дѣла, по которымъ его вызывали Рѣпинъ и Мациевъ съ Гриценкой, не могли начаться раньше полудня. Впереди было длинное, скучное утро. Саблинъ рѣшилъ пройтись по родному, любимому городу. Впереди была масса дѣла — поѣздка на кладбище, на могилу Вѣры Константиновны, къ Ротбекъ, къ графинѣ Палтовой, таинственное дѣло Рѣпинна, представленіе предсѣдателю Георгіевской Думы, явка военному министру, — но сейчасъ, до одиннадцати часовъ было нечего дѣлать. Онъ былъ въ солдатской шинели, не со свитскими, а съ защитными погонами, гдѣ римскими цифрами былъ поставленъ номеръ его корпуса.

На Невскомъ было безлюдно. Саблинъ замѣтилъ, что панели не были отчищены отъ снѣга и не были посыпаны пескомъ. Городовые стояли на улицахъ не въ своихъ черныхъ, а въ солдатскихъ шинеляхъ и были хуже одѣты, чѣмъ обыкновенно. Нѣкоторые магазины были закрыты. у другихъ, несмотря на ранній часъ, длинной вереницей, какъ у театральной кассы, одинъ за другимъ стояли люди. Это были тѣ хвосты за продовольствіемъ, о которыхъ слыхалъ Саблинъ, но которыхъ онъ еще никогда не видалъ.

Саблинъ около года не былъ въ Петербургѣ и не могъ не замѣтить въ немъ перемѣнъ, но его чувство къ нему оставалось неизмѣнно. Каждая тумба, каждый кіоскъ, фонарь, вывѣска, домъ, были ему родными. Каждый неодушевленный предметъ онъ мысленно привѣтствовалъ. Фруктовый магазинъ Соловьева, рыбная торговля Баракова, Милютины ряды. Семга, паюсная и свѣжая икра, громадные балыки, яблоки, груши, ананасы, — все такъ же аппетит-

но и заманчиво, лежало за зеркальными стеклами, только цѣны казались громадными. Свѣжая икра стоила десять рублей, фунтъ семги восемь. На углахъ были газетчики; извозчики, правда, болѣе рѣдкіе чѣмъ обыкновенно, стояли вдоль панелей, ихъ большія лошади были накрыты сѣрыми попонками и сами они похлопывали рукавицами.

„Нѣтъ, хорошо!“ — думалъ Саблинъ. — „Хорошо въ Петроградѣ.“ — Онъ съ удовольствіемъ подумалъ о своей квартирѣ, о мягкой кровати, о ваннѣ, объ электрическомъ свѣтѣ и теплѣ.

„Да,“ — подумалъ онъ, — „это не то, что крошечная халупа въ Заставцѣ, земляной полъ, собачій холодъ и раздражающее присутствіе Давыдова“.

Онъ вышелъ къ Казанскому собору. Сѣрая громада простирала къ Саблину каменныя руки. Колонны казались сѣдыми отъ облѣпившаго ихъ инея. Цвѣтники были занесены снѣгомъ и изъ него жалкими прутиками торчали вѣтки кустарника. Двери собора были открыты. Кончилась ранняя обѣдня и нѣсколько человѣкъ спускалось по широкимъ ступенямъ. Саблинъ свернулъ влѣво и вошелъ въ соборъ. Казанскій соборъ напомнилъ ему дѣтство. Взрослымъ, офицеромъ, онъ почти никогда не бывалъ въ немъ. Его сразу охватила сумрачная тишина собора. У чудотворной иконы горѣли свѣчи, нѣсколько лампадъ тускло свѣтилось у иконостаса, да отражались эти въ гладкой призмистой рѣшеткѣ изъ серебра, подаркѣ Донскихъ казаковъ. — „Что-то подарятъ они теперь,“ — подумалъ Саблинъ и вспомнилъ молодого Карпова.

Саблинъ купилъ свѣчку и пошелъ къ иконѣ Казанской Божіей Матери.

Онъ тихо шелъ по скользкимъ плитамъ. Въ углу собора два человѣка, изъ причта, о чемъ-то спорили сдержанными голосами и гулкое эхо разносило звуки ихъ голосовъ по собору, заглушая шаги Саблина.

У самой иконы, неподвижно распростершись, лежала женщина въ котиковой шубкѣ. Саблинъ остановился. Женщина плакала. Онъ слышалъ тихія всхлипыванія и видѣлъ, какъ содрогались ея плечи. „Вѣрно, получила ти-

желое извѣстіе съ войны," — подумалъ Саблинъ. Онъ хотѣлъ отойти и не мѣшать чужому горю. Но въ эту минуту женщина, всхлипнувъ еще разъ, вдругъ выпрямилась, поднялась съ колѣнъ и обернулась.

Саблинъ увидѣлъ блѣдное лицо. Нестерпимая мука смотрѣла изъ громадныхъ, заплаканныхъ сѣрыхъ глазъ. Эти глаза скользнули безразлично по лицу Саблина и остановились на его погонахъ. Дикій, сумасшедшій взоръ застылъ на плечахъ Саблина, точно номеръ погонъ поразилъ эту женщину. Она схватилась за грудь и пошатнулась. Она упала бы навзничь на камни, если бы Саблинъ не подхватилъ и не поддержалъ ее.

— Спасибо... Спасибо большое вамъ, — проговорила она, задыхаясь отъ слезъ... — Благодарю васъ. Я теперь дойду одна. Благодарю васъ.

— Позвольте, я вамъ помогу. Вамъ надо отдохнуть. Посидѣть.

— Нѣтъ, это пройдетъ. Это такъ только. Меня поразило. Корпусъ, гдѣ служитъ мой мужъ. Вы одного съ нимъ корпуса.

— Я командиръ этого корпуса, — мягко сказалъ Саблинъ, давая тѣмъ понять, что, если дѣло касалось ея мужа, то онъ можетъ ей помочь.

— Ахъ, генералъ Саблинъ!

— А что случилось съ вашимъ мужемъ? У насъ въ корпусѣ эти дни не было потерь въ офицерскомъ составѣ. Кто вашъ мужъ?

— Подполковникъ Козловъ, — прошептала женщина.

Ясный разсвѣтъ надъ окопами у Шпелеври и золотистая заря на востокѣ вдругъ вспомнились Саблину. Вотъ она Зорька! Та самая Зорька, о комъ такъ страстно молился Козловъ.

— Я видалъ вашего мужа третьяго дня утромъ. Онъ былъ въ отличномъ здоровьи. Его полкъ стоитъ въ полной безопасности въ резервѣ и будетъ такъ стоять еще двѣнадцать дней. Съ вашимъ мужемъ ничего не могло случиться.

Саблинъ наблюдалъ молодую женщину. Извѣстіе о

мужѣ не произвело на нее впечатлѣнія. Все то же неисходное горе было у нея въ глазахъ. Она снова начала плакать.

— Я знаю... я знаю, — сказала она. — Я имѣла письмо, но тутъ со мной! Ахъ! спасите, спасите меня. Я такъ не хочу умирать. Вѣдь я такъ молода.

— Что же съ вами случилось? Я готовъ вамъ помочь, и я помогу вамъ всѣмъ, чѣмъ только могу.

Она посмотрѣла на него съ безпомощной мольбой.

— Тутъ совсѣмъ особыя обстоятельства. И я не знаю, какъ сказать вамъ. Меня спасти нельзя.

— Я думаю, что, какъ бы велико ваше горе ни было, Господь сможетъ и помочь вамъ и утѣшить, — тихо сказалъ Саблинъ.

— Поѣдемте ко мнѣ, — прошептала Зоя Николаевна. — Научите меня. Что дѣлать, ахъ, что дѣлать!

Женщина, говорившая съ Саблинымъ, была интересна. Слезы, безпорядочная прическа, блѣдныя щеки, воспаленныя вѣки большихъ блестящихъ глазъ къ ней шли. Она влекла къ себѣ своею хрупкою женственностью и именно потому ему не хотѣлось ѣхать. Богъ ее знаетъ, кто она? Вспомнились циничные намеки Верцинскаго. Что, если она только ловкая искательница приключеній? Хорошъ будетъ онъ въ девять часовъ утра на квартирѣ жены своего полкового командира! Онъ снова посмотрѣлъ на нее, готовый отказаться, но такое искреннее отчаяніе было въ глазахъ молодой женщины, что Саблинъ рѣшился.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — поѣдемте.

XXII

Горничная удивленными глазами смотрѣла на Саблина, принимая отъ него шинель. Она заглянула въ гостиную и спросила Зою Николаевну: — чай прикажете подать?

— Да, устройте въ столовой, — сказала Зоя Николаевна и сѣла на диванъ подлѣ кресла, куда попросила сѣсть Саблина.

Улица, квартира съ маленькими комнатами, кокетливо одѣтая хорошенькая горничная, вѣера по стѣнамъ, пальмы, фотографіи, гравюры, напомнили Саблину многое изъ его холостой жизни и онъ невольно насторожился. Не для приключенія же пришелъ онъ сюда!..

— Я васъ слушаю, — сказалъ онъ.

Зоя Николаевна схватила его руку. Горячія слезы быстро закапали у нея изъ глазъ. Она нервно всхлипывала.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь... Зоя... Зоя... простите, не знаю, какъ по батюшкѣ.

— Николаевна, — чуть слышно сказала Зоя Николаевна.

— Выпейте воды.

Саблинъ прошелъ въ столовую, гдѣ Таня накрывала скатертью столъ и досталъ стаканъ съ водою.

Зоя Николаевна пила и ея зубы стучали по стеклу. „Нѣтъ," — подумалъ Саблинъ, — „такъ притворяться нельзя".

— Я хотѣла... умереть... — съ тоскою сказала Зоя и подняла глаза на Саблина. — Я должна умереть. Я не спала сегодня всю ночь и все продумала. Я пошла помолиться Казанской Божіей Матери и рѣшила: помолюсь, а потомъ пойду и брошусь въ Фонтанку... Я и прорубь присмотрѣла у Аничкова моста. Стала молиться. Ахъ!... ну такъ жить хочется!

Она разрыдалась и сжала руку Саблина, точно искала въ его твердой рукѣ помощи.

— Знаю, что жить уже нельзя, все кончено, а такъ захотѣлось жить. Кругомъ народъ ходитъ, толкаютъ меня, а я стою на колѣняхъ и молюсь, молюсь о чудѣ... Пусть все, что было — будетъ тяжелымъ сномъ. И вотъ, проснусь и опять все по старому. Тишина. Одиночество. Прогулки утромъ съ Валей, а вечеромъ письмо Александру Ивановичу, мужу... И чтобы ничего этого не было. Молюсь и знаю, что этого нельзя, что этого не будетъ, чувствую, что тотъ ужасъ, что былъ, — былъ. А молюсь... Только бы не умирать. Я такъ мало жила.

— Но зачѣмъ вамъ умирать? Нѣтъ такого горя, ко-

торое нельзя было бы залѣчить и забыть. У васъ вся жизнь впереди, — сказалъ Саблинъ.

— Вотъ я такъ и молилась. Молилась, я знала, что нельзя. Молюсь я, — чувствую, что уже рѣшилась. Все продумала. Какъ подойду къ проруби, какъ сниму шубку, шубки мнѣ жалко стало. Намокнетъ, испортится. Пусть Валя носитъ. Я и билетъ такой изнутри приколола, чтобы шубку Валѣ отдали. Потомъ нагнусь сразу надъ рѣшеткой, зажмурюсь и перекинусь туда. И стала я вся какъ каменная. Понимаю, что другого исхода нѣтъ. Поднялась я съ колѣнъ, чтобы идти. Рѣшилась... И вдругъ вижу погоны и номеръ корпуса Александра Ивановича. И даже не повѣрила, что это живой человѣкъ стоитъ. Подумала: — видѣніе!

Она перевела духъ и отпила воды.

— Вы не вѣрили въ чудо, — мягко сказалъ Саблинъ. — А развѣ не чудо, что я пришелъ именно въ этотъ часъ въ соборъ и принесъ вамъ извѣстіе о вашемъ мужѣ? Святая Цѣлительница скорбей нашихъ знаетъ, какъ незамѣтнымъ образомъ творить чудеса и спасать погибающихъ.

Лицо Зои Николаевны снова исказилось. Сѣрые глаза наполнились слезами и она заплакала безутѣшно, со стономъ, какъ плачутъ маленькія дѣти.

— А какъ же этотъ ужасъ! Вѣдь придетъ вечеромъ онъ, а завтра другой. Вѣдь я больна уже!... Вѣдь они, подлецы, заразили меня. Я вчера у доктора была... Дурная болѣзнь... Что же будетъ?... Я одна. Кто мнѣ поможетъ? Они приходятъ толпою, пьютъ, шумятъ, а потомъ одинъ остается со мною, дѣлаетъ, что хочетъ. Противно, гадко! А что я могу сдѣлать? Жаловаться? Мужу сказать? Развѣ можно такое мужу сказать? Александръ Ивановичъ и меня и себя убьетъ. Защиты нигдѣ никакой! Сты-ы-дно! Одинъ взялъ, надругался, другому сказалъ. Приходитъ другой, латышъ, уродъ страшный. Я его видѣть не могу. Грозится мужу написать. Что я могла дѣлать?... Пришлось покориться. Мнѣ такъ противно. Каждый день!... А тутъ заболѣла. Я и не знаю,

что такія болѣзни бываютъ. Ну, что же мнѣ осталось, какъ не смерть!... — воскликнула она, падая заплаканнымъ лицомъ Саблину на руку и упираясь всхлипывающимъ ртомъ въ нее. — А умирать не хочу!... Не хо-чу! — совсѣмъ по дѣтски закричала она.

Нѣсколько минутъ она плакала, не въ силахъ овладѣть собою. Саблинъ опять далъ ей воды. Передъ нимъ раскрылась сложная современная драма. Онъ сразу догадался, что тутъ не могло быть и рѣчи ни о какой любви или увлеченіи, а просто наивность, глупость и слабость, которою воспользовались какіе-то наглые предпріимчивые люди. Кто были они, — не все ли равно? Они исковеркали жизнь молодой женщины и довели ее до такого состоянія, что, пожалуй, и правда ей остается одно: — покончить съ собою.

— Они говорили, — злобно сказала Зоя, глядя мокрыми глазами на Саблина, — что это свобода. Это жизнь по новому. Я такъ жить не могу. Сегодня вечеромъ придетъ онъ. Что я сдѣлаю? Я не могу бороться. Онъ сильнѣе. Хорошо... Я уйду... уйду... Ахъ, не спасла меня Богородица — недостойная я!

— Погодите. — Саблинъ еще не зналъ, что сказать и что придумать. — Ничего этого не нужно. Никто къ вамъ не придетъ. Да... Никого не пустятъ. Вы говорите — вечеромъ. А съ четырехъ часовъ у васъ уже будетъ дежурить въ прихожей до утра мой человѣкъ Тимофей, здоровый отставной солдатъ, старикъ... И никого не пуститъ. Очень просто. Мужъ, скажетъ, пріѣхалъ. Вы спокойно проспите эту ночь... Да... А завтра... Завтра я увезу васъ въ санаторію, въ Финляндію. И отлично васъ вылѣчатъ и все позабудется. А вы вотъ что, Зоя Николаевна, вы мнѣ завтра письмо передадите для вашего мужа. Хорошее такое письмо. Но въ немъ, въ этомъ письмѣ, чтобы ни слова про ваше несчастіе не было... У васъ де открылось воспаленіе легкаго... Можетъ быть, чахотка. Вы поѣхали лѣчиться, и, слышите, слышите. — убѣдительно заговорилъ Саблинъ, переживая въ душѣ свою драму и драму Вѣры Константиновны, — никогда, никогда вы

ему не скажете и ни однимъ словомъ, ни однимъ вздохомъ не выдадите, что все это было! Пусть это будетъ вашъ крестъ, но мужа вы не убьете, потому что вы и сами не знаете, какъ онъ васъ любитъ.

— Знаю, — тихо проговорила Зоя Николаевна. — Но развѣ можно теперь жить?

— Можно. Можно. Война продлится долго и вы успѣете поправиться. А тамъ все пройдетъ, и счастье вернется къ вамъ.

Зоя посмотрѣла большими глазами въ самую глубину глазъ Саблина, схватила его руку и хотѣла поднести къ губамъ, но онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Она тихо плакала, провожая его.

XXIII

Дома Саблинъ нашелъ записку отъ Мацнева съ указаніемъ адреса, куда онъ долженъ былъ явиться къ 10 часамъ вечера и постучать особымъ образомъ. Саблинъ поморщился. — „Чортъ знаетъ, что такое,“ — проворчалъ онъ. — „Все это отдаетъ бульварнымъ романомъ.“

Онъ съѣздилъ въ институтъ къ Танѣ, потомъ заѣхалъ къ извѣстному врачу, переговорить съ нимъ относительно Зои Николаевны, снесся по телефону съ санаторіей въ Райволовѣ, заказалъ комнату, обѣщавъ самъ пріѣхать на другой день съ больною, отправилъ своего стараго лакея Тимофея на Пушкинскую, успѣлъ побывать у предсѣдателя Георгіевской Думы и въ 10 часовъ вечера былъ на условленномъ мѣстѣ.

Всѣ эти хлопоты утомили его, но онъ дѣлалъ ихъ охотно. И потому еще онъ дѣлалъ ихъ охотно, что деликатность положенія Зои Николаевны невольно набрасывала тѣнь на него. Жертва оказывалась не такою маленькой, какъ казалось, но во имя христіанской любви Саблинъ рѣшилъ довести начатое дѣло до конца и дѣйствительно спасти Зою Николаевну. Посвятить въ ея драму онъ рѣшилъ только Мацнева, чтобы Мацневъ могъ наблю-

сти за ней и помочь ей, когда Саблинъ уѣдетъ на фронтъ. Въ глубокой порядочности Мацнева Саблинъ былъ увѣренъ.

Когда онъ постучалъ костяшками пальцевъ въ дверь какой-то незнакомой квартиры въ концѣ Сергіевской, онъ услышалъ за дверью шорохъ и голосъ Мацнева. Мацневъ спросилъ: — Кто тамъ?

— Это я, Иванъ Сергѣевичъ, — сказалъ Саблинъ.

— Кто вы?

— Да Саблинъ. Не слышишь развѣ?

— Мало ли Саблиныхъ на свѣтѣ! Какъ зовутъ? — допрашивалъ Мацневъ.

— Александръ Николаевичъ. Что за ерунда, Иванъ Сергѣевичъ, сознайся, что это глупо!

— Ничего не глупо. Какая твоя была первая любовь?

— Китти, — со смѣхомъ сказалъ Саблинъ.

Дверь открылась и Саблинъ очутился въ объятіяхъ стараго философа.

— Ну, здравствуй, здравствуй, дружище, — говорилъ Мацневъ, — и не сердись, милый Саша. Мы живемъ въ такіе дни, когда приходится изучать Пинкертона, чтобы не попасть въ просакъ.

Мацневъ прочно заложилъ дверь на крюкъ, надѣлъ цѣпочку, повернулъ ключъ и сказалъ:

— Вотъ такъ-то ладно. Всѣ въ сборѣ.

— Что это за квартира?

— Это? — пѣвицы Моргенштернъ. Помнишь Гриценкиной пассіи? Только ея нѣтъ, и прислуги нѣтъ... Мы одни.

Онъ провелъ Саблина въ небольшую, кокетливо убранную гостиную, гдѣ съ серьезными лицами сидѣли Рѣпнинъ и Гриценко. Въ гостиной былъ полумракъ. Единственная зажженная лампа была накрыта темнолиловымъ шелковымъ абажуромъ съ желтыми кружевами по краямъ и бросала свѣтъ только на столъ.

Обмѣнявшись незначительными фразами о здоровьѣ, о службѣ, всѣ сѣли.

— Приступимъ, — сказалъ Гриценко, обращаясь къ Рѣпнину.

— Александръ Николаевичъ, — сказалъ Рѣпнинъ. — Мы пригласили тебя, чтобы вмѣстѣ поговорить... посовѣтоваться... обсудить одно очень щекотливое и очень тяжелое дѣло, которое надо сдѣлать во имя спасенія Россіи и Государя. Согласенъ ли ты заранѣе, быть съ нами? Довѣряешь ли ты намъ, своимъ старымъ полковымъ товарищамъ?

— Я вамъ безусловно вѣрю. Я знаю, что вы не пойдете противъ Государя Императора, какъ и я никогда ему не измѣню.

— Спасибо, Саша, — сказалъ Мациевъ.

— Тебѣ извѣстенъ послѣдній приказъ Государя арміямъ и флоту? — сказалъ Рѣпнинъ.

— Я читалъ его третьяго дня полкамъ своего корпуса, и онъ былъ покрытъ восторженными криками ура.

— За этимъ приказомъ, какъ логическое его послѣдствіе, должно было послѣдовать распоряженіе объ удаленіи, можетъ быть, даже о заточеніи Распутина и удаленіе отъ дѣлъ императрицы Александры Осодоровны, — продолжалъ тихимъ голосомъ князь Рѣпнинъ. — Этого не послѣдовало. Это другой вопросъ, насколько основательны обвиненія императрицы въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Я-то отлично знаю, что это неправда. Нѣмка по происхожденію, императрица англичанка по воспитанію, и нѣмцевъ, и особенно Вильгельма, котораго считаетъ виновникомъ войны, ненавидитъ. Но, чѣмъ нелѣпѣе клевета, тѣмъ охотнѣе ей вѣритъ народъ. Ты знаешь рѣчь Милюкова въ Думѣ 1-го ноября — она полна безобразной клеветы, но она захватила широкія массы народа и ее надо парализовать. Народъ волнуется. Мы наканунѣ революціи. Работаютъ партіи. Умѣренныя партіи хотятъ дворцоваго переворота, темныя силы подняли голову и хотятъ разрушенія самого престола. Революція, смута, безпорядки нужны нашимъ врагамъ, — потому что тогда Германія надѣется выйти побѣдительницей въ борьбѣ съ нами. Смута нужна и нашимъ союзникамъ, потому что иначе русскій народъ и армія исполнятъ приказъ своего Государя, проливы будутъ наши и наступитъ золотой вѣкъ Россій-

ской имперіи, славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ, домашній споръ славянъ между собою будетъ оконченъ. Англія не хочетъ этого допустить. Я имѣю свѣдѣнія, что страсти народныя разжигаются англійскимъ золотомъ. Мы, господа, наканунѣ ужаснѣйшихъ событій, и мы должны помочь Государю и сдѣлать за него то, чего онъ не рѣшился сдѣлать: мы должны удалить Распутина!

— Какъ же это сдѣлать? — спросилъ Саблинъ.

— Убить. Все для этого готово. Эту миссію взяли на себя... — князь Рѣпнинъ нагнулся на уху Саблина и прошепталъ ему нѣсколько словъ.

— Не можетъ этого быть! — воскликнулъ Саблинъ. — Нѣтъ, господа! Оставьте... Остановите ихъ!... Это безуміе... Никогда эти руки не обагрялись кровью. Они не смогутъ, просто физически не сумѣютъ убить.

Саблинъ вспомнилъ свои ночныя бесѣды съ Верцинскимъ. Возвыситься, или унизиться до убійства можетъ не всякій. И намъ это не дано. Саблинъ вспомнилъ разсужденія Верцинскаго о пяти пудахъ человѣческаго мяса, которые куда-то надо дѣвать, иначе оно начнетъ вонять, разлагаясь, и онъ не могъ себѣ представить, какъ тѣ лица, кого назвалъ Рѣпнинъ, это сдѣлаютъ.

Одинъ молодой человѣкъ, блѣдный, болѣзненный, вдумчивый, красивый, родственникъ государя, съ тонкими пальцами блѣдныхъ изящныхъ рукъ, слабый физически. Другой — аристократъ, талантливый, человѣкъ ума и сердца. Третьяго Саблинъ мало зналъ — писатель, политикъ, трибунъ, но никогда не убійца.

Саблинъ высказалъ свои соображенія:

— Неужели, — закончилъ онъ свою сильную горячую рѣчь, — вы не могли найти наемнаго убійцу?

— Милый Саша, — сказалъ Мацневъ. — Все обдумано. Тутъ не годится наемный убійца. Э, что! Два раза пробовали и ничего не выходило. Ты пойми, Саша, это бѣсовская сила. И съ бѣсомъ бороться могутъ только люди, не боящіеся его бѣсовскихъ чаръ. Для кого онъ только грязный, трусливый мужикъ.

— Они не смогутъ!.. Не сумѣютъ. Убить человѣка!

Хотя бы и гада... Не такъ, господа, это просто! А потомъ... Куда дѣвать трупъ? Вѣдь его нельзя оставить! Изъ него святого сдѣлаютъ. Мощи приготовятъ. Нѣтъ, господа. Да и какъ же это!... Гдѣ? Онъ вѣдь не такой простакъ, чтобы пойти въ засаду. Его охраняетъ тайная полиція. Нѣтъ, господа, боюсь, что только хуже будетъ. Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ.

— Все организовано, — сказалъ Рѣпинъ. — Мы трое — просимъ четвертымъ тебя, — должны быть въ резервѣ на случай, если понадобится помощь, или надо будетъ заметать слѣды. Можемъ мы разсчитывать на тебя? Да или нѣтъ?

— Князь... Павелъ Ивановичъ! А подумали вы о томъ, что убійство Распутина можетъ стать первымъ шагомъ къ революціи?! И кто же его сдѣлаетъ? Кто пойдетъ противъ своего Государя!

— Поздно, Саша! — грустно сказалъ Гриценко. — Поздно, да и выхода не видимъ. Пойдешь ты съ нами?

— Ну, конечно. Ужели же я васъ выдамъ! Когда? Гдѣ? Что я долженъ дѣлать?

— Завтра ночью. Онъ обѣщалъ пріѣхать въ домъ на Мойкѣ, гдѣ ему обѣщано свиданіе съ одной дамой свѣта, которой онъ давно домогается. Тамъ и будетъ все сдѣлано. Мы должны дежурить здѣсь.

— О, Господи, какая грязь! — воскликнулъ Саблинъ. — Сводничество, западня, обманъ и убійство!

— Да, милый Саша, политика не красивая штука, — сказалъ Мацневъ, морщась, — но Распутинъ не человѣкъ, котораго можно вызвать на дуэль и ухлопать изъ пистолета, подставивъ ему свой бокъ съ благородною отвагой. То, что убійство будетъ совершено этими людьми, подниметъ ихъ въ глазахъ народа, оправдаетъ убійство въ глазахъ Государя и поможетъ совершить слѣдующій шагъ — удалить отъ дѣлъ Императрицу.

— А если все выйдетъ наоборотъ? Ахъ, господа, господа, не за свое дѣло мы взялись. Какія бы цѣли ни были — способы не красивы, а мы созданы для красивыхъ дѣлъ!

— Александръ Николаевичъ, — настойчиво сказалъ князь Рѣпинъ. — Мы долго думали. Иного выхода нѣтъ. Теперь не такое время, чтобы плыть по теченію. До завтра, въ это же время и здѣсь! Постучать, и общій пароль — месть.

XXIV

Домой Саблинъ вернулся около полуночи. Онъ мечталъ о ваннѣ и снѣ. Завтра было полно заботъ и хлопотъ, надо было отдохнуть. Но въ этотъ суетливый день все дѣлалось не такъ, какъ онъ хотѣлъ. Въ кабинетѣ былъ свѣтъ, и едва Саблинъ вошелъ въ него, какъ тяжелая, массивная фигура дяди Егора Ивановича Обѣдинскова поднялась ему на встрѣчу и сдавила его въ объятіяхъ.

— Наконецъ-то! Дождался таки. Я уже боялся, что такъ и не дождусь. Пять разъ днемъ звонилъ по телефону и все нѣтъ... Какъ неожиданно ты пріѣхалъ... Хотъ уже именно Провидѣніе тебя послало сюда въ самую кипень событій. Утромъ иду и вижу, онъ съ какой-то прехорошенькой растрепой плетется на извозчикѣ черезъ Владимірскій. Я въ Думу шелъ. Хоть бы посмотрѣлъ на меня... Шалунъ, ваше превосходительство!.. Ну да, пора. Не вѣкъ же трауръ носить. Ты вѣдь юнона! А посѣдѣлъ... Ишь, виски-то — боберъ камчатскій.

— Дядя. Если бы вы знали обстоятельства, при какихъ мнѣ пришлось отвозить эту совершенно мнѣ чужую и незнакомую женщину, надо думать, вы не стали бы такъ говорить, — сказалъ Саблинъ. У него на языкѣ было сказать: — оставьте меня. Я усталъ и жажду отдыха. — Но привычный тактъ свѣтскаго человѣка и радушнаго хозяина взялъ верхъ надъ усталостью, и Саблинъ проговорилъ:

— Ну, что же мы стоимъ! Садитесь, разсказывайте, какъ вы теперь воюете на внутреннемъ фронтѣ, тогда, когда мы перестали воевать на внѣшнемъ.

— Да, Саша, воюемъ, и побѣда близка. Союзники на

нашей сторонѣ, — сказалъ, грузно опускаясь въ кресло, Облѣпихимовъ.

— Я сегодня это слышу уже второй разъ. Правда, намеками. Союзники хотятъ революціи? Союзники хотятъ разложенія арміи наканунѣ наступленія и побѣды? Мы у себя въ окопахъ всегда думали, что если, не дай Богъ, будетъ революція, то это Made in Germany*), для лучшаго нашего сокрушенія и уничтоженія. Но не союзники. Имъто это невыгодно.

— Саша, мы поставили лозунгами дня: — безъ революціи не можетъ быть побѣды. Сначала революція, удаленіе съ престола Николая и Александры Ѳеодоровны, созывъ Учредительнаго Собранія, а тогда побѣда. Мы знаемъ настроенія арміи. Армія не вѣритъ Государю, она не можетъ драться и побѣждать подъ лозунгами „за вѣру, царя и отечество". Двуглавый орелъ отжилъ свой вѣкъ — ему пора и на покой. Подъ красными знаменами революціи пойдемъ мы и побѣдимъ...

— Неправда! Это клевета на армію, на офицера и солдата. Еще третьяго дня неумолкая гремѣлъ гимнъ у меня въ окопахъ и ура потрясало лѣсъ въ честь верховнаго вождя Россійской арміи!

— Саша, это только изъ-подъ палки. Это инерція, которую придется преодолѣть и съ которой придется бороться.

— Приказъ Государя о завѣтныхъ цѣляхъ войны, русскія цѣли войны такъ ободрили и порадовали всѣхъ поляющихъ обстановку. Вожди воспрянули духомъ, а сѣрая масса пойдетъ, куда ей укажутъ.

— Русскія цѣли! — воскликнулъ, вставая и начиная ходить по комнатѣ, Облѣпихимовъ. — Ты сказалъ: — Русскія цѣли! Въ міровой войнѣ не можетъ быть русскихъ цѣлей, но цѣли общія, поставленныя въ полномъ согласіи съ союзниками. Мы ведемъ не самостоятельную войну. Мы не должны забывать, что финансируетъ насъ Франція, и Англія посылаетъ намъ снаряженіе!

---

*) *Сдѣлано въ Германіи.*

— Егоръ Ивановичъ, — тоже вставая, въ глубокомъ возбужденіи проговорилъ Саблинъ. — Ты помнишь то, что ты говорилъ давно въ дни глубокаго мира, когда ты и тебѣ подобные доказывали, что войнъ больше не будетъ. Ты помнишь, какою грязью, клеветою и бранью обливали вы блаженную память Императоровъ Павла, Александра I и Николая I за то, что они посылали войска въ Западную Европу для борьбы съ революціей, Наполеономъ и вентрами, вы называли Россію жандармомъ Европы, при этомъ слову „жандармъ“ вы придавали свое специфическое гадкое значеніе. Теперь вы хотите сдѣлать изъ Россіи и ея арміи городового, или какъ вы называете, нагасчика, поставленнаго на защиту иностраннаго капитала. Какое дѣло Россіи до того, побѣдитъ англійская или германская индустрія, будетъ на сокѣ, чашкѣ, сукнѣ, которое купитъ мужикъ какой-нибудь Пермской или Вятской губерніи, написано made in Germany, или made in England*) — мы должны стремиться къ тому, чтобы на каждой вещи было одинаковое клеймо: „Россійское издѣліе“! Къ этому стремится Государь, и это стремленіе народу понятно, но... устранивать революцію, свергать Государя въ ту великую минуту, когда онъ торжественно заявилъ, что мы воюемъ за русскіе интересы — это преступленіе, которому нѣтъ имени!... Какъ только армія пойметъ, что ея цѣли уничтожить Германію во имя возвеличенія Англіи и удовлетворенія національнаго самолюбія и безопасности Франціи, армія откажется воевать. Русскій солдатъ никакой злобы не питаетъ къ нѣмкамъ, каждую минуту онъ готовъ протянуть руку примиренія нѣмцу, но и онъ понимаетъ, что если нѣмецъ мѣшаетъ ему жить, если нѣмецъ вошелъ въ его земли, его надо выгнать. Слова Государя: — „Я не заключу мира, пока мы не выгонимъ послѣдняго непріятельскаго воина изъ предѣловъ нашихъ, и не заключу его иначе, какъ въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми мы связаны не бумажными договорами, а истинной дружбой и кровію“, —

*) *Нѣмецкое или англійское издѣліе.*

понятны каждому. Они понятны и нѣмцамъ. Когда нѣмцы узнаютъ, что Россія борется за свои завѣтныя цѣли, а не во имя ихъ уничтоженія, они перестанутъ оказывать намъ сопротивленіе...

— Вотъ и договорился до того, что насъ такъ пугаетъ, что заставило насъ обратиться въ заговорщиковъ, тайно собираться и думать, какъ все это устроить. Миръ. Если нѣмцы уйдутъ за Калишъ, если Россія займетъ Константинополь — то-есть дойдетъ до завершенія задачи, поставленной Государемъ, то будетъ миръ. Вы не пойдете на Берлинъ?

— Я не пошелъ бы. Думаю, что армію будетъ трудно двинуть, но Государь союзникамъ никогда не измѣнитъ.

— Почему ты не пошелъ бы?

— Цѣли не вижу.

— А уничтоженіе германскаго имперіализма?

— Онъ намъ не мѣшаетъ. Онъ помогаетъ намъ обуздывать еще болѣе злостный капиталистическій имперіализмъ Англіи.

— Саша, Саша! Кто же нашъ врагъ?! — воскликнулъ Облѣпиемовъ, круто останавливаясь передъ стоявшимъ у письменнаго стола Саблинымъ и пронизывая его выпуклыми блестящими глазами.

— Англія, — твердо и ясно выговорилъ Саблинъ. Облѣпиемовъ отшатнулся отъ него и, нѣсколько мгновеній тяжело дыша, шевелилъ губами, но не произносилъ ни слова.

— Хорошъ! — наконецъ вырвалось у него. — Хорошъ! Вотъ такъ же думаютъ и въ Царскомъ. Если бы я тебя не зналъ съ колыбели, я бы подумалъ, что ты съ нѣмцами заодно. Хорошъ! Ну, Саша, я все-таки тебѣ доскажу то, зачѣмъ пришелъ. Не обижайся на меня. Англія видитъ это настроеніе и въ Государѣ и въ окружающихъ его. Она не вѣритъ ему больше и она желаетъ его устраненія.

— Неправда, дядя! Зачѣмъ вы клевещете на Государя? Только не Государь! Государь никогда не нарушитъ своего слова.

— Ты думаешь?

Саблинъ молчалъ.

— А темныя силы дворцовой камарильи? Этому человѣку нельзя вѣрить, и мы рѣшили его убрать. Клянусь, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ его головы. Царское достоинство — есть достоинство Россіи и ея революціи. Русскій великій народъ сумѣетъ показать міру образецъ гуманности, просвѣщенія и благородства. Мы ничего не имѣемъ противъ Царя, мы только персонально противъ Николая II и дворцовой камарильи, всѣхъ тѣхъ, кого мы считаемъ темными силами.

— А если темныя силы тѣмъ или инымъ способомъ будутъ удалены отъ Государя?

— Это ускоритъ развязку. Имѣй въ виду, съ нами всѣ главнокомандующіе.

— Кого же вы приготовили на смѣну правительству, которое вы предполагаете свергнуть? Не останетесь ли вы въ полномъ одиночествѣ, какъ тогда передъ войною, когда мы говорили съ тобою?

— О, не безпокойся. Люди намѣчены. Все прекраснѣйшіе люди, гуманные и глубоко преданные союзникамъ.

— Я думалъ — ты скажешь: Р о с с і и! — съ упрекомъ и ироніей въ голосѣ сказалъ Саблинъ.

Облѣписимовъ не понялъ ироніи.

— Нѣтъ, с о ю з н и к а м ъ, — повторилъ онъ. — Что Россія! Россія безъ Европы нуль. Кто это? Достоевскій, что ли сказалъ: у Русскаго человѣка два отечества: — Россія и Европа.

— Да, трудно, — все съ тою же ироніей проговорилъ Саблинъ, — трудно Русскому г о с у д а р с т в е н н о м у человѣку прожить безъ указки Бисмарка, Биконсфильда, Пуанкарэ, Клемансо и Вьюкенена. Своего не признаемъ, будь онъ хотя семи пядей во лбу. Да и какъ жить безъ Парижа, Монте-Карло, Ниццы и безъ англійскаго снобизма? Погибнемъ. Мужичье! дикари!

— Святая Русь! — поднимая палецъ къ верху и опять останавливаясь противъ Саблина, сказалъ Облѣписимовъ. Святая Русь! Ребенокъ среди націй.

— Съ англійской миссъ и бонною француженкой.

— А что же, хорошо. Культура. Худому не научатъ.

Я увѣрую, Саша, въ святую Русь только тогда, когда въ каждой избѣ Русской будетъ не уголь съ лубочными иконами, а электричество и ватеръ-клозетъ. А до тѣхъ поръ и бонна и миссъ!... Ну, ты вѣрно спать хочешь. Addio. А какъ хорошо! Addio... Au revoir... Good night.*)

— „Спокойной ночи“ — звучитъ не хуже и много значительнѣе, — сказалъ Саблинъ, провожая дядю въ переднюю.

XXV

„Что же“, — думалъ, засыпая, Саблинъ, — „вѣдь я донести обязанъ. Но на кого донести? На Облѣпихимова, Бьюкенена, Рѣшина, на Главнокомандующихъ, которые согласны свергать Государя. Пусть допросятъ ихъ, узнаютъ имена истинныхъ виновниковъ и казнятъ, какъ предателей, какъ казнили Мясоѣдова за старые мелкіе грѣхи. Но кому сказать? Военному министру Шуваеву? Какъ онъ посмѣетъ разоблачать главнокомандующихъ? Да этотъ старый, честный военный чиновникъ умретъ отъ страха и только будетъ шопотомъ умолять меня: — „молчите, молчите. Никому не говорите. Кшъ. Шшъ“...

„Сказать самому Государю?“ Саблинъ вспомнилъ свою попытку переговорить съ Государемъ, такъ нелѣпо остановленную Распутинымъ, и покачалъ головою. „Государь и Самодержецъ! Самодержецъ силенъ своими боярами, своими генералами, а эти бояре измѣнили ему раньше, чѣмъ возсталъ народъ. Бѣдный Государь!“ Если раскрыть ему все то, что сегодня изъ намековъ Рѣшина и разговора съ Облѣпихимовымъ узналъ Саблинъ, онъ только безконечно растеряется. Что онъ можетъ сдѣлать, на кого положиться, кому повѣрить? Весь верхъ Россіи, вся ея интеллигенція противъ Государя, а народъ настолько теменъ, что искать вождей въ народѣ нечего. Вождей нѣтъ. А народъ безъ вождей — слѣпое стадо. Что вождей! Богъ съ ними! Просто честныхъ людей нѣтъ!

---

*) *Прощай... до свиданія... Покойной ночи.*

Молчать и дѣлать свое маленькое дѣло. Командовать корпусомъ и готовить его къ наступленію и побѣдѣ.

Во имя чего?

Во имя ли завѣтныхъ цѣлей, провозглашенныхъ Государемъ, за крестъ ли на Святой Софіи, за Польшу ли, изъ рукъ Россіи получающую свободу, какъ получили нѣкогда Сербія и Болгарія, или за уничтоженіе Германіи и міровое торжество Антліи?

Все горе Саблина было въ томъ, что онъ не былъ согласенъ съ Достоевскимъ и считалъ, что у него одно отечество: — Россія. Ее онъ любилъ превыше всего. За нее онъ готовъ былъ умереть и если бы ему сказали, что для блага Россіи должна погибнуть вся Европа — онъ не колеблясь сказалъ бы: — и пусть гибнетъ! Жива была бы только Россія!

Саблинъ чувствовалъ, что совершается обратное: — гибнетъ Россія во имя спасенія Европы и не могъ помѣшать этому.

Доносить онъ не станетъ. И не столько потому, что доносить некому и безполезно, сколько потому, что донось ему такъ же противенъ, какъ убійство. Онъ и смогли бы и донести, когда признали бы это нужнымъ. Мы этого не можемъ. Мы — старые дворяне. Мы — уже не холопы царскіе, готовые на все, даже на низость, мы прикоснулись къ Западно-европейскому рыцарству и восприняли его утонченную культуру, такъ непригодную для тяжелой современности.

Подъ утро онъ заснулъ, но проснулся рано. Надо было ѣхать отвозить Зою Николаевну съ ребенкомъ, ликвидировать ея квартиру, ставить мебель на складъ, отдавать распоряженія. Часовъ до трехъ по его расчету онъ долженъ былъ быть занятъ окончаніемъ этого дѣла. Послѣ хотѣлъ пріѣхать къ Танѣ, которой почти не видалъ. Нужно было поспѣть и на кладбище.

Петербургская жизнь захватила его и закрутила своею сложностью. Было восемь часовъ утра, Саблинъ собирался выходить, когда зазвонилъ телефонъ.

— Кто у телефона? — спросилъ Саблинъ.

— Алексѣй Андреевичъ Поливановъ. Знаю, что вы заняты, — говорилъ знакомый Саблину скрипучій голосъ бывшаго военнаго министра, — знаю, что вы ненадолго здѣсь и все-таки прошу васъ пожаловать ко мнѣ къ пяти часамъ. Если, конечно, не боитесь за свою репутацію, навѣстить опальнаго человѣка.

Саблинъ готовъ былъ отказаться, но послѣ этихъ словъ онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Слушаю, ваше высокопревосходительство. Буду непремѣнно.

XXVI

Въ пятомъ часу дня Саблинъ на извозчикѣ подъѣхалъ къ высокому дому на Каменноостровскомъ проспектѣ, гдѣ скромно, на частной квартирѣ, жилъ Поливановъ, и поднялся на четвертый этажъ. Квартира была небольшая. Скученно стояла въ гостиной та самая мебель, которую Саблинъ привыкъ видѣть широко раскинутой по громадному залу казенной квартиры, тѣсно висѣли ласковые Русскіе пейзажи, такъ любовно собираемые Поливановымъ всю его жизнь. На нихъ отдыхалъ его глазъ, когда самъ онъ былъ лишенъ возможности пользоваться природой. Все говорило о прошломъ, о конченномъ, о жизни, ушедшей въ воспоминанія.

Лакей, высокій лейбъ-гренадеръ, бывшій деникъ Сапи, убитаго сына Поливанова, попросилъ пройти въ столовую. Поливановъ съ женою и гостемъ, молодымъ штатскимъ, пили пятичасовой чай.

— Здравствуйте, дорогой Александръ Николаевичъ, — отчетливо выговаривая каждую букву, ласково сказалъ Поливановъ, поднимаясь навстрѣчу Саблину.

Онъ постарѣлъ. Волосъ стало меньше и сѣдыя прядки пробивались въ черныхъ пучкахъ, висѣвшихъ на вискахъ и затылкѣ, лицо пожелтѣло и осунулось, сильнѣе стала замѣтна кривизна раненой шеи и частое подергиваніе лица. Но Саблинъ сразу подмѣтилъ, что онъ не обрюзгъ, не опу-

стился и изъ-подъ нависшихъ бровей и прищуренныхъ вѣкъ молодо и остро сверкали глаза съ иронической усмѣшкой.

Поливановъ назвалъ молодого человѣка представителемъ какого-то отдѣла торгово-промышленнаго комитета. Молодой человѣкъ сталъ прощаться.

— Куда вы торопитесь,—сказалъ, пристально смотря въ глаза молодому человѣку, Поливановъ, — вы намъ не помѣшаете. У насъ секретовъ нѣтъ. Я отставной и никому не нужный человѣкъ, вотъ радъ повидать стараго пріятеля.

Но молодой человѣкъ рѣшительно отказался и вышелъ.

Поливановъ сѣлъ напротивъ Саблина и пристально смотрѣлъ на него, улыбаясь глазами. Онъ какъ-будто спрашивалъ Саблина — съ нами вы теперь, или все еще съ ними?

— Ну вотъ, Александръ Николаевичъ, вы должны быть теперь довольны. Снарядами вы завалены. Теперь уже ничто не помѣшаетъ вамъ наступать.

— Хвостъ вытащишь, носъ завязнетъ. Снарядовъ и патроновъ много, но довольствіе войска стало хуже. Рыбные консервы, мясо козловъ, да еще мороженыхъ, это не питаніе. Хлѣбная дача уменьшена, при томъ, что солдатъ сталъ слабѣе воспитанъ, становится трудно управлять войсками.

— Значитъ, армія недовольна питаніемъ?

Саблину показалось, что Поливанова это обрадовало.

Это не совсѣмъ такъ, ваше высокопревосходительство. Какъ можетъ армія быть довольна, или недовольна. Солдатъ присягалъ терпѣть холодъ, голодъ и всякія нужды и безропотно переносить лишенія.

— Теорія, милый Александръ Николаевичъ, — перебилъ его Поливановъ. — Это было тогда, когда солдатъ служилъ двадцать лѣтъ, и всѣ двадцать лѣтъ проводилъ въ походахъ и муштрѣ. И тогда грабили, мародерствовали, и тогда бунтовали, и даже Суворову приходилось считаться съ настроеніями солдата. Но тогда армія въ 200.000 бы-

ла уже громадной. У насъ, Александръ Николаевичъ, семь милліоновъ поставлено подъ ружье. Семь милліоновъ! Извольте накормить эту массу, извольте поставить на нее офицеровъ. Откуда ихъ взять?

— Офицерскій составъ сталъ очень плохъ. Маршевыя роты приходятъ совершенно сырыми и необученными, приходится обучать въ окопахъ — это возможно лишь при блестящемъ офицерскомъ составѣ.

— Да вѣдь у васъ лучшая молодежь. Поди, половина окончила университетъ.

— Но они не воинные.

— Храбрости нельзя научиться, съ нею надо родиться. И развѣ мало храбрецовъ среди этихъ юношей?

— Есть храбрость и храбрость. Храбрость порыва у нихъ есть, у многихъ, но той стойкости, разсудительности, спокойствія, терпѣнія, что даются только знаніемъ, у нихъ нѣтъ. Они много разсуждаютъ. Это, молъ, нужно, этого не надо, это прихоть начальника, того не исполнятъ, другого не сдѣлаютъ.

— Чести не отдаютъ, это вѣрно... Да, конечно, они многаго не понимаютъ, но, милый Александръ Николаевичъ, мы ведемъ войну народную. Извѣстная демократизація должна быть допущена. У васъ уже не солдаты, но народъ. Безъ сочувствія массъ мы ничего не сдѣлаемъ. Какъ хотите вы побѣдить, когда у васъ и Распутинъ, и женское вліяніе, и нѣтъ устойчивости ни въ чемъ. Народъ не вѣритъ вамъ, генераламъ, потому что онъ не вѣритъ Государю. Государь и Верховный Главнокомандующій — это немыслимо. У него нѣтъ нужныхъ для этого талантовъ и настойчивости. Вы сами знаете, что ordre contre ordre — desordre*) — а въ Ставкѣ перемѣнчивы, какъ петроградская погода. Если вы хотите побѣдить, вы должны понять, что надо идти съ народомъ, а не съ Монархомъ.

— Но Монархъ и народъ одно цѣлое.

— Было такъ. Было такъ, что прежде Монархъ, а

---

*) *Отмѣна приказанія создаетъ безпорядокъ.*

потомъ народъ. Теперь стало наоборотъ — впереди народъ, а потомъ Монархъ.

— Я не могу себѣ представить, чтобы стадо правило пастухомъ, — сдержанно сказалъ Саблинъ.

— Но и въ стадѣ есть передовые бараны, ведущіе все стадо, и безъ нихъ стадо опрокинетъ пастуха, — отпарировалъ, ядовито усмѣхаясь тонкою усмѣшкой, Поливановъ и сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

— Вы знаете, — сказалъ онъ, — съ какими трудами доставляютъ вамъ винтовки. Англійскія суда останавливаются далеко въ Бѣломъ морѣ, тамъ, гдѣ оно не замерзло. Къ нимъ подъѣзжаютъ на саняхъ. И тамъ, при страшномъ морозѣ на леденящемъ вѣтру, въ ручную таскаютъ ящики съ винтовками, передаютъ на льдины, оттуда на сани и гужомъ везутъ въ Архангельскъ. Милліоны чудныхъ американскихъ винтовокъ. Все это сдѣлала общественность. Военная бюрократія никогда не рѣшилась бы на это. Я иногда думаю, что штатскій военный министръ былъ бы лучше военнаго. Онъ меньше связанъ условностями воспитанія и быта, у него меньше протекцій, меньше зависимости отъ людей своей касты.

— Но у него нѣтъ знаній.

— Вы думаете, что военныя знанія такъ трудно пріобрѣсти?

— Я думаю, что знать начальниковъ и умѣть ихъ выбрать можно только живя среди нихъ. Иначе придется полагаться на совѣтниковъ, а это разовьетъ наушничество и еще худшій протекціонизмъ. Я не знаю, какъ это можетъ быть. Исторія не даетъ такихъ примѣровъ.

— Напротивъ. Очень много. Генералы Наполеоновской эпохи, генералы Американскихъ войнъ и буры. Кадетскій корпусъ убиваетъ волю — самое нужное качество для вождя. Я бы допустилъ иногда въ войскахъ и выборное начало, — опять Поливановъ хитро уставился на Саблина и Саблинъ не могъ понять, говоритъ онъ это серьезно, или нарочно дразнитъ его.

— Выберутъ того, кто сумѣетъ подкупить.

— Я слыхалъ, что васъ очень любятъ. Неужели вы думаете, что корпусъ, или ваша дивизія васъ не выбрали бы своимъ начальникомъ.

— Не знаю. Я какъ-то никогда не думалъ объ этомъ.

— Подумайте, — смѣясь, сказалъ Поливановъ,—этотъ вопросъ лѣтъ десять тому назадъ поднимался въ военной литературѣ, и онъ вполнѣ въ духѣ Русскаго народа. Артель крѣпка своимъ выборнымъ старостою, ватага молодцовъ своимъ атаманомъ. Это такъ подкупило бы массы.

И, выговоривъ это, Поливановъ опять хитро посмотрѣлъ на Саблина, какъ-будто спрашивая, что клюнуло или нѣтъ, какъ ты, голубчикъ, на это смотришь, но замѣтивъ, что лицо Саблина нахмурилось, Поливановъ опять заговорилъ о постороннемъ.

— Посѣтите театры. Надо немного и развлечься. Мы не ходимъ изъ-за траура, но намъ очень хвалили „Романъ“ съ Грановской въ главной роли и „Флавію Тесинии“ на Александринской сценѣ. Вы увидите новое искусство и новыя настроенія.

— Я поклонникъ стараго, — сказалъ Саблинъ и поднялся прощаться, считая, что дѣловой разговоръ конченъ.

Возвращаясь домой, Саблинъ перебиралъ въ головѣ разговоръ съ Поливановымъ и чувствовалъ, что вызовъ его и разговоръ были не спроста. Испытывали его и узнавали черезъ него настроенія арміи и фронта. „Хорошо, онъ понялъ на меня“, подумалъ Саблинъ, „а попади онъ на Нестрецова, или на моихъ милѣйшихъ начальниковъ дивизій, что бы они ему наговорили? Тотъ-то, что фокса отъ пойса отличить не можетъ, навѣрно, предложилъ-бы ему и себя и дивизію въ полное распоряженіе: — чего изволите и что прикажете“.

Ночью Саблинъ, скрѣпя сердце, поѣхалъ на квартиру Гриценко. Было тошно и противно. Точно какая-то грязь помимо его воли засасывала его и увлекала въ болотную, черную пучину.

XXVII

Всю ночь играли въ карты. Сначала въ бриджъ, потомъ, шутя, въ макао, по пятачку очко. Грищенко угощалъ виномъ и холодными закусками, и самъ пытался поставить самоваръ. Но не было растопокъ, и онъ только надымилъ щепками и поранилъ себѣ руку тяпкой, которою кололъ лучины отъ полѣньевъ на кухнѣ. Мацневъ въ два часа ночи поѣхалъ на развѣдку и вернулся въ шесть часовъ утра, блѣдный, возбужденный и взволнованный.

— Слава Богу! — сказалъ онъ. — Все кончено. Но какъ ты былъ правъ вчера, Саша! Какъ это все сказалось сложно, трудно, и все вышло не такъ, какъ мы думали.

— Но все-таки вышло? Кончено? — спросилъ Рѣпинъ.

— Его нѣтъ. Убитъ и уничтоженъ. Будемъ надѣяться, что навсегда, — сказалъ, тяжело дыша, Мацневъ и началъ разсказывать все, что онъ узналъ.

— Они думали, что онъ не пріѣдетъ, что догадался, пронюхалъ. Отрицать, вѣдь, нельзя, что у него есть какое-то внутреннее чутье. Бѣсовскія силы ему помогаютъ. Онъ пріѣхалъ, но очень подозрительный. Принялъ его младшій въ подвальномъ этажѣ, нарочно для этого отдѣланномъ. Менѣе примѣтно. Онъ вошелъ, окинулъ подозрительно глазами обстановку и сразу спросилъ: — а гдѣ же она?

— Наверху, съ гостями. Сейчасъ выйдетъ. Не можетъ же она такъ прямо придти сюда. Будетъ замѣтно,— сказалъ младшій.

Онъ недовольно потрясъ головою, но согласился.

На столѣ было приготовлено вино и маленькія булки. Ядъ былъ въ винѣ. Онъ наотрѣзъ отказался. Любимое его вино, любимыя сладости, а не пьетъ и не ѣстъ.

— Не хочу, — сказалъ онъ капризно. — Пусть она придетъ. Вмѣстѣ. Почему тихо кругомъ? Гости тамъ? Танцуютъ? А музыки не слышно, будто никого нѣтъ.

И сталъ онъ подозрительный.

Вы знаете, что тамъ никого и не было. Тамъ былъ

только старшій и членъ Думы. Я не буду называть ихъ, теперь и стѣны слышатъ.

Распутинъ сѣлъ за столикъ въ углу. Въ большомъ подвалѣ, убранномъ, какъ кабинетъ, уставленномъ тахтами и креслами, былъ полумракъ. Тускло горѣли въ углу лампочки, своды тяжело нависли. Мнѣ младшій потомъ разсказывалъ, что жуть стала прохватывать его. Средневѣковьемъ какимъ-то повѣяло. Низкіе потолки, своды, Распутинъ въ своеобразномъ костюмѣ, тонкомъ архалукѣ. Изъ-за ворота видна вышитая императрицей шелковая рубашка. На столѣ граненые графины, рюмки, стаканчики, и въ нихъ — ядъ. Тутъ же его любимыя пирожныя и въ нихъ тоже ядъ.

Жутко. У Распутина глаза горѣли, какъ угли, и дрожь сладострастнаго нетерпѣнія проходила по нему. Время шло. Разговоръ увядалъ. Вы понимаете, господа, гововить имъ было не о чемъ. Распутинъ, видимо, сталъ подозрѣвать неладное.

— Ты-бы, — сказалъ онъ младшему, — сходилъ что ль милой, за ею-то. Что не идетъ? Скажи: — другъ ждетъ. Хорошій другъ.

— Хорошо, — сказалъ младшій, — я пойду, а вы Григорій Ефимовичъ, что не пьете? Выпить надо для куражу.

— Что куражъ? Я и такъ хорошъ.

Однако взялъ рюмку и выпилъ. Медленно, смакуя, до дна...

Поймите, господа, состояніе младшаго. Въ винѣ была замѣшана сильная доза страшнаго яда. Слона убить можно. Дѣйствіе моментальное. Въ пирожкахъ такой же ядъ. Выпилъ... и ничего...

— Что-то, — говоритъ, — горькая она у тебя сегодня, — взялъ пирожное и ѣстъ. Младшій отлично замѣтилъ — съ ядомъ взялъ, отравленную. Ѣстъ и ничего. Усмѣхается, глядитъ своими страшными глазами съ бѣлыми обводами и говоритъ младшему:

— Шалунишка ты. Что же прелестница? Коли она не идетъ, я самъ туда пойду. Танцуютъ, говоришь. Я

эфто люблю, когда танцуютъ. Бабья-то много поди? Посмотрю. Это хорошо.

— Постойте, Григорій Ефимовичъ, — лучше я схожу за ней, — сказалъ младшій и почувствовалъ, что у него уже нѣтъ силъ больше держаться. Что же въ самомъ дѣлѣ? Нечистая сила въ немъ? Когда и ядъ не беретъ его. Мнѣ младшій говорилъ: — знаете, я ужъ самъ вѣровать сталъ въ него. Дьяволъ, или кто, но кто-то сидитъ въ немъ, и наши человѣческія силы для него ничто. Младшій еще разъ посмотрѣлъ на Распутина. Не побѣдилъ, нѣтъ, сидитъ такой же, крючковатые пальцы впились въ валикъ кресла, наливаетъ одной рукою еще вина. Пьетъ... И опять такъ же спокоенъ. Младшій вышелъ. Старшій и членъ Думы ждали его на темной лѣстницѣ.

— Ну что? — спросилъ членъ Думы. — Выпилъ?

— Выпилъ.

— Кончено?

— Нѣтъ, ничего, здоровъ.

— Что же это такое? Вы, — спросилъ онъ у члена думы, — пробовали ядъ?

— Нѣтъ, не пробовалъ, но тотъ, кто давалъ его мнѣ, ручался, что дѣйствіе моментальное.

— Можетъ быть уже умеръ?

— Да нѣтъ-же.

— Пойдите, посмотрите.

— Нѣтъ, господа, я не могу больше. Не вѣрилъ въ нечистую силу, а теперь вѣровать начинаю. Кто онъ такое въ самомъ дѣлѣ?

— Ну, господа, я пойду.

— Пойдемте вмѣстѣ.

Старшій вынулъ револьверъ и началъ спускаться внизъ. Въ это время дверь отворилась, и на лѣстницу вышелъ Распутинъ.

Въ полосѣ свѣта отъ растворенной двери онъ увидѣлъ всѣхъ трехъ и, видимо, понялъ въ чемъ дѣло. Онъ бросился къ выходной двери.

— Уйдетъ, вѣдь, — крикнулъ съ отчаяніемъ членъ Думы. Старшій выстрѣлилъ изъ револьвера — Распутинъ

повернулъ въ дверь кабинета, пробѣжалъ два шага, захрипѣлъ и упалъ.

— Ну, теперь готовъ, — сказалъ членъ Думы. — Надо идти за автомобилемъ и уносить его.

Младшій трясся, какъ въ лихорадкѣ. Для дѣла онъ уже былъ совершенно конченъ. Ему посовѣтовали идти наверхъ, лечь и успокоиться. Сдѣлаютъ и безъ него. Членъ думы вышелъ во дворъ, дверь осталась открытой, холодъ повѣялъ на лѣстницу. Старшій пошелъ заглянуть въ кабинетъ. Тутъ прямо можно сойти съ ума! Убитый Распутинъ, котораго они считали уже мертвымъ, сидѣлъ на коврѣ, опираясь въ него руками. Онъ былъ блѣденъ. Волосы растрепаны, глаза дико вращались, озирая комнату. Онъ увидѣлъ старшаго и сталъ подниматься на ноги.

— А! — закричалъ онъ. — Все ей разскажу. Хозяйкѣ! Разскажу, что ты меня убилъ, — и вдругъ всталъ и бѣгомъ, какъ волкъ, согнувшись, пробѣжалъ мимо старшаго и выбѣжалъ на крыльцо.

Старшій бросился за нимъ и наткнулся на входившаго члена Думы.

— Распутинъ убѣжалъ, — сказалъ онъ.

— Что съ вами! Убитый?

— Какое! Живехонекъ... Да вонъ онъ!

По снѣгу было видно, какъ какая-то темная тѣнь быстро кралась скачками вдоль стѣны дома, направляясь къ воротамъ. Членъ Думы бросился за нимъ. У него былъ великолѣпный американскій револьверъ. Онъ націлился и выстрѣлилъ одинъ и другой разъ. Распутинъ споткнулся и упалъ. Членъ думы подбѣжалъ къ нему. Теперь уже не было сомнѣнія, — онъ былъ убитъ...

— Выстрѣлы были слышны на дворѣ, — сказалъ старшій. — Въ кабинетѣ на коврѣ кровь. Сейчасъ могутъ придти люди.

— Ничего, скажемъ, что собаку убили,—сказалъ членъ Думы.

Позвали собаку и въ домѣ пристрѣлили ее, какъ вещественное доказательство причины стрѣльбы. Но, понимаете, господа, тревога уже поднялась. Полиція и двор-

ники насторожились, а впереди еще цѣлое путешествіе и возня съ тяжелымъ трупомъ!

Подали автомобиль и сейчасъ же къ нему подошелъ городовой. Членъ думы рѣшилъ играть ва-банкъ. Онъ подошелъ къ городовому и сказалъ ему:

— Ты знаешь меня?

Тотъ взглянулъ и узналъ.

— Я членъ думы. Такой то. Правый. Преданъ Государю. Я убилъ Распутина.

— Слава Христу! Ужели такъ! — воскликнулъ городовой.

Психологическій моментъ, господа! Имъ надо было воспользоваться. Подошелъ какой то солдатъ. Онъ сталъ разспрашивать городового о причинахъ стрѣльбы. Членъ думы опять подошелъ къ нему.

— Я убилъ Распутина, — сказалъ онъ. — Хорошо я сдѣлалъ?

— Куда же лучше! — сказалъ солдатъ. — Давно пора такъ сдѣлать.

— Помогите, товарищи, намъ его положить на автомобиль и вывезти.

— Съ удовольствіемъ.

Итакъ — тайна перестала быть тайной. Членъ думы все взялъ на себя. При помощи городового и солдата они перенесли тѣло Распутина и положили въ автомобиль. За шоффера сидѣлъ N. N.

Было два часа ночи, когда они помчались по Мойкѣ. Ночью порошилъ снѣгъ и автомобиль оставлялъ за собою свѣжій слѣдъ. Поѣхали на острова.

— Мнѣ кажется, онъ шевелится, — сказалъ спутникъ члена думы.

— Нѣтъ ничего. Мертвъ.

Закутанный своею дорогою шубой и ковромъ Распутинъ тяжело лежалъ у нихъ въ ногахъ.

Доѣхали до моста и до намѣченной полыньи. Никого. Легкій туманъ поднимался съ рѣки. Долго возились, не въ силахъ будучи поднять тѣло на перила. На той сторонѣ моста замаячила черная фигура. Не то сторожъ, не то

городовой показался тамъ, разбуженный шумомъ автомобиля. Стали перекидывать тѣло. Возились втроемъ, неумѣло, неловко брались, все никакъ не могли поднять. Страшно тяжелымъ казался Распутинъ. Но вотъ подняли, подвесили къ периламъ. Изъ шубы выглянуло блѣдное лицо. Распутинъ ухватился руками за перила...

— Ожилъ? — въ глубокомъ волненіи воскликнулъ Грищенко. — Вотъ чортъ!

— Ожилъ, или показалось такъ. Членъ Думы говорилъ, что онъ слышалъ, какъ Распутинъ, цѣпляясь за перила моста, ругался скверными словами. Но, наконецъ, тѣло перекинули и оно звонко ударилось объ воду и пошло ко дну.

— Вотъ и конецъ, — сказалъ, тяжело вздыхая, Маклевъ.

— Нѣтъ, господа, — опуская на ладони рукъ свою красивую голову, проговорилъ раздумчиво Саблинъ, — это не конецъ, а начало... революціи... И Боже!... чьими руками оно положено!!...

XXVIII

Недѣля прошла въ работахъ. Шли засѣданія Георгіевской Думы, Саблинъ ѣздилъ въ Райволово навѣщать Зою Николаевну, переговорилъ съ врачомъ, убѣдился въ томъ, что она написала и начала постоянно писать мужу, бывалъ въ институтѣ, былъ даже на „Флавіи Тессини“.

Онъ зналъ изъ газетъ, изъ разсказовъ, изъ сплетенъ объ отчаяніи Императрицы. Онъ зналъ, что она вѣрила въ Распутина и видѣла въ немъ пророка и святого. Онъ предсказалъ, что съ его смертью погибнетъ весь родъ Романовыхъ и императрица вѣрила, что это такъ и будетъ. Событія надвигались грозныя, страшныя, о надвигающейся революціи говорили открыто. Прямо говорили о томъ, какія части надежны и какія ненадежны, и на повѣрку выходило, что надежныхъ частей не было.

Саблинъ зналъ, что розыски тѣла Распутина велись лично министромъ внутреннихъ дѣлъ Протопоповымъ, что

разсказъ городового о стрѣльбѣ, о томъ, что на Мойкѣ господа убили собаку, кровь на снѣгу у воротъ — все это уже раннимъ утромъ навело на слѣдъ таинственнаго автомобиля. По нему легко добрались до прорубн. Тяжелая глубокая калоша Распутина, спавшая съ ноги и забытая на снѣгу, показала мѣсто, гдѣ его сняли, а лоскутки шерсти его шубы указали и мѣсто, гдѣ его сбросили. Были спущены водолазы и тѣло Распутина было найдено со всѣми слѣдами убійства.

Саблинъ, читая въ газетахъ подробные протоколы розыска, которыми щеголяла сыскная полиція, разыгрывавшая изъ себя ловкихъ Шерлоковъ Хольмсовъ, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, такъ грубо было сдѣлано это убійство.

Нѣтъ, они-бы такъ не убили! Ихъ не нашли бы такъ легко! Они не забыли бы калошу и не стали хвастать передъ городовымъ и солдатомъ. А намъ уже, если надо было убивать, то убивать открыто, при всѣхъ. Встать, сказать, за что убиваю, бросить нѣсколько жгучихъ жесткихъ словъ, вынуть револьверъ и уложить безъ отказа. А то: — ядъ, который не дѣйствуетъ, пуля, которая не беретъ, и трупъ, котораго не могутъ скрыть.

Облѣпсимовъ носился по городу, всюду крича о подробностяхъ дѣла и путая правду съ собственнымъ вымысломъ. Онъ окончательно сталъ революціонеромъ и мечталъ о роли по крайней мѣрѣ Мирабо. Красный цвѣтокъ не вынимался изъ петлицы его пиджака.

— Саша, — говорилъ онъ, уже не таясь, не являясь ночью, не разыгрывая изъ себя Никодима, но за завтракомъ, или за обѣдомъ, не стѣсняясь прислуги, въ ресторанѣ, тамъ, гдѣ ему удавалось поймать Саблина. — Теперь, Саша, крышка! Дьяволъ онъ, или нѣтъ, но Романовымъ конецъ. Конецъ Распутину — конецъ и Романовымъ. Теперь революція и народоправство и Россійская республика! Доживу и я до этого великаго дня!

— Дядя, — говорилъ Саблинъ, — какъ поворачивается у тебя языкъ это говорить. Ты дворянинъ!

— Гражданинъ, Саша! Это куда выше! Въ Россіи...

Ахъ и великая сила у нашего народа. И умъ, и юморъ, и мягкость языка поразительные. Выхожу я, Саша, изъ театра, а ко мнѣ подходитъ, знаешь, этакая фея съ Невскаго проспекта, мы ихъ въ дни моей молодости „горизонталочками“ называли — и говоритъ мнѣ: — „товарищъ, одолжи цѣлковый на извозчика“. Саша! пойми! Товарищъ! Эврика! Вонъ оно то слово, тотъ ключъ къ народному сердцу, который теперь найденъ. Мы всѣ товарищи!

— Товарищъ по корпусу, по гимназіи? По чему товарищи? Слово товарищъ старое, оно имѣетъ строго опредѣленное значеніе.

— Товарищъ по партіи!

— Дядя, вернемся къ тому, что ты началъ? Ты радъ тому, что какія то глупыя бредни предсказываютъ гибель Романовыхъ! Что они тебѣ сдѣлали? Не они ли пожаловали твоихъ предковъ Спасскимъ. благодаря ему ты образованъ, сытъ, одѣтъ, богатъ и вліятеленъ? Такъ ты платишь имъ за все то добро, что они тебѣ сдѣлали?

— Саша! Я не эгоистъ. Я думаю о Россіи.

— О Россіи... Никогда, дядя, — вставая и краснѣя до корня волосъ заговорилъ Саблинъ, — никогда не смѣй мнѣ говорить такъ о Романовыхъ и Россіи! Слышишь, не смѣй мнѣ повторять нелѣпыя сплетни о Россійскихъ государяхъ. Вспомни исторію. Михаилъ Оедоровичъ принялъ царство воровъ и разбойниковъ. Вся Россія была крошечный лоскутокъ земли безъ выхода къ морю, кругомъ враги, внутри мятежи, разбои и голодъ, равнаго которому не было... Человѣческое мясо ѣли въ Москвѣ... Безъ казны, безъ арміи, безъ честныхъ служилыхъ людей...

— Я это знаю. Что ты мнѣ повторяешь уроки исторіи...

— Ахъ, знаешь! Михаилъ Оедоровичъ...

— Русскій народъ, — перебилъ Облѣнисимовъ.

— Нѣтъ, Михаилъ Оедоровичъ, потому что Русскій народъ только и умѣлъ метаться отъ одного Лжедимитрія къ другому, отъ Тушинскаго вора къ польскому королевичу.

— Что ты кричишь, Саша.

— Я не кричу, а мнѣ стыдно за всѣхъ васъ! Что же и Петръ, и Екатерина, и Александръ вамъ ничто? Меньшиковыхъ, Потемкиныхъ, Суворовыхъ, Кутузовыхъ не было? Былъ народъ?... И вы хотите, чтобы все это кончилось!... Ну кто же станетъ править ста двадцатью милліонами разноплеменнаго народа, далеко между собою несогласнаго? Кто же, президентъ!?

— Съ тобою, Саша, говорить нельзя. Ты кричишь... Ты повторяешь азбучныя истины.

— Если ты ихъ забылъ, дядя.

— Все потому, что ты не въ партіи.

— А что важнѣе, — партія, или Россія?

— Саша. Ты политически необразованъ и на войнѣ ты огрубѣлъ. Какія манеры...

— Товарищъ!... Еще чего недоставало!... Товарищъ! Партія или Россія? Я тебя спрашиваю.

— Саша, оставь! Devant les domestiques.*)

— Ахъ такъ! Теперь вамъ и доместики пригодились. Ну, такъ не смѣй мнѣ, дядя, ни слова говорить о Государѣ! Какой онъ ни на есть, онъ мой Государь, а она императрица, и тотъ, кто имъ измѣнитъ, будетъ подлецъ!

— Прощай, Саша. Тебѣ надо успокоиться. У тебя нервы на войны разошлись. Никто объ измѣнѣ не говоритъ... А, если онъ самъ измѣнитъ?

— Что-о?

— Ну, Богъ съ тобой, я ухожу!...

На смѣну Облѣпихинову пришелъ Мацневъ. Онъ длинно и таинственно, запершись въ кабинетѣ у Саблина и сидя подъ портретомъ Вѣры Константиновны, разсказывалъ о томъ, какъ трупъ Распутина тайно перевезли въ Чесменскую богадѣльню за Московской заставой, положили тамъ въ часовнѣ, какъ Протопоповъ надѣлъ на него вышитую императрицей рубашку, а неприкрытыя ею части тѣла и лицо намазалъ фосфоромъ. Туда ночью въ каретѣ, одна, пріѣхала Императрица, вошла въ полутемную часов-

*) *Передъ слугами.*

ню и увидала свѣтящійся трупъ. Она склонилась передъ нимъ на колѣни, а Протопоповъ, трясясь, проговорилъ:

— Онъ воскреснетъ! Вы увидите! Онъ воскреснетъ.

Съ императрицей сдѣлался глубокій обморокъ. Трупъ Распутина перевезли въ Царское село и похоронили, украсивъ могилу цвѣтами. Императрица ходитъ на могилу пѣшкомъ, молится и ждетъ чуднаго воскресенія. Неизвѣстныя лица крадутъ по ночамъ цвѣты и накостятъ могилу. Къ могилѣ поставлены часовые... Какъ у Христа!!...

— Милый Саша, — говорилъ Мациевъ, глядя усталыми воспаленными глазами въ глаза Саблину. Онъ сталъ такъ непохожъ на стараго цинника Мациева, который говорилъ: „бей ворону, бей сороку“. — Милый Саша! Она сошла съ ума! Они всѣ тамъ сошли съ ума. Тамъ говорятъ: такъ было и съ Христомъ! Его гнали и мучили, Его убили и Онъ воскресъ. Воскреснетъ и Распутинъ. Питиримъ и Варнава готовы сдѣлать изъ него святого. Подумай: Христосъ и Распутинъ! Милый Саша, я сѣлъ за библію. Вѣдь это Содомъ и Гомора, а не Россія! А что, если гнѣвъ Божій ударитъ на насъ... Виновныхъ сослали въ Персію. Тамъ, говорятъ, климатъ, котораго они не перенесутъ. Жена младшаго хотѣла ѣхать съ мужемъ. Ей не разрѣшили. Какая жестокость! Милый Саша! Что же это такое? Ты моложе меня, но я, — всегда бывшій твоимъ наставникомъ, я теряюсь. Уже не правды я ищу. Но что же? За кѣмъ идти? За ними, которые вѣрятъ въ святость Распутина, или за тѣми, кто убилъ Распутина и помчался теперь на фронтъ съ клятвою потребовать отреченія Государя отъ Престола въ пользу сына и регентства Николая Николаевича. Я и имена ихъ всѣхъ знаю. Да! Саша! Милый Саша! Ты какъ поступишь?

Вѣра Константиновна кроткими синими глазами смотрѣла съ полотна портрета. Въ тумбѣ стола за семью печатями и съ надписью Саблина „не распечатывая положить со мною въ гробъ“, лежитъ ея тайна. Простилъ онъ ей? Если бы простилъ, не несъ бы съ собою въ гробъ ея исповѣдь, не шелъ бы въ царство тѣней съ этой жалобой Богу!

Заговоръ принимаетъ большіе размѣры. Въ немъ По-

ливановъ, Гучковъ, въ немъ Пуришкевичъ, въ немъ Рузскій и Алексѣевъ. Онъ уже внѣ власти охраннаго отдѣленія и само министерство внутреннихъ дѣлъ пасуетъ передъ нимъ.

Мациевъ, старый циникъ, но благороднѣйшій человѣкъ — Мациевъ растерянъ.

Саблинъ твердо посмотрѣлъ въ глаза Мацневу и сказалъ:

— Нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ, ни ты, ни я — мы не измѣнимъ Государю. Никто изъ нашего полка не пойдетъ противъ Государя Императора.

— А какъ же Распутинъ?

— Это ихъ семейное дѣло... Это болѣзнь... Истерія... Мы не можемъ судить Государя по сплетнямъ, но лишь по дѣламъ его: А дѣла его: — это чудесный приказъ о завѣтныхъ цѣляхъ войны... Его мы исполнимъ!...

XXIX

Въ серединѣ января 1917 года Саблинъ вернулся на позицію. Маленькая халупа съ подслѣповатымъ окномъ приняла его, какъ родного. Въ ней, казалось, была мирная пристань, убѣжище отъ всего грязнаго и страшнаго, что дѣлалось въ эти дни въ Петроградѣ. Полки своего корпуса Саблинъ нашелъ распустившимися, но, главное, что его безпокоило, это совершенно разстроившееся довольствіе корпуса. Онъ призвалъ интенданта и послѣ долгой бесѣды съ нимъ выяснилъ, что съ продовольствіемъ выходитъ заминка въ центрѣ.

— Если позволите, — сказалъ интендантъ, — мы достанемъ все, что нужно, черезъ земскій и городской союзы. У нихъ на складахъ все въ изобиліи. Вамъ только написать письмо и они охотно дадутъ. У нихъ даже бѣлая мука есть.

— Какъ же это такъ, почтеннѣйшій, — спросилъ Саблинъ, — а у васъ нѣтъ?

— Потому то у насъ и нѣтъ, что у нихъ есть. Они

все изъ-подъ носа скупаютъ, не стѣсняясь справочной цѣной. Теперь все въ ихъ рукахъ. Захотятъ: — завалятъ армію хлѣбомъ, не захотятъ, у насъ и по фунту не хватитъ.

„Страшно это," подумалъ Саблинъ. „Въ продовольствіи, этомъ важномъ факторѣ войны и побѣды, хозяева не главнокомандующіе арміями, не начальники, не тѣ, кто ведъ войну, а разные „милостивые государи", какъ ихъ называлъ Мациевъ, общественные дѣятели, представители партій, борющихся противъ правительства."

Саблинъ отдалъ приказъ расширить корпусные склады и всякими правдами и неправдами пополнить ихъ такъ, чтобы въ дѣлѣ продовольствія совершенно не зависѣть ни отъ кого. Онъ разослалъ по окрестностямъ дивизіонныхъ интендантовъ и завѣдующихъ хозяйствомъ и скупалъ все, что можно было скупить. Его агенты повсюду сталкивались съ агентами „земгора", выросшаго въ громадную организацію. Рядомъ съ нимъ стоялъ Военный торгово-промышленный комитетъ — мощная организація, захватившая все снабженіе арміи въ руки. Склады комитета пополнились отъ запасовъ, на фронтъ же снаряженіе отпускалось очень скупо.

Бывая въ штабѣ арміи, у Пестрецова и Самсонова, бесѣдуя съ своими полковыми командирами и офицерами, разговаривая съ солдатами, Саблинъ убѣдился въ томъ, что во всей арміи было глубокое убѣжденіе въ томъ, что на дняхъ начнется наступленіе на всѣхъ фронтахъ, какъ Русскомъ — восточномъ, такъ и Союзническомъ — западномъ. Указывали и время этого наступленія — между 20 февраля и 1 марта, указывали и цѣли. Всѣ, до солдатъ включительно, знали, что до весенней распутицы рѣшено занять Ковель, Владиміръ-Волынскій и Пинскъ, захватить Львовъ. Потомъ на время распутицы предполагалась передышка, перегруппировка, подвозъ снарядовъ и въ мартѣ, или апрѣлѣ — движеніе съ цѣлью овладѣть Брестомъ, Влодавой и Варшавой. Лѣтомъ предполагали быть на границѣ и, если нужно, то и заграницей. Въ арміи были увѣрены въ успѣхѣ наступленія. Солдаты чувствовали мощь ар-

міи. Въ артиллеріи на позиціи, въ бомбовыхъ погребахъ лежало по 2000 снарядовъ на орудіе, тыловые парки и склады были полны снарядами, сзади частей, занимающихъ позицію, въ ближайшемъ тылу, все переполнено было новыми частями, пріѣзжающіе изъ отпуска разсказывали о громадныхъ гарнизонахъ, сосредоточенныхъ въ Петроградѣ, Москвѣ и во всѣхъ большихъ городахъ. На фронтѣ не сомнѣвались, что все это будетъ двинуто для удара и должно непремѣнно сокрушить врага.

Саблинъ спрашивалъ Пестрецова, есть ли основанія для этихъ слуховъ? Пестрецовъ отвѣчалъ откровенно:

— Прямого приказа, или директивы арміямъ нѣтъ. Но послѣ приказа Государя это такъ естественно. Кончить войну надо. Мы и такъ изъ-за союзниковъ перетянули ее. Рубежи намѣчены правильно и твоя ближайшая задача — Камень-Каширскій и Большая Глуша.

Саблинъ озаботился заготовкой бѣлыхъ балахоновъ для того, чтобы наступать по снѣгу, и усилилъ занятія штурмами позицій. Онъ присматривался къ солдатамъ, входилъ въ самую толщу ихъ и, разговаривая съ ними, не слушалъ казенныхъ отвѣтовъ, а прислушивался къ тому, что говорила кругомъ толпа. Ночью въ окопахъ, услышавъ гдѣ-нибудь разговоръ, онъ тихо подходилъ и прислушивался, что говорятъ о наступленіи и о войнѣ. Онъ бесѣдовалъ съ Верцинскимъ и Ермоловымъ, говорилъ съ Козловымъ. Верцинскій и Ермоловъ разными словами и различными выраженіями одинаково характеризовали настроеніе солдатской массы въ связи со слухами о наступленіи.

Оно было двоякое. Меньшинство: — старые кадровые солдаты, запасные недальнихъ сроковъ стояли за наступленіе, считали его неизбѣжнымъ и считали, что безъ побѣды не можетъ быть мира, а мира они хотѣли жадно. Въ нихъ сильно говорила гордость русскимъ именемъ, своимъ мундиромъ, и они не сомнѣвались въ побѣдѣ и въ томъ, что лѣтомъ наступленіе закончится полнымъ разгромомъ германской арміи.

Изъ разнросовъ очередныхъ, такъ называемыхъ „кон-

тольныхъ", нѣвныхъ Саблинъ узналъ, что нѣмцы тоже знаютъ о готовящемся наступленіи и очень боятся его. Уже отданы распоряженія объ эвакуаціи Ковеля, если бы это понадобилось.

Но большинство русскихъ солдатъ относилось къ наступленію равнодушно. Они жаждали мира. Воевать и добиваться мира побѣдою они не хотѣли. Они хотѣли, чтобы миръ — явился т а к ъ. Какъ „т а к ъ", они не объясняли, но часто говорили: — это отъ Государя зависитъ, сказываютъ, германъ то очень мириться хочетъ, ему только предложи, онъ согласится. — Для чего воевать! кабы гроза была нашей губерніи, а то дойди-ка до Уфимской! Тамъ бы я ему показалъ! Воюемъ, братцы, не для себя, а для французовъ. Французъ, сказываютъ, жидокъ сталъ, ему помощь нужна. — А на кой лядъ намъ французъ этотъ самый!

Но всего тяжелѣе было настроеніе нѣкоторой части офицеровъ. Это были старые, почтенные капитаны и полковники, освоившіеся съ пребываніемъ въ отставкѣ и запасѣ, пригрѣвшіеся на тыловыхъ должностяхъ, привыкшіе думать, что опасность непосредственнаго боя для нихъ миновала, и теперь при громадномъ увеличеніи арміи оказавшіеся въ роли полковыхъ и баталіонныхъ командировъ. Они сумѣли угрѣться и на позиціи. Построили себѣ блиндажи и отсиживались въ нихъ, попивая кофей, куря до одурѣнія и избѣгая въ тяжелыя минуты бомбардировокъ вылѣзать изъ блиндажа. Для нихъ мысль о наступленіи и переходъ къ полному случайностей полевому бою — были ножъ острый. Но что они думали дѣлать въ этомъ случаѣ, они не говорили и сурово молчали. Саблинъ приглядывался къ нимъ и думалъ, что, вѣроѣе всего, за нѣсколько дней до наступленія они двинутъ въ ходъ тяжелую артилерію своихъ застарѣлыхъ ревматизмовъ, пострѣлявъ и удушій, всѣ окажутся больными и благополучно перекочуютъ въ лазареты и госпитали. Саблинъ намѣчалъ имъ замѣстителей и исподволь подготовлялъ ихъ.

Другая категорія были тѣ прапорщики, что пошли въ военныя училища и на курсы только затѣмъ, чтобы въ

офицерскомъ званіи подвергаться меньшей опасности, чѣмъ солдатами, какими ихъ взяли бы непремѣнно. При окопной войнѣ они этого достигли. У нихъ были прочные блиндажи и они могли, пользуясь трудностью наблюденія за ними, тамъ отсиживаться. Но полевая война требовала ихъ передъ взводы и передъ роты, въ прорывѣ имъ пришлось бы первыми кинуться на проволоку. Это ихъ не устраивало, и они тихо и осторожно вели среди солдатъ разлагающую пропаганду. Они не говорили п р о т и въ наступленія, но они говорили о н е в о з м о ж н о с т и наступленія, они говорили о безцѣльности войны и о томъ, что ее и дѣйствительно можно кончить „т а к ъ“. Войну хотѣлъ вести Государь, потому что она давала ему славу, и генералы, потому что они получали за нее большія деньги, ордена и отличія и она имъ была выгодна. Выходило незамѣтно такъ, что если бы Государя и генераловъ не стало, то и войны бы не было. Часто среди солдатъ они проводили такую мысль: — простому народу, крестьянамъ и рабочимъ война не нужна. Германскій крестьянинъ и рабочій легко можетъ столковаться съ русскимъ крестьяниномъ и рабочимъ, но мѣшаютъ этому капиталисты, которымъ война даетъ наживаться. Эта проповѣдь по своему дѣйствію была ужасна. Саблинъ собиралъ офицеровъ, бесѣдовалъ съ ними, перетасовывалъ ихъ, но чувствовалъ, что убѣдить человѣка молодого, полнаго силъ въ томъ, что онъ долженъ пойти на вѣрную смерть, не такъ то легко. Саблинъ не разъ вспоминалъ хорунжаго Карпова. Развѣ онъ убѣждалъ его въ томъ, что ему нужно пойти у Костюховки впереди всѣхъ? Онъ приказалъ ему и тотъ сказалъ: — слушаюсь, и исполнилъ.

Нужна была муштра. Саблинъ тянулъ офицеровъ и требовалъ строгой исполнительности.

Повидимому, и наверху производились тѣ же наблюденія, и то, что видѣлъ Саблинъ, видѣли и другіе начальники. Изъ Ставки пришло приказаніе о формированіи особыхъ ударныхъ частей изъ лучшихъ офицеровъ и солдатъ для нанесенія перваго удара и для увлеченія за собою остальныхъ. Саблинъ не могъ съ этимъ согласиться. Да, такая

мѣра давала успѣхъ въ наступленіи, зато она уничтожала все лучшее и въ командномъ составѣ и въ рядахъ, а съ кѣмъ-же развивать наступленіе и заканчивать войну? Саблинъ не выдѣлилъ ударныхъ баталіоновъ, но назначилъ ударными первые баталіоны полковъ, слегка подобралъ ихъ и велъ съ ними спеціальныя занятія.

26-го февраля Саблинъ по телефону получилъ условное приказаніе о томъ, что начало наступленія назначено на 28-ое февраля, а велѣдъ за тѣмъ и подробный приказъ о томъ, что онъ долженъ исполнить.

XXX

Была тихая, лунная ночь. Было темно, снѣгъ днемъ тронуло и ночью онъ не подмерзъ, но лежалъ такой же рыхлый и ноздреватый. Саблинъ съ начальниками дивизій и со штабомъ пріѣхалъ къ девяти часамъ вечера на спеціально построенную въ тылу позицію, подобную германской, окруженную двѣнадцатью рядами проволоки. Эту позицію должны были взять незамѣтно, одѣтые въ бѣлые балахоны первые баталіоны полковъ, собранные отъ нея въ верстѣ, то есть въ такомъ разстояніи, въ какомъ находились и наши настоящія позиціи. Офицеры съ сигнальными ракетами были размѣщены по позиціи. Они должны были начать бросать ихъ, когда они увидятъ, или услышатъ наступающія части.

Въ ударныхъ баталіонахъ люди были разставлены сообразно съ тѣми задачами, которыя на нихъ возлагались. Одни прорѣзали верхнюю проволоку и, широко шагая, или дальше, другіе подрѣзали проволоку ниже, третьи съ гранатами бросались въ укрѣпленіе и выбивали людей изъ блиндажей — они назывались чистильщиками траншей, четвертые переходили окопы и устремлялись на подходящіе резервы, пятые перекапывали окопы для себя, шестые или вправо, седьмые влѣво, расширяя прорывъ, каждый человѣкъ зналъ свою роль, какъ актеръ знаетъ пьесу, и это была ихъ генеральная репетиція.

Саблинъ и всѣ окружающіе его знали точно часъ и мѣсто, куда должны были наступать ударные баталіоны.

Знали его также офицеры и солдаты, сидѣвшіе въ учебномъ окопѣ. Маневръ начинался по провѣреннымъ часамъ въ 9½ часовъ вечера.

— Пошли, — сказалъ Давыдовъ, глядя на свои часы-браслетъ со свѣтящимися стрѣлками.

Ночь была на рѣдкость тихая. На горизонтѣ, гдѣ была позиція, вспыхивали ракеты и падали таинственными зелеными звѣздочками, порхая въ воздухѣ. На песчаномъ бугрѣ, покрытомъ снѣгомъ, окруженномъ лѣсомъ, было тихо. Слышно было какъ внизу, подъ снѣгомъ журчала вода, да сзади вздыхали лошади и иногда односложными словами перетсваривались вѣстовые.

Впереди снѣгъ сливался съ ночнымъ туманомъ и образовывалъ въ серебристомъ сіяніи мѣсяца сплошную массу, гдѣ слабо намѣчались темныя колья и переплетъ проволочнаго загражденія.

Нѣсколько разъ ухо, казалось, улавливало шорохъ ногъ, но всякій разъ обманывалось. Тамъ, гдѣ двигалось три съ лишнимъ тысячи человѣкъ, не было ничего слышно.

Ночь, пустынное, глухое мѣсто среди большихъ лѣсовъ, напряженное ожиданіе и сознаніе, что это преддверіе чего то великаго, страшнаго и важнаго волновали офицеровъ и солдатъ, и они всматривались вдаль и поглядывали на часы. Но впереди такъ же клубился серебристой ватой туманъ и единственнымъ звукомъ, доносившимся оттуда, было тихое журчаніе ручейка, пробивающагося изъ-подъ снѣга и падавшаго въ какую то ямку.

— Уже пятнадцать минутъ идутъ, — сказалъ Давыдовъ.

— Пошли-ли? — сказалъ Саблинъ. — Поняли ли они, что ровно въ половинѣ девятаго наступать?

— Ну, какъ же! Съ ними Козловъ.

Опять стали слушать.

— Кажется идутъ.

Вспыхнула и взметнулась одна, другая ракета.

— Вонъ, видите, идутъ.

— Гдѣ, гдѣ?

— Да вонъ же бѣлыя фигуры, какъ въ саванахъ.

— Не вижу.

— Сколько ихъ!

— Нажмите секундомѣръ.

Громовое ура раздалось кругомъ и въ то же мгновеніе безконечные ряды солдатъ въ бѣлыхъ халатахъ и капюшонахъ, какъ стая призраковъ, появились на укрѣпленіи.

— Сколько прошло времени отъ того момента, какъ подошли къ проволокѣ, до того, когда ворвались въ укрѣпленіе? — спросилъ Саблинъ.

— Полторы минуты, ваше превосходительство, — молодцовато отвѣтилъ молодой капитанъ, старшій адъютантъ штаба корпуса.

— Это великолѣпно.

— Главное, стрѣлять было бы невозможно, такъ сливаются бѣлыя фигуры со снѣгомъ.

— Штабъ горнистъ, труби отбой, — сказалъ Саблинъ.

Сильные звуки мѣднаго горна прорѣзали ночной воздухъ, крики ура стали погасать и люди въ бѣлыхъ саванахъ строились въ колонны за укрѣпленіемъ. Они тяжело дышали послѣ бѣга, были оживлены и шутки слышались въ ихъ рядахъ.

— Ловко, — говорилъ одинъ солдатъ другому, — сказываютъ, насъ совсѣмъ не видать и не слыхать было.

— Ужъ и крались же мы. Я ногу поставлю и жду, пока не окрѣпнетъ, другую ставить.

— И прожекторомъ не усмотришь. Чудно! Всѣ бѣлые!

— Ротный Ермоловъ сказывалъ, на штурму пойдемъ и лица мѣломъ намажемъ, чтобы ничего, значитъ, не видать.

— А я бы углемъ. Страшнѣе. Будто черти.

Раздалась команда „смирно“. Саблинъ подъѣхалъ къ сводному полку.

Онъ горячо благодарилъ солдатъ за блестящій маневръ и предсказывалъ имъ, что они будутъ имѣть полный успѣхъ въ дѣлѣ, если такъ же пойдутъ. Онъ ничего не говорилъ, когда пойдутъ, но всѣ уже знали, что это будетъ — послѣзавтра.

XXXI

28-го февраля Саблинъ утромъ объѣхалъ всѣ баталіоны, назначенные въ прорывъ, и долго бесѣдовалъ съ Козловымъ и баталіонными командирами. Онъ видѣлъ полную увѣренность въ успѣхѣ.

— Люди, ваше превосходительство, хотятъ, чтобы поскорѣе началось, — сказалъ пожилой капитанъ.

— А не сробѣютъ?

— Думаю, что нѣтъ. Увлеченія много. И робкихъ заразили. Говорятъ прямо: — 1-го марта къ ночи въ Ковелѣ будемъ.

— Кавалерія будетъ, — сказалъ Саблинъ.

— И мы не отстанемъ, — бодро добавилъ Козловъ.

Онъ провожалъ Саблина къ автомобилю.

— Имѣете письма отъ супруги? — спросилъ Саблинъ.

Козловъ просіялъ.

— Почти каждую недѣлю письмо привозятъ изъ штаба. Пишетъ каждый день. Я уже не знаю, какъ и благодарить, ваше превосходительство, что вы такое участіе въ ней приняли. Чахотки, слава Богу, не оказалось, одно воспаленіе легкихъ. Поправляется совсѣмъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу, — сказалъ Саблинъ, невольно опуская глаза. — Въ десять я буду у васъ въ Шпелевки и ровно въ два начинаемъ.

— Понимаю, — сказалъ Козловъ.

Саблинъ около двухъ часовъ дня вернулся въ штабъ, онъ хотѣлъ пообѣдать и прилечь отдохнуть въ предвидѣніи безсонной ночи. Давыдовъ доложилъ ему, что его ожидаетъ Командармъ на прямомъ проводѣ. Саблинъ пошелъ черезъ улицу въ халупу, гдѣ помѣщался аппаратъ Юза.

Долго не могли наладить и урегулировать аппаратъ, но наконецъ изъ несвязныхъ буквъ стала отбиваться четкая лента. Пошли такъ сердившіе Саблина не нужные вопросы. — Кто у аппарата? — У аппарата Саблинъ. — Здравствуйте, у аппарата Нантармъ, — что означало, что

у аппарата былъ начальникъ штаба арміи генералъ Самойловъ.

— Наступленіе приказано отложить, — равнодушно выстукивалъ по лентѣ аппаратъ. — Поисковъ развѣдчиковъ не дѣлать.

— Отложить невозможно, — отвѣчалъ по аппарату Саблинъ, — все готово. Люди рвутся въ бой, всякая перемѣна погаситъ порывъ и вмѣсто побѣды дастъ неудачу. Что случилось?

— Категорическое приказаніе Главкозапа. Отложено на всемъ фронтѣ.

— Они съ ума сошли. Стоитъ теплая погода. Снѣгъ быстро таетъ. Скоро будетъ такая грязь, что до полной весны нельзя будетъ работать.

— Я передаю вамъ приказъ Главкозапа и Ставки. Наступленіе отмѣнено. Причины неизвѣстны. Никуда не отлучайтесь. Будьте готовы каждую минуту подойти къ аппарату. До свиданья. Генералъ Самойловъ.

Аппаратъ остановился.

— Все? — спросилъ Саблинъ у чиновника юзиста.

— Все-съ, — отвѣчалъ, вставая съ табурета, чиновникъ. Это былъ типичный старый телеграфистъ. Онъ строго посмотрѣлъ на солдата, сидѣвшаго у аппарата Морзе, и сказалъ:

— Висленгьевъ, выйдите на минуту.

Солдатъ всталъ, улыбнулся и вышелъ.

— Ваше превосходительство, — сказалъ шопотомъ чиновникъ, — позвольте вамъ доложить. Они почему-то скрываютъ... Въ Петроградѣ большіе безпорядки. Солдаты взбунтовались... Что тамъ сейчасъ, никто не знаетъ... Можетъ быть уже революція.

— Вы откуда знаете? —спросилъ, вспыхнувъ, Саблинъ.

— Мнѣ товарищъ по проводу передалъ изъ Ставки.

— Не можетъ быть!

— Не могу знать, ваше превосходительство, а только товарищъ мнѣ всегда вѣрно передавалъ. Государь будто изъ Ставки уѣхалъ.

— Молчите покамѣстъ!

— Какъ рыба, ваше превосходительство!

Саблинъ передалъ въ полки приказъ объ отмѣнѣ наступленія, и всюду онъ вызвалъ чувство недоумѣнія и огорченія. День, который Саблинъ думалъ провести въ волненіи предстоящаго ночного боя, оказался пустымъ и долгимъ. Волноваться было не о чемъ, и Саблинъ съ нахмуреннымъ лицомъ вернулся въ халупу и сталъ ходить взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ съ земляннымъ поломъ.

„Вотъ оно, началось," — думалъ онъ. „Началось то, о чемъ такъ давно, такъ долго и упорно мечтала наша интеллигенція. Тумань французской революціи всегда висѣлъ надъ нами и наши передовые люди мечтали о своихъ Мирабо, Дантонахъ, Маратахъ, Робеспьерахъ, ну и конечно — Наполеонахъ! Нѣтъ такого артиллерійскаго поручика, который, хотя разъ, не помечталъ бы стать Наполеономъ и, выкативъ пушку на площадь, кого-нибудь разогнать... Что-то тамъ, въ Петроградѣ?!"

„Русская революція!... Но развѣ не поднимали красное знамя мятежа Разинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, Булавинъ при Петрѣ, Пугачевъ при Екатеринѣ? Развѣ не трепетало оно, поднятое Гапономъ и Шмидтомъ, еще такъ недавно надъ нестройными толпами народа по всей Россіи? Во что же выливалось это? — Въ разгромы, иллюминаціи помѣщичьихъ усадебъ, еврейскіе погромы, выпусканіе кишекъ племенному скоту, подрѣзываніе жилъ жеребцамъ, битье зеркалъ, разрываніе дорогихъ картинъ и уничтоженіе накопленнаго богатства. Разбой, а не революція... Но, тогда руководили революціями простые, дикіе, неграмотные казаки, или попъ Гапонъ и рабочіе, а теперь во главѣ революціоннаго движенія стала, вѣрнѣе всего, Государственная Дума... Посмотримъ, справится ли она?" — Саблинъ вспомнилъ анекдотъ о словахъ императора Вильгельма, сказанныхъ будто-бы по поводу того, что кто-то назвалъ императора Николая II неумнымъ. — „Я не считаю его неумнымъ, потому что для того, чтобы двадцать лѣтъ править такимъ диким народомъ, какъ русскій, надо имѣть очень много ума".

Но революція Саблину рисовалась только въ видѣ без-

порядковъ. Можетъ быть, очень крупныхъ, явно нежелательныхъ во время войны, но только безпорядковъ. Вѣдь не измѣнятъ же Государю осыпанные его милостями главнокомандующіе фронтами, генералъ-адъютанты Рузскій, Эвертъ, Брусиловъ, Щербачевъ? Есть вѣрные полки. Взять хотя бы его бывшую кавалерійскую дивизію, конные корпуса — да они сметутъ Петроградскій гарнизонъ изъ развращенныхъ и трусливыхъ солдатъ такъ, что отъ него духу не останется. И Думу разогнать не долго. Повѣсили Мясоѣдова, могутъ повѣсить и другихъ..."

И вдругъ засосало подъ сердцемъ. Вспомнилось предсказаніе Распутина, что гибель его означаетъ гибель дома Романовыхъ. Стало страшно. Какая-то невидимая рука вмѣшивалась въ судьбы Россіи; надъ нею нависала тяжелая рука Бога жестокаго, Господа Силъ? Вспомнилось отчаяніе Мацнева и то, какъ сравнилъ онъ Россію съ Содомомъ и Гоморрой. Поднята рука Бога карающаго, и что могли сдѣлать люди?!

Жутко стало Саблину. Въ маленькія окошечки избы видна была блестящая, мокрая, обледенѣлая дорога, поля съ набухшимъ снѣгомъ, обломки забора, разобраннаго солдатами на дрова: дальше клубилось тучами сѣрое небо и моросилъ мелкій, надоѣдливый, холодный дождь.

Саблинъ смотрѣлъ на обломки забора и вспоминалъ недавній случай въ 819-мъ полку. Они шли на позицію и остановились на ночлегъ возлѣ деревни. Походныя кухни стали подлѣ стараго деревенскаго кладбища. Сотни лѣтъ покоились за земляннымъ валомъ, среди густой заросли калиновыхъ и сиреневыхъ кустовъ, подъ могучими каштанами скромные деревенскіе покойники. И надъ ними стояли покосившіеся отъ времени, со стертыми надписями, кресты, украшенные чьею-то заботливою рукою, гдѣ пучкомъ сухихъ цвѣтовъ, гдѣ вѣночкомъ, гдѣ лентами. Эти старые почернѣлые кресты были кому-то дороги и кто-то по нимъ находилъ остатки прошлаго.

Каневары полка сломали кресты и затопили ими кухни. Въ ста саженяхъ отъ нихъ былъ лѣсъ и тамъ стояли

полѣнницы дровъ. Когда Саблинъ накричалъ на нихъ, они не смутились.

— Полѣнницы, ваше превосходительство, далеко, да и какой тамъ лѣсъ, — а это сухой, ишь горитъ какъ! — говорилъ, весело улыбаясь, молодой парень.

Страхъ Божій, чувство святости мѣста, были потеряны. „Эти“, — подумалъ тогда Саблинъ, — „и въ церкви почлегъ устроятъ и алтарь осквернятъ. У нихъ нѣтъ ничего святого!“

„И это народъ — богоносецъ! Это воспѣтый интеллигенціей народъ, который хочетъ теперь захватить власть въ свои руки и самъ править великою Россіей... Захватитъ-ли? Не предупредитъ-ли его кто другой?...“

Сумерки сгустились. Поля не стали видны, исчезъ заборъ, и окна мутными, сѣрыми пятнами просвѣчивали на темной стѣнѣ. Саблинъ зажегъ свѣчу и сталъ читать французскій романъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера его вызвали къ аппарату. Нестрецовъ требовалъ его пріѣзда въ штабъ корпуса.

Еще затемно Саблинъ сѣлъ въ автомобиль и по мокрой, но еще твердой дорогѣ помчался къ Нестрецову.

XXXII

Нестрецовъ его сейчасъ же принялъ. Онъ провелъ Саблина въ свой кабинетъ, тщательно заперъ дверь и прошелъ къ столу. Потомъ вновь подошелъ къ двери и быстро раскрылъ ее. За дверьми оказался денщикъ.

— Ты чего? — спросилъ Нестрецовъ.

— Я такъ. Думалъ, не понадобится ли чего.

— Пошелъ вонъ!

— Слушаю...

— Вотъ видишь, Саша... — это начало... Вызвалъ я тебя, а и самъ не знаю, зачѣмъ. Просто хотѣлось со своимъ человѣкомъ поговорить, на лицо родное посмотрѣть... Ничего не знаю... Въ Петроградѣ безпорядки. Были столк-

новенія между полиціей и солдатами. Кажется, начались на голодной почвѣ, на недостаткѣ хлѣба рабочимъ, но не знаю. Ничего не знаю. Изъ Ставки — молчокъ. Никакихъ распоряженій. Это и понятно. Тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, тотъ не ошибается, а ошибиться теперь, это играть своею головою, или, по крайней мѣрѣ, своимъ мѣстомъ и положеніемъ.

— Мнѣ кажется, напротивъ — нѣтъ ничего болѣе яснаго теперь, какъ: — непоколебимая вѣрность Государю и Родинѣ. Государя можно осуждать за многое. Надо стараться исправлять его ошибки. Его можно не любить, не уважать, презирать, ненавидѣть, но служить ему мы обязаны. Это нашъ священный долгъ. Никакіе безпорядки не допустимы.

Нестрецовъ сталъ рыться въ кипѣ телеграммъ и, наконецъ, досталъ одну.

— Впрочемъ, одна телеграмма есть. Главкозапъ боится, что безпорядки перекинутся въ Армію и потому требуетъ болѣе тѣснаго общенія офицеровъ съ нижними чинами. Воспрещены отпуски и отлучки офицеровъ отъ частей. Вотъ и все... Такъ прости меня, Саша, за то, что побезпокоилъ тебя. Знаю, нелегко шестьдесятъ верстъ отломать ко мнѣ. Вотъ и погода какая! Опять мокрый снѣгъ пошелъ. Природа плачетъ. А о чемъ?... Вотъ, говорятъ, радоваться надо.

— Кто говоритъ? — сурово спросилъ Саблинъ.

— Николай Захаровичъ, наштармъ мой. Онъ же подъ меня подкапывается. Такъ прямо не говоритъ, а по лицу вижу. Старъ я, вишь, для новаго дѣла. Молодое вино де не вливаютъ въ старые мѣха. Да... А вѣдь мы пріятели съ нимъ. Много лѣтъ служили вмѣстѣ, да и такъ ли я уже старше его! Да... Такъ, если что про меня услышишь, Саша, не осуждай. Всѣ люди, всѣ человѣки. Всяка душа властѣмъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога. Ты-то попомни: состоянія у меня никакого, только служба. Да и жена молодая. Нина Николаевна веселиться любитъ. Такъ не суди строго. У

меня равненіе направо. Какъ начальство, такъ и я. Ну, храни тебя Господь!

Тоскливо было на сердцѣ у Саблина всѣ эти дни. Чувствовалась неурядица, неразбериха, чувствовалось, что наверху всѣ потеряли голову. Дома было скучно. Погода мѣшала производить занятія. Надо было беречь обувь и шинели. На позицію не тянуло. Всюду Саблинъ видѣлъ недоумѣвшія, потерянныя лица, у всѣхъ былъ молчаливый вопросъ: что тамъ, въ тылу... революція?

9-го марта къ Саблину пріѣхалъ съ таинственнымъ видомъ его старый лакей Тимоѳей. Онъ привезъ ему газеты и письмо отъ Мацнева.

... „Свершилось“, — писалъ Мацневъ. — „У насъ революція... Что будетъ, — ничего не извѣстно. Республика, конвентъ, директорія, учредительное собраніе, чортъ его знаетъ. Одно знаю: — Наполеона пока нѣтъ. Всѣ и вся измѣнили. Это какая-то повальная болѣзнь измѣны. Случилось все, чортъ знаетъ какъ, катастрофически повально, до жуткости быстро, и, какъ говорятъ, безкровно. Я, конечно, не спеціалистъ по оцѣнкѣ степени кровности революціи, но на рѣдкой улицѣ ты не найдешь трупа убитаго городового, или лужицу крови, правда, небольшую. Рѣкъ крови не видалъ, и не только Нева, но даже Фонтанка не покраснѣла отъ крови. Можетъ быть это и называется безкровная, но по моему, крови было довольно.

„Были какіе-то безпорядки. Кажется, толпа требовала хлѣба. Можетъ быть требовала и еще что-нибудь, не знаю, но по улицамъ разъѣзжали казаки 1-го Донского полка и дѣйствовали по старому: — лихо и нагайками. Имъ кричали: — „опричники!“, и все шло по-хорошему. Мы ужъ къ этому привыкли.

„Вдругъ... Замѣтъ, всѣ такія дѣла рѣшаются вдругъ... Не-то прапорщикъ Астаховъ — это офицеръ новаго типа, не-то просто какой-то рядовой является въ казармы Л. Гв. Вольинскаго полка и говоритъ: — „Товарищи! Въ ружье и къ Думѣ!“ — Убили ротнаго командира и, какъ убили, крикнули: „намъ нѣтъ другого пути, какъ на улицу!“ Кто, зачѣмъ, почему? — Никто не знаетъ, но идутъ къ Думѣ.

По пути заходятъ въ Павловскій полкъ, тамъ поколебались, и тоже пошли. Захватили электротехническую роту и готово. Не-то демонстрація, не-то революція. Гремитъ марсельеза, — и при этомъ врутъ, доложу тебѣ, отчаянно. Рѣютъ красныя тряпки. Ну, натурально, вся надежда на казаковъ. Вызвали сотню. И, представь себѣ, на Знаменской площади какой-то казачишка вмѣсто того, чтобы кинуться на собравшуюся съ красными флагами толпу, выхватилъ шашку и зарубилъ полицейскаго офицера, который стоялъ спиною къ нему, считая, что казаки пріѣхали его защищать. Что тутъ было — описать трудно. Попробую писать революціоннымъ стилемъ. Революціонный восторгъ охватилъ толпу. Нашлись какія-то барышни — онѣ всегда умѣютъ въ нужную минуту явиться, — и стали цѣловать забрызганнаго кровью казака, и пошла потѣха. Все обрушилось на городовыхъ. Они засѣли въ участкахъ и стали отстрѣливаться. Ихъ выкуривали пожарами и жгли живьемъ. „Граждане-солдаты“ совершенно позабыли, что у нихъ врагъ нѣмецъ, рѣшивъ, что ихъ врагъ городовой, и пошла охота за полиціей.

„Впрочемъ, охотились и за офицерами. Зачѣмъ, дескать, офицеры не явились въ казармы и не пошли съ солдатами къ Думѣ. Офицеровъ раздѣлили на революціонныхъ и нереволюціонныхъ. Тѣ, кто пріялъ революцію, нацѣпили красные банты, и безоружные — граждане-солдаты, на всякій случай срывали съ нихъ оружіе, — подъ руки велись солдатами впереди частей и орали какія-то пѣсни. Тѣхъ, кто не нацѣпилъ, — арестовывали и убивали на улицѣ.

„Главнокомандующаго генерала Хабалова, попробовавшаго протестовать, ничтоже сумняшеся арестовали и отвезли въ крѣпость. Онъ впрочемъ такъ растерялся, держалъ себя такой пляной, что бѣды большой отъ этого не было.

„Въ Думѣ идетъ ликованіе... Пахнетъ весной — дѣйствительно пахнетъ весной, — ибо мартъ на дворѣ, мокро, грязно, и рослая фигура Родзянки на крыльцѣ Думы, окруженная толпою думскихъ членовъ. Ну, конечно, рѣчи:

„Граждане солдаты", „революціонныя войска", „народъ взялъ все въ свои руки", „проклятый царизмъ" и ура, и марсельеза. Откуда-то принесли извѣстіе, что союзники одобряютъ революцію, и всѣ воспрянули духомъ.

„Да, милый другъ, измѣнялп Государю даже и тѣ, кому измѣнять какъ будто бы было и не къ лицу.

„Жутко писать, милый Саша, — но представь, и меня захватило. Правда, безъ краснаго банта, я шатался по улицамъ и не зналъ, ликовать или нѣтъ? Какъ будто бы это то, чего я хотѣлъ, какъ будто бы и не совсѣмъ то. Противна была угодливость и стремленіе понравиться толпѣ. На Морской встрѣтилъ милую Нину Васильевну. Въ глубокомъ траурѣ идетъ, полная негодованія.

— „Для этого", — говоритъ она мнѣ, — „мой Ники проливалъ кровь и умеръ героемъ, чтобы вмѣсто нашего священнаго трехцвѣтнаго флага висѣли эти кровавыя тряпки, чтобы вмѣсто величественнаго гимна гремѣла перевранная и опошленная французская марсельеза? Своего ничего выдумать не могли! Какой позоръ! Я презираю нашихъ генераловъ, нашихъ офицеровъ — вѣдь все сдалось, все пошло за толпою, поплыло по теченію! Ужасъ! Я видѣть не могу красныхъ бантовъ на груди заслуженныхъ генераловъ и офицеровъ!"

„И вдругъ навстрѣчу намъ идетъ графъ Палтовъ съ женою. Свитскіе вензеля соскоблены съ погонъ и на груди шелковый красный не бантъ, а цѣлая розетка вродѣ тѣхъ, какія мы надѣвали лошадямъ на уздечки на каруселяхъ. Идетъ, сконфуженно улыбается. Увидали насъ, подошли. Нина Васильевна сверкнула глазами на Палтова и, не подавая ему руки, — а онъ уже и фуражку снялъ, чтобы поцѣловать ей ручку — говоритъ:

— „А, и вы, графъ, орденъ трусости надѣли!"

„И пошла!

„А она прехорошенькая стала, Нина Васильевна, и трауръ къ ней очень идетъ.

„Между тѣмъ войска и толпа продолжали все по программѣ. Отъ Думы поѣхали въ Петропавловскую крѣпость, въ Кресты, въ Литовскій замокъ, и выпустили всѣхъ аре-

стованныхъ, всѣ жертвы „царизма", какъ политическихъ, такъ и уголовныхъ. Городъ наполнился преступниками. Горятъ пожарныя части, кое-гдѣ звенитъ стекло, разбиваютъ магазины. Революціонныя дамы и барышни, — и среди нихъ не мало представительницъ высшаго общества, суди меня Богъ и военная коллегія, если я между ними не видалъ Нину Николаевну Нестрецову, — организуютъ питательные пункты по всему городу для подкрѣпленія силъ „революціонныхъ гражданъ солдатъ". Всюду вино, бутерброды, жареная птица, телятина, сладкіе пирожки.

„По всему городу звенитъ слово: т о в а р и щ ъ. Всѣ стали товарищами. Видѣлъ дядюшку твоего Егора Ивановича. Стоялъ окруженный матросами на платформѣ грузовика, опирался на красное знамя съ какимъ-то „д о л о й", дальше я не разобралъ надписи, и зычнымъ голосомъ вопилъ, а что именно, я услышать за гомономъ толпы не могъ. Я слышалъ только слово „народъ", съ такимъ сочнымъ „о", что мураники побѣжали по спинѣ. Хорошо говоритъ твой дядюшка!...

„Испуганная Императрица, — всѣ дѣти ея больны корью, — вызвала Государя. Пріѣзжай онъ въ эту минуту въ столицу, держи одной рукою конституцію, другою разгони всю ту сволочь уголовнаго типа, которая какъ-то сразу, какъ воронье, напала на революцію, можетъ быть, еще что-нибудь и вышло. Но измѣнили, Саша, не низы. Имъ еще Господь проститъ, ихъ угнетали и держали въ темнотѣ, ихъ жизнь не ахти какъ была сладка, они не вѣдали, что творили. Измѣнили верхи.

„Государь отправляетъ отрядъ въ Царское, назначаетъ туда своего любимаго генералъ-адъютанта, и. казалось бы, такого ему преданнаго, Иванова, отдаетъ распоряженіе о направленіи въ Петербургъ кавалерійскихъ частей. Но „главкосѣвъ" — Рузскій, который находится въ оживленнѣйшихъ переговорахъ съ Родзянко, отмѣняетъ распоряженія Государя и не пускаетъ войска къ Петрограду. Видишь ли: все крови боятся, все хотятъ сдѣлать безкровно. Государя со станціи Дно сворачиваютъ на Псковъ, объясняя ему, что на Витебской дорогѣ путь неисправленъ. Го-

сударь покорно ѣдетъ къ Пскову. Онъ и мысли не допускаетъ, что генералъ-адъютантъ Рузскій, выдвинутый имъ изъ праха, можетъ ему измѣнить. Съ нимъ Воейковъ, и Пиловъ, — совѣтники плохіе. Въ поѣздѣ растерянность. Конвой и сводный полкъ смотрятъ хмуро — ни одного человѣка твердаго волей нѣтъ при Государѣ.

„2-го марта Государь прибылъ въ Псковъ. Онъ ожидалъ тамъ увидѣть Родзянко, но его встрѣтилъ только Рузскій. Государь заявилъ, что онъ готовъ объявить манифестъ объ учрежденіи отвѣтственнаго передъ палатами министерства и поручить составленіе кабинета Родзянко.

Но, милый другъ, l'appetit vient en mangeant*), и аппетиты за три дня разыгрались. Упоенный рѣчами безчинствующихъ солдатъ и ослѣпленный красными флагами Родзянко уже грезитъ, какъ бы самому взгромоздиться на престолъ, его приближенные ему льстятъ, притомъ онъ трусъ, и его политика: потворствовать толпѣ. Онъ не отходитъ отъ прямого провода и пугаетъ Рузскаго. — „Вы — де не отдаете себѣ отчета въ томъ, что здѣсь происходитъ: настала одна изъ страшнѣйшихъ революцій, побороть которую будетъ не такъ легко. Въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ я неуклонно, при каждомъ моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, предупреждалъ Государя Императора о надвигающейся грозѣ, если не будутъ немедленно сдѣланы уступки, которыя могли бы удовлетворить страну. Я долженъ Вамъ сообщить, что въ самомъ началѣ движенія, власти, въ лицѣ министровъ, стушевались и не принимали рѣшительно никакихъ мѣръ предупредительнаго характера. Немедленно же началось братаніе войскъ съ народными толпами, войска не стрѣляли“ et pa-ta-ti et pa-ta-ta я списалъ всю ленту ихъ разговора, любезно предоставленную мнѣ, какъ будущему историку „великой Россійской революціи“. — А въ концѣ концовъ стоитъ прямо: — „считаю нужнымъ Васъ увѣдомить, что то, что предполагается Вами, уже недостаточно и династическій вопросъ

---

*) *Желаніе есть разыгрывается по мѣрѣ того, какъ ѣшь.*

поставленъ ребромъ. Сомнѣваюсь, чтобы съ этимъ можно было справиться."

„У Рузскаго милліонъ солдатъ подъ ружьемъ, и всѣ еще и не нюхали революціи. Даже если тысячъ с рокъ походомъ двинуть на Петроградъ, такъ при одномъ извѣстіи весь революціонный пылъ погасъ бы и всѣ эти герои революціи побѣжали бы выдавать другъ друга и каяться. Но, повторяю, игра заварена серьезная, и въ ней принимаютъ участіе верхи, не безъ одобренія союзныхъ посольствъ.

„Но Рузскій еще ломается. Онъ притворяется, что не понимаетъ, въ какомъ видѣ намѣчается рѣшеніе династическаго вопроса". И тутъ уже эта старая лисица Родзянко распоясывается во всю: -- „съ болью въ сердцѣ буду теперь отвѣчать, Николай Владиміровичъ, еще разъ повторяю --- ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ, но весь народъ, съ кѣмъ бы я ни говорилъ, выходя къ толпамъ и войскамъ, рѣшилъ твердо войну довести до побѣднаго конца и въ руки нѣмцамъ не даваться... Повторяю: со страшной болью передаю я Вамъ объ этомъ, но что же дѣлать? Въ то время, когда народъ, въ лицѣ своей доблестной арміи, проливалъ кровь и несъ неисчислимыя жертвы, Правительство положительно издѣвалось надъ нами. Вспомните освобожденіе Сухомлинова, Распутина и всю его клику: вспомните Маклакова, Штюрмера, Протопопова, всѣ стѣсненія горячаго порыва народа помогать по мѣрѣ силъ войнѣ. Назначеніе кн. Голицына, разстройство транспортовъ, денежнаго обращенія, непринятіе никакихъ мѣръ къ смягченію условій жизни. Постоянное измѣненіе состава законодательной палаты въ нежелательномъ смыслѣ. Постоянные аресты, погоня и розыскъ несуществующей тогда еще революціи --- вотъ тѣ причины, которыя привели къ этому печальному концу. Тяжкій отвѣтъ передъ Богомъ взяла на себя Государыня Императрица, отвращая Его Величество отъ народа... Прекратите присылку войскъ, такъ какъ они дѣйствовать противъ народа не будутъ. Остановите ненужныя жертвы"...

„Все это доложили Государю и Государь самъ отмѣ-

нить посылку войскъ. Онъ желалъ знать лишь одно: что же нужно для блага народа, который онъ такъ любилъ?

„Списываю тебѣ съ ленты слова Родзянки.

„Николай Владиміровичъ," говоритъ онъ Рузскому, — „не забудьте что переворотъ можетъ быть, добровольный и вполнѣ безболѣзненный для всѣхъ, и тогда все кончится въ нѣсколько дней. Одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужной жертвы не будетъ."

„Но Государь еще колеблется. Онъ не вѣритъ Родзянкѣ. Въ 6 часовъ утра его будятъ и передаютъ слова генерала Алексѣева, переданныя черезъ генерала Лукомскаго генералу Данилову. Я и ихъ списалъ для тебя, мой старый другъ, чтобы ты зналъ, какъ заставляли Государя добровольно отречься. Только-что Родзянко говорилъ о томъ, что придется пролить много крови, если Государь не отречется. А ты знаешь, что кровь для Государя все. Онъ слишкомъ любитъ свой народъ. И, чтобы усилить впечатлѣніе, генералъ Лукомскій изъ Ставки говоритъ: — „...Переживаемъ слишкомъ серьезный моментъ, когда рѣшается вопросъ не одного Государя, а всего царствующаго дома и Россіи." Генералъ Алексѣевъ уже угрожаетъ анархіей въ арміи и на фронтѣ. Онъ говоритъ Данилову: — „это оффиціально, а теперь прошу доложить отъ меня генералу Рузскому, что по моему глубокому убѣжденію выбора нѣтъ и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся Царская семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ, ибо по полученнымъ свѣдѣніямъ дворецъ въ Царскомъ Селѣ занятъ войсками, какъ объ этомъ вчера уже сообщилъ Вамъ генералъ Клембовскій. Если не согласится, то вѣроятно произойдутъ дальнѣйшіе эксцессы, которые будутъ угрожать царскимъ дѣтямъ, а затѣмъ междоусобная война, и Россія погибнетъ подъ ударомъ Германіи и погибнетъ вся династія."

„Пишу тебѣ такъ подробно, милый Саша, при всей своей лѣни, не лѣнюсь снимать копіи съ телеграфныхъ лентъ для того, чтобы ты зналъ, что всѣ они лгали сознательно, или безсознательно. Ни Дума, ни Родзянко, ни толпа хулиганствующихъ, распропагандированныхъ, куп-

ленныхъ иностранными деньгами солдатъ не изображаютъ мнѣнія Россіи. Царское Село въ это время не было занято, и во дворцѣ были колеблющіеся, не знающіе, на чью сторону стать, солдаты и всѣ смотрѣли, куда ихъ повернутъ. Пишу для того, чтобы ты зналъ и въ сердцѣ своемъ запомнилъ тѣхъ, кто въ эти дни повернулъ корабль Россіи на новый курсъ, къ великой ли славѣ, или къ полному крушенію — покажетъ будущее. Пишу для того, чтобы ты зналъ, что не Государь отрекся, а его отрекли, какъ теперь глупо говорятъ. Я слышалъ эти дни, какъ одинъ приближенный и обласканный Государемъ человѣкъ сказалъ, что Государь отрекся такъ легко, какъ будто батальонъ сдалъ, а не Россію!

„Это неправда.

„Какія муки пережилъ Государь въ эту страшную ночь!

„Если вы не отречетесь, погибнетъ Россія," — говорятъ ему предсѣдатель Государственной Думы, Начальникъ его штаба, генералъ-квартирмейстеръ, главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ. Онъ имъ не можетъ не вѣрить. Онъ долженъ имъ вѣрить.

„Если вы не отречетесь — въ арміи будетъ анархія, погибнетъ армія и Германія побѣдитъ."

„Если вы не отречетесь — погибнетъ ваша семья и дѣти ваши будутъ убиты."

„Давили на все. На Государя, на Верховнаго главнокомандующаго, на Отца!

„2-го марта въ 3 часа дня Государь передалъ Рузскому собственноручно написанную телеграмму:

.... „Нѣтъ той жертвы, которую я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родной матушки Россіи. Поэтому я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына съ тѣмъ, чтобы оставался при мнѣ до совершеннолѣтія при регентствѣ брата моего, Великаго Князя Михаила Александровича. Николай..."

„Но сейчасъ же Государь переписалъ ее и написалъ:

... „Во имя блага и спасенія горячо любимой Россіи я

готовъ отречься отъ Престола въ пользу моего сына. Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно. Николай."

„Нѣтъ, это не батальонъ сдавалъ!"

„Ты помнишь унтеръ-офицера Болотуева, онъ въ дни твоей молодости у тебя взводнымъ былъ. Онъ давно служитъ дворцовымъ служителемъ и дежурилъ въ эти дни при Государѣ.

„Онъ говорилъ мнѣ вчера, что Государь плакалъ послѣ подписанія этихъ телеграммъ у себя въ вагонѣ.

„Итакъ, главное сдѣлано. Телеграмма подписана, она находится у „главкосѣва" Рузскаго. Царь уже больше не царь. Ему докладываютъ, что къ нему ѣдутъ члены Думы — Гучковъ и Шульгинъ. Гучковъ — октябристъ, Шульгинъ — правый, редакторъ-издатель „Кіевлянина", лучшей, правой газеты, издававшейся въ Кіевѣ. Можетъ быть, надежда на лучшія вѣсти мелькнула въ страдающемъ мозгу Государя. Онъ потребовалъ телеграмму обратно отъ Рузскаго.

„Нѣтъ, ваше величество, что подписано — то кончено. Телеграммы вы не получите," — рѣзко сказалъ Государю его генералъ-адъютантъ.

„Въ семь часовъ вечера Гучковъ и Шульгинъ были приняты Государемъ. Онъ ждалъ отъ нихъ помощи, но получилъ послѣдній ударъ.

„Говорилъ одинъ," — разсказывалъ мнѣ Болотуевъ, — „потомъ говорилъ другой, долго, страстно говорили. Это былъ обвинительный актъ Государю. Онъ былъ виноватъ во всемъ. Онъ былъ виноватъ и въ томъ, что злое время настало на Руси, и всѣ измѣнили, всѣ продались, кто англійскому, кто нѣмецкому капиталу.

„Въ 12 часовъ ночи Государь подписалъ слѣдующій манифестъ:

... „Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжелое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей

арміи, благо народа, все будущее дорогого отечества требуютъ доведенія отечественной войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестныя арміи наши, совмѣстно со славными нашими союзниками смогутъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой приняли мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдаемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

„Во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ повиновеніемъ царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній, и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

„Да поможетъ Господь Богъ Россіи! Николай."

„Итакъ, казалось бы, достигли желаемаго. Дана конституція, во главѣ Государства мягкій, благожелательный, либеральный Михаилъ Александровичъ, храбрый солдатъ, любимый въ арміи. Россія пойдетъ съ нимъ къ побѣдамъ и славѣ. Значитъ: и проливы, и Константинополь, и Русское дѣло, и Русская побѣда въ надежныхъ рукахъ.

„Кажется, что бы лучше?

„Но вовсе не этого было нужно тѣмъ, кто дѣлалъ революцію. Имъ-то слава и честь Россіи были менѣе всего нужны!

„Въ то время, какъ Государь съ тяжелою душою, но

съ полнымъ благородствомъ отдавалъ самого себя для блага Россіи, въ тотъ же самый день, 2-го марта, около трехъ часовъ дня, господинъ Милюковъ въ Таврическомъ дворцѣ говорилъ рѣчь уличной толпѣ. Каюсь: былъ въ этой толпѣ и я, и наблюдалъ ее. Поближе къ Милюкову стояли свои люди, встрѣтившіе его рукоплесканіями и вынесшіе на рукахъ изъ зала. Но сзади, тамъ, гдѣ стоялъ я, было совсѣмъ иное настроеніе. Когда Милюковъ сказалъ о созданіи временнаго правительства, мой сосѣдъ, интеллигентнаго вида мужчина, крикнулъ: „кто васъ выбралъ?“ — „Насъ выбрала Русская революція“, развязно отвѣтилъ Милюковъ, — „но мы не сохранимъ этой власти ни минуты послѣ того, какъ свободно избранные народомъ представители скажутъ намъ, что они хотятъ на нашихъ мѣстахъ видѣть людей, болѣе заслуживающихъ ихъ довѣрія.“

— „Ага! Ладно!“ крикнулъ мой сосѣдъ.

„Извѣстіе, переданное Милюковымъ, что власть перейдетъ къ наслѣднику, при регентствѣ великаго князя Михаила Александровича, вызвало опять крики: — „это старая династія!“...

„Вечеромъ я уже узналъ, что во дворецъ ворвалась толпа прапорщиковъ и потребовала отъ Милюкова, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ, что на престолѣ будетъ кто-нибудь изъ Романовыхъ, и вотъ уже именно съ легкостью необычайной Милюковъ сдалъ это и сказалъ, что это было только его личное мнѣніе.

„Когда вернувшійся изъ Пскова Гучковъ на Варшавскомъ вокзалѣ сообщилъ встрѣтившей его кучкѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ о томъ, что Государь отрекся въ пользу брата своего, его слова были встрѣчены возгласами негодованія.

— „Долой царя! Не желаемъ!“ — и Гучковъ поспѣшилъ успокоить ихъ, что это только желаніе „Николая II“, а они еще посмотрятъ.

„Итакъ, милый Саша, кучка прапорщиковъ въ Таврическомъ дворцѣ и такая же кучка желѣзнодорожныхъ рабочихъ на Варшавскомъ вокзалѣ легко отталкиваютъ кормчихъ, взявшихъ править государствомъ, и направляютъ ко-

рабль Россіи, куда имъ угодно, но только, конечно, не къ славѣ, побѣдѣ и благоденствію.

„Кто эти прапорщики? Кто эти желѣзнодорожники? А, если это германскіе шпіоны, если это агенты Антанты, которымъ уже не нужна больше побѣда Россіи, если это слуги тѣхъ самыхъ большевиковъ, которыхъ судили въ прошломъ году? Никто не поинтересовался спросить, кто они, но признали въ нихъ „волю народа", сто восьмидесяти милліоннаго народа!...

„И вотъ, третьяго марта, достойная компанія въ лицѣ кн. Г. Е. Львова, П. Н. Милюкова, А. Ѳ. Керенскаго, Н. В. Некрасова, М. И. Терещенко, И. В. Годнева, В. Н. Львова, А. И. Гучкова, М. В. Родзянко, В. В. Шульгина, П. П. Ефремова и М. А. Караулова, около полудня собирается на Милліонной улицѣ въ домѣ великаго князя Михаила Александровича.

„Пространно говоритъ старый дворянинъ Родзянко, богатѣйшій помѣщикъ, взысканный царями, о необходимости для блага Родины отречься отъ престола и Михаилу Александровичу. Ему возражали П. П. Милюковъ и А. И. Гучковъ. Милюковъ говорилъ о томъ, что временное правительство одно является „утлою ладьею", которая можетъ потонуть въ океанѣ народныхъ волненій, что государство нуждается въ сильной, привычной власти монарха.

„Потомъ говорилъ Керенскій, настаивая на отреченіи великаго князя.

„Ты, Саша, знаешь хорошо великаго князя. Никогда онъ не думалъ о престолѣ всероссійскомъ, никогда къ нему не готовился. Кругомъ него шли шумные дебаты, шли разговорчики о немъ такъ, какъ будто бы его и не было. На кого онъ могъ положиться? Его туземцы были благоразумно загнаны, кому это было нужно, на румынскій фронтъ. Вокругъ орда пьяныхъ солдатъ, убивающихъ своихъ офицеровъ и начальниковъ, опереться не на кого.

„Великій князь отказался. И я не осуждаю его. Онъ ничего другого уже не могъ сдѣлать.

— „Ваше высочество! — воскликнулъ Керенскій, выслушавъ его отказъ. — „Вы благородный человѣкъ!"

„Итакъ — le roi est mort*), и да здравствуетъ временное правительство во главѣ съ княземъ Львовымъ изъ представителей всѣхъ партій!

„Старыхъ министровъ, а съ ними заодно и тѣхъ генераловъ, которые почему-нибудь не поправились толпѣ, — не сняли свитскихъ аксельбантовъ, позволили себѣ только что торжественно провозглашенную свободу слова и осудили дѣйствія хулигановъ, — революціонныя войска арестовали и доставили кого въ Таврическій дворецъ, кого въ крѣпость, кого въ Кресты. Картины умилительныя. То и дѣло видишь грузовикъ, куда навалилась ликующая, разукрашенная красными лентами матросня и солдатня, съ ними непремѣнно нѣсколько дѣвицъ и посреди ихъ сконфуженно, глупо улыбающаяся физіономія какого-нибудь сановника. Впрочемъ, кажется, обходились прилично и обижать не обижали. Новый кабинетъ собрали всѣхъ мастей и оттѣнковъ. Кадетская партія себя не обидѣла, напихала своихъ, куда надо и куда не надо. Все это пирожки, взявшіеся тачать сапоги, и сапожники, взявшіеся печь пироги. Князь Львовъ во главѣ, Александръ Ивановичъ Гучковъ военный министръ, лѣвый соціалистъ Керенскій министръ юстиціи, и такъ далѣе въ томъ же родѣ, личности довольно безцвѣтныя, какъ безцвѣтна была и Дума. — Ярче другихъ Милюковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Мы за послѣднее время были подготовлены ко всякимъ такимъ назначеніямъ, и потому подумали — les ministres passent — les bureaux restent**) и не безпокоились, но вскорѣ увидали, что и бюро затрещали по швамъ, новыя метлы заработали съ революціонной энергіей — и всюду поклонъ въ сторону толпы, то-есть, говоря просто — хама.

„Газеты всѣхъ оттѣнковъ, не исключая и правыхъ, соловьями разливаются, восхваляя революцію. Внезапно, стихійно, какъ-будто заранѣе заготовленные, вылетѣли на

---

*) *Король умеръ.*

**) *Министры уходятъ — ихъ министерства остаются.*

улицу грязные порнографическіе листки съ грубыми картинками, и мальчишки носятся среди солдатъ, громко крича: — „сказъ о томъ, какъ Сашка шила Распутину рубашку“ — и другія подобныя цинничныя гадости“...

Саблинъ остановился здѣсь и вспомнилъ Русско-японскую войну и тогдашніе крики газетчиковъ о побѣдахъ Японіи. „Мальчишки и уличныя дѣвки“, — подумалъ онъ, — „вотъ тотъ камертонъ, что даетъ тонъ нынѣшней Русской исторіи. А гдѣ же дворянство, рыцари, гдѣ же интеллигенція и подлинный народъ? Народъ все еще безмолвствуетъ.“

— „Но все это было бы еще полбѣды“, — продолжалъ читать Саблинъ, — „если бы у насъ было правительство. Хотя худое, да правительство, мы вѣдь хорошимъ-то не очень избалованы, но бѣда оказалась въ томъ, что Временное Правительство оказалось правительствомъ безъ власти.

„Въ то время, какъ къ Таврическому дворцу торжественно, подъ громъ музыки, подходили полки за полками, принили и казаки, — на поклонъ, срамить своихъ дѣдовъ, — когда тамъ вновь народившіеся министры, позабывъ обо всѣхъ дѣлахъ, цѣлые дни привѣтствовали, благодарили и умилялись подвигамъ революціонныхъ войскъ, пожимая тысячамъ солдатъ руки, еще теплыя отъ убійства безоружныхъ людей, въ томъ же самомъ Таврическомъ дворцѣ засѣло другое правительство: совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Что за депутаты, откуда они явились кто ихъ избиралъ, этого никто не знаетъ. За длиннымъ столомъ, окруженные вооруженными до зубовъ солдатами, матросами и рабочими, сидятъ юркія личности въ пиджакахъ и солдатскихъ рубахахъ, носящія по паспорту звучныя фамиліи вродѣ Чхеидзе, Цедербаума, Гуммера, Гельфанта, Розенфельда, Крахмаля, Нахамкеса, но укрывшіеся для удобства совращенія малыхъ сихъ, подъ православными псевдонимами Маркова, Суханова, Каменева, Загорскаго, Стеклова и тому подобныхъ. Эти неуклонно ведутъ свою линію и, захвативъ въ свои руки мощную радіостанцію,

разсылаютъ по всей Россіи приказы самаго возмутительнаго содержанія.

„Ихъ линія поведенія точно опредѣляется нижеслѣдующей формулой, выработанной уже два года назадъ въ Циммервальдѣ и провозглашенной ими въ № 1 „Извѣстій Петроградскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ“: — „немедленная и неотложная задача временнаго революціоннаго правительства войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ“. — И, можешь себѣ представить, какъ этотъ призывъ понравился всѣмъ трусамъ, шкурникамъ, оборонцамъ, уклонистамъ, спекулянтамъ и привлекъ сразу всю накость земли Русской на сторону совѣта. Что же дѣлало тѣмъ временемъ настоящее, тоже самоизбравшееся, Временное Правительство?

„Временное Правительство разговаривало и совѣщалось, какъ поступить съ этою властью, выросшею у него, какъ гнойный прыщъ на носу.

„Разогнать? Но это нарушитъ дѣвственную чистоту безкровной ликующей революціи, это покажется народу старымъ режимомъ, насиліемъ, произволомъ. Да и кто будетъ разгонять? Солдаты и рабочіе не захотятъ гнать своихъ депутатовъ, которыхъ, надо полагать, они когда-то избрали и которые отрицаютъ войну и обѣщаютъ миръ.

„Соединиться съ ними, вступить въ переговоры, сдѣлать изъ нихъ, такъ сказать, нижнюю палату будущаго парламента, признать ихъ и столковаться? Какъ-будто неловко. Уже слишкомъ махровая компанія тамъ засѣдаетъ, да и опредѣленно извѣстно, что никто никогда ихъ не избиралъ.

„Рѣшили просто. Держать съ ними „контактъ“. Кому пришла эта геніальная идея, затрудняюсь сказать, но очень скоро нашъ братъ чиновникъ, да и кое-какой офицеръ почувствовалъ, что настоящая власть это и есть Це-

дербаумъ, Нахамкесъ и компанія, а князь Львовъ, Гучковъ и Милюковъ, это только вывѣска для господъ, и ловчилы въ мундирахъ иногда и со значками генеральнаго штаба, стали появляться, яко тать въ нощи, передъ совѣтомъ и выражать свою преданность красному знамени, отрекаясь отъ оцинпаннаго новымъ правительствомъ двуглаваго орла.

„Что будетъ дальше, Саша, поживемъ — увидимъ. Пока хожу по улицамъ, изъ благоразумія въ штатскомъ и сильно поношенномъ платьѣ, ибо хорошія шубы по ночамъ товарищи-солдаты снимаютъ, и приглядываюсь, не увижу ли гдѣ-нибудь Наполеона, который подкатитъ пушки къ Таврическому дворцу и разгонитъ непрошенныхъ гостей. Но что-то не видно. Пробовалъ я пѣть марсельезу съ народомъ, — что-то не поется.

„Таня твоя перебралась къ своей подругѣ Олѣ Полежаевой въ Царское. Такъ-то лучше, пожалуй. Ну вотъ и все. Храни тебя Господь. Твой старый Иванъ Мацневъ“...

Прочелъ это письмо Саблинъ и почувствовалъ, словно какой-то больной кустъ со многими цѣпкими корнями вырвали у него прямо изъ сердца...

Что же это? А какъ же армія? Что скажутъ Ротбекъ, хоружіе Карповы, всѣ тѣ, кто такъ любилъ Россію и вѣрилъ, что Россія безъ Хозяина земли Русской немыслима?

Замелькали въ памяти простые, не замысловатые, безчисленные кресты офицерскихъ и солдатскихъ могилъ, зазвучали въ ушахъ тихія панихидныя слова „на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество убіенныхъ“, и понялъ Саблинъ, что невидимый врагъ вѣрно выбралъ время для того, чтобы нанести страшный ударъ Россіи, повалить ее и повергнуть въ хаосъ и бездну небытія.

Кто этотъ врагъ? Таинственные ли семьдесятъ мудрецовъ, на кого туманно намекалъ Верцинскій, императоръ Вильгельмъ, готовый на все, лишь бы покончить войну, или Англія?

А, можетъ быть, никто, но Божья воля. Страшное наказаніе Господа Силъ за то, что мы забыли Его завѣты любви и стали ненавидѣть и Бога и людей?..

XXXIII

Былъ теплый весенній день. Снѣгъ быстро таялъ и на скатахъ холмовъ, обращенныхъ на югъ, чернѣли яровыя поля, и ярко, молодо и задорно блестѣли тонкими радостными иголками озими. Птицы въ лѣсу звонко, по-весеннему перекликались о чемъ-то творческомъ и безконечно счастливомъ.

Блѣдно-синее небо съ розовыми облаками отражало солнечные лучи и точно радовалось тому, какое оно красивое, новое, иное, чѣмъ нѣсколько дней назадъ, когда стоялъ морозъ и густо лежалъ по землѣ твердый снѣгъ. Людямъ должно бы пѣть и радоваться въ такой день, ликовать и славословить Господа, но вмѣсто этого они ходили озабоченные, сердитые и недовольные. У всѣхъ была одна мысль: — „нашъ день насталъ. На нашей улицѣ праздникъ, не прогадать бы, не продешевить бы, не упустить бы своего“.

204-ая дивизія строилась въ резервный порядокъ для принесенія присяги Временному Правительству. Отъ Командующаго Арміей утромъ пришло къ Саблину приказаніе лично быть на присягѣ. Нестрецовъ опасался, что солдаты откажутся присягать и требовалъ, чтобы Саблинъ объяснилъ войскамъ, что Государь самъ отрекся отъ Престола, что также отрекся и Михаилъ Александровичъ, что будетъ Учредительное Собраніе, которое установитъ образъ правленія въ Россіи, и что волноваться нечего, ежели народъ пожелаетъ имѣть Царя, то Царь и будетъ.

Саблинъ холодно, безъ обычнаго въ такихъ случаяхъ, когда онъ бывалъ передъ войсками, подъема, прочиталъ блѣдный манифестъ, подписанный Государемъ и сказалъ, что Россія безъ управленія оставаться не можетъ, что бремя власти взяло на себя Временное Правительство, которому и надлежитъ присягать.

Онъ посмотрѣлъ на лица солдатъ. Они были задумчивы, большинство смотрѣло внизъ исподлобья. Саблинъ подумалъ: — „народъ взялъ на себя бремя власти и задумался“.

Онъ отъѣхалъ въ сторону, слѣзъ съ лошади и закурилъ папиросу. Передъ ряды вышелъ священникъ и сталъ монотонно читать слова новой присяги, чуждо звучащей для солдата, слишкомъ простой и не страшной.

Послѣ чтенія, по очереди стали подходить сначала офицеры, потомъ солдаты и подписываться подъ присяжными листами.

Саблинъ хотѣлъ уже уѣзжать, какъ вдругъ шумъ и громкій говоръ заставили его встрепенуться. Изъ лѣса, направляясь къ нему, шла маленькая группа вооруженныхъ солдатъ, безцеремонно толкавшая передъ собой офицера. Саблинъ съ удивленіемъ увидалъ на солдатскихъ погонахъ номеръ полка Козлова, а въ офицерѣ узналъ подпоручика Ермолова. Тѣ самые солдаты, что обожали своего офицера и съ кѣмъ онъ жилъ одною жизнью на позиціи, нагло и грубо толкали его.

— Что такое! — крикнулъ Саблинъ. — Какъ вы смѣете!

Солдаты подошли къ Саблину. Ихъ тѣснымъ кольцомъ окружила толпа уже присягнувшихъ солдатъ полка, глазѣя и жадно слушая, что будетъ дальше.

— Ваше превосходительство, — задыхаясь заговорилъ молодой солдатъ съ наглымъ лицомъ, не выпуская изъ своей руки винтовки Ермолова, — позвольте вамъ доложить. Всѣ, значитъ, присягать стали, подписывать присяжный листъ, а поручикъ Ермоловъ вдругъ пошли въ лѣсъ и стали уходить съ поля.

— Присягать, значитъ, не желаютъ, — сказалъ другой солдатъ, стоявшій по ту сторону отъ Ермолова.

— Прежде всего не смѣть трогать офицера, — крикнулъ Саблинъ, — и разойтись по мѣстамъ.

Никто не шевельнулся. Сквозь толпу протиснулся блѣдный Козловъ и сталъ подлѣ Саблина. Саблинъ замѣтилъ, что онъ отстегнулъ крышку кобуры револьвера и передвинулъ револьверъ на животъ.

— Я присягнулъ своему Государю, — твердо, отчетливо, чекая слова, сказалъ Ермоловъ тяжело дыша, — и никому больше присягать не буду... Я не измѣнникъ!

— Ишь ты! — пронеслось по толпѣ. — Государь самъ отрекся, народъ, значитъ, взялся самъ управлять. А онъ, значитъ, не желаетъ съ народомъ служить.

— Разойтись! — гнѣвно крикнулъ Саблинъ.

— Чего разойтись! Товарищи, надо посмотрѣть, присягалъ ли еще и самъ генералъ. Можетъ и онъ съ нимъ заодно, подъ краснымъ знаменемъ служить не желаетъ.

— Вамъ сказано, разойтись,— сказалъ Козловъ. — Что вы, бунтовать хотите!

— Это не мы бунтуемъ, а тѣ, что присягать не хотятъ. Ихъ арестовать надо.

— Арестовать, арестовать!

— И генерала арестовать!

— Правильно, товарищи.

— Царя нонѣ нѣтъ, и господъ нѣтъ, арестовать генерала.

— Навались, робя. Хватай!

Положеніе становилось тяжелымъ. Передніе еще держались, не смѣя поднять руку на своего корпуснаго командира, но сзади напирала масса, раздавались свистки и Саблинъ почувствовалъ, что сейчасъ произойдетъ что-то ужасное.

— Повремените, товарищи! — раздался изъ толпы слегка шепелявящій, тусклый голосъ, и Саблинъ узналъ голосъ Верцинскаго. — Самосудъ не дѣло свободнаго народа. Вы неправильно арестовали товарища Ермолова. Онъ такой же свободный гражданинъ, какъ и вы, и это его воля присягать или нѣтъ. Вѣдь и васъ никто не неволилъ. Товарищи! настала минута, когда вы должны показать, что вы достойны той великой свободы, которую завоевали мозолистыя руки солдатъ и рабочихъ! Вы не оскверните чистыя минуты великой революціи насиліемъ. Мирно разойдемся, товарищи, но будемъ знать, что есть люди, которые не съ нами. На нихъ мы будемъ смотрѣть съ полнымъ, глубокимъ презрѣніемъ. Но землянкамъ товарищи. Красное знамя свободы смѣнило двуглаваго орла тиранніи и произвола! Расходитесь!

— Правильно!

— Что же, это онъ правильно! Коли свобода, то значитъ во всемъ свобода... И въ присягѣ свобода.

Толпа пошатнулась и стала расходиться.

— Ваше превосходительство, я умоляю васъ, уѣзжайте, — сказалъ Козловъ. — Люди съ ума сошли. Пройдетъ этотъ угаръ и они на колѣняхъ будутъ умолять о прощеніи.

— Садитесь на лошадь мосго ординарца и поѣдемъ ко мнѣ, — сказалъ Саблинъ Ермолову, — вамъ не безопасно оставаться среди нихъ.

— Я ничего не боюсь, ваше превосходительство, — со свѣтлымъ лицомъ сказалъ Ермоловъ. — Я и смерти не боюсь. А жить теперь не стоитъ. Не для чего!

— Ваша жизнь еще нужна будетъ! Садитесь.

Они шагомъ поѣхали мимо расходившихся солдатъ. Почти никто не отдавалъ чести Саблину. Солдаты смотрѣли мрачно, исподлобья, но молчали.

XXXIV

Въ штабѣ корпуса Саблинъ засталъ полный кавардакъ. Едва не бунтъ. На дворѣ избы, занимаемой Саблинымъ, топились радіотелеграфисты, телеграфисты, мотоциклисты и самокатчики, и о чемъ-то шумѣли.

— Я говорю, не имѣетъ права задерживать! Это такой же приказъ, какъ и Временнаго Правительства, и Висленьевъ не имѣлъ права сдавать начальнику штаба. Висленьева за это арестовать надо. Онъ долженъ былъ передать, какъ указано, — слышалъ Саблинъ возбужденный голосъ, когда слѣзалъ съ лошади.

Онъ хмуро посмотрѣлъ на солдатъ и прошелъ въ хату. Въ ней Давыдовъ съ блѣднымъ, какъ полотно, лицомъ, нечистово куря, ходилъ взадъ и впередъ по грязному, размокшему, земляному полу.

— Въ чемъ дѣло, Сергѣй Петровичъ?

— Я едва не выпоролъ телеграфиста. И жалѣю, что не выпоролъ эту скотину.

— Но что случилось?

— Извольте видѣть, ночью передана радіо-телеграмма съ заголовкомъ „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, немедленно передать во всѣ части, роты, эскадроны, батареи и команды". Дикая галиматья. Воинская дисциплина отмѣняется. Объявляется декларація правъ солдата! Слышите, ваше превосходительство, не обязанностей, а правъ. Правъ! Солдатъ имѣетъ право ходить по всякимъ злачнымъ мѣстамъ, ѣздить въ вагонѣ I класса, и даже не сказано, что съ билетомъ, не отдавать никому никакой чести, офицеръ внѣ службы ему не начальникъ и прочая ерунда, и довольно безграмотная.

— Кѣмъ подписана?

— Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

— Ерунда! Какъ же ее передали?

— А вотъ пойдите вы. Оказывается, это не первая. По ночамъ радіотелеграфъ работаетъ непрерывно и радіотелеграфисты исписываютъ цѣлые листы „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!" Что съ этимъ дѣлать!

— Приложить къ секретному дѣлу, какъ любопытный документъ неразберихи нынѣшняго времени.

— Уничтожить! Да неразбериха-ли, ваше превосходительство? Вотъ въ чемъ бѣда! Слыхали, въ М-скѣ торжества по случаю революціи и сверженія Царя. Начальника гарнизона генералъ-адъютанта Б. товарищи-солдаты просятъ пожаловать на парадъ. Онъ выходитъ. Ничего краснаго на немъ нѣтъ. Услужливые адъютанты говорятъ: — вамъ надо быть въ красномъ, ваше превосходительство. Кто-то, ахъ, ваше превосходительство, отъ подлизъ и отъ лакеевъ насъ и революція не избавила, выворачиваетъ генеральское пальто на красной подкладкѣ — и подаетъ такъ Б. Тотъ надѣваетъ. Каковъ кардиналъ!

— Шутъ гороховый!

— Такъ вотъ, ваше превосходительство, неразберихали это? А?

— Но вѣдь вы понимаете, — сказалъ Саблинъ, — что этотъ приказъ № 1, съ декларацією правъ солдата — это проповѣдь распущенности. Нашъ солдатъ въ массѣ и безъ

того разнуздань, давно ли командованіе было принуждено ввести тѣлесныя наказанія, чтобы хотя какъ-нибудь обуздать армію и охранить мирныхъ жителей, а послѣ такого приказа тренети обывательское благополучіе. На части разорвутъ.

— И воевать не станутъ, ваше превосходительство. Я полкомъ командовалъ, такъ знаю-съ, что такое выгнать изъ окопа и поднять цѣпь въ наступленіе. Не то, что кричишь, надрываешься, а палкой иной разъ съѣздишь. А тутъ вы и тому подобное. Да они на это вы — вамъ ты отвѣтятъ. Такъ спрятать приказъ?

— Обязательно спрятать...

Вечеромъ изъ штаба арміи пришло приказаніе разъяснить солдатамъ, что приказъ № 1 и декларація празъ солдата касается только частей Петроградскаго гарнизона, заслуживиаго такія милости, такъ какъ онъ поднялъ знамя революціи. Мозги солдатъ окончательно свихнулись. Явилось такое правительство, которое измѣну приняѣ, измѣну Государю, уличные безпорядки ставитъ выше тяжелой, полной лишеній и боевой страды на фронтѣ. И солдатъ озлобился.

Для Саблина и офицеровъ стало ясно, что правительство находится въ рукахъ гарнизона и Россіею правятъ не князь Львовъ, не Гучковъ, Милюковъ, Керенскій и другіе, а правитъ толпа, можетъ быть, таинственный Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, возглавляемый компаніей евреевъ и Русскихъ съ уголовнымъ прошлымъ.

Еще черезъ три дня по всему фронту громогласно и требовательно сверху внизъ было объявлено, что приказъ № 1 распространяется на всю Армію. Армія раскрѣпощалась отъ дисциплины и обращалась въ вооруженную толпу. По арміи стали носиться темные слухи о какой-то таинственной Е р е м ѣ е в с к о й ночи, какъ называли безграмотно солдаты историческую Варооломеевскую ночь. Въ эту Еремѣевскую ночь предлагалось перебить всѣхъ офицеровъ просто за то, что они офицеры.

И въ этихъ слухахъ былъ слышенъ таинственный, но полный грознаго смысла призывъ: —

— И лучшаго изъ гоевъ — убей!

„Убей начальника.“

Саблинъ призвалъ къ себѣ Давыдова.

— Намъ, начальникамъ,—сказалъ онъ,— нечего дѣлать у такого правительства. Прикажите составить для меня рапортъ со всѣми нужными приложеніями и послужнымъ списокомъ для увольненія меня въ отставку. Мотивъ: — невозможность командовать частью при такихъ условіяхъ.

— Ваше превосходительство, — мягко сказалъ Давыдовъ, — правильно ли вы поступаете? Если всѣ поступятъ такъ, какъ вы...

— Какъ это было бы прекрасно, — перебилъ его Саблинъ. — Это былъ бы протестъ противъ того, что дѣлаетъ правительство. Если-бы всѣ офицеры сейчасъ ушли со службы, — это не было бы дезертирствомъ, но это заставило бы правительство перестать разрушать Армію.

— А не ускорило бы это Еремѣевскую ночь?

— Можетъ быть. Но она все равно будетъ. И я ухожу не отъ нея. Отъ нея никуда не уйдешь. Я ухожу, чтобы не быть невольнымъ участникомъ развала Арміи и гибели Россіи, ухожу для того, чтобы бороться противъ этого. Приготовьте мнѣ къ вечеру бумаги, а сейчасъ попшлите ко мнѣ Ермолова.

— Слушаюсь, — сказалъ Давыдовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ халупу вошелъ Ермоловъ.

- Поручикъ Ермоловъ, — сказалъ Саблинъ. — Завтра утромъ черезъ нашу деревню будетъ проходить Н-ская кавалерійская дивизія со своимъ стрѣлковымъ полкомъ. Я писалъ о васъ начальнику дивизіи и командиру стрѣлковаго полка, они принимаютъ васъ къ себѣ. Вы присоединитесь къ полку и уйдете съ нимъ.

— Ваше превосходительство, — смѣло проговорилъ Ермоловъ, — позвольте мнѣ этого не дѣлать.

— Почему? — спросилъ Саблинъ и устремилъ пытливый взглядъ на юношу. Гдѣ видалъ онъ такія блѣдныя, безкровныя лица съ большими ясными, точно свѣтящимися глазами? Гдѣ видалъ онъ это благородство черть и линій, не прирожденное, а созданное высотою помысловъ...

Мелькнули въ памяти картины итальянскихъ монаховъ художниковъ XV-и XVI вѣка... Показался сумракъ Берлинской картинной галлереи Кайзера Фридриха, Римскіе музеи и всѣ эти святые Себастьяны и Антоніи, эти прекрасные отроки, привязанные къ столбамъ и пронзаемые стрѣлами. Мученики! Глаза мученика за вѣру, за идею, смотрѣли на Саблина. И инстинктивно понялъ онъ, что то, что скажетъ сейчасъ Ермоловъ, возвыситъ Ермолова, покажетъ его въ полной красотѣ христіанской любви и чувства долга. Часть офицерства Русскаго, какъ Христосъ, добровольно шла на страданія и крестную смерть, добровольно осудила себя на Голгоѳу!..

— Разрѣшите мнѣ вернуться въ свою роту, — сказалъ Ермоловъ. — Они ничего со мною не сдѣлаютъ! Я тамъ очень нуженъ. Мой долгъ быть съ ними до конца.

— Сколько вамъ лѣтъ? — съ чувствомъ уваженія и восхищенія спросилъ Саблинъ.

— Мнѣ двадцать лѣтъ.

— Идите, и да хранитъ васъ Господь!..

XXXV

Въ три часа ночи усталый писарь принесъ Саблину рапортъ, послужной списокъ, расчетъ на пенсію и прошеніе объ отставкѣ. Онъ вошелъ потому, что въ окно увидѣлъ свѣтъ и Саблина, сидящаго за столомъ.

— Я не зналъ, ваше превосходительство, какъ писать вамъ прошеніе, — сказалъ онъ. — Раньше на Высочайшее имя писали. Я на имя министра писалъ. Опять не зналъ, какъ титуловать его. Написалъ: господинъ министръ. Только не знаю, хорошо ли будетъ?

— Хорошо, я просмотрю и, если нужно, исправлю. Оставьте здѣсь, — сказалъ Саблинъ.

— Послужной списочекъ, ваше превосходительство, составленъ въ двухъ экземплярахъ, благоволите просмотрѣть и вотъ здѣсь написать: — „читалъ“ и фамилію вашу проставить, такъ полагается.

Писарь унесъ и Саблинъ развернулъ послужной списокъ.

Въ этой прошитой, опечатанной еще старою печатью съ большимъ, широко распростершимъ крылья, двуглавымъ орломъ тетради грубоватой сѣрой бумаги заключалась вся его жизнь...

Тихо и ясно горѣла свѣча въ походномъ подсвѣчникѣ, поставленная на горку книгъ. Она бросала свѣтъ на рано посѣдѣвшіе, но все еще густые волосы, на тонкій свалъ шица и отражалась маленькимъ огонькомъ въ сѣрыхъ глазахъ.

„Послужной списокъ Командира II-армейскаго корпуса, Свиты Его Величества генералъ-маіора Александра Николаевича Саблина, составленъ 13-го марта 1917 года...", прочелъ Саблинъ. Старый писарь не посмѣлъ, или не захотѣлъ лишить свитскаго званія своего командира корпуса, какъ не соскоблилъ и Саблинъ со своихъ погонъ Государевыхъ вензелей. То, что было, — было, и уничтожить прошлое человѣкъ не властенъ. И прошлаго Саблина никто отъ него не отниметъ, какъ и онъ самъ не въ силахъ измѣнить въ немъ ни одной черты. Исторію даже единичнаго лица нельзя ни измѣнить, ни повернуть, какъ же хотятъ о н и, — подумалъ Саблинъ, — отмѣнить прошлое и уничтожить всякую исторію царей московскихъ и императоровъ Россійскихъ. Настоящее, пускай, принадлежитъ имъ, но будущее врядъ-ли и прошлое — никогда.

„Имѣетъ ордена", — читалъ Саблинъ, — „святого Георгія 4-й степени, Георгіевское оружіе", — да, милые мои, моей конной атаки и взятія батареи, когда были убиты мой сынъ и товарищъ юности, милый Пикъ и многіе, многіе другіе, моей раны вамъ не отнять отъ меня. Вамъ не отнять лихихъ дѣлъ моей дивизіи у Костюхновки, гдѣ палъ хорунжій Карповъ, — вы, господа, штатскіе военные министры, вы нахальные еврейчики, сидящіе въ Смольномъ, вы, толпа разгульнаго дикаго народа, вы можете сорвать и растоптать золото и эмаль, порвать шелкъ лентъ и темляка, но красоты подвига и упоенія побѣды вамъ не вытра-

вить ни изъ моего сердца, ни изъ сердецъ участниковъ, и исторія скажетъ про насъ свое слово...

„Изъ потомственныхъ дворянъ Орловской губерніи"— и этого вы не отнимете отъ меня! Вспомнилъ Саблинъ тихую усмѣшку Маруси, когда смотрѣла она на портреты его предковъ. Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, мы дѣлали Государево дѣло и не вмѣстно намъ покинуть Государя...

А вотъ... покинули...

„По окончаніи курса наукъ, Высочайшимъ приказомъ произведенъ въ корнеты въ Лейбъ-Гвардіи... 1894 года августа 3-го..."

Двуглавый черный орелъ, старыми шелками расшитый по парчѣ, запахъ старины, тлѣнія и ладона. — Полковой штандартъ... Слова присяги... Музыка и чувство высокаго счастья, заполнившее все сердце и отодвинувшее всѣ другія чувства... Парадъ и обожаніе Государя... Китти, Маруся, калейдоскопъ случайныхъ встрѣчъ, Вѣра Константиновна и надъ всѣмъ этимъ могучее покровительство двуглаваго орла... Праздникъ жизни... Яркое счастье бытія, звуки совѣсти, Любовинъ, смерть Маруси, разочарованіе въ Государѣ и народѣ и все поглощающая любовь къ арміи...

Точно передъ смертью, въ тѣ часы печальнаго раздумья, когда послѣ трагической кончины Вѣры, онъ сидѣлъ, готовый къ самоубійству, прокаталась передъ нимъ вся его жизнь въ полку подъ двуглавымъ орломъ.

А что же?.. Хорошо жилось... Сытыя лошади, сытые, воспитанные солдаты, вахмистръ Иванъ Карповичъ, весь укладъ полковой жизни, отданіе чести, дисциплина, муштра, трубачи, пѣсенники, собраніе... „Пью за здоровье генерала Пуфа", и пьяный Ротбекъ... Полковая семья, мелкіе интересы, ученья, караулы, маневры, балы во дворцѣ, мелкія дрязги, five o clock' и у полковыхъ дамъ, concours hippique,*) скачки, маневры...

Все это намъ... А имъ?

Имъ? Мясная порція въ двадцать три золотника.

---

*) *Пятигасовые гаи... Конскія состязанія...*

жирныя кавказскія щи, разсыпчатая, въ ароматномъ салѣ, гречневая каша, два съ половиной фунта хлѣба, красивый мундиръ, любовь горничныхъ и кухарокъ, и сладкія мечты о возвращеніи домой. Тихое бытіе безъ сложныхъ запросовъ, безъ думъ, съ мечтами о крѣпкомъ снѣ, о чаркѣ водки, съ лихою пѣснью, бравымъ отвѣтомъ и со страхомъ окрика и наказанія. Жизнь въ вѣчной сутолокѣ и работѣ, чистка лошади, сапогъ, мундира, аммуниціи, ученія, сложный ритуалъ военной жизни и возвращеніе въ деревню съ привычкой къ труду и со званіемъ запаснаго солдата. Кто хотѣлъ — шелъ дальше. Худо развѣ жилось Ивану Карповичу? Вспомнилъ эскадронный праздникъ, столъ для офицеровъ у вахмистра, свѣжую икру, мадеру, шампанское, толстую вахмистершу, бѣлокурую дочку, воспитанницу театральнаго училища и шумную толпу офицеровъ въ маленькихъ комнатахъ вахмистерской квартиры...

Нѣтъ, и имъ не плохо жилось подъ двуглавымъ орломъ. Широко распростеръ онъ свои могучія крылья, отъ края и до края, и полъ вселенной охватилъ ими, и всюду было тихо, спокойно и сытно.

А теперь?..

Какъ-то, послѣ японской войны, Саблинъ былъ въ концертѣ. Пѣла его любимая пѣвица Л. Бакмансонъ, пѣвица съ большимъ темпераментомъ. Она пѣла романсъ Цезаря Кюи „Раненый Орелъ“... Послѣ печальнаго стона умирающаго отъ раны орла слышался могучій, полный страсти призывъ:

Расправишь могучія крылья свои
И снова ты вдаль полетишь!..

Долгая зимняя ночь убывала. Но вѣдь жизнь была еще долгая. Догоравшую свѣчу смѣнила новая, а Саблинъ не спалъ. Въ маленькія окошки халупы заглянулъ печальный разсвѣтъ. Показалась грязная дорога, колья поломаннаго забора, черныя поля, глыбы поздреватаго снѣга на скатѣ холма, зелень озимей, ясиѣе сталъ далекій лѣсъ, и раннее весеннее утро внесло еще большую печаль въ сердце Саблина.

Да вѣдь остался, остался двуглавый орелъ. Ничѣмъ его не замѣнишь!

Издали послышалась музыка... Знакомая музыка... Полковой маршъ драгунскаго полка его дивизіи. Защлепали лошади по дорогѣ, слышна команда „смирно“. Полковой командиръ увидалъ флагъ корпуснаго командира и надѣется, что Саблинъ выйдетъ привѣтствовать свою дивизію. Саблинъ надѣлъ пальто, пристегнулъ шашку и подошелъ къ окну...

Нѣтъ, онъ не выйдетъ.

Уже у самой его хаты рыжія лошади драгунскаго полка, за трубачами виденъ штандартъ. Двуглавый орелъ на конѣ закутанъ краснымъ кумачомъ, и широкія красныя ленты на подобіе алаго знамени спускаются и закрываютъ штандартъ въ чехолъ. Алые банты у солдатъ въ петлицахъ, алый бантъ на груди у начальника дивизіи, алый бантъ на груди командира полка.

Нѣтъ, Саблинъ не выйдетъ.

Онъ командовалъ дивизіей, служившей подъ двуглавымъ орломъ, и кровавому красному знамени онъ не поднесетъ привѣта. Революціонныхъ солдатъ онъ не знаетъ.

Печально звучитъ уходящій маршъ. И, какъ въ заключительной сценѣ Чеховскихъ „Трехъ сестеръ“ звуки удаляющейся музыки создаютъ тревожную, до боли жуткую гамму печальныхъ ощущеній, такъ и это утро, и маршъ драгунскаго полка будили грусть о безвозвратно потерянномъ.

Безвозвратно.

Расправишь могучія крылья свои
И снова ты вдаль полетишь.

Яркій залъ Кредитнаго Общества. Портретъ Государя, и на фонѣ его дѣвица въ черномъ кружевномъ платьѣ съ черными, красиво завитыми волосами.

Гдѣ это все?

Идутъ уланы и надъ ними красныя ленты. Красное знамя закрыло гусарскій штандартъ, и у толстаго фонъ Вебера на груди большой алый бантъ.

Орденъ трусости.

Затопотали часто въ перебой лошади казачьяго полка, и нагло смотрятъ чубатыя лица съ красными бантами на груди. Въ ихъ маршѣ много аккордовъ изъ „Жизни за Царя“, и они вмѣсто марша играютъ какое-то пошлое попури.

Развѣваются красныя ленты надъ тѣмъ знаменемъ, что ходило въ атаку подъ Желѣзницей, и не видно за ними двуглаваго орла.

Это барышни всѣ обожаютъ...

Гремитъ оркестръ и уходитъ въ даль, оставляя полосу жуткой пустоты.

Саблинъ взялъ перо и, отыскавъ мѣсто для подписи на прошеніи, занесъ руку, чтобы расчеркнуться. — „А. Саблинъ“ — и остановился.

„Это барышни всѣ обожаютъ“ — настойчиво и вкрадчиво пропѣлъ уже за деревней корнетъ казачьяго оркестра.

Всталъ образъ Ермолова. Показались большіе лучистые глаза на блѣдномъ лицѣ, глаза мученика.

Властно, могуче, страшнымъ стономъ прозвучалъ въ душѣ крикъ пѣвицы надъ затихшимъ заломъ:

Расправишь могучія крылья свои
И снова ты вдаль полетишь.

А какъ же они то? Офицеры?.. Тѣ, кто, какъ Христосъ, взяли крестъ свой и пошли на Голгоѳу? Ужели онъ броситъ свой крестъ и уйдетъ въ сторону? Ужели не раздѣлитъ онъ съ ними и муки сердца и, если нужно, всѣ ужасы грядущей Еремѣевской ночи!

Саблинъ кинулъ перо и порывистымъ движеніемъ разорвалъ прошеніе объ отставкѣ.

1920 г.
Шлахтензее подлъ Берлина.

Часть шестая

I

Весна наступала ясная, солнечная и теплая. Прилетѣли жаворонки, и пустыя поля ожили ихъ веселымъ пѣніемъ. Лѣсъ набухъ и потемнѣлъ. По вечерамъ лиловыя сумерки стлались надъ лѣсомъ, и онъ казался густымъ и непроходимымъ. Ледъ на рѣкѣ сталъ рыхлымъ, мѣстами поверхъ него шла вода. Переходить по нему стало опасно. Жидкіе мостики того и гляди могло снести ледоходомъ. Саблинъ настойчиво просилъ разрѣшенія убрать съ Лѣсищенскаго плацъ-д'арма бригаду, чувствовавшую себя отрѣзанной, но наверху все обѣщали переходъ въ наступленіе, плацъ-д'армъ былъ нуженъ, и бригада стояла въ сырыхъ, залитыхъ водою и грязью окопахъ.

Послѣ революціи нѣкоторое время на позиціи все оставалось такъ, какъ было установлено Саблинымъ. Неподвижно стояли часовые на наблюдательныхъ постахъ, люди не разставались съ противогазами, резервы были по прежнему бдительны, химическая команда ежедневно провѣряла всѣ средства противогазовой обороны. Приказъ № 1 хотя и былъ присланъ въ полки, но на него мало обращали вниманія. По прежнему говорили „ты“, ругались когда нужно, лѣнивыхъ и нерадивыхъ грозили поставить „въ боевую“. Офицеры осматривали винтовки, унтеръ-офицеры показывали внушительный кулакъ тѣмъ, у кого замѣчали грязь и ржавчину, часовые смѣнялись каждые два часа, точно, безъ промедленія, и солдатская масса не отдавала себѣ отчета въ томъ, что произошло. Только въ резервныхъ ротахъ послѣ переклички пѣли „Отче нашъ“,

а „Спаси Господи", а гимнъ нѣтъ перестали. Честь отдавали по прежнему и вмѣсто „ваше благородіе" только нѣкоторые развязные солдаты говорили „господинъ поручикъ".

Началась смута и солдаты почувствовали перемѣну только послѣ того, какъ вернулись изъ штаба фронта и изъ Петрограда солдаты, посланные делегатами отъ полковъ на съѣзды фронтовой и общеармейскій. Пріѣхалъ простоватый, недавно произведенный изъ фельдфебелей прапорщикъ Икаевъ и солдатъ изъ народныхъ учителей, въ 1905 году приговоренный къ ссылкѣ за участіе въ революціи, но бѣжавшій и долго жившій въ Германіи, Воронковъ. Каждый по своему воспринялъ революцію и по своему докладывалъ солдатамъ о томъ, что произошло въ Россіи и какъ слѣдуетъ теперь вести себя солдату.

Икаевъ собралъ роту въ тѣсномъ узлѣ окоповъ и, сидя на банкетѣ, у ногъ часового, восторженно разсказывалъ о южномъ съѣздѣ фронтовыхъ делегатовъ въ Луцкѣ.

Надъ головою синѣло бездонное ясное небо и пѣлъ жаворонокъ, кругомъ журчали ручьи, сливаясь къ рѣкѣ, часовой, глядя черезъ брустверъ на зеленѣющія поля и прислушиваясь къ тому, что говорилъ Икаевъ, смотрѣлъ на чуть темнѣющую полосу непріятельскихъ проволокъ и не могъ понять, какъ послѣ того, что произошло, еще можетъ быть война, еще есть надобность стоять на посту и смотрѣть, какъ нѣмцы что то дѣлаютъ у себя, — не то чинятъ проволоку, не то прорѣзываютъ въ ней проходы. Спокойно, дѣловито работаютъ они и видно, что сзади ходитъ офицеръ и должно быть покрикиваетъ на нихъ. Хорошо бы ихъ теперь шрапнелью спрыснуть, да видно и на артиллерійскаго наблюдателя нашла такая же благодушная лѣнь... Пусть себѣ работаютъ. Ну стоитъ ли теперь убивать, когда повсюду такая свобода объявлена и дѣлается такое странное и неслыханное, какого не дѣлалось никогда и нигдѣ.

— Пріѣзжаю я, братцы мои, въ Луцкъ, — восторженно говорилъ Икаевъ, — а тамъ уже на площадкѣ солдаты насъ ожидаютъ. И у каждаго на шинели красный бантъ.

Встрѣчаютъ насъ. „Вы“, говоритъ, „товарищи делегаты отъ корпуса? Мандаты ваши покажите“. Провѣрили документы и сейчасъ насъ, будто бы мы генералы какіе-то, сажаютъ въ автомобиль и везутъ прямо во дворецъ. Банты намъ даютъ алые. „Товарищи“, говорятъ, — „это священный знакъ свободы и вамъ надо его носить на груди“.

— Ишь ты! — сказалъ со вздохомъ одинъ изъ слушателей, — ну-у! А Сетраковъ бантъ такой одѣлъ, ему еврейчикъ одинъ подарилъ, а генералъ Саблинъ увидѣлъ, стыдить его сталъ. „Ты“, говоритъ, „не дѣвка, чтобы банты да ленточки носить. Это не форма!“ Въ боевую грозилъ поставить.

— Стараго режима енералъ, — протеворилъ, сплевывая шелуху отъ сѣмечекъ, Икаевъ. — Несознательный!... Не понимаетъ завоеваніевъ революціи. Вотъ тамъ, братцы, я посмотрѣлъ настоящихъ енераловъ! Пріѣхали это мы во дворецъ. И что же вы думаете, товарищи! Я и глазамъ своимъ не повѣрилъ. Парные часовые у будокъ сидятъ, винтовки къ стѣнѣ поставлены, сами сѣмечки лущатъ, съ прохожими пересмѣиваются. Я и спрашиваю, что же это, моль?... А подъ судъ ихъ за это не отдадутъ?... А они, Луцкіе то, смѣются. „Что“, говорятъ, „товарищъ, развѣ плохо? Это вамъ не старый режимъ... Это свободные солдаты... Часовой — онъ свое дѣло исполняетъ, а стѣсненія обиднаго, или униженія личности ему нѣтъ никакого. Что хошь — то и дѣлай“.

— Ловко! — вздохнулъ кто-то въ толпѣ. „Ловко“ — подумалъ часовой и, повернувшись спиною къ непріятелю, сталъ слушать, что говорилъ Икаевъ.

— Во дворцѣ, товарищи, поставили насъ не по чинамъ, или званіямъ, отдѣльно офицеровъ и солдатъ, какъ при старомъ режимѣ бывало, а поставили вперемежку: всѣ, моль, равны. Выше меня сталъ солдатъ какой-то, а немного пониже енералъ и офицеръ. Напротивъ собрались какіе-то енералы, слыхать, по дѣламъ пріѣхали. Вы ходитъ къ намъ сейчасъ же главнокомандующій. На груди у него красный бантъ большущій и ленты свѣшиваются,

сторьевскій крестъ даже закрываютъ. На тѣхъ то енераловъ, что по дѣлу его ждали и не посмотрѣлъ, а прямо къ намъ, делегатамъ. Я вытянулся, приготовился уже крикнуть „здравія желаю“, гляжу, а онъ съ ручкой къ каждому подходитъ, здоровкается съ каждымъ. И мнѣ подалъ. Тутъ я понялъ, что значитъ: — равенство.

Икаевъ вздохнулъ. Послушно завздыхали солдаты въ толпѣ слушателей.

— Съ ручкой!... Главнокомандующій... Ишь — ловко. А не вре? — заговорили солдаты.

— Да... Вечеромъ, значитъ, — продолжалъ Икаевъ, давъ улечься впечатлѣнію, — пожалуйте на засѣданіе, въ театръ, а до того всѣмъ одинаково: — номеръ въ гостиницѣ и три рубля суточныхъ, безъ раздѣленія званіевъ. Пришли мы въ театръ. А насъ тамъ первымъ дѣломъ спрашиваютъ: — „вы какой партіи будете?“ Господи ты Боже мой — я и не думалъ никогда, какія тамъ партіи бываютъ. Искренно говорю, что не знаю. Подходитъ такой молодой человѣкъ, такъ похоже, что изъ евреевъ, и говоритъ такъ любезно: „позвольте, я вамъ разъясню“. И сталъ докладать. Да! Мудрено, а красиво! Большевики, значитъ есть, меньшевики, соціалисты-революціонеры, соціалъ-демократы, разные такіе, есть, что и Царя опять желаютъ. — „Куда“, спрашиваетъ, „васъ писать“? Пишите, говорю, гдѣ земли больше даютъ и свобода самая настоящая. Стали мы, значитъ, товарищи, — большевиками... Да, — крутя головою, сказалъ задумчиво Икаевъ. — Сталъ я партійнымъ человѣкомъ.

Икаевъ замолчалъ. Въ толпѣ всѣ затаили дыханіе. Словно сказка развертывалась передъ ними. Главнокомандующій „за ручку“, бантъ на немъ красный, часовые на посту сидятъ, солдаты на автомобилѣ раскатываютъ, есть партія, гдѣ земли даютъ сколько угодно... Чудно и сладко.

— Я, — помолчавъ, сказалъ Икаевъ, — такъ теперь смотрю. Я, даже могу сказать, презираю того человѣка, который ежели не партійный.

II

Воронковъ суетливо перебѣгалъ изъ землянки въ землянку. Онъ побывалъ въ Петроградѣ и пріѣхалъ оттуда заряженный смѣлымъ задоромъ революціи.

— Товарищи! — говорилъ онъ, задыхаясь и худое нервное лицо его передергивалось, — вы обмануты. Васъ, товарищи, предаютъ. Васъ нарочно держатъ въ старомъ режимѣ. Что это такое?! Титулованіе, отданіе чести, офицеры васъ грѣютъ по прежнему. Товарищи, вы должны сбросить это все и приступить къ демократизаціи арміи. Въ Петроградѣ всѣ начальники выборные. Развѣ тамъ мыслимъ такой генералъ, какъ Саблинъ? Тамъ его на штыки бы подняли. У васъ я не вижу никакихъ завоеваній революціи. Вы должны собраться на митингъ и потребовать исполненія приказа № 1. Права солдата не соблюдаются, вы все такіе же сѣрые рабы, какъ и были. Гдѣ у васъ красныя знамена революціи съ тѣми святыми лозунгами, которые я видалъ въ Петроградѣ? У васъ все то же: — Царь и Богъ! Эхъ, товарищи, не для того свергали мы Царя, не для того познали, что Бога нѣтъ и Бога выдумали буржуи и капиталисты, чтобы держать народъ въ темнотѣ и рабствѣ. Товарищи, на алыхъ знаменахъ революціи я видалъ святыя слова: — „Миръ хижинамъ — война дворцамъ". „Долой войну". Война нужна только капиталистамъ, а мы имъ болѣе не слуги. Соорудимъ красныя знамена и подъ ними и съ ними мы будемъ отстаивать права народныя и завоеванія революціи.

Въ нѣкоторыхъ земляпкахъ офицеры пробовали возражать Воронкову, но онъ нагло перебивалъ ихъ, не давалъ говорить и кричалъ:

— Вы обманули народъ! Вы утаили отъ товарищей солдатъ завоеванія революціи. Вы держите въ темнотѣ окопныхъ страдальцевъ!

Поднимался шумъ и офицеры умолкали.

Какъ то сразу приказъ № 1, до этого тусклый, вялый, и непонятный, выявился, какъ явленіе огромной важности и перевернулъ всю жизнь солдата.

«Отъ Двуглаваго Орла.» III.

Часовой, слушавшій Икаева, давно отстоялъ положенные два часа, Икаевъ ушелъ съ этого мѣста и завалился спать, люди разошлись по землянкамъ, а смѣна не шла.

Въ караульной землянкѣ молодой прапорщикъ въ это время препирался съ солдатами, наряжая ихъ на смѣну.

— Сѣдовъ, уже пять минутъ одиннадцатаго, — говорилъ онъ, — вамъ пора идти на смѣну Ковалеву.

— Ничаво, господинъ прапорщикъ, онъ постоитъ еще, а у меня что-то въ грудяхъ болитъ.

— Панкратовъ, пойдите тогда вы.

— Такъ сейчасъ я вамъ и пошелъ, ежели Сѣдова чередъ, я ночь стоялъ. Да чаво, достоитъ до двѣнадцати, а тамъ и намъ смѣна. Восьмая рота заступитъ.

Но прошло двѣнадцать, а восьмой роты не было. Она тоже не торопилась идти. Тамъ, разинувъ рты, слушали разсказы Воронкова и не трогались съ мѣста. Только въ четыре часа смѣнили Ковалева...

По землянкамъ были разбросаны въ безпорядкѣ противогазы, шинели и патронныя сумки. Ружей никто не протиралъ. Въ кадкѣ для воды на случай газовой атаки воды не было, пакля отсырѣла, керосинъ растащили по землянкамъ и жгли въ лампочкахъ, хворостъ залило водой. Когда ротный командиръ пришелъ и накричалъ на людей, никто не шевельнулся исполнить его приказанія, а, когда онъ уходилъ, ему велѣдъ раздались свистки и крики и онъ отчетливо услышалъ чей-то злобный голосъ: — „погоди, дождетесь вы Еремѣевской ночи!“ Страшное значеніе этихъ словъ было извѣстно старому ротному командиру.

Ротный призвалъ фельдфебеля.

Фельдфебель, пожилой мужикъ крестьянинъ, запасной солдатъ, мрачно выслушалъ жалобы ротнаго командира и, глядя исподлобья, сказалъ:

— Ничего, ваше высокоблагородіе, не остается, какъ только арестовать прапорщика Икаева и Воронкова. Отъ нихъ вся смута идетъ. Солдаты поговариваютъ, чтобы, значитъ, арестовать полковника Пастухова и выбрать командиромъ либо Икаева, либо Воронкова.

— Арестовать Воронкова? Да можно ли? Какъ буд-

то бы, Полубояриновъ, права такого нѣтъ теперь, — сказалъ ротный командиръ.

— По приказу нѣтъ права, — отвѣчалъ фельдфебель, — а только, если такъ оставить, хуже будетъ. Слышно, въ Залихватскомъ полку шесть офицеровъ солдаты убили и суда не было. Солдаты не выдали слѣдователю, такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

Ротный пошелъ къ Пастухову. Пастуховъ мрачно сидѣлъ въ землянкѣ. Дверь была приперта коломъ.

— Что же дѣлать? — говорилъ ротный.

— Пишу рапортъ начальнику дивизіи о болѣзни. Завтра сдаю полкъ. Пусть командуетъ, кто хочетъ. Днемъ по окопамъ пошелъ. Хоть бы кто всталъ. Сидятъ, съмечки лущатъ, поровятъ такъ шелуху плюнутъ, чтобы на мою шинель попало. А, каковы стерв...

Пастуховъ испуганно заглянулъ въ дверь и, вернувшись, сказалъ шопотомъ:

— Денщика боюсь. Самъ мнѣ покаялся. Меня, говоритъ, прапорщикъ Икаевъ призывалъ и приказалъ за вами, господинъ полковникъ, слѣдить и все докладывать ему... Комитеты какіе-то будутъ, вотъ бумага вышла. Нѣтъ. Довольно. Я въ лазаретъ пойду, лягу... Тамъ спокойнѣе. Переждать надо. Образумятся же люди.

— Пока солнышко взойдетъ, роса очи выѣстъ, — сказалъ ротный.

— А что подѣлаешь? Сидите и молчите. Ихъ сила — ихъ власть. Пусть они и правятъ.

Ротный послушался совѣта и засѣлъ въ землянку, офицеры пугливо жались къ нему. Солдатъ сталъ страшенъ.

По солдатскимъ землянкамъ шелъ тихій и озабоченный шопотъ. Смыслъ всѣхъ рѣчей, всего происходившаго въ Петроградѣ и Луцкѣ былъ одинъ: — война кончена. Надо идти домой, нести въ свои хижины давно обѣщанный миръ.

Въ шестнадцатой ротѣ раздобыли кусокъ краснаго полотна и Вороньковъ выводилъ на немъ крупно чернилами — „долой войну!“ — Это знамя революціи рѣшено было выставить ночью на ближайшемъ къ непріятелю форту,

чтобы непріятель тоже узналъ сладости русской революціи.

Одиннадцатая рота вечеромъ шла въ бригадный резервъ и, когда спустилась подъ гору и вышла на шоссе, ведущее къ разоренному господскому дому, гдѣ помѣщался бригадный командиръ и были землянки резерва, ротный подсчиталъ ногу и крикнулъ пѣсенникамъ:

— Запѣвай лихую!

Но вмѣсто обычной „Три деревни, два села, восемь дѣвокъ, одинъ я", запѣли новую, привезенную Воронковымъ изъ Петрограда пѣсню:

Ешь ананасы, рябчика жуй!
Настанъ твой послѣдній денечекъ, буржуй!

На перекличку вечеромъ никто не вышелъ и молитву не пѣли. Тщетно фельдфебеля и взводные кричали: „выходи строиться на повѣрку!" — изъ угловъ землянокъ врачно отвѣчали: — „ну, будя! будя! чего орете, сказано не пойдемъ. Правовъ такихъ нѣтъ, чтобы заставлять молиться. Кто хочетъ и такъ помолится".

По угламъ шептались о томъ, какъ бы не стали въ деревняхъ дѣлить землю безъ нихъ, и что какая теперь война, когда земли много и свобода полная, ни господъ, ни Царя.

Медленно и тяжело, какъ мельничные жернова, ворочались мозги солдатъ и никакъ не могли переварить случившагося. Обычно въ такихъ случаяхъ солдатъ обращался за разъясненіемъ къ офицеру, но теперь оказывалось, что офицеру вѣрить нельзя.

— Слышь, товарищи, — говорилось по землянкамъ, — Воронковъ сказывалъ, что, когда, значитъ, народъ рѣшился самъ захватить власть въ свои руки и солдаты пошли къ Думѣ, офицеры не пошли. Ихъ насильно вытаскивали съ квартиръ, а кого и убили...

— Извѣстно... Господа! Они завсегда противъ народа были. У нихъ одинъ совѣтъ: — дисциплина, и чтобы честь отдавать, и чтобы за всякую провинность въ морду!

— Н-н-да! Это точно.

— Мало кровушки они нашей попили, попить хотятъ и еще.

— Ничего, какъ бы мы ихней не попробовали. Наше время не уйдетъ. Будетъ имъ Еремѣевская ночь!

Кое-гдѣ вполголоса разучивали рабочую марсельезу.

III

19-го марта въ 204-й дивизіи былъ назначенъ большой митингъ. Дивизія должна была избрать делегатовъ для доклада временному правительству о своихъ пожеланіяхъ и принесенія поздравленія по случаю революціи. На митингѣ были офицеры и представители полковъ корпуса.

Саблинъ попалъ на этотъ митингъ, чтобы руководить имъ и присмотрѣться къ настроеніямъ солдатъ.

При его входѣ въ большую землянку — церковь и манежъ 805-го полка, всѣ встали и затихли. Оказалось, что уже до него кто-то руководилъ солдатами. Имъ объяснили, что долженъ быть выбранъ предсѣдатель, президіумъ и секретарь. Въ предсѣдатели, какъ чуждая старому режиму, была предложена завѣдующая корпусной летучкой городского союза женщина-врачъ Софья Львовна Гордонъ, - красивая полная еврейка, давно неравнодушная къ Саблину. Въ президіумъ были избраны офицеры и заслуженные унтеръ-офицеры, въ большинствѣ георгіевскіе кавалеры. По предложенію Софьи Львовны, Саблину было предложено принять почетное предсѣдательствованіе, что было принято единогласно, и его сейчасъ же усадили рядомъ съ Софьей Львовной.

— На повѣсткѣ дня, — начала Софья Львовна, - - кѣмъ была составлена эта повѣстка дня, Саблинъ не зналъ и, когда спросилъ, ему сказали, что командиромъ 819-го полка, молодымъ офицеромъ генеральнаго штаба. — На повѣсткѣ дня значится: избраніе делегата и его товарища для посылки въ Петроградъ и сообщеніе имъ отвѣтовъ дивизіи по слѣдующимъ вопросамъ: — устройство Россій-

скаго государства, отношеніе къ войнѣ, воинская дисциплина, рѣшеніе вопросовъ о землѣ.. для доклада Временному Правительству.

— И совѣту солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, — раздался голосъ съ мѣста.

— Товарищи! прошу съ мѣстъ не говорить, — сказала Софья Львовна, — полагаю, что намъ надо начать съ избранія делегатовъ для того, чтобы, слушая то, что будетъ здѣсь говориться, они могли бы записать, что нужно. Избраніе должно быть сдѣлано закрытой баллотировкой, поданіемъ записокъ. Но для того, чтобы намъ не разойтись во мнѣніяхъ и болѣе или менѣе единогласно избрать делегата, я предлагаю назвать тѣхъ, кого вы считали бы достойными быть выразителями мнѣній дивизіи.

Наступила тишина.

— Генерала Саблина, — сказалъ, вставая прапорщикъ, произведенный изъ фельдфебелей, съ четырьмя георгіевскими крестами на груди. — Какъ, значитъ, генералъ Саблинъ, все одно какъ отецъ намъ, заслуженный генералъ и георгіевскій кавалеръ и знаетъ нужды наши и заботится о насъ...

— Просимъ, просимъ! — раздались голоса.

— Не надо генераловъ. Своего изберемъ!

— Товарищи, — раздался возбужденный голосъ Воронкова, — мы только что освободились отъ гнета проклятаго царизма, а между прочимъ мы видимъ на погонахъ у генерала вензеля какъ будто самодержавнаго Государя. Теперь Николашка...

— Молчать, — крикнулъ Саблинъ, — не смѣть такъ говорить про Государя! Государя нѣтъ, но оскорблять его память я не позволю!

— Товарищи, вы видите... — сказалъ, отходя съ позеленѣвшимъ лицомъ, Воронковъ.

— Воронковъ, вы не правы, — крикнулъ съ мѣста Верцинскій.

— Генерала Саблина и подполковника Козлова, какъ оба егорьевскіе кавалеры, — сказалъ снова прапорщикъ.

— Георгіевскіе кресты тутъ не причемъ, — крикнулъ кто-то съ мѣста.

— Прапорщика Осетрова!

— Капитана Верцинскаго!

— Прапорщика Гайдука!

— Солдата Воронкова.

— Воронкова! Товарища Воронкова! Просимъ, просимъ.

— Голоса намѣтились, — сказала Софья Львовна. — Приступимъ къ голосованію.

Собраніе засуетилось и загомонило. Саблинъ всталъ и вышелъ изъ землянки. Давыдовъ послѣдовалъ за нимъ. На большой полянѣ среди лѣса толпились солдаты. Они съ живымъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что происходило на митингѣ. То и дѣло изъ землянки выбѣгали делегаты и сообщали о томъ, что дѣлается внутри. Саблинъ закурилъ папиросу. Солдаты, стоявшіе неподалеку отъ него, смотрѣли ему въ ротъ, не спуская съ него глазъ. Они были кругомъ и, казалось, не было возможности уйти отъ нихъ. Они слѣдовали сзади и прислушивались къ тому, что говорили Саблинъ и Давыдовъ. На бѣду Давыдовъ не говорилъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ. Саблинъ взялъ его подъ руку и они тихо пошли по лѣсу. Мягкій мохъ разступался подъ ногами, пахло сыростью, хвоей, весною. Въ лѣсу весело перекликались птицы.

— Вы считаете продолженіе войны возможнымъ? — сказалъ Саблинъ.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ Давыдовъ.

— Эти люди изберутъ своими вождями тѣхъ, кто имъ будетъ потворствовать и угождать, кто раньше с т р а д а л ъ отъ начальства, — сказалъ печально Саблинъ.

— Вы слыхали, въ N-ской дивизіи пѣхотные солдаты явились на батарею и запретили артиллеристамъ стрѣлять. Чего, молъ, стрѣляете, только нѣмца раздражаете. Вы молчите и они молчатъ. Намъ это нежелательно. Поставили свой караулъ къ батареѣ и угрожали убить командира и офицеровъ, если они будутъ стрѣлять, — сказалъ Давыдовъ.

— Что же дальше?

— Ничего. Ихъ делегатовъ вызвали въ штабъ дивизіи, уговаривали, что этого дѣлать нельзя, они согласились, а караула все таки не сняли.

— А въ Петербургѣ выносятъ резолюціи — война до побѣднаго конца въ полномъ согласіи съ союзниками, — нервно бросая папиросу, сказалъ Саблинъ.

— Выносятъ потому, что не имъ воевать. А попробуйте послать ихъ на фронтъ?

— Отольется союзникамъ эта революція полною мѣрою. Такъ бы они этимъ лѣтомъ уже побѣдили Германію. а когда русскаго фронта не станетъ, неизвѣстно, что еще будетъ.

— А вѣдь пріѣзжали ихъ знаменитости въ Петроградъ, на похоронахъ жертвъ революціи были. Тома, французскій соціалистъ, рѣчь говорилъ, превозносилъ русскій народъ и говорилъ, что въ восторгѣ отъ революціи. Безъ отпѣванія похоронили на Марсовомъ полѣ въ красныхъ гробахъ жертвы революціи, и вы знаете, ваше превосходительство, пикантную подробность. Въ гробахъ съ жертвами революціи лежатъ болѣе чѣмъ на половину люди, никакого участія въ революціи не принимавшіе, или даже боровшіеся противъ. Тамъ похоронены тѣ, кто случайно умеръ въ эти дни въ больницахъ, и убитые солдаты и городовые.

— Шуты гороховые!

— Да, ваше превосходительство, во Временномъ Правительствѣ шуты гороховые, а въ совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ уголовные преступники и предатели Россіи. Добра отъ этого для Россіи не будетъ.

— Какое же добро!... Мы должны готовиться къ борьбѣ не на животъ, а на смерть, а мы уступаемъ легко позицію за позиціей.

— Вы пойдете еще туда, въ собраніе?

— Загляну на минуту. Послушаю до какихъ геркулесовыхъ столповъ тупоумія и жадности дойдетъ солдатня, призванная рѣшать государственныя дѣла. Но оставаться долго не могу. Слишкомъ тошно.

— Вы знаете, Воронковъ въ Петроградѣ изъ дворца Кшесинской, отъ партіи большевиковъ получилъ большія деньги. А партія замѣшана въ сношеніяхъ съ нѣмцами. Вотъ вамъ и ключъ нашей революціи.

— Ну такъ Воронкова и изберутъ.

— Изберутъ того, кто обѣщаетъ сейчасъ миръ и землю, или кто дастъ деньги.

— Безысходная тоска! И подумаешь, я, командиръ корпуса, смотрю на все это возмутительное безобразіе и молчу.

— А что сдѣлаете? Одинъ въ полѣ не воинъ. Это народъ.

— Народъ! Народъ! — воскликнулъ Саблинъ. — Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ — это сказалъ самъ про себя русскій народъ. Ну, пойдемте на минуту, а потомъ и домой. Хотѣлось бы зарыться съ головою въ подушки и заснуть, заснуть такъ, чтобы не видѣть всего этого ужаснаго кошмара.

— А помните Толстовское: — образуется.

— Вотъ оно то и сгубило насъ. Пріучило къ пассивности, къ тупому фатализму... — сказалъ Саблинъ, подходя къ землянкѣ.

IV

Въ землянкѣ, среди затихшей, тяжело дышавшей толпы шелъ подсчетъ голосовъ.

— Воронковъ... Воронковъ, Осетровъ, Воронковъ, Воронковъ, — читалъ молодой прапорщикъ, избранный секретаремъ. Имя Саблина встрѣчалось рѣдко.

Подавляющимъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ делегатомъ отъ дивизіи солдатъ Воронковъ, товарищами делегата Осетровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ. Саблинъ заглянулъ въ землянку тогда, когда выборы были кончены и начальникъ дивизіи, командиры полковъ и многіе офицеры пожимали руку Воронкову, поздравляя его съ избраніемъ.

Начальникъ дивизіи, старичокъ въ очкахъ, не могшій отличить фокса отъ моска, говорилъ привѣтственную рѣчь.

— Вамъ, Воронковъ, предстоитъ большое дѣло, — говорилъ онъ, — разъяснить Временному Правительству наши настроенія и разсказать то, какъ бьется сердце окопнаго солдата. Вы скажете, Воронковъ, что мы, солдаты 204-й дивизіи, не посрамимъ земли русской и готовы драться до послѣдняго для полной побѣды надъ врагомъ! — прокричалъ онъ, стуча кулакомъ по столу, и такъ не отвѣчалъ этотъ крикъ и высокопарныя слова къ его изсохшей фигурѣ, блѣдному старческою блѣдностью лицу, изборожденному глубокими чисто вымытыми морщинами, что Саблину стало совѣстно за него.

— Дайте же мнѣ обнять васъ, Воронковъ, и пожелать вамъ счастливаго исполненія вашей миссіи!

Старикъ такъ расчувствовался, что готовъ былъ перекрестить Воронкова.

Воронковъ, блѣдный, взволнованный, обернулся лицомъ къ солдатамъ и заговорилъ видимо заученную и заранѣе подготовленную рѣчь. Онъ говорилъ плохо, часто повторяясь, дѣлая все одинъ и тотъ же жестъ, отодвигая кулакъ отъ груди и снова прижимая его къ ней. Онъ снималъ все высокое и святое и обнажалъ низкое и земное. Его рѣчь въѣдалась въ память короткими, часто повторяемыми фразами.

— Товарищи, я благодарю васъ за ваше довѣріе ко мнѣ и я оправдаю ваше довѣріе, — говорилъ Воронковъ. — Я скажу вамъ, какъ я чувствую по текущему моменту, и ваше одобреніе, или неодобреніе приму къ свѣдѣнію при составленіи своей программы. Послѣ сверженія проклятаго царизма, слишкомъ триста лѣтъ угнетавшаго рабочихъ и крестьянъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Россія должна представлять изъ себя федеративную республику, гдѣ всякому народу должны быть предоставлены права на самоуправленіе. Намъ не нужно тирановъ и поставимъ цѣлью своею добиться того, чтобы пролетаріатъ могъ взять власть въ свои руки. Въ отношеніи войны,

программою нашей партіи является: — миръ хижинамъ. Довольно лилось крови крестьянской! Русскому пролетаріату не нужно никакихъ аннексій и контрибуцій...

Рѣчь Воронкова длилась почти полтора часа и несмотря на то, что она была переполнена иностранными словами и мѣстами такъ запутана, что похоже было на то, что и самъ Воронковъ ее не понималъ, его слушали внимательно. Онъ говорилъ о томъ, что земля должна принадлежать трудящемуся на ней народу, что земля, какъ воздухъ и вода, не можетъ быть ничьею собственностью. Онъ рисовалъ картину будущей Россіи, гдѣ не будетъ ни войны, ни воинской повинности, не будетъ полиціи, народъ не будетъ платить никакихъ податей и налоговъ, у каждаго будетъ прекрасный домъ и въ немъ всего полная чаша, но все будетъ общественное.

Солдаты, разинувъ рты и тяжело дыша, слушали его, какъ слушаютъ дѣти разсказчика сказки, но они вѣрили этой сказкѣ.

Ему сталъ возражать капитанъ съ мужественнымъ русскимъ лицомъ и окладистой черною съ просѣдью бородою.

Онъ говорилъ красиво, звучно, образно, чисто по-русски, пересыпая свою рѣчь остроумными словечками и пословицами. Онъ старался доказать, что Россія безъ царя немыслима, что намъ нужна конституціонная монархія, тогда не будетъ того, что было раньше.

Рѣчь Воронкова прерывалась частыми возгласами — „правильно“, „правильно!“ а рѣчь капитана, діаметрально противоположная по содержанію, прерывалась такими же криками: — „правильно! Это вѣрно! Правильно сказано“.

Или солдаты не понимали того, что имъ говорили, или они сами не знали, чего хотятъ.

Саблинъ вышелъ съ митинга и поѣхалъ домой. Митингъ продолжался до поздняго вечера. Солдаты забыли про обѣдъ, про усталость и все стояли съ распаренными лицами въ духотѣ и слушали одного оратора, смѣнявшаго другого. Говорилъ полковникъ генеральнаго штаба, на-

чавшій свою рѣчь подыгрываніемъ къ солдатамъ: — „Я соціалистъ-революціонеръ и республиканецъ, я сторонникъ народоправства. Я самъ вышелъ изъ народа. Мой дѣдъ пахалъ землю, а мать моя была прачкой".

Онъ клеветалъ на свою мать. Его мать была дочерью статскаго совѣтника, а дѣдъ былъ помѣщикомъ, спустившимъ въ карты свое имѣніе.

Говорили Осетровъ, Гайдукъ, длинно и витіевато говорилъ Шлоссбергъ, цитировавшій Некрасова. Но чѣмъ дальше разъясняли солдатамъ ораторы то, что произошло въ Россіи, тѣмъ темнѣе становилось у нихъ въ душѣ. Ясно было одно: произошло что-то громадное, что совершенно все измѣнило, и эти измѣненія углублялись все шире и больше.

Когда расходились, то шли озабоченные, задумчиво и молчаливо. Главное, боялись продешевить.

Софья Львовна обѣдала у командира полка, а потомъ въ его коляскѣ, оживленная и красивая, пріѣхала къ Саблину съ докладомъ о результатахъ митинга. Она смотрѣла на Саблина ласковыми томными глазами и по записочкѣ докладывала ему постановленія собранія.

Почти всѣ офицеры высказались за конституціонную монархію, солдаты — за рядъ отдѣльныхъ республикъ, вродѣ Соединенныхъ Штатовъ, но безъ общаго президента. Всѣ офицеры и часть солдатъ: — война до побѣднаго конца въ полномъ согласіи съ союзниками. Подавляющее большинство солдатъ: — немедленное заключеніе мира и роспускъ по домамъ. Многіе офицеры и всѣ солдаты за демократизацію арміи и установленіе въ ней выборнаго начала. На митингѣ ясно высказалось недовѣріе солдатъ офицерамъ. Стоило офицеру предложить что-нибудь, чтобы солдаты требовали совершенно противоположнаго. Среди солдатъ сквозила ненависть къ военной службѣ и къ мундиру...

— Ваше превосходительство, — сказала Софья Львовна, кладя свою бѣлую, холеную, сильную руку на руку Саблина и приближая къ его лицу свое красивое лицо съ

глазами вдругъ наполнившимися слезами, — уѣзжайте куда нибудь!

Карiе глаза смотрѣли глубоко въ душу Саблина. Въ нихъ была нѣжность. Что-то материнское усмотрѣлъ Саблинъ въ большихъ карихъ глазахъ еврейки.

— Ну я васъ прошу! Здѣсь хорошо не будетъ. Ахъ, Александръ Николаевичъ, они такъ озлоблены и на васъ и на всѣхъ офицеровъ, что страшно становится. Будетъ что-то ужасное.

— Но вы, Софья Львовна, кажется, такъ радовались революцiи? — нервно сказалъ Саблинъ.

— Ахъ, я ее воображала себѣ совершенно иначе. Это не революцiя. Это самый грубый бунтъ.

Полная рука затрожала на рукѣ Саблина. Красивое лицо было близко, большiе съ поволокой глаза смотрѣли съ любовью и жалостью.

— Благодарю васъ, Софья Львовна. Но бѣжать я никуда не побѣгу. Отъ своего долга не уйду. Да и куда уйдешь? Кругомъ то же самое.

— Берегите себя, ваше превосходительство. Я знаю васъ давно и я знаю, что такихъ, какъ вы, мало въ Россiи. Вамъ грозитъ страшная опасность

Она стояла у стола, освѣщенная снизу двумя свѣчами. Какiя то тѣни бѣжали по ея лицу Она опустила глаза и стала тяжело дышать. Краска то приливала къ ея щекамъ, то отливала. Саблинъ въ затуманенномъ слезами взорѣ видѣлъ все возрастающую нѣжность и самъ былъ тронутъ до слезъ.

— Ваше превосходительство, — прошептала Софья Львовна. — Я скажу вамъ тайну. Эта тайна можетъ стоить мнѣ жизни. У насъ въ законѣ написано: — л у ч ш а г о и з ъ г о е в ъ у б е й! Р а з д а в и г л а в у з м i я... Теперь н а ш и люди стоятъ у власти... Вы... лучшiй... Я такъ боюсь за васъ!... Я такъ люблю и уважаю васъ!... Берегите себя!...

Въ избѣ стало такъ тихо, что Саблину казалось, что онъ слышитъ, какъ стучитъ сердце въ его груди. Софья Львовна стояла, опустивъ голову на грудь. Блѣдность шла

къ ея восточному лицу. Длинныя рѣсницы ея вздрагивали и вздрагивала тѣнь отъ нихъ подъ самыми бровями.

Прошло двѣ минуты. Часы отбивали ихъ на столѣ и Саблинъ слышалъ тиканіе маленькаго маятника въ золотой коробкѣ.

— Прощайте, — сказала Софья Львовна, протягивая руку.

— Прощайте, — сказалъ Саблинъ и поцѣловалъ бѣлую руку, чего раньше не дѣлалъ никогда.

Она прошла тяжелымъ шагомъ по глиняному полу. Слышно было, какъ она звала на дворѣ кучера. Зашелестѣли по мокрому двору колеса, тяжело вздохнула у самаго окна лошадь, заскрипѣли рессоры и коляска покатилась.

Саблинъ сѣлъ на табуретъ за столъ, облокотился на обѣ руки и прошепталъ:

— И лучшаго изъ гоевъ убей!

„Что же это? Или правда? Семьдесятъ мудрецовъ, на которыхъ намекалъ Верцинскій, и кого никто не знаетъ, и русская революція, руководимая изъ нѣдръ Сіона-Тайна?“

„А, лучше не думать!“

Въ избѣ еще стоялъ запахъ духовъ и молодого женскаго тѣла. Ласка Софьи Львовны глубоко тронула его. Отъ нея становилось легче на сердцѣ, истерзанномъ тоскою мрачныхъ предчувствій.

Саблинъ вышелъ на дворъ и позвалъ Давыдова, сидѣвшаго въ сосѣдней халупѣ, въ канцеляріи штаба.

— Сергѣй Петровичъ, — сказалъ онъ. — Давайте заниматься.

— Да заниматься нечѣмъ. Нечего дѣлать, — отвѣтилъ Давыдовъ.

— Бумагъ нѣтъ?

— Не поступало.

— Ну... давайте разрабатывать планъ наступленія на Камень-Каширскій.

— Пустое дѣло! Теперь уже видно, что никакого наступленія не будетъ.

— Все равно, давайте.

— Какъ хотите, ваше превосходительство.

V

Германскіе развѣдчики доставили въ штабъ своей дивизіи флагъ, снятый ими съ русскаго проволочнаго загражденія, съ надписью „Долой войну!“

Флагъ былъ пересланъ въ штабъ корпуса, а оттуда въ штабъ арміи. Послѣдовало распоряженіе о пріостановкѣ эвакуаціи Ковеля и штабъ арміи донесъ о своевременности наступленія на русскихъ съ цѣлью прогнать ихъ за рѣку. Уничтоженіе зарѣчныхъ плацъ-д'армовъ дало бы возможность освободить до трехъ дивизій для переброски на западный фронтъ.

Главное командованіе одобрило этотъ планъ и 20-го марта, къ ночи, нѣмецкая артиллерія, молчавшая больше мѣсяца, заговорила и начала обстрѣливать позицію у деревни Лѣсище.

Все попряталось по блиндажамъ и на окопахъ остались одни часовые.

Рядовой Чубатый, Пензенской губерніи, тридцатилѣтній мужикъ, неглупый малый, отецъ пятерыхъ дѣтей, заступилъ на постъ, и упершись локтями на брустверъ и поставивъ винтовку подлѣ, сталъ смотрѣть на догорающее закатное небо. Вечеръ былъ теплый, весенній. Чубатый собрался на постъ наскоро. Только что у нихъ въ карауллѣ, несмотря на непріятельскую стрѣльбу, былъ горячій споръ. Поручикъ Левенталь, изъ нѣмцевъ, доказывалъ, что нельзя отъ помѣщиковъ землю такъ отобрать, а надо, чтобы государство за нее заплатило и дало бы крестьянамъ въ разсрочку черезъ земельный банкъ, потому что у многихъ помѣщиковъ земля купленная, и несправедливо такъ ее отнять, а прапорщикъ Гайдукъ говорилъ, что надо отобрать даромъ, потому что помѣщикъ достаточно ужъ

этою землею попользовался. Въ самый разгаръ этого спора взводный выслалъ Чубатаго на часы. Чубатый накинулъ шинель съ оборваннымъ хлястикомъ, вдѣлъ рукава и, не беря ни патронташа, ни противогаза, съ однимъ ружьемъ, путаясь въ полы шинели, вышелъ къ брустверу.

— И платитъ хорошо, а не платить куда жъ лучше, — думалъ Чубатый. — У насъ помѣщики Оболенскіе, три брата, земли у нихъ полторы тысячи десятинъ, а въ Замараловкѣ крестьянъ всего полтораста семействъ не наберется, значитъ, по десять десятинъ на семейство приходится. Да есть и между крестьянами такіе, что свою землю имѣютъ, имъ и вовсе давать не надо. А давать надо такъ, у кого семья большая, тому и земли больше. У меня къ примѣру — Акулька, да Ванька, да Миша съ Гришей, еще Авдотья махонькая, какъ на войну идти родилась. Значитъ, уже мало, мало, а пятьдесятъ десятинъ мнѣ подавай. Опять прапорщикъ Гайдукъ правильно говорилъ, что и инвентарь дѣлить надо, потому долго они имъ владѣли. А у господъ Оболенскихъ одиѣхъ коровъ триста головъ. И какія коровы! Одна къ одной. Ры-ыжія. Изъ-за границы ихъ выписывали въ десятомъ году. Всѣхъ подѣлить.

Шумъ и металлическіе удары на позиціи противника отвлекли на мгновеніе вниманіе Чубатаго.

„И чего онъ тамъ дѣлаетъ?“ подумалъ онъ. „Вѣдь учили насъ чему-то. Пойтить развѣ, доложить? А то породить?... Опять у Оболенскихъ конный заводъ свой. Одиѣхъ кобылицъ почитай шестьдесятъ, да четыре жеребца съ Тамбовской губерніи пригнаты, всѣхъ надоть подѣлить обязательно. На что ему заводъ, когда земли у него не будетъ? И дѣлить, чтобы обязательно поровну. Только вотъ, чтобы не сдѣлали такъ, какъ въ пятомъ году мастерили, не стали бы ребята рѣзать! Народъ-то озорной, ожесточится и пойдетъ кромсать, ни себѣ, ни людямъ.“

Чубатый уже давно отстоялъ свою смѣну, но никто не приходилъ. Это его мало безпокоило. Онъ хорошо выспался днемъ въ теплой, нагрѣтой людьми землянкѣ, ночь была хорошая, въ мѣру прохладная и такъ хорошо мечталось подъ синимъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами.

„Ишь духъ-то какой хорошій! Весною пахнетъ. Земля-то какъ благоухаетъ! Послѣ Благовѣщенія, али на Пасху хорошо бы и домой. Да, Господи, благослови! и помѣщиковъ порѣшить и за пахоту приниматься на новыхъ дѣлянкахъ... А не унимается, германъ... И все-то онъ работаетъ. Все работаетъ. Что значитъ офицерская палка надъ имъ. Боится. Н-да, а мы освободились, ловко... Только бы назадъ не повернули. Вотъ ребята поговариваютъ — перебить ихъ нужно, чтобы и не встали. Тоже и перебить страшно. А ну, какъ подъ отвѣтъ попадешь!.. Ишь, пымятъ какъ... Точно паровозы паръ выпущаютъ. И откуда у него тамъ машины, никогда раньше не было.

Вдругъ страшная мысль ярко прорѣзала его мозгъ:

„Газы... Газы удушливые пускать будетъ! Уже пустилъ, значитъ...“

И все то, чему учили, что нѣсколько разъ репетировали при самомъ генералѣ Саблинѣ, вдругъ встало со страшною яркостью въ памяти Чубатаго. „Первѣе всего противогазъ надѣть, потомъ тревога по всей линіи, на батарею сказать, костры зажигать, какъ подойдетъ газъ-то, значитъ, водой заливать, потому онъ воды боится, кто зачумѣлъ, кислородомъ отпаивать“.

„Ахти родимые, а гдѣ же мой противогазъ! Пресвятая Богородица, спаси нашъ грѣшныхъ!... Что же это буде!... Да что же это буде!“

Чубатый метался по окопу, ничего не предпринимая. Онъ хотѣлъ ракету пустить тревожную, кинулся къ ракетному ящику, а онъ водой залитъ. Какъ третьяго дня шелъ дождь, такъ и не вынесли его, а вѣдь говорилъ кто-то, чтобы вынести, значитъ. И спички въ водѣ плаваютъ. Хотѣлъ на батарею сказать, да такъ одурѣлъ съ перепуга, что не могъ вспомнить, гдѣ батарейный телефонъ. Показалось ему, что уже газъ его тронулъ и тутъ вспомнилъ, что весь кислородъ ребята, балуясь, выпустили. „А кислый онъ, кислородъ-то,“ вспомнилъ Чубатый, „ну и легкій же, такъ и пьешь его на манеръ лимонаду!“

Онъ бросился въ ближайшую землянку и широко распахнулъ двери. На нарахъ горѣла жестяная лампочка.

Человѣкъ восемь солдатъ, раздѣвшись до рубахъ, ожесточенно играли въ карты. Остальные люди взвода храпѣли на всѣ лады.

— Газы, товарищи!... — крикнулъ Чубатый, дико вращая глазами и отыскивая свой противогазъ. Но найти его среди разбросаннаго платья и бѣлья было нелегко.

— Чего врешь? — грубо окликнулъ его старый солдатъ, подвигая къ себѣ кучку ассигнацій.

— Ей-Богу, ребята, газы пустилъ нѣмецъ. Такъ и шумятъ!

Люди начали вскакивать съ наръ, кто-то, спросонья, неловкимъ движеніемъ опрокинулъ лампочку. Полный мракъ наступилъ въ землянкѣ. Въ этомъ мракѣ кононились и ругались люди, отыскивая свою одежду, и дрались, отнимая другъ у друга противогазы.

VI

Съ сосѣдняго форта уныло неслись тусклые звуки била. Одѣтый въ противогазъ солдатъ, похожій на какого-то демона, ударялъ обломкомъ подковы въ подвѣшенную желѣзную доску, и звонъ ея раздавался печально и скучно по окопамъ. Люди суетились и выскакивали, большинство безъ противогазовъ, такъ какъ многіе оставили ихъ въ резервныхъ земляпкахъ, когда шли на смѣну

Мальчикъ-прапорщикъ изъ кадетъ, у него солдаты только-что отняли противогазъ, со слезами въ голосѣ кричалъ на телефонѣ:

— Иванъ Андреичъ!.. Иванъ Андреичъ!.. Господинъ капитанъ!.. Вы? Ахъ, Господи!.. Открывайте скорѣе огонь... По расписанію № 4. Газовая атака... что?.. Не позволяютъ?.. Караулъ отъ нашей дивизіи? Да скажите имъ — мы погибаемъ!..

Часть роты, руководимая офицерами, надѣла противогазы и выстраивались вдоль бруствера. Тѣ, у кого не отыскалось противогаза, бѣжали толпами къ рѣкѣ.

Далеко за рѣкою заметались сполохами желтые огни,

и выстрѣлъ за выстрѣломъ загремѣла приданная корпусу артиллерія. Пѣхотные делегаты вняли мольбамъ изъ окоповъ и разрѣшили открыть противогазовый огонь. Но было поздно.

Въ сумеркахъ ночи надъ черной, сырою землею надвигался густою пеленою низкій туманъ. Легкій западный вѣтеръ быстро гналъ его прямо на окопы. Онъ подкатилъ къ чуть намѣчающимся въ темнотѣ кольямъ проволочнаго загражденія и сейчасъ же поглотилъ ихъ. И стало ясно, что онъ такъ быстро идетъ, что убѣжать отъ него невозможно.

Била, звенѣвшія по всему фронту окоповъ, смолкли. Прапорщикъ, говорившій по телефону, безъ противогаза и шапки выбѣжалъ на брустверъ и скомандовалъ положить винтовки и быть готовымъ встрѣтить атаку. Много людей стояло, завязавъ рты платками, безъ противогазовъ. Это были лучшіе, старые солдаты.

Пахнуло кислымъ, какою-то удушливою химіею, легкій, дурманящій запахъ горькаго миндаля примѣшался къ нему, желтая пелена надвинулась на лица, на сырую отъ ночной росы новую плетенку окопа. Лица, незакрытыя противогазомъ, стали зелеными, и глаза вдругъ широко раскрылись, выражая ужасъ.

„Что же это?“ подумалъ прапорщикъ и вдругъ задвигалъ судорожно пальцами. Ему показалось, что его мама, милая, любимая мама, высокая, розовая, въ каштановыхъ волосахъ и еще молодая, склонилась къ нему, какъ тогда на ихъ квартирѣ, на Мойкѣ, когда благословляла она его, прощаясь... Собачка Бобка царапаетъ полу его шинели и скулитъ, будто понимаетъ всю тяжесть разлуки. Бабушка стоитъ въ углу. Сѣдая... и все креститъ его мелкимъ, дрожащимъ движеніемъ руки... Мама! Мама! Бабушка! захотѣлъ крикнуть прапорщикъ, но не крикнулъ ничего и упалъ на спину со страшнымъ, перекошеннымъ лицомъ. Кругомъ падали люди. Ихъ внезапная смерть, лица, выражавшія нечеловѣческій ужасъ, зеленовато-желтыя, страшныя, не похожія на обычныя лица мертвецовъ, навели ужасъ и на тѣхъ, кто смотрѣлъ сквозь мутныя стекла про-

тивогазовъ. Солдаты стали сходить съ позиціи и идти назадъ. Позиція пустѣла. Солдаты шли къ рѣкѣ. На дорогѣ они натыкались на одиночныхъ людей, на цѣлыя кучи людей, лежащихъ по полямъ и дорогѣ. Это были тѣ, кто убѣжалъ раньше и кого газъ нагналъ въ пути.

Наступалъ разсвѣтъ. Все колебалось въ мутныхъ желто-зеленыхъ волнахъ газа, заполнившаго всѣ впадины и лощины и лежавшаго въ нихъ. Тамъ, гдѣ стояли кухни, лежали мертвыя лошади, мертвые кашевары, и уныло догорали топки брошенныхъ котловъ.

Мосты на рѣкѣ были сломаны. Снѣгъ на льду былъ до середины рѣки покрытъ желтымъ налетомъ. Дальше газъ не пошелъ — сырость рѣки его съѣла, онъ растворился.

Люди въ противогазахъ толпились, не смѣя стать на ледъ.

— Чего стали! — раздались глухіе, изъ противогазовъ, голоса. — Все одно погибать! Вали на ледъ!

Мальчикъ-прапорщикъ сталъ на ледъ и легко перебѣжалъ на ту сторону.

— Вали! Вали! держитъ... — И толпа солдатъ кинулась на ледъ. Но онъ не выдержалъ, осѣлъ, затрещалъ и люди стали проваливаться въ темную, дымящуюся воду. Было неглубоко, вода доходила едва до пояса, но идти дальше было нельзя.

— На мостъ, на большой мостъ! Товарищи, на мостъ! — раздались голоса.

Не думая о непріятелѣ, солдаты кинулись вверхъ по рѣкѣ къ большому мосту, который еще былъ цѣлъ.

Въ это время въ окопы входила жидкая цѣпь германскихъ развѣдчиковъ. Люди въ сѣрыхъ шинеляхъ и низкихъ металлическихъ каскахъ, откуда странно глядѣли темные, точно лица демоновъ, противогазы, держа ружья на перевѣсъ, разсыпались по укрѣпленію. Они открыли рѣдкій ружейный огонь по бѣгущимъ по берегу людямъ, и тѣмъ заставили ихъ еще торопливѣе бѣжать на мостъ.

Но мостъ былъ занятъ. Съ той стороны на него вливалась густая колонна людей въ противогазовыхъ маскахъ. Это шли 201-й и 209-й полки, наскоро собранные Саблинымъ. Саблинъ лично велъ ихъ въ контръ-атаку.

VII

Уже разсвѣло. Солнце свѣтило сзади, косыми лучами освѣщая песчаный холмъ, гдѣ были укрѣпленія Нѣмецкаго плацъ-д'арма. По скату холма колебались, словно брюхо ползущей призрачной змѣи, волны желто-зеленаго тумана. Сквозь очки противогаза мѣстность представлялась неестественной и непохожей на землю. Старая трава приникла подъ газомъ и потемнѣла. Въ межахъ лежали мертвые жаворонки, застигнутые газомъ. Весь скатъ холма, съ дорогой, спускавшейся отъ господскаго дома, былъ покрытъ мертвыми тѣлами. Лошади упали въ коляскѣ, на козлахъ сидѣлъ мертвый солдатъ, склонившись впередъ, и зеленое лицо его выражало муку и ужасъ. Внутри коляски, съ такими же зелеными лицами, сидѣли бригадный генералъ и полковникъ Пастуховъ. Въ свалившейся на бокъ бричкѣ, — видно лошадь въ предсмертной агоніи кинулась въ сторону, — сидѣли мертвые дѣлопроизводитель и казначей въ погонахъ гражданскихъ чиновниковъ. Утренній вѣтеръ трепалъ черной бородой на зеленомъ лицѣ казначея.

Все это было страшно своею непостижимостью. Поле боя не походило на поле боя. Казалось, не люди сражались тутъ съ людьми, но сама костлявая смерть съ косою прошла и свалила внезапно такъ много народа. Мертвецы были страшные, земля была страшная, и выходившіе на тотъ берегъ солдаты колебались.

— Первый баталіонъ поротно въ двѣ линіи вправо отъ дороги! — командовалъ Саблинъ, и голосъ его глухо раздался изъ противогаза.

Шинель его пожелтѣла отъ газа, а погоны стали тус-

клыми съ зеленымъ оттѣнкомъ и на нихъ чернымъ казался вышитый вензель Государя.

Саблинъ остановился, чтобы пропустить впередъ головную роту. Ее велъ Козловъ. Но, какъ только роты разошлись на интервалы, онѣ пошли тише.

Навстрѣчу бѣжали люди въ противогазахъ.

— Товарищи, — кричали они и голоса ихъ тускло звучали изъ резиновыхъ чехловъ масокъ, — назадъ, товарищи, все пропало! Его сила!

Козловъ и Ермоловъ шли впереди, и за ними, молча, шелъ Морочненскій полкъ. Первыя полуроты разсыпались въ цѣпь. Германскіе развѣдчики стали покидать окопы. Со стороны германцевъ показались густыя темныя цѣпи.

Саблинъ поднялся на холмъ и смотрѣлъ въ бинокль сквозь очки противогаза на поле боя. Морочненскій, а за нимъ и Павлиновскій полки были ближе къ окопамъ, чѣмъ германцы. Еще одно усиліе, и плацъ-д'армъ будетъ снова занятъ русскими войсками, а въ укрѣпленіяхъ они отсидятся. Наша артиллерія хотя и безпорядочно, — видно, не было настоящаго наблюдателя, — но поражала противника, и нѣмецкія цѣпи часто ложились.

Секунды казались вѣчностью.

Ермоловъ, шедшій впереди, то и дѣло приподнималъ противогазъ, и звонко и одушевленно кричалъ:

— Впередъ, братцы! впередъ! Наша взяла!

Надъ головами раздалось мѣрное жужжаніе нѣсколькихъ пропеллеровъ. Эскадрилья аэроплановъ съ черными крестами на крыльяхъ летѣла навстрѣчу бригадѣ Саблина. Глухо стали падать и взрывать бурымъ дымомъ бомбы: сверху затрещали пулеметы. Саблинъ приподнялъ противогазъ и крикнулъ:

— Не робѣть! Бѣгомъ впередъ въ окопы!

Ѣдкій, кислый запахъ заставилъ его поперхнуться и закрыть маску.

Солдаты пошли впередъ.

Но въ это время отъ Павлиновскаго полка отдѣлилась маленькая группа людей. Надъ нею былъ красный флагъ съ черной надписью. Иногда то одинъ, то другой изъ этой

группы останавливался и, приподнявъ противогазъ, звонко кричалъ:

— Назадъ! Назадъ! На мостъ! Спасайся, кто можетъ.

Цѣпи остановились. Бомба, брошенная съ аэроплана, разорвалась у резервной роты, и нѣсколько человѣкъ было убито.

Саблинъ выхватилъ револьверъ и кинулся къ бѣжавшимъ къ нему людямъ.

Передъ нимъ мелькнуло блѣдное лицо Осетрова, вдругъ сиявшаго маску и крикнувшаго:

— Арестовать генерала! Онъ продался нѣмцамъ! Онъ нѣмецкій шпіонъ!

Саблинъ остановился и прицѣлился въ Осетрова, но въ ту же минуту чьи-то грубыя сильныя руки схватили его сзади и толпа съ краснымъ флагомъ окружила его. Онъ по погонамъ и по голосамъ узналъ Гайдука, Шлоссберга, Икаева и Воронкова. Воронковъ держалъ красный флагъ съ надписью „Долой войну!“...

Саблина обступили, подхватили подъ руки и стремительно повлекли внизъ къ мосту.

Всѣ бросились за нимъ. На мосту образовалась давка. Аэропланы бросали бомбы.

— Чего на мостъ, валяй мимо! Мимо валяй! Ледъ-то, онъ выдержитъ! — ревѣлъ чей-то могучій басъ.

Люди сыпались на ледъ, одни перебѣгали по нему благополучно на ту сторону, другіе проваливались, бились среди льдинъ, тонули, третьи пробирались вбродъ, и надъ всею этою толпою, надъ всею этою сумятицей рѣяли аэропланы, бросали бомбы и трещали ихъ пулеметы. Аэропланы спускались такъ низко, что простымъ глазомъ было видно летчиковъ, но никто не стрѣлялъ по нимъ. Всѣ, задыхаясь въ маскахъ, толкаясь и ругаясь, бросая раненыхъ, бросая ружья, стремились, кто на мостъ, кто на ледъ.

По мосту въ густой толпѣ солдатъ вели подъ-руки арестованныхъ генерала Саблина, Давыдова, подполковника Козлова и подпоручика Ермолова. Съ генерала Саблі-

на погонъ сорвать не посмѣли, у Давыдова, Козлова и Ермолова погоны были сорваны.

За мостомъ снимали противогазы и шли поспѣшно, не оглядываясь, къ лѣсу, гдѣ надѣялись укрыться отъ нападеній аэроплановъ.

Бригада германской пѣхоты свободно входила въ покинутые окопы Лѣпицкаго плацъ-д'арма. Раздавались короткія команды и приказанія германскихъ офицеровъ, появлялись люди съ бочками на спинахъ и пульверизаторами въ рукахъ и выбивали газъ изъ окоповъ. Всѣ работали дружно и дѣловито, стаскивая отравленныхъ русскихъ, разбирая ружья и амуницію. Безъ всякихъ потерь, если не считать нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ артиллерійскимъ огнемъ — страшный плацъ-д'армъ, угроза Ковелю, былъ очищенъ, и нѣмцы готовили дивизіи для переброски на западный фронтъ.

Если бы они хотѣли, они могли бы идти далеко вглубь русской позиціи. N-скій армейскій корпусъ въ это время не существовалъ.

Въ штабѣ корпуса стремительно и молніеносно распоряжался Воронковъ. Онъ вызвалъ делегатовъ отъ полковъ корпуса для суда надъ генераломъ Саблинымъ и подполковникомъ Козловымъ, онъ отдалъ артиллеріи приказъ прекратить стрѣльбу и властнымъ тономъ разговаривалъ съ Пестрецовымъ.

Пестрецовъ не зналъ, что дѣлать. Послать ли казаковъ для ареста Воронкова и тѣхъ, кто съ нимъ заодно, или пойти на мировую? Онъ снесся съ фронтомъ. Изъ штаба фронта отвѣтили, чтобы онъ безъ нужды къ репрессіямъ не прибѣгалъ, Саблинъ самъ виноватъ, зачѣмъ не снялъ вензелей и арестовывалъ за красные флаги. Надо было пріять революцію и идти съ народомъ, а не противиться. При штабѣ фронта засѣдалъ фронтовой съѣздъ делегатовъ. Пестрецову дали понять, чтобы онъ уговорилъ Воронкова отправить Саблина въ штабъ фронта на съѣздъ. Съѣздъ настроенъ благожелательно и инцидентъ какъ-нибудь разрѣшится.

Пестрецовъ такъ и сдѣлалъ. Онъ уговорилъ Воронко-

ва отправить арестованныхъ генераловъ и офицеровъ въ штабъ фронта. и Воронковъ, боявшійся, чтобы ему не пришлось отвѣчать, согласился и снарядилъ прапорщика Гайдука съ конвойными для отправки Саблина. Давыдова. Козлова и Ермолова въ штабъ.

Корпусъ понемногу таялъ. Каждую ночь изъ каждой роты уходило по 5, по 10 человѣкъ. Уходили лучшіе, солидные солдаты. „Что жъ“, говорили они, — „теперь добра не жди. Солдатъ арестовалъ генерала. егорьевскаго кавалера, а начальство съ этимъ солдатомъ замѣсто того, чтобы разстрѣлять, разговоры разговариваетъ. Что же это будетъ?“

Чубатый, чудомъ спасшійся и убѣжавшій за рѣку, разсказалъ кое-кому изъ своихъ земляковъ свои соображенія насчетъ дѣлежа экономіи Оболенскихъ, и они рѣшили, семь человѣкъ, уйти до дома.

Они три дня скрывались лѣсами, шли опасливо, но когда добрались до тыла, то убѣдились, что скрываться было нечего. Всюду вѣмъ заправляли солдаты, вездѣ звучало ласковое слово „товарищъ“, дезертирами была полна Россія, и слово „дезертиръ“ звучало даже. какъ будто, гордо и почетно.

Чубатый съ пріятелями ѣхалъ къ Пензѣ въ первомъ классѣ и срѣзалъ бархатную обивку диванокъ на подарокъ женѣ.

— То-то обрадую!

Русская армія перестала существовать.

VIII

Въ Россійскомъ государствѣ шло демократическое строительство. Все то, въ чемъ обвиняли Государя Императора тѣ, кто взялся управлять за него, повторялось съ еще болѣе грубыми ошибками. Министры смѣнялись чуть не ежедневно. Верховнаго главнокомандующаго Николая Николаевича, замѣнившаго въ ставкѣ Государя, отправили на Кавказъ, а потомъ, по настоянію Совѣта сол-

датскихъ и рабочихъ депутатовъ, уволили отъ службы и разрѣшили ему переѣхать въ Крымъ. Его смѣнилъ генералъ Брусиловъ, понравившійся толпѣ своею демократичностью, но и онъ удержался не долго. Его замѣнили генераломъ Корниловымъ, на котораго смотрѣли, какъ на человѣка выдающихся воинскихъ талантовъ.

Петербургъ не успокаивался. Полицію послали на фронтъ, ее замѣнила милиція изъ обывателей. Митинги и демонстраціи не прекращались. Во всѣ дѣла управленія вмѣшивалась толпа и предъявляла свои требованія. Въ теплый и блѣдный апрѣльскій вечеръ вольноопредѣляющійся Линде роздалъ солдатамъ запаснаго батальона Финляндскаго полка по новенькой двадцатипятирублеркѣ и вывелъ ихъ на площадь Маріинскаго дворца, гдѣ засѣдало Временное Правительство. Къ Финляндскому полку, бывшему далеко не въ полномъ составѣ, присоединился 2-й Балтійскій экипажъ и еще какіе-то проходящіе солдаты. Они вскинули красные флаги съ обычнымъ „долой", и требовали удаленія Милюкова и Временнаго Правительства, передачи власти Совѣту и прекращенія войны. Временное Правительство пошло на компромиссы, и мягкаго и податливаго князя Львова смѣнилъ пылкій и коварный, на все готовый Александръ Ѳеодоровичъ Керенскій. Милюкова удалили.

Петербургъ бѣсновался. Дамы общества, вчера вѣрноподданныя Его Величества, бѣгали слушать и смотрѣть Керенскаго и засыпали его цвѣтами. Толпа почтительно смотрѣла, какъ madame Керенская на царскихъ лошадяхъ и съ царскимъ кучеромъ подъѣзжала къ самымъ дорогимъ магазинамъ, заказывала себѣ туалеты и покупала драгоцѣнное бѣлье. Газеты, захлебываясь въ холопскомъ усердіи, помѣщали громадныя фотографіи Керенскаго и моментальные снимки изъ его жизни во дворцѣ и на фронтѣ. На Керенскаго молились и видѣли въ немъ Россійскаго Наполеона. Мозги бѣдной, усталой отъ войны Россіи попятнулись и было похоже, что Россія сходила съ ума.

Но природа оставалась все та же, равнодушная, величественная, презрительная къ людскимъ волненіямъ.

Въ концѣ апрѣля стали благоухать по бульварамъ, скверамъ и садамъ тополя и выбросили клейкія почки, березки покрылись сережками и маленькимъ зеленымъ пухомъ и стали набухать вѣтки сирени. На улицахъ появились дѣвочки, продающія маленькіе букеты фіалокъ и сладко пахнущіе ландыши. Среди шума и грохота ломовыхъ подводъ, лязга желѣза, гула трамваевъ, пароходныхъ гудковъ и говора многолюдной толпы, появились гости полей и лѣсовъ — ранніе цвѣты печальнаго сѣвера, и петербуржца потянуло на дачу. Охая и кряхтя: — ломовая подвода на дачу, стоившая пять цѣлковыхъ, требовала пятьдесятъ, сто рублей, петербуржцы переселялись на дачу — и устраивались по-лѣтнему.

Въ маѣ мѣсяцѣ опушилась бѣлыми и лиловыми гроздьями густая сирень и хоть теперь ее безжалостно ломали, она цвѣла, пышная и ароматная. Мѣли подъ лучами солнца задумчивые пруды Царскаго Села, отражались въ нихъ минаретъ и куполъ купальни-мечети, Орловская колонна, и зеленыя ивы свѣшивали къ нимъ острые тонкіе листья. И ни притоптанная солдатами трава, ни запыленныя пылью отъ сѣмечекъ дорожки не могли испортить очарованія густой зелени, голубого неба, красиво размѣщенныхъ группъ деревьевъ и аллей изъ могучихъ липъ и меланхоличныхъ лиственницъ.

Такою же точною, размѣренною жизнью, какою жила природа, жила семья Полежаевыхъ, куда переѣхала Таня Саблина. Полежаевъ былъ богатымъ помѣщикомъ. На югѣ Россіи, въ привольи Таврическихъ степей, у него было большое имѣніе, дававшее ему возможность жить такъ, какъ онъ хотѣлъ. Полежаевъ очень недолго, всего три года, прослужилъ въ томъ же полку, гдѣ и Саблинъ, потомъ женился и сейчасъ же вышелъ въ отставку, отдавъ всего себя сначала женѣ, а потомъ дѣтямъ. У него ихъ было трое — Павелъ, которому шелъ въ это время двадцатый годъ, Николай, девятнадцати лѣтъ, и Ольга семнадцати. Вскорѣ послѣ родовъ Ольги, жена Полежаева умерла, и Полежаевъ остался одинъ. Онъ отдалъ мальчиковъ въ Пажескій корпусъ, а дочь, когда она подросла, въ Смольный институтъ.

а самъ уѣхалъ въ деревню, предоставивъ домъ старой теткѣ и англичанкѣ, воспитательницѣ Оли. Оля въ институтѣ сошлась и подружилась съ Таней Саблиной.

Молодое поколѣніе Русской интеллигенціи уже давно подготовлялось къ пріятію революціи. Свободное чтеніе, легкость сужденій о религіи, презрѣніе къ прошлому, отсутствіе патріотизма, отличали Русскія школы. Дѣти росли безъ твердыхъ устоевъ. Какъ оранжерейное растеніе, насильно выгнанное на жирномъ перегноѣ въ душной атмосферѣ парника, такъ эти дѣти, рано познавшія азартъ политическихъ споровъ и свободу любви, росли блѣдныя и нездоровыя, отметали старое, старались создать что-то такое, чего еще никогда никому не удавалось создавать. Поэзія, проза, живопись, архитектура, скульптура все получало больные образы, кричащія краски, изломанныя линіи. Красивый, звучный, образный языкъ Пушкина, Тургенева и Гончарова имъ казался пѣснымъ и скучнымъ. Они искали новыхъ словъ — и создавали ихъ, они искали новаго размѣра стиховъ и новыхъ рифмъ, они искали новыхъ красокъ. Многіе не выживали въ этихъ поискахъ и, разочарованные въ новомъ, безъ вѣры въ старое, уходили сами изъ жизни.

Революція сняла съ нихъ послѣднія сдержки, разрушила послѣдній мостикъ, соединявшій ихъ со старой Россіей.

Профессоръ Мануйловъ, въ угоду малограмотнымъ, прикрывая свое невѣжество научными изысканіями, отъ имени Временнаго Правительства, объявилъ о введеніи въ Россіи новаго упрощеннаго правописанія; на звучность и красоту Русскаго языка посягнула рука новаго Правительства. Ему ничего не было жаль изъ того, что связывало Россію съ ея прекраснымъ прошлымъ. Традиціи быта, религія, наконецъ, родное правописаніе все было уничтожено для того, чтобы обезличить Россію и уничтожить въ людяхъ національное чувство. Какой-то рокъ влекъ Россію къ интернаціоналу...

Но въ семьѣ Полежаевыхъ этого не было. Корпусъ и семья съ прочными старыми традиціями, лучшій инсти-

тутъ съ вѣковыми устоями полумонастырской жизни дали возможность Павлику. Никѣ и Олѣ вырасти въ обожаніи Россіи, преклоненіи передъ монархомъ, въ глубокой, доходящей до фанатизма вѣрѣ въ Бога, и въ дни всеобщаго шатанія эта молодежь ясно и твердо смотрѣла въ будущее и ни на минуту не теряла вѣры въ милосердіе Господа. Они искали въ толпѣ, проносящейся мимо, героевъ, вѣрили въ то, что эти герои будутъ, готовились сами стать этими героями. Они, друзья Тани Саблиной, обожали ея отца и намѣтили его въ герои, который спасетъ Государя. Когда будетъ спасенъ Государь, тогда будетъ спасена и Россія: въ это они вѣрили глубоко.

Государь отрекся. Это неважно. Оля и Таня, — онѣ особенно чутко все это переживали, — знали, при какихъ обстоятельствахъ онъ отрекся. Его заставили отречься, у него силою вынудили это отреченіе, и такое отреченіе недѣйствительно. Онѣ знали, что Государь жилъ, какъ узникъ, въ Александровскомъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ и, сами живя въ Царскомъ, онѣ мечтали, когда можно будетъ спасти его. Онѣ знали, что караулы по охранѣ его, несутъ стрѣлки и Ника, кончивший ускоренный выпускъ Пажескаго корпуса, вышелъ не въ кавалерію, какъ хотѣлъ, а въ пѣхоту и устроился въ Царскосельскіе стрѣлки. Павликъ былъ на фронтѣ и мечталъ сдѣлать то же самое. Въ семьѣ Полежаевыхъ создавался маленькій заговоръ для спасенія Государя.

Оля и Таня знали, какъ много приходилось терпѣть Царской семьѣ отъ грубости караульныхъ и отъ наглаго издѣвательства бездушныхъ, враждебно настроенныхъ людей, и онѣ страдали за нее.

Царская Россія была для нихъ все. Елка на Рождествѣ съ парафиновыми цвѣтными свѣчками, съ лакомствами и подарками, съ ожиданіемъ звѣзды, до которой нельзя ѣсть, съ морозною снѣжною зимою за окнами... Новый Годъ съ визитерами во фракахъ и мундирахъ съ эполетами, съ баломъ въ институтѣ, великій постъ съ говѣніемъ, со страхомъ идти на исповѣдь и грѣхами, записанными на бумажкѣ... Радость причащенія, весна съ ея Троицынымъ днемъ

и клейкими бѣлыми березками у изголовья кроватей, лѣто въ имѣніи съ безконечною степью, гдѣ посвистывая бѣгаютъ суслики и бродятъ стада барановъ, возвращеніе въ институтъ, радостная встрѣча съ подругами, чтенія подъ липою на берегу Невы, гдѣ пахнетъ сыростью, смолою и каменнымъ углемъ, и гдѣ протяжно гудятъ пароходы... Длинныя всенощныя съ краснымъ пѣніемъ институтскаго хора и трогательнымъ „величитъ душа моя Господа“, — радостныя обѣдни, гдѣ точно душа открывается, когда послѣ тихаго „Тѣло Христово пріимите“, вдругъ радостно и скоро скажетъ хоръ — „аллилуіа, аллилуіа“... — Это все была Россія!! Когда священникъ появлялся послѣдній разъ со святыми Дарами и говорилъ: „всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, слезы туманили глаза Оли и Тани, и, стоя на колѣняхъ и нагнувъ головы, онѣ повторяли, содрогаясь отъ внутренняго восторга: — „всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“!

Что всегда? что теперь и всегда? Что?

И радостно откликалось сердце: Россія!!!

Тѣ, кто рѣшилъ сокрушить и уничтожить Россію, знали, по какому мѣсту ее надо ударить. Они уничтожали ея старый бытъ, они уничтожали ея исторію, ея православную вѣру и Царя.

Но въ сердцахъ Павлика и Ники, Оли и Тани они не могли уничтожить ничего.

И никто изъ нихъ, посягнувшихъ на Россію, не зналъ сколько такихъ сердецъ, какъ у Павлика и Ники, у Оли и Тани бьется по всей могучей и великой Россіи!....

IX

Лѣтнее утро встало ясное съ голубымъ небомъ и радость обѣщающимъ солнцемъ. Но уже поднимались откуда-то снизу, вставали изъ-за лѣса и парковъ сѣдые туманы, ползли лиловыми тучами, закрывали даль и скупо свѣтило черезъ нихъ солнце. Надо было торопиться гулять, пока солнце свѣтило и отражалось огнемъ отъ блестящихъ

прудовъ, надо было торопиться гулять, пока они учились или спали по казармамъ. Они — хозяева Царскосельскаго парка. Когда, послѣ обѣда, выходили они гульливыми толпами и наполняли весь паркъ, становилось страшно ходить даже по людимъ дорожкамъ. Они никого не признавали. Про нихъ разсказывали что-то ужасное, чего дѣвушки не понимали и чего знать не могли, но о чемъ смутно догадывались, холодѣя мертвеннымъ холодомъ при одной мысли объ этомъ.

Они все могли. Они держали въ плѣну, подъ арестомъ самого Государя, чего же больше!

Оля и Таня, обѣ въ бѣлыхъ блузкахъ съ открытыми шейками и темныхъ короткихъ юбкахъ, вышли гулять съ миссъ Прокторъ, старой англичанкой, и веселой „Квикъ“ шотландской овчаркой, сходившей съ ума отъ запаха лѣта, отъ радости солнечнаго свѣта и возможности носиться взадъ и впередъ по дорожкамъ.

Таня выше ростомъ и крѣпче, чѣмъ Оля. У нея такіе же золотистые густые волосы, какъ были у Вѣры Константиновны, такіе же голубые глаза и нѣжный овалъ лица съ прекрасною прозрачною золотистою кожею. Черты лица у ней тонкія, губы чуть пухлыя, открытыя, носъ небольшой съ розовыми ноздрями. Оля брюнетка. Ея густые волосы не отросли еще послѣ тифа, бывшаго годъ тому назадъ, и завязаны на затылкѣ узломъ. Лицо чистое, бѣлое, съ тонкими черными бровями, откуда ясно и честно, прямо въ глаза каждому, смотрятъ глубокіе каріе глаза. Румянецъ во всю щеку говоритъ о ея прекрасномъ здоровьѣ.

Обѣ дѣвушки шли свободнымъ, быстрымъ шагомъ и песокъ хрустѣлъ подъ ихъ маленькими башмачками.

Таня несла въ рукѣ книжку англійскаго романа въ блѣдно-желтой обложкѣ.

Онѣ прошли мимо озера, вошли въ густую аллею громадныхъ липъ, уходящую въ даль и сѣли на скамейкѣ.

— Let us read,*) — сказала миссъ Прокторъ.

---

*) *Будемъ читать?*

— Directly, miss Proctor, we would like to chat*), — сказала Таня. — Оля, — обратилась она къ Полежаевой, — какъ ты думаешь, ему видны эти большія аллеи? Онъ можетъ по нимъ гулять?

Олѣ не нужно было говорить, о комъ такъ говорила Таня. Ихъ мысли были заняты только Государемъ и его семьею.

— Мнѣ папа разсказывалъ, — продолжала Таня, — что онъ такъ любилъ эти аллеи. Видитъ-ли онъ ихъ теперь? Онъ любилъ природу и красоту. Цвѣты его слабость. А есть у него цвѣты теперь?

— Ника намъ все разскажетъ. Онъ сегодня въ карауле и постарается все разузнать.

— Что ужасно, Оля, что кругомъ него люди чужіе ему, другого воспитанія. Этотъ Коровиченко... Онъ вовсе не полковникъ, а адвокатъ, онъ дурно воспитанъ и часто, даже не желая того, онъ оскорбляетъ Государя. Дѣлаютъ обыски. Съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ Правительства Керенскій, жизнь Государя стала ужасной.

— Они этого, Таня, не понимаютъ. Ника говорилъ, что солдаты настаиваютъ, чтобы онъ жилъ такъ же, какъ они, и питался такою пищею, какъ они. Его во всемъ урѣзываютъ и въ то же время не только солдаты, но и офицеры крадутъ, что попало, изъ вещей Государя и его семьи. И некому жаловаться!

— Государь никогда не станетъ жаловаться, — сказала Таня.

— Ахъ, Таня, я часто думаю, какъ хорошо было бы увезти его отсюда, отъ этихъ грубыхъ жестокихъ людей.

— Его, вѣдь, хотѣли увезти въ Англію. но онъ отказался покинуть Россію. „Народъ не предастъ меня“, сказалъ онъ, „и не сдѣлаетъ мнѣ ничего худого“.

— Какъ онъ вѣритъ въ народъ, и какъ свято любитъ Россію!!...

Квикъ покорно улегся на дорожкѣ у ногъ дѣвушекъ.

---

*) *Сейчасъ, миссъ, намъ хочется немного поболтать.*

Золотые кружки, какъ червонцы, разсыпались по песку аллей на темно-синихъ тѣняхъ отъ густой зелени деревьевъ.

— Я думаю, Таня, — проговорила Оля, мечтательно глядя вдаль. — Я думаю, не можетъ быть, чтобы всѣ Русскіе люди стали такими скверными. Есть же настоящіе честные люди, не забывшіе Бога. Я часто думаю, что гдѣ-нибудь, далеко, за Волгой, гдѣ растутъ дремучіе лѣса, есть старообрядческіе скиты. Никто про нихъ не знаетъ. Зарылись въ чащу лѣсную старцы и бѣлицы благочестивыя, усердіемъ людей старой вѣры построены у нихъ храмы громадные, обители крѣпкія и ведетъ туда только одна никому невѣдомая тропинка черезъ болота топкія. Вотъ куда хотѣла бы я спрятать ихъ. Пусть окружаетъ ихъ благочестіе, привѣтъ и ласка христіанской любви. Тамъ росъ бы въ истинной вѣрѣ и учился наслѣдникъ, тамъ спокойно воспитывались бы великія княжны и Государю было бы хорошо отдохнуть отъ трудовъ среди любимой имъ природы. А когда настанетъ время и образумится Русскій народъ, онъ явился бы снова.

— Но есть ли такіе скиты, про которые никто не знаетъ? Вѣдь если узнаетъ кто-нибудь, то выдадутъ комиссару, и тогда эти люди... убьютъ Государя...

Губы Тани задрожали. Слезы показались на ея глазахъ.

— Ты знаешь, солдаты уже грозили убить его. Къ коменданту дворца являлся какой-то неизвѣстный, одѣтый въ форму полковника. Онъ показалъ коменданту приказъ, подписанный Чхеидзе, отъ имени Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, съ требованіемъ перевезти Государя и семью въ Петропавловскую крѣпость. Подумай, какой ужасъ!

Въ тепломъ воздухѣ пахло цвѣтами и мощной зеленью парка. Становилось жарко.

— Какое теплое лѣто, — сказала Оля. — И какъ это тоже ужасно! Ты знаешь, императрица не выноситъ жары, у нея дѣлаются сердечные припадки. Государь просилъ повѣсить жалюзи. Керенскій ему отказалъ, а самъ живетъ

во дворцѣ, спитъ на кровати императора Александра III и носитъ бѣлье Государя.

— Зазнавшійся хамъ!..

— Мнѣ разсказывали, что солдаты на глазахъ дѣтей стрѣляютъ ручныхъ козочекъ въ паркѣ, пишутъ всякія гадости на скамейкахъ, куда садятся великія княжны, и подкладываютъ императрицѣ всѣ тѣ грязные листки, что печатаютъ про нее и про Распутина.

— Какая мерзость!

— У наслѣдника была любимая игрушка — маленькое солдатское ружье. Изъ него и стрѣлять нельзя. Это была модель, къ ней патроновъ не было. Онъ какъ-то принесъ это ружье показать солдату, его приласкавшему. Солдатъ отнялъ у него ружье и унесъ.

— Ужасъ! Какою болью звучатъ, Оля, твои слова — „приласкавшему наслѣдника солдату“... А что же временное правительство?

— Правительство... Таня... недавно Гучковъ пріѣзжалъ въ сопровожденіи своихъ революціонныхъ офицеровъ во дворецъ. Въ коридорѣ одинъ изъ офицеровъ, говорятъ, пьяный, увидѣлъ стоящихъ на лѣстницѣ дворцовыхъ служителей и сталъ кричать на нихъ: „вы,—наши враги, мы—ваши враги. Вы здѣсь всѣ продажные“. Лакей отвѣтилъ ему: — „вы бы, ваше благородіе, лучше молчали. Мы Государя не продавали и служимъ ему, а вы кому продались?“ Гучковъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ничего. Да онъ боялся своихъ офицеровъ!

— Оля, надо что-нибудь сдѣлать.

— Таня, я думала объ этомъ. Ты знаешь, Ника тебя безумно любитъ. Скажи ему.

Таня покраснѣла.

— Я думаю, — тихо сказала она, — мнѣ и говорить ему не нужно. Онъ самъ знаетъ, что надо дѣлать.

— Ахъ, только поскорѣе бы. Не убили бы они его раньше?

— Какой ужасъ! И подумать, что это мы, Русскія дѣвушки, въ Россіи, говоримъ о своемъ Русскомъ Государѣ.

— Ужасъ! Смотри, Таня, вотъ это идетъ тоже Русскій офицеръ!

— А красивъ. Красивъ, какъ разбойникъ. Вотъ я такимъ воображала себѣ Стеньку Разина.

— И это гвардейскій офицеръ!

— А эта съ нимъ?.. Навѣрно паршивка какая-нибудь. Какъ разрядилась! Жара, лѣто, а на ней высокіе сапоги и соболье боа.

— Украли гдѣ-нибудь при обыскѣ.

— Идутъ сюда. Ну, намъ надо уходить.

Миссъ Прокторъ заволновалась, увидавъ подходившую къ скамейкѣ пару, и стала собирать разложенную ею работу.

— I think girls we had better go*), — сказала она.

Но не успѣли дѣвушки подняться, какъ пара была уже у скамейки и офицеръ развалился подлѣ Тани. Квикъ зевалъ и заворчалъ, поднявъ шерсть. Оля и Таня быстро пошли отъ скамейки.

— Буржуйки! — услышали онѣ вслѣдъ насмѣшливый возгласъ. Спутница офицера приставила золотой лорнетъ и смотрѣла на нихъ.

X

Эта пара были Осетровъ и Дженни. Изъ-за заломленной на затылокъ смятой фуражки задорно выбивался на бѣлый лобъ Осетрова черный чубъ. Широкая Русская рубаха защитнаго цвѣта была разстегнута и обнажала могучую, воловью шею и бѣлую грудь, гдѣ висѣлъ на тонкой золотой цѣпочкѣ дорогой кулонъ съ краснымъ, какъ капля крови, гранатомъ. Шаровары были заправлены въ высокіе, желтой кожи, сапоги. Шашки не было, и сбоку висѣлъ большой тяжелый Маузеръ въ деревянномъ чехлѣ.

Осетровъ дѣйствительно былъ въ гвардіи. Въ виду убыли офицеровъ въ гвардейскихъ полкахъ, во время по-

---

*) *Я думаю, миссъ, намъ лучше уйти!*

слѣдняго наступленія, Осетровъ, по приказу свыше, былъ переведенъ въ гвардейскій запасный полкъ, куда правительство подбирало революціонныхъ офицеровъ, не склонныхъ къ возвращенію „стараго режима“.

Дженни въ вычурной пилянѣ, бывшей до войны Парижской моделью и принадлежавшей извѣстной артисткѣ, но теперь не модной и не соотвѣтствовавшей платью, въ богатомъ боа изъ темнаго соболя, была ужасна. Ни пудра, ни румяна не могли скрыть зеленовато-бѣлаго цвѣта лица, и особенно шеи и груди, которыхъ даже солнце не могло тронуть загаромъ. Она была бѣла, какъ трупъ. И только глаза, яркіе, живые, ненормально горящіе, говорили о томъ, что жизнь еще кипитъ въ ней искусственно возбуждаемой страстью.

Осетровъ вынулъ изъ кармана золотой портсигаръ съ брильянтовымъ вензелемъ и, доставъ толстую папиросу, закурилъ.

— Что же, Дженька, совсѣмъ бросила Шлоссберга? — спросилъ онъ, прищуривая ясные наглые глаза и насмѣшливо глядя на Дженни.

— Ну его! — сказала Дженни хрипымъ усталымъ голосомъ. — Склизкій какой-то, соплякъ совсѣмъ. Я мужчинъ люблю, чтобы на мужчину былъ похожъ. Къ сердцу прижметъ, чтобы духъ вонъ.

— Сознайся, твой идеалъ — матросъ Дыбенко.

— А что-жъ, и не скрою. Ладный парень. Такого полюбить — отдать все можно. Богатырь волжскій. Ну, да и ты хоть куда. Съ тобой почку проведешь, потомъ весь день шатаешься, какъ хворая.

— То-то!

— А ты меня любишь?

Осетровъ скосилъ свои глаза. Презрительная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Ты, Дженька, на меня не обижайся. Я такъ тебѣ скажу. Я никого не люблю. Я всѣхъ ненавижу. Во мнѣ теперь такая ненависть кипитъ, такъ мнѣ все уничтожить хочется... Да что уничтожить!.. Мало! Загадить, заплевать, оскорбить, вотъ чего мнѣ надоть теперь. Гляжу я

на небо. Синее, облака золотыя по нему ползутъ, а я думаю — какъ бы это доплюнуть до него, кажется такъ бы все его и заплевалъ, чтобы и синевы этой не осталось. Да...

— Ты и меня ненавидишь?

— Тебя? Какъ тебѣ сказать? Нужна ты мнѣ сейчасъ. Какъ болячка нужна. Вѣдь, нишь ты какая! Все превзошла и нѣтъ въ тебѣ страха ни къ чему. И ночью ты нужна мнѣ. Не укрѣпился я еще достаточно. Вотъ, какъ капитана Сиверсова на Морской убилъ на глазахъ его жены и ребенка, съ той поры покой по ночамъ потерялъ. Все мерещится онъ мнѣ. Потомъ, какъ громили мы домъ на Каменноостровскомъ, я штыкомъ полоснулъ городового, а кровь мнѣ на шею. Ну, ночь настанетъ — жутко. Неужто, думаю, Богъ есть? Муки совѣсти? Такъ нѣтъ, не совѣсть, а такъ, точно страхъ. А съ тобой мнѣ не страшно. Всю то ночь ты, Дженька, возишься да страстью своею мучаешь, ну и забудешь. А днемъ я такъ думаю — откопалъ бы ихъ обоихъ, да по всему свѣту раскидалъ бы по кускамъ, чтобы не мучили. Вчера, подъ утро, заснулъ я, пьяный, у тебя и вижу сонъ. Будто приходитъ ко мнѣ Зорька и говоритъ: „не ладно вы закопали на Марсовомъ полѣ жертвы революціи. Близко очень. Ночью они возятся, грызутъ другъ друга“, и такъ это отчетливо, такъ ясно. И знаешь посмотрѣть захотѣлось, раскопать. Что какъ грызутся? а? Упокойники-то?

— Что тебѣ Зорька снится? Забыть не можешь?

Осетровъ нахмурился.

— Что-жъ, Дженька. Не скрою, любилъ дѣвчонку. Самъ бы бросилъ и ничего. А то меня злоба взяла, что, не спросясь, разлучили насъ и знаю кто. Генералъ Саблинъ. Запряталъ нивѣсть куда. Ну, да найду!

— Найдешь, что сдѣлаешь?

— Не знаю. Можетъ, убью.

— Значитъ — любишь?

— Не знаю. Не любилъ бы, такъ Гайдука видѣть бы могъ, не ревновалъ бы. А то ревность какая-то.

— Да вѣдь самъ предложилъ.

— Самъ. По-товарищески. Думалъ, очень просто.

Все общее и она, полюбовница, тоже пополамъ. А на поверку вышло — не могу.

— Плохой ты коммунистъ.

— Погоди. И это явится. Не сразу, не вдругъ. У меня такая мысль — что обладаніе женщиной и убійство все одно. Вотъ я и думаю, хорошо бы такъ, взять дѣвушку невинную совсѣмъ, которая ничего бы не знала, или хотя дѣвочку махонькую, натѣшиться надъ ею, а потомъ убить. Вотъ это ощущеніе!

— Ты садистъ, Миша.

— Не понимаю я этого. Худое что?

— Нѣтъ. Потому ты мнѣ и пріятенъ, что у тебя возможности большія.

— Большія говоришь?... Такъ... А какъ думаешь, Наполеономъ я могъ бы стать? Я такъ понимаю. Нашъ народъ не французскій. Нашъ народъ смѣлостью надо взять, озорствомъ. Тогда онъ твой, — рабомъ станетъ. Я такъ понимаю, есть къ примѣру у насъ чудотворныя иконы, ну Казанская, что-ль. И народа уйма при ней. Старики, старухи, женщины, дѣти, купцы богатые, такъ мужичье, и все на колѣняхъ. „Владычице спаси!“ И вотъ придти и самую что ни на есть гнусную пакость сдѣлать, чтобы самому срамно стало, а и томъ и посмотрѣть. Я такъ думаю: — для народа я послѣ того святѣе иконы стану. Потому святѣе, что сильнѣе. Или тамъ взять мощи какія-нибудь, Серафима Саровскаго что-ль, и развернуть и надругаться — вотъ тогда Наполеономъ станешь. Нашъ народъ рабъ. Ему сила нужна, палка. Царское правительство тряпкой оказалось, вотъ и стянуло. Смертной казни испугалось. Нѣтъ, я бы такъ! Вы бунтовать! Да? Пришелъ бы одинъ, съ пулеметомъ. Становись на колѣни, подлецы! — Вѣдь, стали бы!... А!... И съ пулемета ихъ всѣхъ уложилъ бы... Можетъ быть я черезъ то и ненавижу такъ русскій народъ, что уже больно презираю.

— Откуда, Миша, у тебя мысли такія?

— Изъ головы...

Осетровъ помолчалъ немного.

— Ну тоже и не все изъ головы. Подружилгя я въ со-

вѣтѣ съ Коржиковымъ солдатомъ. Вотъ этотъ все можетъ. Я такъ полагаю — вотъ кто Наполеономъ Россійскимъ станетъ, потому что у него ничего святого. А нашъ народъ, какъ я понимаю, — ему либо явись святымъ, либо наплюй на все. Середины онъ не пойметъ.

Осетровъ бросилъ папироску и сказалъ:

— Ну, пойдемъ, Дженька, поѣдимъ да попьемъ. И онъ запѣлъ на весь паркъ:

Эхъ жилъ бы, да былъ-бы
Пилъ-бы, да пилъ-бы
Не работалъ никогда.
Жралъ бы, игралъ бы
Былъ бы веселъ завсегда!

XI

Павликъ Полежаевъ неожиданно пріѣхалъ съ фронта. На разспросы о томъ, что дѣлается, только рукою махнулъ.

Вечеромъ вся молодежь — Павликъ, Ника, Оля и Таня Саблина собрались вмѣстѣ.

Ника, вернувшійся изъ караула, разсказывалъ о томъ, что онъ видѣлъ во дворцѣ. Онъ былъ смущенъ.

Они сидѣли на небольшомъ стеклянномъ балконѣ, убранномъ пальмами и цвѣтами. Это было любимое мѣсто ихъ тайныхъ разговоровъ, такихъ, какіе не должны слушать посторонніе уши.

— Поговорить съ Государемъ, или съ кѣмъ-нибудь изъ его семьи не удалось, — разсказывалъ Ника. — Это невозможно. Солдаты ни на минуту не оставляютъ ихъ однихъ. Они сядутъ на скамейку — и кто-нибудь изъ солдатъ подсаживается къ нимъ, закуриваетъ, заговариваетъ, или между собою начинаютъ говорить разныя гадости и смѣяться.

— Какая пытка! — нервно пожимаясь, сказала Таня.

— Весь мой караулъ прошелъ въ томъ, что я сгонялъ ихъ.

— Какъ же ты ихъ сгонялъ? — спросилъ Павликъ.

— Ахъ, трудно было. — „Товарищъ“, говорю, „оставьте, это нехорошо, что вы дѣлаете. Вы показываете вашу несознательность“.

— И дѣйствовало?

— На иныхъ дѣйствовало, на другихъ нѣтъ. Все-таки есть и такіе, что совѣсть имѣютъ. Мнѣ Мельниковъ, моего взвода, обѣщалъ достать обратно Наслѣднику его ружьецо. — „Жаль“, говоритъ, „мальчонку, такъ убивается!“

— Это онъ про Наслѣдника? — ежась плечами вскрикнула Оля.

— Да... Ахъ, Оля, они ужасно говорятъ и поступаютъ. Они не только не отдаютъ чести, но, если Государь самъ, по развѣ нынѣ, первый прикладится къ козырьку, они не отвѣчаютъ, отворачиваются и смѣются. Если бы не студенты, которые есть между солдатами, я не знаю до чего бы дошло. У меня при смѣнѣ большой скандалъ вышелъ. Я смѣнялъ прапорщика Гайдука. Это новый офицеръ, присланный изъ арміи для насажденія демократическихъ понятій. Хамъ ужасный. Латышъ, — мужикъ. При завтракѣ Государя офицеры — заступающій въ караулъ и уходящій — обыкновенно привѣтствовали Государя, и Государь подавалъ имъ руку. Такъ было и теперь. Гайдукъ и я, мы взяли подъ козырекъ. Государь подошелъ къ Гайдуку и ласково протянулъ ему руку. Гайдукъ отступилъ театрально шагъ назадъ и не принялъ руки Государя. Ахъ, Оля, нужно было видѣть прекрасное лицо Государя при этомъ. Какая скорбь была на немъ! Государь подошелъ къ Гайдуку, взялъ его за плечи и, глядя своими прекрасными глазами въ лицо Гайдука, сказалъ ему:

— Голубчикъ, за что же?

Гайдукъ опять отступилъ назадъ и отвѣтилъ:

— Я изъ народа. Когда народъ протягивалъ вамъ руку — вы не приняли ее. Теперь я не подамъ вамъ руки!...

И вышелъ. Я пошелъ за нимъ. — „Милостивый государь“, сказалъ я ему — „вы негодяй и хамъ!“ Онъ остано-

вился и спокойно посмотрѣлъ на меня. Никогда, никогда я не забуду этого взгляда! Такой онъ тяжелый. Будто онъ не видѣлъ меня, смотрѣлъ на пустое мѣсто. — „Меня этимъ, товарищъ, оскорбить нельзя“, сказалъ онъ. „Лучше оставьте. Если я плюну въ вашу физіономію — вы умрете отъ оскорбленія, а если вы мнѣ плюнете, я только оботрусь. Совѣтую не состязаться. Силы неравны“. — И ушелъ къ своимъ солдатамъ. Хорошъ гусь!...

На балконѣ стлался сумракъ лѣтней петербургской ночи, сильно пахли геліотропы и резеда, стоявшіе внизу подъ большихъ блѣдно-розовыхъ гортензій, и развалившись подъ ними лежалъ мохнатый Квикъ, поглядывая однимъ чернымъ прищуреннымъ глазомъ на Нику.

— Ника, — тихо сказала Таня и голубые глаза ея устремились на молодого человѣка. — Ника, я здѣсь одна — чужая. Не Полежаева. Ника, я знаю, что вы меня, моего отца и покойнаго брата очень любите. Давайте, господа, руки! Вотъ такъ! Оля, давай твою мнѣ и Павлику, Павликъ Никѣ, Ника дайте вашу мнѣ: — Heil*) Да будетъ свято! Спасемъ его! Я не знаю, какъ, но спасемъ!

Они встали, взволнованные всѣмъ происшедшимъ. Точно клятва связала ихъ свято и нерушимо.

— Оля, — сказала Таня, — разскажи всѣмъ то, что ты говорила утромъ о старообрядческомъ скитѣ.

Оля разсказала и опять никто ничего не сказалъ. Ника смотрѣлъ на Таню, не спуская съ нея глазъ. Таня была его давнишняя любовь. Онъ полюбилъ ее тогда, когда на дѣтскомъ спектаклѣ десятилѣтнимъ маркизомъ онъ танцовалъ менуэтъ съ девятилѣтней маркизой. — Съ тѣхъ поръ его сердце свято хранило любовь къ маленькой грацiозной дѣвушкѣ. Эта любовь крѣпла въ немъ и измѣнялась. Изъ нѣжнаго дѣтскаго чувства она стала сильной, все преодолѣвающей, первой любовью.

— У меня есть планъ, — сказалъ онъ. — Я спасу Государя. Но до поры до времени никто не долженъ про него знать. Павликъ, ты мнѣ поможешь?

---

*) *Клянусь!*

Павликъ нагнулъ голову.

— Вы намъ не скажете? — спросила братьевъ Оля.

— Сейчасъ — нѣтъ. Онъ и мнѣ еще не ясенъ, а потомъ... Отъ васъ у меня секрета нѣтъ. Тѣмъ болѣе, Оля, что этотъ планъ навѣянъ мнѣ твоимъ разсказомъ. Я поѣду сейчасъ въ Петроградъ и кое-что подготовлю.

Таня пошла провожать его.

— Ника! — сказала она. — Да хранитъ васъ Господь. Всѣмъ святымъ заклинаю васъ — спасите его!

Ника опустилъ голову. Лицо его покраснѣло. Маленькая еще дѣтская ручка обвила его за шею и мягкія чистыя уста трепетно прикоснулись къ его лбу.

— Спасите Россію, — сказала Таня и побѣжала въ свою комнату.

Ника, открывъ дверь, вышелъ на шоссе и исчезъ въ густой тѣни развѣсистыхъ деревьевъ.

XII

Ника былъ офицеромъ новаго поколѣнія. Въ полкъ онъ вышелъ послѣ революціи, тогда, когда всѣ свободы были объявлены и была опубликована хартія вольностей солдата, приказъ № 1. Ника не служилъ подъ двуглавымъ орломъ и не былъ „ваше благородіе“. Онъ былъ „господинъ прапорщикъ“, а чаще „товарищъ“ или „Николай Николаевичъ“. Онъ это сразу воспринялъ и его это не коробило. Онъ искренно любилъ народъ, вѣрилъ въ него и потому ему легко доста:ось то, чего такъ добивался въ молодые годы Саблинъ, — онъ сошелся съ солдатами. Онъ воспринялъ новую товарищескую дисциплину, и его не смущало, что въ караулѣ или на работахъ всѣмъ баталіономъ, когда приходило время обѣдать и пріѣзжала походная кухня, ему нужно было становиться съ котелкомъ въ очередь съ солдатами, а не получать первому, или, тѣмъ болѣе, ѣсть особую пищу. Это униженіе, это уравненіе его съ солдатами возвышало его въ собственныхъ глазахъ. Солдаты, особенно молодежь, ему нравились своимъ грубова-

тымъ юморомъ и въ нихъ онъ видѣлъ веселыхъ дѣтей. Ихъ, казалось ему, можно воспитать. Ему скоро удалось отучить солдатъ грубо и презрительно называть Государя, онъ разбудилъ въ нихъ чувство жалости къ нему и сознанія своей вины передъ нимъ. Онъ достигъ бы и большаго, если бы былъ не одинъ въ этой работѣ. Но онъ былъ одинокъ. Царекосельскій совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, или, какъ его сокращенно называли „совдепъ“, прислалъ въ полкъ много своихъ офицеровъ, снабжавшихъ солдатъ брошюрами и книжками, рисующими Государя отталкивающими чертами. Они раздавали карикатуры на Царскую Семью и всячески возбуждали противъ нея солдатъ. Ника скоро понялъ, что то, что дѣлаютъ солдаты, исходитъ не отъ нихъ, а отъ того пришлаго элемента въ офицерской формѣ, который руководитъ ими и толкаетъ на грубыя выходки. Особенно работалъ въ этомъ направленіи Гайдукъ.

Ника отмѣтилъ въ эти дни наблюденій надъ солдатомъ черту солдатскаго характера: легковѣріе и отзывчивость ко всякимъ слухамъ. Чѣмъ нелѣпѣе, необычайнѣе былъ слухъ — тѣмъ легче ему вѣрили солдаты. Какъ то во дворцѣ, гдѣ по распоряженію коменданта были сняты гардины и шторы, великія княжны вечеромъ занимались рукодѣліемъ. Одна изъ нихъ, размѣчая работу, то нагибалась, то выпрямлялась, заслоняя лампу. Кто-то изъ солдатъ замѣтилъ это и сказалъ, что изъ дворца сигнализируютъ. Кому, зачѣмъ, какъ могли сигнализировать великія княжны, этимъ вопросомъ солдаты не задавались. Они кинулись толпою во дворецъ и перепуганнымъ княжнамъ и караульному офицеру стоило большого труда доказать, что никакой сигнализаціи не было.

Солдаты были подозрительны. Ника не могъ понять ихъ — не то имъ хотѣлось, чтобы Государя убили, не то хотѣлось, чтобы опять все было по старому, но „только, чтобы кончилась вся эта канитель“. Ника скоро увидалъ, что солдатъ Временное Правительство никакъ не удовлетворяло. Оно дало много свободъ, но не дало главной свободы — отъ войны, не отпустило ихъ домой, не дало мира.

Если бы Государь, навѣрно далъ бы имъ миръ — они посадили бы его на престолъ, но про него говорили и писали, что онъ измѣнникъ, что онъ хотѣлъ заключить какой-то сепаратный миръ и отъ этого Россіи была бы гибель. Говорили, что Государь хочетъ вернуть крѣпостное право и снова отдать крестьянъ помѣщикамъ — и этому вѣрили, но существующимъ порядкомъ тоже никакъ не были довольны и ждали Учредительнаго Собранія. Оно, молъ, дастъ настоящую власть и устроитъ такъ, что крестьянамъ и солдатамъ будетъ хорошо.

Столичная жизнь съ ея развлеченіями, кинематографами, женщинами, картами и виномъ развратила солдатъ. Унтеръ-офицеры потеряли свой авторитетъ и ихъ вытѣснили солдаты изъ петроградской молодежи, хулиганы, карманные воришки, рабочіе, умѣвшіе ловить рыбу въ мутной водѣ, отлично знавшіе Петроградъ со всѣми его притонами и злачными мѣстами и готовые на всякое озорство. Въ ихъ разбойничьей удали, въ ихъ смѣлыхъ ухваткахъ Ника находилъ свою прелесть и сумѣлъ своею ловкостью, молодечествомъ и тѣмъ, что за словомъ въ карманъ не лазилъ, стать среди нихъ своего рода атаманомъ. Онъ соревновалъ въ этомъ съ Гайдукомъ и часто, не безъ внутренняго удовольствія, чувствовалъ свое надъ нимъ превосходство.

Съ этими парнями онъ часто пѣлъ разбойничью пѣсню:

Ахъ тучки, тучки понависли
И съ поля пали туманъ,
Скажи, о чемъ задумалъ,
Скажи, нашъ Атаманъ.

Ника чувствовалъ, что онъ атаманъ этихъ людей и что можетъ придти день и часъ, когда они пойдутъ за нимъ и на хорошее.

Жизнь стала непохожа на жизнь. Точно полный приключеній и кровавыхъ сценъ бульварный романъ разыгрывался передъ нимъ. Заговоры, выборное начало въ полкахъ, таинственные „совдены“, куда во всѣ трудныя минуты бѣгаютъ солдаты, обиліе у солдатъ какихъ то темныхъ де-

негъ, азартная игра въ карты, въ которой принимаютъ участіе и офицеры, подобные Гайдуку, золотыя вещи у солдатъ, кольца, камни, веселыя разряженныя дѣвицы, свободно ходящія въ казармы, одѣтыя по господски, но съ ухватками горничныхъ и портнихъ, наконецъ, самая марсельеза, то и дѣло разыгрываемая оркестромъ, или распѣваемая солдатами и гостями — все создавало повышенную обстановку, создавало революціонный настрой. Ника не сочувствовалъ революціи, онъ ненавидѣлъ ее, видѣлъ въ ней бунтъ, а въ солдатахъ взбунтовавшихся рабовъ, но онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы не мечтать, не увлекаться тѣми громадными возможностями, что давала революція молодымъ и предпріимчивымъ.

Ника рѣшилъ спасти Государя.

Онъ думалъ использовать для этого свое вліяніе на солдатъ, ихъ способность къ озорству и ихъ легковѣріе. Планъ у него былъ давно готовъ. Онъ не зналъ только одного, куда везти Государя? Везти заграницу, къ союзникамъ? Но отношеніе союзниковъ къ революціи, ихъ заигрываніе передъ революціонными героями, присутствіе на похоронахъ „жертвъ революціи“ и рѣчи ими произнесенныя, все это показало Никѣ, что тамъ Государь не найдетъ спокойнаго убѣжища. Онъ ломалъ голову, куда отправить Государя. Въ Абиссинію, къ негусу, царю Эфіопіи? Къ королю Сіама, гдѣ были принцы Чокрабонъ и Най-нумъ, воспитанные въ Россіи? въ Китай, Японію? Все это было такъ сложно и трудно во время войны.

Мечты Оли, ея разсказъ о старообрядческихъ скитахъ, о вѣрныхъ завѣтамъ старины русскихъ людяхъ ему показались осуществимыми и онъ рѣшилъ ихъ выполнить.

Какъ? Подробности его не занимали. Подробности онъ выработаетъ съ тѣми, кто ему долженъ помочь. Главнымъ помощникомъ своимъ онъ намѣтилъ стараго шоффера генерала Саблина, Петрова.

Къ нему и помчался тѣмъ же вечеромъ Ника.

XIII

Петровъ принадлежалъ къ тому типу привязчивыхъ русскихъ людей, кто, разъ полюбивъ, не измѣняетъ никогда. Петровъ былъ русскій человѣкъ, глубоко вѣрующій, любящій обряды православной церкви и жившій солидно, умѣренно, по старинѣ. Онъ былъ рабочимъ на механическомъ заводѣ, онъ былъ изъ крестьянъ, простой человѣкъ и это давало ему право свободы слова, какой въ эти дни была лишена интеллигенція. Человѣкъ въ хорошемъ платьѣ — буржуй, могъ только восхищаться передъ революціей, преклоняться передъ ея вождями, печатать портреты убійцъ въ родѣ Кирпичникова, рядового Волынскаго полка, убившаго своего ротнаго командира. Генераламъ, даже съ такимъ характеромъ, какъ у Корнилова, приходилось награждать въ угоду толпѣ Кирпичникова и ему подобныхъ георгіевскими крестами и говорить соотвѣтствующія рѣчи: — иначе тюрьма, крѣпость, можетъ быть, — смерть. Тутъ былъ не только шкурный вопросъ, но и надежда путемъ угожденія толпѣ направить революцію на иной путь.

Петровъ, въ самой возбужденной толпѣ, спокойно сжималъ свои мозолистые кулаки и говорилъ вождямъ: — „воришки вы и жулики! Хорошъ или плохъ былъ государь, — онъ былъ Государь — а теперешніе господа — просто измѣнники и шантрапа“ и, самоувѣренно расталкивая толпу, уходилъ.

Ему кричали въ спину: — „провокаторъ“! Онъ останавливался, грозно окидывалъ толпу смѣлымъ взглядомъ и говорилъ: — „кто сказалъ?.. Выходи!... Я тебѣ, сукину сыну, покажу какой я провокаторъ!“

Никто не выходилъ.

Настоящій буржуй въ эти дни боялся одѣться богато, выйти въ дорогой шубѣ, Петровъ ходилъ въ прекрасномъ мѣховомъ пальто и зналъ, что его, шоффера Петрова, никто не посмѣетъ тронуть.

Послѣ ареста генерала Саблина солдатами Морочненскаго полка, Петровъ, сыгравшій значительную роль въ

освобожденіи Саблина, долженъ былъ уѣхать съ фронта. Онъ, везшій всѣхъ арестованныхъ съ прапорщикомъ Гайдукомъ и конвоирами въ армейскій съѣздъ, вмѣсто съѣзда подкатилъ ихъ къ помѣщенію штаба фронта, гдѣ быстро вызвалъ дежурнаго генерала и во мгновеніе ока роли перемѣнились. Саблинъ, Козловъ и Ермоловъ были освобождены, а Гайдукъ и солдаты арестованы. Имъ грозилъ полевой судъ, но за нихъ вступился мѣстный совдепъ и ихъ отпустили на всѣ четыре стороны, окрестивъ все дѣло именемъ неизбѣжнаго „революціоннаго эксцесса".

Петрову стало небезопасно оставаться на фронтѣ и Саблинъ предложилъ ему съ женою поселиться на его петербургской квартирѣ, занявъ комнаты мисъ Проктеръ.

Ника все это зналъ.

Въ девятомъ часу вечера Ника пріѣхалъ на квартиру Саблина, но Петрова не было. Жена Петрова, благообразная худощавая женщина въ кружевной черной наколкѣ, дѣлавшей ее похожей на испанку, сказала Никѣ:

— Вы застанете его, коли вамъ нужно, въ главномъ гаражѣ, въ Михайловскомъ манежѣ.

Ника поѣхалъ въ манежъ.

Двери манежа были растворены настежь и въ тускло освѣщенномъ пространствѣ видны были длинные ряды автомобилей. У входа стояли безъ дѣла какіе то вооруженные молодые люди.

— Вамъ что нужно, товарищъ? — спросили они.

У Ники былъ видъ революціоннаго офицера. Молодые черные усы подстрижены, фуражка на затылкѣ, свободный френчъ, галифэ и башмаки съ обмотками придавали ему видъ одного изъ адъютантовъ Керенскаго, Гучкова или офицера автороты.

— Шоферъ Петровъ здѣсь находится? — строго спросилъ Ника.

—Не знаю, товарищъ, — говорившій обернулся въ манежъ и крикнулъ: — товарищи, шоферъ Петровъ здѣсь или нѣтъ?

Изъ сумрака манежа отдѣлился человѣкъ въ кожаной шоферской курткѣ и подошелъ къ Никѣ.

— Былъ здѣсь, — сказалъ онъ. — А вы кто будете?

— Я отъ его жены. Съ улицы Гоголя. Скажите, что Николай Николаевичъ его проситъ.

— Хорошо.

Шоффферъ пошелъ въ манежъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ Петровымъ. Петровъ зналъ Полежаева, такъ какъ возилъ письма къ Танѣ и разговаривалъ и разспрашивалъ Нику о всемъ, что происходитъ въ Россіи.

— А, Николай Николаевичъ, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Здравія желаю.

— Здравствуйте, товарищъ, — подчеркивая слово товарищъ, сказалъ Ника. — Меня прислала за вами ваша жена. Вы свободны?

Петровъ догадался. Онъ уже нѣсколько разъ говорилъ Никѣ, что если бы найти хорошую машину, деньги, да смѣлыхъ людей, то вывезти Государя ничего не стоитъ.

— Противно, — говорилъ онъ, — смотрѣть, какъ надъ Его Величествомъ жиды измываются. Петровъ вѣрилъ, что всю революцію сдѣлали жиды, чтобы измываться надъ русскимъ народомъ.

— Свободенъ, — сказалъ онъ.

— Она просила васъ со мною пріѣхать къ ней. Пойдемте.

— Зачѣмъ идти? Я вамъ машину подамъ. Товарищъ, — обратился онъ къ сопровождавшему его шоферу, — ну-ка, милый, толкни Алешкина, пусть подаетъ Бенцъ.

Черезъ пять минутъ Ника съ Петровымъ, отпустивъ Алешкина съ автомобилемъ, поднимались на квартиру Саблина.

Ника провелъ Петрова въ кабинетъ Саблина и, не зажигая огня, усадилъ его противъ себя за столомъ.

Лунная іюльская ночь стояла надъ городомъ и отблескъ луны и уличныхъ фонарей проникалъ туманнымъ полусвѣтомъ въ широкія окна квартиры. Предметы на письменномъ столѣ, самый столъ, кресла, диванъ, шкапы съ книгами, курительный столикъ намѣчались неясными тѣнями. Лицъ не было видно. Говорили вполголоса.

— Помните, Петровъ, мы говорили съ вами о томъ, чтобы увезти Государя, спасти его.

— Необходимо надо, Николай Николаевичъ. Никакой у меня вѣры нѣтъ къ этому жиденышу. Убьетъ онъ его ни за что. Такой грѣхъ, прости Господи! Только куда увезешь то, ваше благородіе? Къ англичанкѣ, или французу, сами понимаете, неподходящее дѣло. Англичанинъ Россію ненавидитъ, — это я доподлинно знаю, а что жидъ, что французъ — одна порода. Кабы съ нѣмцемъ не воевали, я бы нѣмцу больше повѣрилъ.

— Нѣтъ, Петровъ. Намъ надо спасти и укрыть Государя у русскихъ людей!

— Ишь, Николай Николаевичъ. Русскіе то люди хороши стали. Совсѣмъ съ ума посходили.

— Есть, Петровъ, и хорошіе люди. Мы вотъ что надумали.

И Ника разсказалъ про старообрядческіе скиты, про старицъ и бѣлицъ, про дремучіе Керженскіе лѣса, все то, что осталось у него отъ чтенія романовъ Печерскаго и Салиаса. Сладостный романтическій бредъ претворялся въ его словахъ въ широкія возможности и онъ видѣлъ осуществленнымъ это переселеніе.

Крѣпко задумался надъ его словами Петровъ. Барская фантазія столкнулась съ здоровымъ практическимъ разумомъ стараго рабочаго.

— Какъ же доставимъ туда?

— На автомобилѣ, — задыхаясь отъ волненія сказалъ Ника.

Петровъ ничего не сказалъ.

— Прикурить позволите? — спросилъ онъ.

— Ахъ, курите, курите, пожалуйста, Петровъ, — сорвался со стула Ника и подалъ папиросы и спички. Онъ чувствовалъ, что въ старой головѣ Петрова рѣшается участь ихъ плана. А если Петровъ откажется, то тогда уже никто не поможетъ.

Петровъ долго и молча курилъ. Глаза привыкли къ темнотѣ и Ника ясно различалъ лицо Вѣры Константиновны на портретѣ, по распоряженію Саблина, никогда не

закрывавшемся киссею. Ника мысленно умолялъ Петрова: — „ну, рѣшись, голубчикъ, ну пойди на это. Ну что тебѣ стоитъ!“

— Николай Николаевичъ, а никто насъ здѣсь не подслушиваетъ? — спросилъ Петровъ.

— Нѣтъ никого.

— Посмотрѣть надо. Я Тимофею, напримѣръ, ихнему не вѣрю. Свое у него на умѣ, какъ бы генерала обокрасть.

Ника посмотрѣлъ по комнатамъ и вернулся.

— Нѣтъ, кругомъ никого нѣтъ. Авдотья Марковна самоваръ въ столовой наставляетъ.

— Это для васъ. Мы всегда у себя пьемъ.

И опять молчалъ и курилъ. Видно тоже волновался.

— Спасти Государя надо, — наконецъ, выговорилъ Петровъ. — Это точно. Не можетъ имперія быть безъ императора. А республика? Ну, какая тамъ республика — такъ жидова одна, да галдежъ по митингамъ... Только на машинѣ невозможно. Вы говорите въ Вятской губерніи, или даже подъ Уралъ самый везти надо? А куда везти, вы сговорились?!

— Нѣтъ.

— Вотъ то то и оно то. И сговориться, Николай Николаевичъ, нельзя. Вы одинъ задумали — хорошо. Мнѣ сказали — уже хуже стало. А не дай Богъ третій узнаетъ, все пропало. Кругомъ народъ подлецъ сталъ.

Петровъ затянулся папиросой, пыхнулъ дымомъ, придавилъ окурокъ о пепельницу и тяжело вздохнулъ.

— Головами, ваше благородіе, играемъ. Да кабы только своими, и то и Его Величества голову подъ ударъ подставляемъ. Еще и не сдѣлали ничего, только поговорили, а уже голова на картѣ.

Опять зажегъ папиросу. Не затянувшись бросилъ и смотрѣлъ, какъ прямо вверхъ сталъ отъ нея сизой лентой дымокъ.

— Спасти надо, — вздохнулъ Петровъ. — Только чисто надо сдѣлать. И чтобы е г о воля была. Его охота будетъ — все выйдетъ хорошо. Видите, машиной до мѣста не довезешь. Первое всего — бензинъ надо. Опять — карты.

Какія тамъ дороги, кто знаетъ? Разспрашивать станешь — себя выдашь, засаду поставятъ и конецъ. А не дай Богъ машина станетъ. Опять — всѣхъ везти никакъ невозможно. Ну ему — усы, бороду долой — никто не узнаетъ. Наслѣдника тоже укроемъ. Нужда будетъ — дѣвочкой нарядимъ. Самое никакъ нельзя, княженъ тоже. — Слишкомъ примѣтныя. Тогда нѣсколько автомобилей надо — цѣлый поѣздъ! Не найдешь... Слишкомъ примѣтно. За Павла Николаевича, брата, поручиться вы можете?

— Ну, конечно.

— Подъ самымъ Новгородомъ въ трехъ верстахъ отъ шоссе, въ глухой дерезунке живетъ моя мамаша. Древній человѣкъ, житія хорошаго и не болтливая. Въ достаткѣ живетъ, милостями генерала Саблина, я ей не мало помогъ. Въ избѣ пять покоевъ, и главное глушь Новгородская. Такъ вотъ къ ней?... До нея за шесть часовъ докатимъ. Машину я достану хорошую... — Паккартъ... Павла Николаевича присылайте завтра безъ погоновъ учиться — онъ за помощника будетъ. Вы съ бумагой ѣдете, караулъ только пусть ворота откроетъ и подержитъ, пока не выѣдемъ... Поняли?... Когда Государь на прогулкѣ будетъ, въ чемъ есть захватимъ и аминь. А отъ мамаши, обрившись, въ крестьянскомъ платьѣ, пробираться въ лѣса какіе вы говорили, — вотъ это будетъ настоящее дѣло.

Ника смотрѣлъ восторженными глазами на Петрова. Да, онъ не ошибся въ русскомъ народѣ и изъ нѣдръ его онъ найдетъ себѣ помощниковъ въ задуманномъ святомъ дѣлѣ.

— А теперь, ваше благородіе, позвольте мнѣ отъ имени генерала Саблина предложить вамъ откушать нашего чаю, сахару.

XIV

Медлить было нельзя. По Царскому носились темные слухи о томъ, что рѣшено отправить Царскую Семью въ Сибирь. Объ этомъ открыто говорили солдаты охраны.

Стрѣлки, друзья Ники, полупосвященные въ его планъ, согласились помогать ему.

— Только такъ, — говорили они, — чтобы намъ никакъ въ отвѣтъ не попасть, чтобы никакой, значитъ, вины, или подозрѣнія на насъ не было... Чистая случайность... Ежели попадетесь, насъ не оговаривать, все одно отопремся.

Все было готово, кромѣ главнаго. Не удалось переговорить съ Государемъ. Но вѣдь не могъ же онъ не согласиться?... Для блага Россіи! Павликъ совѣтовалъ въ крайности дѣйствовать силою.

Ожидали только дня, когда намѣченные люди будутъ въ караулѣ и ворота будто случайно останутся открытыми. Наконецъ, и это случилось, но съ карауломъ шелъ прапорщикъ Гайдукъ и это осложняло условія побѣга. Вечеромъ Ника съ соотвѣтствующими инструкціями, чемоданомъ съ бѣльемъ и продовольствіемъ, длиннымъ сѣрымъ макинтошемъ съ высокимъ воротникомъ и полувоенною шапкою пріѣхалъ на квартиру Саблина и остался тамъ ночевать.

Государь выходитъ на прогулку въ одиннадцать часовъ утра. Къ этому времени надо было влетѣть въ паркъ...

Погода хмурилась. По синему небу бродили большія облака. Порывистый вѣтеръ дулъ съ моря...

Спокойно и ровно шелъ автомобиль, дѣловито гудя. Небольшой красный флажокъ развѣвался впереди, показывая, что всѣ сидящіе въ немъ признали революцію. Въ эти дни столько автомобилей съ солдатами и молодыми прапорщиками носилось по городу, что появленіе Ники не возбуждало ничьего подозрѣнія: какой-нибудь делегатъ, или членъ совдепа. Будущее Россіи принадлежало прапорщикамъ, на ихъ улицѣ былъ праздникъ и автомобилями распоряжались они, а не генералы. Автомобиль никого не смутилъ и тогда, когда въѣхалъ въ большой паркъ и взялъ, не ускоряя хода, направленіе къ Александровскому дворцу.

Ника, стараясь затаить волненіе и не вставать съ сидѣнья, весь сталъ вниманіе.

Разступились ивы, росшія по дорогѣ, показалась желѣзная рѣшетка, часовые съ ружьями, вотъ и ворота. Они распахнуты на обѣ половинки. Автомобиль ускорилъ ходъ

и летѣлъ полнымъ махомъ. На лужайкѣ у дворца, у деревянной стѣнки сидѣли три великія княжны и съ ними наслѣдникъ. Княжны въ простыхъ шапочкахъ колпачками и въ простенькихъ блузкахъ. Наслѣдникъ въ фуражкѣ и рубашкѣ съ солдатскими погонами и георгіевской медалью и въ высокихъ сапожкахъ только что работали въ своемъ огородѣ. Сзади нихъ стоялъ солдатъ изъ дворцовой прислуги въ фартукѣ, онъ имъ помогалъ. Государь сидѣлъ на скамейкѣ у дворца, великая княжна Ольга Николаевна читала ему вслухъ книгу. Подлѣ не было никого. Гайдука не было видно. Мельниковъ, преданный Никѣ стрѣлокъ, сдержалъ свое слово и отвлекъ Гайдука и солдатъ караула, выставивъ какую-то мелкую претензію.

Быстро подлетѣлъ автомобиль. Захрипѣлъ рычагъ тормаза. Ника отъ неожиданной остановки едва не вылетѣлъ. Государь поднялся со скамьи. Наслѣдникъ побѣжалъ къ нему. Государь сталъ очень блѣденъ. Онъ сильно исхудалъ за это время. Въ бородѣ отчетливо сквозила сѣдина. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на Нику.

— Ваше Величество. пробормоталъ Ника, — садитесь скорѣе съ Наслѣдникомъ... Мы пріѣхали спасти васъ.

Государь отрицательно покачалъ головою. Быть можетъ, онъ не повѣрилъ? Ника перекрестился. — Ваше Величество. ясно повторилъ онъ, подавляя волненіе, — — мы русскіе люди. Мы глубоко страдаемъ отъ вашего ареста и пріѣхали спасти васъ и Наслѣдника. Садитесь, Ваше Величество.

Наслѣдникъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на Нику. Государь молчалъ. Автомобиль тихо шумѣлъ, машина работала на холостомъ ходу.

— Ваше Величество, вы не вѣрите намъ. Ей, Богу, правда! Мы старые дворяне, вѣрные слуги ваши.

— Я вамъ вѣрю, — отчетливо сказалъ Государь, и лицо его стало дергаться едва замѣтною болѣзненной дрожью. — Но я исполню долгъ до конца. Да совершится воля Божія и моего народа надо мною. Русскій народъ не сдѣлаетъ мнѣ ничего худого, какъ я ничего худого не желалъ народу.

Изъ дворца бѣжали солдаты караула и впереди ихъ былъ Гайдукъ.

— Хватай силою, — крикнулъ Павликъ.

Наслѣдникъ заплакалъ и прижался къ Государю.

Все тѣло Ники обмякло. Онъ не могъ прикоснуться къ Государю. Прекрасные выпуклые глаза Государя съ глубокою скорбью устремились на него.

— Вы не сдѣлаете насилія. Отъ этого будетъ только хуже, — тихо сказалъ Государь и пошелъ къ караулу, какъ бы ища у него защиты.

— Все потеряно, — сказалъ Павликъ.

— Садитесь, — приказалъ Петровъ, — ничего... Удеремъ...

Павликъ втащилъ Нику въ автомобиль, и сейчасъ же заскрипѣло желѣзо конуса, автомобиль прыгнулъ, какъ застоявшійся конь, и помчался по мягкому песку. Сзади затрещали выстрѣлы.

— Это по намъ, — сказалъ Петровъ.

Автомобиль круто огибалъ лужайку. Черезъ нее наперерѣзъ бѣжалъ Гайдукъ и что-то кричалъ часовому у воротъ. Но было поздно. Мелькнули ворота, автомобиль качнулся на крутомъ поворотѣ и помчался по шоссе, все ускоряя ходъ.

Всѣ молчали. Вѣтеръ свисталъ въ ушахъ. Шоссе казалось ровнымъ, гладкимъ и бѣлымъ. Незамѣтны были выбоины и темные слѣды лужъ; все сливалось въ одну ровную бѣлесоватую ленту. Быстро приближались, точно летѣли навстрѣчу возы съ сѣномъ, лающія собаки, сѣрыя избы деревни, палисадники, трактиръ съ обступившими его крестьянскими телѣгами, ревѣлъ гудокъ, дѣти что-то кричали, поддали рессоры на выбоинѣ у моста, покатились по доскамъ, внизу видна темная вода, и вотъ далеко впереди легло ровное, какъ стрѣла, шоссе и хвойный лѣсъ слился и соснами тѣсно обступилъ его съ обѣихъ сторонъ. Петровъ замедлилъ ходъ и обернулся. Сзади на многія версты вытянулось шоссе и на немъ никого не было видно.

— Ну что же, господа!... Сорвалось. Теперь вамъ

надо скрываться. Солдаты выдадутъ. Поѣхали пока что къ мамашѣ, а тамъ посмотримъ, какъ быть.

— А какъ же вы, Петровъ?

— Я отверчусь. Меня никто не знаетъ. Развѣ машину узнали?... Такъ опять я уже ночью буду на мѣстѣ. Машину на мѣсто, а самъ спать... Ничего... А васъ солдаты знаютъ. Такъ ладно — къ мамашѣ?

— Хорошо, — сказалъ Ника.

XV

30-го іюля съ утра въ Александровскомъ дворцѣ была суета. Государю было объявлено, что временное правительство, для его личной безопасности, рѣшило отправить его съ семьею въ Тобольскъ. Ему обѣщали возможно лучше обставить жизнь его и семьи. Большая часть лицъ свиты и служащихъ добровольно рѣшили ѣхать съ Государемъ и нигдѣ его не покидать. Государь просилъ отправить его на югъ, ввиду плохого здоровья наслѣдника, но въ этомъ ему было отказано.

Утромъ во дворецъ привезли икону Знаменія Божіей Матери. Въ залѣ собралась Царская Семья, свита и служащіе. Кругомъ плотнымъ кольцомъ стали вооруженные солдаты. Высокій красивый священникъ съ русой сѣдѣющей бородою служилъ молебенъ по случаю дня рожденія наслѣдника, а послѣ напутственный. Вся семья горячо молилась. Молились и лица свиты. Никто не зналъ, что ожидаетъ ихъ дальше. Мягкій голосъ священника раздавался по залу, клубились синеватыя струи кадильнаго дыма и слышались тихіе вздохи лакеевъ и служителей. Солдаты притихли. Они не стучали, какъ обыкновенно, прикладами, не кашляли и не сморкались. Солнце заглядывало въ окна и сіяло на ризѣ священника, на золотой оправѣ образа, на налоѣ. Лица Государя и Императрицы были блѣдны и сосредоточены.

Священникъ поздравилъ съ новорожденнымъ и пожелалъ счастливаго путешествія.

Слѣдующій день 31-го іюля прошелъ въ сборахъ. Настало время, когда обыкновенно ложились спать, но Царская Семья не расходилась, ожидая поѣзда. Къ ней пріѣхалъ братъ Государя Великій Князь Михаилъ Александровичъ, но его не допустили до Государя. Солдаты толпились по заламъ и комнатамъ. На полу и на стульяхъ валялись ихъ ранцы и мѣшки съ поклажею. Около полуночи раздались чьи-то быстрые, рѣшительные шаги и среди солдатъ шорохомъ пронесся говоръ: — Керенскій!... Керенскій!...

Средняго роста плотный человѣкъ, съ лицомъ сальнымъ, блѣднымъ и нездоровымъ, усталый, съ набухшими вѣками, бритый, рыжеватый, въ суконномъ френчѣ безъ погонъ, шароварахъ и башмакахъ съ обмотками, прошелъ въ комнату, гдѣ былъ караулъ, и обратился къ солдатамъ съ рѣчью. Онъ говорилъ сильными короткими фразами. Смыслъ фразъ былъ льстящій солдатамъ, тонъ рѣчи былъ тонъ приказанія.

Солдаты тѣснились кругомъ Керенскаго, смотрѣли ему прямо въ ротъ, какъ будто бы хотѣли глазами увидать тѣ круглыя звучныя слова, которыми онъ выпаливалъ въ нихъ.

— Товарищи! — говорилъ Керенскій, — вы несли охрану семьи бывшаго царя здѣсь. Вы должны нести охрану и въ Тобольскѣ, куда переводятся Романовы...

Большинство солдатъ были молодые, поступившіе на службу уже во время войны, но былъ между ними и одинъ пожилой унтеръ-офицеръ стрѣлокъ. Онъ слушалъ напряженно каждое слово Керенскаго и ничего не могъ понять. Пять лѣтъ тому назадъ, все Царское съ ликованіемъ справляло этотъ день, и онъ, стрѣлокъ, ходилъ по городу и смотрѣлъ на иллюминацію. Толпы народа днемъ тѣснились на улицахъ, ожидая выѣзда Новорожденнаго, и когда онъ проѣзжалъ съ Императрицей, народъ снималъ шапки и кругомъ слышались умиленные голоса:

— Раскрасавецъ нашъ!... Ангелочекъ!... Херувимъ небесный...

И онъ самъ смотрѣлъ на Наслѣдника и восхищался и боготворилъ его.

Что же такое произошло за эти годы? Что случилось? Была война. Были побѣды... А потомъ?

— Завоеванія революціи! — слышались рѣзкія властныя слова.

„Да гдѣ же эти завоеванія“, — думалъ старый унтеръ-офицеръ, — „.когда, почитай, по всему фронту наши отступили, а по всей арміи, слыхать, бунты идутъ“.

— Демократія взяла власть въ свои руки, она не желаетъ мстить, или сводить счеты съ Романовыми...

Непонятно это было старому унтеръ-офицеру и тяжело сосало у него подъ ложечкой.

Керенскому доложили, что великій князь Михаилъ Александровичъ ожидаетъ разрѣшенія проститься съ Государемъ.

— Хорошо! Въ моемъ присутствіи, — кинулъ Керенскій.

Это свиданіе продолжалось десять минутъ и прошло почти въ молчаніи. Что могли сказать братья — такъ много чувствовавшіе въ эти минуты, когда такъ нагло смотрѣлъ на нихъ маленькій рыжій человѣкъ, въ чьихъ рукахъ была ихъ судьба и судьба всей Россіи.

— Ну, храни тебя Господь! — сказалъ Государь, обнимая брата.

Вся семья посидѣла на увязанныхъ вещахъ и стульяхъ по русскому обычаю, потомъ спустились внизъ и долго размѣщались по автомобилямъ. Въ ночномъ сыромъ воздухѣ глухо звучали голоса. Липы шумѣли, точно прощались съ своими владѣльцами.

На вокзалѣ Государь и его семья сидѣли въ пустомъ залѣ на стульяхъ. Опять кругомъ толпились солдаты. Уставшій за день, разморившійся Наслѣдникъ спалъ въ неловкой позѣ на вещахъ, и лицо его горѣло нездоровымъ румянцемъ. Императрица сидѣла надъ нимъ. Поѣзда все не было. Приходили и уходили люди, шептались о чемъ-то, бѣгали на телефонъ и обратно, и тревога была на ихъ лицахъ. Рабочіе депо не выпускали паровоза для Царской

семьи. Они требовали разрѣшенія Совдепа. Приказъ Временнаго Правительства былъ имъ не указъ.

Нѣсколько разъ Государю говорили, что все готово; онъ надѣвалъ пальто, но сейчасъ же приходилъ кто-нибудь и говорилъ:

— Извиняюсь, господинъ полковникъ, еще придется подождать.

— Это мнѣ надоѣло, наконецъ, — сказалъ Государь, и, не снимая пальто, сѣлъ въ углу зала.

Лѣтняя ночь проходила. Мутный разсвѣтъ ползъ въ окна и туманъ покрывалъ пути и поля за ними. Гасли сигнальные фонари.

— Пожалуйте, готово, — доложилъ командированный Керенскимъ прапорщикъ Ефимовъ.

Государь вышелъ на площадку. Но поѣзда тамъ не было. Инженеръ Макаровъ, командированный отъ Временнаго Правительства, доложилъ, что поѣздъ стоитъ на запасномъ пути, и пошелъ показывать дорогу. Государь шелъ за нимъ, ведя подъ руку Императрицу, спотыкавшуюся о рельсы и стрѣлки. Отъ безсонной ночи ея больное сердце ослабѣло и она едва передвигала ногами. Трудно было лѣзть на высокія ступеньки.

Наконецъ размѣстились. Членъ Государственной Думы Вершининъ сказалъ, что можно ѣхать.

Въ шесть часовъ десять минутъ утра 1-го августа поѣздъ медленно тронулся и пошелъ, отвозя въ заточеніе Государя и его семью.... Стрѣлки 2-го и 4-го полковъ сопровождали ихъ.

XVI

Въ серединѣ августа Морочненскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ двадцати верстахъ отъ позиціи, получилъ приказъ идти въ окопы, на смѣну Павлиновскому полку. Приказъ былъ подписанъ командиромъ корпуса, тѣмъ самымъ генераломъ, что не умѣлъ отличить фокса отъ мопса. Онъ вступилъ въ командованіе корпусомъ вмѣсто Саблина, отозваннаго въ Ставку.

Въ полку, по случаю приказа, былъ митингъ. Отъ того правительства, что не было признано Временнымъ Правительствомъ, но которое въ видѣ „совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ“ появилось вездѣ и съ которымъ дѣятельно сносились учрежденные правительствомъ Керенскаго и Гучкова всякіе фронтовые, армейскіе, корпусные, дивизіонные, полковые и ротные комитеты, вышло указаніе, что не всякій приказъ начальника подлежитъ исполненію безъ обсужденія. Приказы раздѣлялись на боевые, которые всякій обязывался революціонною дисциплиной безпрекословно исполнить, и небоевые, которые прежде исполненія разрѣшалось, а иногда и рекомендовалось обсудить, не направленъ ли онъ противъ завоеваній революціи, не является ли онъ актомъ, стремящимся все повернуть опять къ старому режиму, подъ офицерскую палку, такъ какъ всѣ генералы и старшіе начальники поголовно были заподозрѣны въ контръ-революціи.

Митингъ собрался вечеромъ, наканунѣ выступленія, на площади небольшого польско-еврейскаго мѣстечка подлѣ краснаго кирпичнаго костела и большого разореннаго солдатами палаца, польскаго господскаго дома. Сѣрая толпа солдатъ, тысячи въ полторы, сгрудилась на площади около небольшого возвышенія, хранившаго остатки краснаго кумача и лентъ, построеннаго въ „счастливые“ дни мартовской революціи по требованію мѣстныхъ революціонныхъ властей. Наваливаясь другъ другу на плечи, лица непрерывно съмечки, перекликаясь другъ съ другомъ и прерывая ораторовъ замѣчаніями съ мѣсть, солдаты слушали то того, то другого офицера, или солдата, выходившаго уговаривать ихъ въ необходимости исполнить приказъ.

Первымъ говорилъ Верцинскій. Длинно и желчно онъ говорилъ о необходимости побѣдоносно закончить войну въ полномъ согласіи съ союзниками, о томъ, что Россія одна жить не можетъ, что ей необходима Западно-европейская промышленность, что для побѣды союзниковъ нужно, чтобы нашъ фронтъ хотя бы продержался до тѣхъ поръ, пока союзники смогутъ нанести Германіи рѣшительный ударъ,

что Павлиновскій полкъ стоитъ безсмѣнно второй мѣсяцъ, солдаты обовшивѣли, и имъ необходимо дать возможность отдохнуть и оправиться, что Морочненцы уже зажились въ посадѣ, и пора имъ и честь знать, а потому приказъ командира корпуса правильный и его необходимо исполнить.

Подъ громъ аплодисментовъ Верцинскій сошелъ съ трибуны и на его мѣсто влѣзъ молодой прапорщикъ Долотовъ. Прапорщикъ этотъ пріѣхалъ въ полкъ мѣсяцъ назадъ изъ Ораніенбаума съ пулеметныхъ курсовъ, отличался большою трусостью и въ посадѣ сошелся и открыто жилъ съ молодой еврейкой.

— Товарищи, — воскликнулъ онъ, подлаживаясь и голосомъ и манерой къ тону развязныхъ солдатъ, мастеровъ зубоскалить и занимать толпу неожиданными вопросами, на которые самъ же тутъ же и давалъ отвѣтъ. — Товарищи, я васъ такъ спрошу къ примѣру, что, этотъ приказъ боевой, или небоевой? Потому, ну, ежели боевой, такъ уже крышка — расходись и сполняй безъ никакихъ разсужденіевъ... Что, товарищи, гремятъ тамъ на позиціи пушки, слышонъ пулеметъ? Наши товарищи изнемогаютъ въ неравномъ бою? Потребовались резервы? — Ой, товарищи, что-й-то не слышно. Тишь, да гладь и ожиданіе мира. Такъ вотъ я вамъ и говорю, что приказъ это небоевой, потому что никакого боя, значитъ, нѣтъ — вѣрно что-ль?

— Правильно, правильно! — загудѣла толпа.

— А потому и поговорить, значитъ, можно и дозволительно, къ чему ведетъ этотъ приказъ? Вотъ господинъ капитанъ говорилъ, чтобы, значитъ, стоять на позиціи до полнаго окончанія, до побѣды надъ врагомъ. Правильно это по-вашему?...

— Правильно! — раздалось нѣсколько неувѣренныхъ голосовъ.

— А по мнѣ, товарищи, и совсѣмъ даже неправильно. Народъ хотитъ одного. Мира! И объявлено въ лозунгахъ на священныхъ знаменахъ революціи: — „миръ безъ аннексій и контрибуцій“. Миръ, а не война. А намъ все тал-

дычатъ о войнѣ... Кому война нужна?... Не бѣдному же человѣку, который пошелъ и дома въ хатѣ съ прогнившей соломенной крышей оставилъ съ голода помирать семью. Война надобна богатымъ помѣщикамъ да капиталистамъ, которые на ней наживаются. Вы чего хотите? Мира, или войны?

— Мира!... Мира! Давно пора кончать эту канитель.

— Повоевали достаточно.

— Пора и по домамъ.

— Правильно, товарищи. А ежели мы будемъ смѣну дѣлать, да усилять позицію, что изъ того выйдетъ? Тамъ, дома помрутъ всѣ съ голодухи, васъ ожидаючи, а вы все будете въ окопахъ гнить. Мое предложеніе такое: — оставаться здѣсь, приказа не исполнять. Павлиновскому полку предложить воткнуть штыки въ землю и разойтись. Повоевали и буде! Которые, ежели согласны, прошу поднять руки.

Цѣлый лѣсъ рукъ поднялся надъ толпою. Темные, грязные, загорѣлые кулаки нависли надъ нею и нѣсколько секундъ грозно стояли, показывая свое полное согласіе съ ораторомъ.

Долотовъ, улыбаясь нехорошей усмѣшкой, спускался по лѣсенкѣ трибуны.

— Что, сколько получилъ, товарищъ? — спросилъ его мрачнаго вида солдатъ, стоявшій ближе къ лѣстницѣ, но Долотовъ, ничего не отвѣчая, скользнулъ въ толпу, и только лицо его поблѣднѣло и глаза забѣгали по сторонамъ.

На трибуну вошелъ старый чернобородый капитанъ. Онъ былъ любимъ солдатами.

— Товарищи, — сказалъ онъ, — вы меня знаете. Я изъ народа и всегда былъ съ народомъ. Я сочувствовалъ и во времена монархіи революціонному движенію, я вѣрилъ въ него и за то не мало страдалъ. Я надѣлъ этотъ красный бантъ, символъ возставшаго народа, не для того, чтобы стать измѣнникомъ своимъ боевымъ товарищамъ французамъ и англичанамъ, а для того, чтобы выполнить свое обѣщаніе и довести войну до побѣднаго конца. Вынося рѣшеніе не исполнять приказа и прекратить войну,

вы показываете, что вы не сознательные солдаты, не свободный народъ, а какъ правильно назвалъ вамъ подобныхъ глава нашего правительства, товарищъ Керенскій, — взбунтовавшіеся рабы!

— Довольно! Буде! — раздались голоса.

— Слыхали!

— Офицеръ говоритъ, сейчасъ слыхать, куда гнетъ.

— Революціонеръ какой объявился.

— Погоны ясные, а душа темная!

— Знамо деньги не зря получаютъ. Продажныя души!

— Товарищи! — воскликнулъ, блѣдиѣя, капитанъ. — Васъ обманываютъ! Среди васъ провокаторы и шпіоны.

— Самъ провокаторъ!

— Товарищи, намъ говорили о разореніи войною крестьянъ! Всѣ разорены! Не достаточно вамъ говоритъ этотъ прекрасный господскій домъ съ разбитыми стеклами въ окнахъ, съ порванной мебелью? Всѣхъ равно разорила война.

— Ишь ты! Кого пожалѣлъ! Помѣщика!

— Ты бѣднаго пожалѣй! Богатый-то въ этомъ нужды не имѣетъ.

— Грабилъ народъ, теперь его потрепали, жалѣть нечего. Свое получилъ. Заслуженное, значитъ.

— Товарищи!

— Долой его!

— Волоките его оттеля!

— Довольно!

— Долой! Долой его!

Капитанъ болѣзненно улыбнулся и сошелъ съ трибуны. На душѣ у него былъ мракъ. „Что же это?“ — думалъ онъ, — „ужели я ошибался, вѣря въ народъ, а царское правительство было право, не давая ему свободы. Что же дальше, дальше, что будетъ?“

Сѣрый солдатъ неловко карабкался на трибуну. Оглянувъ толпу, увидавъ тысячи глазъ, смотрѣвшихъ на него, онъ на минуту смутился, но сейчасъ оправился, улыбнулся широкой улыбкой, скинулъ съ себя шапку и крикнулъ:

— Привѣтъ, товарищи, честному народу... Да... А

идтить на позицію надо. По крестьянству, значитъ, слѣдоваетъ. Они тамъ устали, а мы отдохнули. По справедливости! И пойдемъ! Не по приказу, значитъ, а по крестьянству, по справедливости! Пущай отдохнутъ! Знай нашихъ Морочненскихъ. Всегда товарищи хорошіе были. Не подгадимъ!!

И онъ, взмахнувъ фуражкой надъ головою, сошелъ съ трибуны. Громъ аплодисментовъ и крики — правильно, правильно! — сопровождали его.

— Вотъ этотъ такъ поставилъ точку! — смѣясь говорилъ поручикъ солдату, — настоящій окопный дядя.

Толпа расходилась. Близилось время ужина. Лѣтнія сумерки надвигались. Обычно въ такіе часы то тутъ, то тамъ завелась бы пѣсня, заверещала бы гармоника, собрался бы кружокъ слушателей, но теперь послѣ ужина всюду были кучки солдатъ, слышались тихія рѣчи, вопросы безъ отвѣта и хмурились брови, и темно становилось на душѣ.

— Какъ вы думаете, Казиміръ Казиміровичъ, — спросилъ Козловъ у Верцинскаго, — пойдутъ, или нѣтъ?

— Все зависитъ отъ погоды, будетъ погода хорошая, можетъ и пойдутъ... — сказалъ Верцинскій.

XVII

За эти четыре мѣсяца Козловъ постарѣлъ лѣтъ на десять. Арестъ своими же солдатами, разложеніе арміи сломили его. Изъ Райволово онъ получалъ рѣдкія, но хорошія письма, и если что безпокоило его, такъ это только мучительное ревнивое подозрѣніе, зародившееся въ немъ по одному пустому случаю. Онъ шелъ весною ночью по мѣстечку, занятому его полкомъ. Благоухали развѣсистыя липы, млѣли подъ луннымъ свѣтомъ пирамидальные тополи, бѣлыя хаты казались нарядными, цвѣли каштаны. Съ сосѣдняго болота слышался неугомонный хоръ лягушекъ. Луна свѣтила съ темносиняго, усѣяннаго звѣздами неба. Сердце смягчилось отъ близости природы, хотѣлось вѣрить въ лучшее будущее и примириться съ печальнымъ настоя-

щимъ. Кое-гдѣ горѣли костры — солдаты пекли краденую картошку. Послѣ революціи они пѣли мало, больше толковали, злословили, осуждали и строили планы будущаго.

— А помнишь Осетрова, — говорилъ кто-то невидимый изъ-подъ самаго ствола раскидистаго дуба, — слыхать съ командирской женой въ Питерѣ путался. И Гайдукъ тоже. Всѣ бабы, какъ бабы. А что, товарищи, картошка не готова? Я такъ думаю. Ежели землю дѣлить, то надо поровну и непремѣнно въ собственность, потому какое же хозяйство возможно, ежели земля не твоя и сыну твоему не перейдетъ.

„Можетъ быть это мнѣ послышалось," — думалъ Козловъ. — „Развѣ можетъ Зорька? Милая Зорька... А вотъ подойти и спросить? На какомъ основаніи такія рѣчи?"

Онъ уже сдѣлалъ два шага къ говорившимъ, но остановился и пошелъ прочь. Спросить, значитъ, повѣрить, а повѣрить? — что же тогда останется въ жизни, когда все святое отнято и растоптано во прахъ: — и царь, и Богъ, и родина... Неужели и семья? Нѣтъ, это послышалось. Козловъ такъ увѣрилъ себя, что эти страшныя слова не были сказаны, но померещились ему, что пересталъ о нихъ думать... Но забыть не могъ. И часто, среди тяжелыхъ думъ о Россіи, его мозгъ, какъ молнія, прорѣзывала мысль: — „Осетровъ съ командирской женой путался и Гайдукъ тоже". Теперь и Осетровъ и Гайдукъ были въ Совѣтѣ, но теперь этого быть не могло. Зорьки не было въ Петербургѣ... А вѣдь было тяжелое время, осенью, когда не было отъ нея писемъ. Молчала она. Что тогда было? Спросить ее?... И такъ жизнь не сладка, и безъ того ни мечтаній, ни надеждъ, а тутъ эта страшная мысль. Онъ прогонялъ ее и она уходила, но потомъ возвращалась снова и мучила его безсонными ночами.

Въ эту ночь послѣ митинга Козловъ тоже не спалъ. Онъ думалъ о Зорькѣ, о ея послѣднемъ письмѣ, и не понималъ, какъ могла она ему измѣнить и такъ писать. Нѣтъ. Она его ждетъ... Онъ думалъ о полкѣ. Въ полку его ординарцемъ былъ унтеръ-офицеръ Желѣзкинъ. Тотъ самый Желѣзкинъ, что подъ Новымъ Корчинымъ грудью своею

заслонилъ его, окопалъ его въ землю, и кого онъ спасъ потомъ при атакѣ. Съ тѣхъ поръ Желѣзкинъ не разставался съ нимъ.

— Никогда, ваше высокоблагородіе, не забуду, что вы для меня сдѣлали. Дѣтямъ заповѣдаю благословлять васъ. Умирать буду, а васъ не оставлю, — часто говорилъ ему Желѣзкинъ.

У Желѣзкина было два георгіевскихъ креста и онъ былъ произведенъ въ младшіе унтеръ-офицеры. Козловъ хотѣлъ его сдѣлать взводнымъ, но Желѣзкинъ былъ совершенно неграмотенъ и такъ тупъ, что, какъ ни бились съ нимъ, не могъ осилить и азбуки. Козловъ сказалъ, что онъ радъ бы произвести его въ старшіе унтеръ-офицеры, но его стѣсняетъ его неграмотность. Желѣзкинъ прямо въ глаза посмотрѣлъ своему командиру и сказалъ:

— Куды жъ мнѣ, ваше высокоблагородіе, взводнымъ быть. Я и такъ премного вами благодаренъ. Не чаялъ никогда и унтеръ-офицеромъ-то быть. Не безпокойтесь. Я и такъ по гробъ жизни вамъ обязанъ.

На второй мѣсяцъ послѣ революціи Желѣзкинъ явился какъ-то вечеромъ къ своему командиру и заговорилъ упрямо и настойчиво:

— Ваше высокоблагородіе, я къ вамъ съ просьбою. Ходатайствуйте о моемъ производствѣ въ подпрапорщики. Въ Павлиновскомъ полку многихъ произвели.

— Что съ тобою, Желѣзкинъ! — сказалъ Козловъ.

— Какъ я, значитъ, геройски съ вами воевалъ и всегда защита вамъ былъ, то вы бы могли обо мнѣ позаботиться. Нынче это можно и безъ всякаго разговора.

Козловъ отказалъ Желѣзкину. Съ тѣхъ поръ, наружно, между ними оставались прежнія отношенія, но Желѣзкинъ избѣгалъ смотрѣть въ глаза своему командиру и не любилъ вспоминать про прежнія геройскія дѣла и службу въ Зарайскомъ полку.

— Такъ, сѣрость одна тогда была, — сказалъ онъ какъ-то Козлову. — Мы, ваше высокоблагородіе, несознательные были. Насъ въ темнотѣ держали. А теперь намъ все открыто.

Козловъ посмотрѣлъ на Желѣзкина. Желѣзкинъ смотрѣлъ мимо Козлова куда-то въ уголъ.

— Что же вамъ открыто? — спросилъ онъ солдата.

— Да вотъ, что въ темнотѣ насъ держали. Дисциплина эта самая. Наказанія.

— Желѣзкинъ! Развѣ кто-нибудь наказывалъ солдата безъ вины? Ты былъ хорошимъ солдатомъ, развѣ я когда тебя бранилъ? — воскликнулъ Козловъ.

— Никакъ нѣтъ. А только — могли, что хотѣли сдѣлать.

— И опять-таки неправда! На все былъ законъ и противъ закона ни я, да и никто ничего не могъ сдѣлать.

— Какой уже законъ... — мрачно проворчалъ Желѣзкинъ, — законъ-то былъ царскій. Одинъ произволъ!

И Желѣзкинъ вышелъ изъ землянки.

Все это вспоминалось теперь Козлову. Въ ротные комитеты не было избрано ни одного офицера, больше половины членовъ комитетовъ были евреи, или самые развращенные солдаты, подвергавшіеся частымъ наказаніямъ, бывшіе подъ судомъ. Предсѣдателемъ полкового комитета былъ Верцинскій, надъ нимъ смѣялись солдаты, онъ ни во что не вѣрилъ и ничего и никого не признавалъ.

„Что же это такое?“ — думалъ Козловъ, ворочаясь съ боку на бокъ на узкой койкѣ. „Что же будетъ отъ этого? Начальству видиѣе... Но гдѣ оно, настоящее-то начальство?“

XVIII

Утро выступленія на позицію было сѣрое и туманное. Падала съ неба какая-то мокрота. Однако полкъ поднялся, засуетился и съ говоромъ и шумомъ выступилъ изъ деревни.

Въ десяти верстахъ отъ мѣста ночлега, на полпути до позиціи протекала рѣка, и на ней были мосты, охраняемые казачьими караулами. Здѣсь долженъ былъ быть большой привалъ. Сѣрою толпою съ глухимъ гомономъ надвигались солдаты. Шли уныло, медленнымъ шагомъ. Ни

въ одной ротѣ не пѣли. Старыхъ пѣсенъ пѣть не хотѣли, стыдились ихъ, а новыхъ знали слишкомъ мало.

— Стой! — раздалась команда, когда головная рота подошла къ рѣкѣ. — Стой!.. Стой... повторилась она во всѣхъ шестнадцати ротахъ. И, не дожидаясь разрѣшенія, солдаты стали садиться, гдѣ попало по сторонамъ дороги, и закуривать папироски.

И только-что они сѣли, какъ среди нихъ появился матросъ. Онъ былъ въ заломленной на затылокъ матросской безкозыркѣ съ лентами, въ рубахѣ съ голою грудью и шеей, и въ широкихъ, раструбомъ внизъ, шароварахъ. Онъ появился съ недалекой отъ мѣста привала станціи желѣзной дороги. Молодой, юркій, наглый, онъ повертѣлся въ одной группѣ солдатъ, потомъ въ другой, третьей, и вдругъ отъ полка стали отдѣляться сначала одиночные люди, а потомъ и цѣлыя группы и бѣжать на мостъ. Взбѣжавъ на мостъ, они снимали съ себя патронташи и высыпали патроны въ рѣку. То тутъ, то тамъ щелкнули винтовки, солдаты стрѣляли вверхъ. Это продолжалось нѣсколько секундъ, потомъ словно сумасшествіе охватило весь полкъ. По величественному дубовому лѣсу, подходившему къ рѣкѣ, затрещала непрерывная бѣшеная стрѣльба, солдаты вынимали патронные ящики, хватали пулеметныя ленты и бросали все въ рѣку.

— Долой войну! — неслось то тутъ, то тамъ, среди криковъ и выстрѣловъ.

Гдѣ-то вправо сотни голосовъ дико и грубо заревѣли на мотивъ марсельезы:

Мы пожара всемірнаго пламя,
Молотъ, сбившій оковы съ раба,
Коммунизмъ — наше красное знамя,
И священный нашъ лозунгъ—борьба!

Къ нимъ пристали голоса.

Весь полкъ разстрѣливалъ патроны. Отраженные лѣснымъ эхомъ выстрѣлы казались громче. Въ самомъ лѣсу затрещалъ одинъ, потомъ другой пулеметъ, а марсельеза,

хриплая и дикая, то разгораясь, то утихая неслась по берегу рѣки и подхлестывала людей. Слова знали немногіе, имъ вторили безъ словъ и временами пѣсня становилась дикимъ и грубымъ воемъ.

Противъ общаго злого вампира,
Противъ шайки поповъ и господъ,
Встаньте, всѣ пролетаріи міра,
Обездоленный горный народъ!

Встаньте, рыцари новаго строя!
Встаньте, дѣти великой нужды,
Для послѣдняго страшнаго боя
Трудовые смыкайте ряды!

— Долой войну!... Долой офицеровъ!... Арестовать ихъ!

При первыхъ выстрѣлахъ Козловъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ солдатамъ.

— Вы съ ума сошли! — крикнулъ онъ. — Кто вы такіе? Нѣмцы?... Нѣмцы? Съ нѣмцами заодно? Перестать стрѣлять! Господа офицеры, по мѣстамъ!

Блѣдныя лица были кругомъ. Глаза были страшны, люди не понимали, что произошло. Изъ мѣстечка бѣжали сторонніе солдаты и несли красныя знамена.

— Хватай командира, — крикнулъ кто-то, и Желѣзкинъ схватилъ лошадь Козлова подъ уздцы. Толпа окружила его. Козловъ хотѣлъ вынуть револьверъ изъ кобуры, но его движеніе угадали. Кто-то изъ солдатъ, вцѣпившись обѣими руками въ кобуру, оторвалъ ее вмѣстѣ съ револьверомъ. Пѣніе и стрѣльба прекратились, всѣ сгрудились въ одну кучу, странно дышащую; кругомъ были дикіе безумные глаза.

— Тащи, тащи его! — распоряжался кто-то въ толпѣ.

Грубыя руки схватили Козлова за ногу, его сняли съ дрожащей, покрывшейся потомъ лошади и поволокли къ лѣсу. Все время подлѣ него былъ Желѣзкинъ. Онъ не трогалъ Козлова и смотрѣлъ на него тупо, а лицо его было бѣлое, искривленное ужасомъ.

— Желѣзкинъ, — сказалъ Козловъ, — помнишь Новый Корчинъ?

Желѣзкинъ отвернулся.

— Братцы, что вы дѣлаете! — воскликнулъ Козловъ со слезами въ голосѣ. — У меня жена, дѣти.

— Къ дереву его!.. Вотъ такъ. Къ дубу. Хорошенько крути ему руки.

— Что вы хотите дѣлать со мной!? — воскликнулъ Козловъ. — За что?!

— А мало вы кровушки нашей попили!

— Капитана вяжи! Революціонера вчерашняго!

Люди тѣснились, отдавливали другъ другу ноги, спотыкались, падали, вставали и шли, толкаясь и тяжело дыша.

— Гдѣ веревка? — спросилъ кто-то дѣловито и озабоченно.

— Посмотри на фурманкѣ, кажись, тамъ была.

— Что жъ, такъ порѣшимъ, или пытать будемъ? — спросилъ молодой парень безъ фуражки со всклокоченной лохматой головой.

Щелкнулъ одиночный выстрѣлъ.

— Матросъ поручика порѣшилъ, — сказалъ кто-то подлѣ Козлова... — Изъ револьверта.

— Начинать, что-ль?

Люди дрожали и не походили на людей. Слова прыгали и срывались съ губъ непроизвольно. Никто не понималъ ни того, что говорилъ, ни того, что дѣлалъ.

— Раздѣть надо.

— Такъ порѣшимъ.

— Безпремѣнно надо раздѣть. Кителя жалко. Китель новый. Какъ же такъ-то?

Съ Козлова стянули китель.

— Постой, товарищъ, а сапоги?

— Ишь ловкій какой. Ты что-ль возьмешь?

— Сапоги дѣлить будемъ. По жребію. У него хорошіе.

— Тащи, говорю.

На ходу, Козлова схватили за ноги и стащили съ него

сапоги. Онъ уже не шелъ, но его несли, приближаясь къ лѣсу.

— Шаровары снимай!

— За чево?

— Чево?.. Чево?.. А часы?.. Деньги?..

У большого стараго дуба Козлова, полуобнаженнаго, босого прикрутили веревками къ стволу. Онъ смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на солдатъ. На секунду молніей прошла мысль: — „Осетровъ съ командирекой женой путался, да и Гайдукъ тоже."

Онъ поднялъ глаза къ небу. Сѣрыя тучи низко нависли. Въ воздухѣ парило. Надъ головою былъ тѣсный зеленый переплетъ вѣтвей, молодые желуди красивыми блестящими точками были разсыпаны среди листвы. Все было такъ красиво, такъ очаровательно въ Божьемъ мірѣ, что Козловъ понялъ, до чего мучительно онъ хотѣлъ жить.

— Братцы! Или вы во Христа не вѣрите! За что же! — воскликнулъ онъ.

Желѣзкинъ стоялъ противъ него и не то съ сожалѣніемъ, не то съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него.

— Судить что ль будемъ? — нерѣшительно сказалъ онъ, обращаясь къ толпѣ.

— Войну кто проповѣдывалъ, а? До побѣднаго конца? А? — раздались голоса.

— Мало кровушки нашей попили!

— Постой!

— Стрѣлить что-ль?

— Мало его стрѣлить. Ишь, какой бѣлой.

— Погоди, товарищи! Какъ учили! — воскликнулъ молодой растрепанный солдатъ, становясь въ полутора шагахъ отъ Козлова въ боевую стойку съ ружьемъ.

— Прямо коли и назадъ прикладомъ — бей! — со смѣхомъ скомандовалъ кто-то изъ толпы.

Страшная острая боль заставила содрогнуться все тѣло Козлова. Низъ рубахи и подштаники его окрасились темною кровью. Лицо позеленѣло, штыкъ пробилъ его животъ и воткнулся въ дерево, солдатъ съ остервенѣніемъ повернулся кругомъ, перевернулъ винтовку прикладомъ

впередъ и съ размаха ударилъ затылкомъ приклада по лицу Козлова. Хрянули кости. Носъ, ротъ, все слилось въ одно сплошное кровавое пятно, страшно глядѣли изъ него еще живые, наполовину выскочившіе изъ орбитъ, глаза. Съ мучительнымъ стономъ Козловъ сталъ опускаться книзу.

— Довольно! — крикнулъ кто-то.

— Прикончить надо, ишь хрипитъ.

Нѣсколько выстрѣловъ раздалось по безформенному залитому кровью лицу Козлова и онъ затихъ.

— Ай-да, товарищи, въ посадъ! Наши уже тамъ. Гуляютъ.

Всѣ бросились долой отъ труповъ.

— Бей жидовъ! — крикнулъ кто-то изъ толпы.

Солдаты тащили еврейскихъ женщинъ, дѣвушекъ и подростковъ и волокли ихъ въ лѣсъ. Солдатъ тянула невидимая сила туда, гдѣ пролита была невинная кровь, гдѣ привязанный къ дубу, склонившись книзу, стоялъ неподвижный и страшный Козловъ, гдѣ лежали трупы капитана, поручика и шести молодыхъ офицеровъ съ сорванными погонами и съ разбитыми выстрѣломъ въ упоръ окровавленными черепами. Тамъ, между мертвыхъ, солдаты копошились толпами по пятнадцать, по двадцать человѣкъ, дѣлая свое гнусное дѣло. Оттуда неслись тяжелые хрипы, стоны, истеричные вскрики, мольбы, женскій плачъ, грубый хохотъ и жестокія шутки.

Люди пировали и тѣшились надъ добычей...

Люди дѣлали дѣло, на которое никогда не рѣшился бы звѣрь.

— Волоки старуху, товарищъ!

— На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ.

— Умерла что ль, дѣвчонка-то?

— Кончилась.

— А ты мертвую?

— Ничаво. Еще теплая...

— — — — — — — — — — — — —

Солнце такъ и не вышло изъ-за сѣрыхъ тучъ посмотрѣть на тотъ ужасъ, который творился революціонными

войсками. Вечеръ надвигался тоскливый и жуткій. Дождя не было, но парило надъ землей.

— Что жъ это, братцы? Что намъ за это буде?

— Да... Натворили.

— На позицію!

— Пусть Верцинскій ведетъ!

— На позиціи, товарищи, никто не тронетъ. Тамъ нѣмецъ. Ежели кто придетъ — бѣлый флагъ кинемъ и къ нему перемахнемъ.

— Становись по ротамъ!

— Ищи Верцинскаго.

— Не удралъ ли?

— Много ихъ сволочей поудирало, какъ погоны рвать стали.

— Донесутъ.

— Гляди, кабы погони не было.

Роты запружали мостъ и шли по дорогѣ къ позиціи, смятенныя и трусливыя.

Внизу у моста, на той сторонѣ надъ самой рѣкою, согнувшись сидѣлъ Верцинскій. Онъ опустилъ голову на руки, тупо глядѣлъ на несущуюся мимо него темную рѣку и шепталъ:

Мы — пожара всемірнаго пламя,
Молотъ, сбившій оковы съ раба.
Коммунизмъ — наше красное знамя,
И священный нашъ лозунгъ — борьба.
. . . . . .

Нашихъ братьевъ погибшихъ мильоны,
Матерей обездоленныхъ плачъ,
Бѣдняковъ, искалѣченныхъ стоны
Скажутъ намъ, гдѣ укрылся палачъ!..

На томъ берегу, въ дубовой рощѣ было тихо, но Верцинскому казалось, что онъ все еще слышитъ стоны замучиваемыхъ офицеровъ, хрипѣніе умирающаго Козлова и плачъ, истеричный смѣхъ и вопли несчастныхъ женщинъ.

Ему казалось, что онъ различаетъ между деревьевъ въ травѣ ихъ бѣлыя неподвижныя тѣла.

„Что же это? Что же это?“ — шепталъ онъ. „Или это не революція, а бунтъ, Русскій бунтъ, про который сказалъ Пушкинъ — Русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный...“

„И это нужно и это неизбѣжно? И эти эксцессы революціи? И это начало...“

— Ваше благородіе! — услышалъ онъ голосъ надъ собою. — А, ваше благородіе.

Передъ нимъ, вытянувшись и держа руку у козырька, стоялъ тотъ самый солдатъ, что убилъ Козлова.

Верцинскій посмотрѣлъ на него.

— Полкъ проситъ ваше благородіе, чтобы вы вели его на позицію.

Верцинскій вздохнулъ, покорно всталъ и пошелъ наверхъ на дорогу, гдѣ въ темнѣющемъ воздухѣ видны были молчаливыя, стоявшія въ порядкѣ роты. Онъ заложилъ руки глубоко въ карманы своихъ шароваръ и, опустивъ голову, зашагалъ впереди полка.

Въ душѣ было пусто: ни мыслей, ни чувствъ.

XIX

Въ одиннадцатомъ часу вечера Морочненскій полкъ подошелъ къ позиціи. Два батальона должны были остаться на лѣсной прогалинѣ въ землянкахъ, два занимали окопы. Командиръ Павлиновскаго полка, молодой офицеръ генеральнаго штаба, принялъ Верцинскаго вмѣстѣ съ предсѣдателемъ полкового комитета, солдатомъ изъ интеллигентныхъ евреевъ, молодымъ человѣкомъ съ блѣднымъ тонкимъ лицомъ, большими выпуклыми глазами и толстыми чувственными губами. Онъ былъ въ шинели безъ погонъ и первый протянулъ руку дощечкой Верцинскому. Въ землянкѣ горѣла керосиновая лампа. Въ ней было тихо, какъ въ могилѣ, и пахло землею, сыростью и холоднымъ табачнымъ дымомъ.

— Что такъ поздно, товарищъ, — сказалъ офицеръ генеральнаго штаба.—Мы слыхали бѣшеную пальбу въ тылу и думали, не совершили ли на васъ нападеніе германскіе аэропланы.

Верцинскій посмотрѣлъ выразительно на предсѣдателя комитета.

— Говорите при товарищѣ Зоненфельдѣ. У меня отъ товарищей солдатъ тайнъ и секретовъ нѣтъ. Вмѣстѣ клялись братски служить подъ краснымъ знаменемъ революціи, — сказалъ командиръ полка.

— Дѣло въ томъ, — сказалъ Верцинскій, — что смѣнять то мы васъ пришли, но не знаю, примете ли вы насъ и передадите ли намъ позицію. Мы пришли безъ патроновъ, безъ командира полка и почти безъ офицеровъ.

— Гдѣ же это все? — спросилъ командиръ полка.

— Патроны частью въ рѣкѣ, частью разстрѣляны на воздухъ, командиръ полка, полковникъ Козловъ, капитанъ Пушнинъ, поручикъ Звѣржинецкій и шесть подпоручиковъ убиты солдатами, около сорока офицеровъ разбѣжалось, я даже не знаю хорошенько, кто у насъ есть и кого нѣтъ.

Это извѣстіе не произвело большого впечатлѣнія ни на командира полка, ни на Зоненфельда.

— Этого надо было ожидать, — сказалъ Зоненфельдъ и въ упоръ посмотрѣлъ на Верцинскаго.

— Да, — сказалъ и командиръ полка. — Козловъ перетянулъ полкъ. Все къ старинѣ гнулъ. Онъ не понялъ новаго революціоннаго свободнаго солдата и поплатился. Царство ему небесное. Жалко, конечно, его, но нельзя было гнуть по своему и отрицать солдатскую волю.

— Погодите, еще натворили наши братцы, — сказалъ желчно Верцинскій. — Послѣ этого убійства они кинулись въ мѣстечко Далинъ и совершенно его разгромили. Я не знаю, что тамъ было, но насилія женщинъ продолжались до вечера и трупы ихъ лежатъ въ лѣсу подъ мостомъ.

— Это возмутительно, — воскликнулъ Зоненфельдъ.— Почему вы ихъ не остановили?

— Я посмотрѣлъ бы на васъ, какъ бы вы ихъ остановили, — сказалъ Верцинскій.

— Вы должны были употребить въ дѣло оружіе.

— Я никогда ни противъ кого не употреблялъ оружія, это мое убѣжденіе.

— Плехановская тактика, — насмѣшливо сказалъ Зонненфельдъ.

— Товарищъ, я съ вами заводить принципіальныхъ споровъ не буду. У васъ двѣ мѣрки: одна для офицеровъ, другая для евреевъ и еврейскихъ женщинъ. Вы — большевикъ, ленивецъ. Вамъ кровь — ничто. Мнѣ же, товарищъ, всякое убійство противно и противоестественно и поэтому оставимъ этотъ разговоръ.

— Первое — казнь. Можетъ быть жестокая, несправедливая, но казнь, месть народа. Второе — безсмысленное дикое убійство, Русское звѣрство, — горячо возразилъ Зонненфельдъ.

— Я, товарищъ, смертной казни не признаю и всегда боролся противъ нея, — сказалъ Верцинскій усталымъ голосомъ.

— Оставьте, господа, — вмѣшался командиръ полка,— теперь не время спорить о принципахъ. Мы стоимъ передъ голымъ фактомъ. Вы, товарищъ Верцинскій, кажется, юристъ по образованію.

— Нѣтъ, я филологъ и латинистъ.

— Ну, все равно. Вы должны лучше меня знать, что слѣдуетъ по закону за такое преступленіе, — сказалъ командиръ полка.

— Зачинщикамъ и главнымъ виновникамъ смертная казнь, — началъ Верцинскій, но Зонненфельдъ перебилъ его.

— Теперь, товарищъ, смертной казни нигдѣ нѣтъ. Это одно изъ главнѣйшихъ завоеваній нашей революціи. Говорить о смертной казни могутъ только такіе реакціонеры, какъ генералъ Корниловъ, нашъ новый главковерхъ, но помяните мое слово, товарищи солдаты ему этого не простятъ никогда.

— Оставьте, товарищъ, — ласково сказалъ командиръ полка. — Намъ необходимо выяснить обстановку. Допустимъ, что и смертная казнь, въ виду насилія надъ жителя-

ми, будетъ признана необходимой. Намъ, капитанъ, необходимо установить, кто отвѣтственъ за все это.

— Я думаю это невозможно сдѣлать. Работала толпа. Изъ полутора тысячъ человѣкъ, я полагаю, не принимало участія не болѣе пятисотъ.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ Зоненфельдъ, — я думаю, что это дѣло правильнѣе всего передать въ армейскій съѣздъ и политическому комиссару — онъ сумѣетъ разобрать его и подойти къ нему съ революціонной, а не обще-юридической точки зрѣнія. Виновные въ погромѣ необходимо должны быть строго наказаны, но, конечно, разстрѣлять тысячу человѣкъ, или даже судить тысячу нельзя. Необходимо выдѣлить зачинщиковъ и главныхъ участниковъ и комполка это выяснитъ.

— Я этого вопроса ни разбирать, ни касаться не хочу, — устало сказалъ Верцинскій. — У меня другой вопросъ. Солдаты привели меня на позицію и идутъ въ окопы. Но у нихъ нѣтъ патроновъ. У нихъ нѣтъ офицеровъ.

— Я вамъ помогу. Я передамъ вамъ половину своихъ патроновъ, да по существу это и неважно, — сказалъ командиръ полка. — Войны съ нѣмцами у насъ нѣтъ. Ни мы не стрѣляемъ, ни они не стрѣляютъ. Каждый день на фронтѣ впереди позицій идетъ мѣновая торговля и разговоры. Вчера мои пулеметъ промѣняли на бутылку рома и, знаете, прескверная. Я донесъ въ штабъ. Нашъ почтенный Абрамъ Петровичъ приказалъ показать пулеметъ утерянным въ бою. Среди нѣмцевъ много говорящихъ по-русски. Наши болтаютъ о мирѣ. Идиллія, а не фронтъ. По моимъ свѣдѣніямъ противъ нашего полка стоитъ одна рота, съ нами совсѣмъ не считаются и не собираются на насъ нападать. Да будь у насъ патроны, или не будь — солдаты опредѣленно заявили, что драться не будутъ. Что касается офицеровъ — то примѣните въ ротахъ выборное начало, сдѣлайте первый шагъ къ истинной демократизаціи арміи, о которой такъ много кричатъ, но для которой все еще ничего не дѣлаютъ, и увѣряю васъ, худого не будетъ. Итакъ, до лучшихъ дней. Оставляю вамъ въ наслѣдство лампу и здѣсь въ жестянкѣ небольшой запасъ ке-

росина. Я пойду распорядиться. Товарищъ, идемте, — и командиръ Павлиновскаго полка откланялся Верцинскому.

Оставшись одинъ, Верцинскій, какъ былъ, въ шинели и при амуниціи, повалился на грязный сѣнникъ на тончанѣ, доставшійся ему въ наслѣдство отъ Павлиновскаго полка и закрылъ глаза.

Онъ очень усталъ физически и, особенно, морально. Онъ терялся въ мысляхъ, путался въ выводахъ. Когда онъ закрылъ глаза — призраки обступили его. Онъ былъ безъ предразсудковъ, но въ могильной тишинѣ ему чудились стоны и вопли и, казалось, онъ слышалъ шорохъ одеждъ и множество рукъ тянулись къ нему и хватали за край матраца и хотѣли взять его и потребовать отъ него отчета. „Я-то при чемъ“, мысленно говорилъ Верцинскій, — „оставьте меня“. Онъ открылъ глаза. — „Какой скверный сонъ“, думалъ онъ. Но онъ не спалъ. Это не было сномъ. „Ужели муки совѣсти“, думалъ онъ. „У меня муки совѣсти, ха, ха, ха!“ Онъ хохоталъ дико и громко надъ собою, какъ когда-то хохоталъ надъ Саблинымъ и Козловымъ. „Муки совѣсти, угрызенія душевныя — но почему, почему? Вѣдь я-то, старый филологъ и латинистъ, не причемъ въ этой проклятой войнѣ, въ этомъ наслѣдіи жестокаго царизма. Вся вина и вся кровь на нихъ, на дьявольскомъ царско-полицейскомъ режимѣ!“ „Qui s'excuse — s'accuse!“*) Я не извиняюсь! Никогда, слышите, не, извиняюсь“, почти громко говорилъ онъ...

„А какъ же? Не ты ли, или тебѣ подобные, сочинили эту кровавую марсельезу и привили ее, какъ ядъ французской болѣзни, здоровому Русскому народу. Ты только сегодня, повторяя машинально слова нескладно пѣтой пѣсни, понялъ на опытѣ, чему ты училъ. Ты — Русская интеллигенція. Не талдычили ли вы, какъ дятлы кору, о прелестяхъ французской революціи, и кровавое красное знамя мятежа не окутали ли вы флеромъ красоты и свободы? Не отметнулись ли вы отъ кроткаго ученія Христа, и не назвали ли вы христіанское ученіе ученіемъ рабовъ? А что

---

*) *Кто оправдывается, тотъ обвиняетъ себя.*

дали вы вмѣсто этого? Миръ хижинамъ, война дворцамъ?.. Эти маленькіе еврейскіе домики съ крошечными двориками, завалеиными домашнею рухлядью, гдѣ копошатся красивыя пучеглазыя, въ волнистыхъ кудряхъ дѣти, такъ много, много дѣтей, гдѣ сидятъ старики съ библейскими бородами въ длинныхъ рваныхъ лапсердакахъ, гдѣ сидятъ то молодыя и красивыя, то старыя и безобразныя женщины — это дворцы?

„Казиміръ Казиміровичъ“, — обратился онъ самъ къ себѣ, — „я васъ спрашиваю — „бей жидовъ!“ — вы слышали этотъ крикъ, крикнули вы, или — я знаю, вы скажете это, — крикнулъ бывшій городовой, членъ союза Русскаго народа, черносотенецъ...“

Верцинскій застоналъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Призракъ одной дѣвочки его преслѣдовалъ. Онъ видѣлъ ее, когда бѣжалъ на мостъ изъ дубоваго лѣса. Это была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, съ рыжими золотистыми волосами ниже плечъ, съ громадными черными глазами, опушенными длинными рѣсницами. Она была сытенькая и упитанная. Четыре солдата несли ее. Алыя и пестрыя юбки задрались и изъ-подъ нихъ видны были маленькія ножки въ черныхъ чулочкахъ и повыше ихъ нѣжное розовое тѣло. Она кричала и стонала и пухлыя губы ребенка обнажали мелкіе и чистые, какъ перламутръ, зубы. Сзади бѣжали старикъ и старуха. Они все забыли въ своемъ бѣшеномъ горѣ, они ругались и ихъ сухіе жилистые кулаки колотили въ спины солдатъ, а цѣпкіе, тонкіе, какъ кости скелета, пальцы цѣплялись за рубахи. „Это были люди изъ дворцовъ? И кто палачи?“

„Что же, все кувыркомъ? Казиміръ Казиміровичъ, сорокъ лѣтъ жизни вздоръ, сорокъ лѣтъ вѣрованій ничто? Отъ гимназической скамьи и украдкой читаемыхъ Писарева, Добролюбова и Герцена до Карла Маркса и Плеханова, все ерунда? Надо пѣть — „съ нами Царь и съ нами Богъ, съ нами Русскій весь народъ“. А, Казиміръ Казиміровичъ? какову загадочку-то вамъ задала эта маленькая еврейская дѣвченочка съ пухленькими розовыми ножками?.. Ножа-

луй, въ нору было бы городового позвать, или за становымъ приставомъ съ казаками сносылать?“

Верцинскій сѣлъ на постель. Все тѣло его ломило, лихорадка била его. „Это оттого“, сказалъ онъ, „что я не снялъ эти проклятыя побрякушки“, онъ стащилъ съ себя амуницію, снялъ шинель, одежду, сапоги и остался въ одномъ бѣльѣ.

„Вѣруешь ли ты во что-нибудь?“ спросилъ онъ самъ себя. „Въ Бога, напримѣръ, вѣруешь?“ И твердо сказалъ:—„нѣтъ, не вѣрую, потому что, если повѣрю въ Бога, то повѣрю въ будущую жизнь, а повѣрю въ будущую жизнь, стану бояться, стану рабомъ, свободный человѣкъ не можетъ вѣровать въ Бога. Религія, это—опіумъ для народа“.

„А какъ же дѣвченочка-то? былъ бы опіумъ — не было бы и дѣвченочки?“

„А что такое она? Что такое старикъ и старуха съ ихъ бѣшенымъ горемъ?.. ну, было и прошло. Пройдетъ недѣля и опять считать копѣйки и рубли, и въ видѣ утѣшенія ходить и плакать на могилу. Все вздоръ. Ну, убили Козлова? Скажите, какое преступленіе! А то, что послали въ окопы на Лѣсищенскій плацъ-д'армъ и тамъ газами задушили шесть тысячъ человѣкъ, это не преступленіе? Почему Царское правительство, объявляя или принимая войну, право, а рядовой Савкинъ, размалывая прикладомъ лицо подполковнику Козлову, не правъ? Почему полковникъ Саблинъ, ведущій въ атаку на батарею, на вѣрную смерть дивизіонъ рабовъ — герой и его награждаютъ георгіевскимъ крестомъ, а матросъ, двинувшій полкъ свободныхъ солдатъ на убійство и насиліе, на такое же убійство, — ибо мертвымъ-то все равно, — преступникъ? Почему Саблинъ, овладѣвшій Марусей — принцъ... Да... такъ, говорилъ Коржиковъ, она называла его, — а солдатъ, овладѣвшій дѣвчоночкой — звѣрь и насильникъ? Результатъ и того и другого, все равно — смерть“.

„Вотъ въ смерть я вѣрю, а въ Бога... нѣтъ.“

„И что такое Богъ? Богъ безсиленъ. Все то, что дѣлается теперь, начиная съ войны, противно Богу, а Богъ не можетъ остановить этого, Богъ не покаралъ никого, а

вотъ тѣ таинственные семьдесятъ, которые правятъ всѣмъ міромъ, тѣ создали и войну, и революцію, и убійство Козлова, и „бей жидовъ“, и дѣвчоночка ихъ дѣло.“

„Они сказали: — вмѣсто тихаго пѣснопѣнія и очарованія религіи — дѣвчоночка съ розовыми ножками и садизмъ... А что? Не глупо придумано. Ха... ха... ха!.. Вотъ они-то боги и если кому вѣровать и кланяться, такъ имъ... Ха... ха... ха!... Имъ, семидесяти таинственнымъ!..“

Верцинскій повалился на койку, натянулъ на голову шинель и старался заснуть. Но все казалось ему, что призраки наполняли землянку, все слышались полузадушенные стоны, крики и вопли, и онъ туже натягивалъ на голову шинель. Наконецъ, ему показалось, что онъ забылся на одну минуту и сейчасъ же почувствовалъ, что землянка полна народомъ, что его трогаютъ, тащатъ съ него шинель. Онъ въ испугѣ сбросилъ съ лица шинель и открылъ глаза. И точно землянка была полна людьми.

Въ узкія стекла окна и въ раскрытую дверь входилъ ясный солнечный разсвѣтъ. Въ сизомъ воздухѣ землянки, наполняя ее всю и покрывая лѣстницу, толпились солдаты. Они были блѣдны, отъ нихъ пахло потомъ и прѣлымъ запахомъ проморившагося всю ночь безъ сна человѣка. Они совали какія-то записки Верцинскому и говорили:

— Господинъ капитанъ — вотъ вамъ списки зачинщиковъ по ротамъ. Больше все вторая рота виновата, а мы, ей-Богу, не причемъ. Мы, вотъ те Христосъ, освободить желали, а чтобы такое съ евреями, мы даже убѣжали. И вотъ сапоги его принесли, носите, господинъ капитанъ. Потому сапоги добрые и мы, чтобы сжели что взять, да ни Боже мой. Сейчасъ ребятъ отправляемъ, похоронять чтобы, значитъ, жертвы революціи этой самой. За батюшкой думаемъ послать. Подъ присягу пойдемъ: — ни сномъ, ни духомъ не виноваты. Ей-Богу! Какъ передъ Истинымъ. Одна вторая рота. Да вотъ еще матросъ. Кто его знаетъ, откуда взялся!..

Верцинскій смотрѣлъ на нихъ и дикая улыбка сумасшедшаго кривила его ротъ со сбритыми усами.

— Пошлите все въ штабъ дивизіи. Я ничего не знаю, — сказалъ онъ.

— Слушаемъ, господинъ капитанъ, — послушно сказали солдаты и стали выходить изъ землянки. Косые лучи праздничнаго, веселаго лѣтняго солнца ворвались въ нее, и съ ними вмѣстѣ вошелъ веселый писк ликующихъ лѣсныхъ птицъ.

Верцинскій повалился на койку и заснулъ крѣпкимъ сномъ безъ сновидѣній...

XX

Въ штабѣ корпуса дѣло объ убійствѣ командира полка и офицеровъ, и о погромѣ посада Далинъ рѣшили передать не судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, а въ армейскій съѣздъ и командировать для высылки виновныхъ комиссара арміи съ полкомъ казаковъ и пулеметами. Это дѣло было не единичнымъ и исключительнымъ. Подобные эксцессы уже были въ разныхъ мѣстахъ, и практика показала, что посылка слѣдователя ни къ чему не приводила. Отъ военнаго министра Керенскаго были преподаны для такихъ случаевъ указанія и рекомендовалось дѣйствовать съ полной осторожностью, дабы напрасно не раздражать солдатъ.

Армейскимъ комиссаромъ былъ прапорщикъ Кнопъ. Революціонная волна сдѣлала его сначала делегатомъ полка въ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, потомъ онъ попалъ въ исполнительный комитетъ этого совѣта, такъ называемый исполкомъ, послѣ апрѣльскаго переворота, гдѣ Кнопъ игралъ видную роль, руководя солдатами, онъ былъ посланъ комиссаромъ въ армію. Солдаты его считали своимъ — онъ былъ членомъ совдепа и исполкома — значитъ, за нимъ были большія заслуги передъ народомъ и революціей.

Попавъ на фронтъ, Кнопъ увидалъ совсѣмъ не то, что ожидалъ. Онъ попалъ къ іюльскому наступленію на Тарнополь и къ прорыву, подготовленному Керенскимъ и руко-

водимому Корниловым. Онъ видѣлъ восемьдесятъ офицеровъ. Они кинулись впередъ съ красными флагами, и всѣ полегли подъ выстрѣлами своихъ солдатъ, стрѣлявшихъ имъ въ спину. Онъ видѣлъ взбунтовавшійся, руководимый Дзевалтовскимъ Гренадерскій полкъ, онъ видѣлъ бѣгство сотни тысячъ людей, убійства, насилія и грабежи, равныхъ которымъ не знала міровая исторія.

Кнопъ открыто сталъ на сторону начальства. Въ пространномъ докладѣ онъ доказывалъ, что революція пошла по ложному пути, и что надо возстановить авторитетъ старшихъ начальниковъ, надо вернуть дисциплину, хотя бы цѣною смертной казни. Параллельно съ этимъ онъ считалъ необходимымъ увеличить власть и вліяніе политическихъ комиссаровъ. Тотъ самый Кнопъ, маленькій смутьянъ, боровшійся противъ внутренняго порядка въ запасномъ батальонѣ и противъ капитана Савельева, пѣвшій куплеты на вечерѣ графини Палтовой, сталъ теперь равнымъ командующему арміей. Въ его распоряженіи были автомобили, если при немъ не было адъютантовъ, то зато подлѣ него всегда вертѣлись услужливые члены мѣстнаго Совдепа и армейскаго комитета, всегда готовые подслужиться своему. Корпусные командиры, начальники дивизій и командиры полковъ — одни игнорировали его, другіе заискивали передъ нимъ, ища у него помощи и надѣясь черезъ него возстановить разрушавшіеся полки. Было отчего закружиться и болѣе крѣпкой головѣ, чѣмъ у Кнопа. Кнопъ сталъ важенъ. Онъ одѣлся въ Петербургѣ у лучшаго портного, сшилъ себѣ элегантный френчъ, рейтузы и копировалъ въ рѣчахъ и манерахъ своего кумира Керенскаго.

Когда въ штабъ арміи стало извѣстно о кровавой расправѣ въ Мороченскомъ полку, Кнопъ явился на засѣданіе мѣстнаго совдепа, сдѣлалъ огненный докладъ, заручился поддержкой совдепа и обѣщаніемъ утвердить всѣ его постановленія. По телеграфу было сообщено въ штабъ корпуса, что онъ ѣдетъ, и лучшая машина армейскаго гаража была дана въ его распоряженіе.

Корпусъ, которымъ командовалъ старичокъ, не умѣв-

шій отличить фокса отъ мопса, первый разъ принималъ у себя комиссара и встрѣчать его рѣшили, какъ самого командующаго арміей. Почетнаго караула не выставляли, но всѣмъ командамъ штаба было приказано выйти на улицу и не строемъ, но группами встрѣчать комиссара.

— Да смотрите, — говорилъ командиръ корпуса, — чтобы у всѣхъ были красные банты, а то знаете, наша солдатня, она совсѣмъ несознательная. Тогда генералъ Саблинъ запрещалъ, иной и теперь побоится.

— Если господинъ комиссаръ вздумаютъ поздороваться, — спрашивалъ заѣдающій Давыдова исправляющій должность начальника штаба, подполковникъ Стржалковскій, — какъ отвѣчать прикажете?

— Гм...— задумался командиръ корпуса.— Какъ думаете, господа?.. Я думаю, надо что-нибудь демократическое, Товарищъ комиссаръ? Хорошо будетъ?

— Я думаю, удобно ли будетъ — „товарищъ“, — сказалъ командиръ комендантской роты, старый капитанъ, переведенный изъ уѣздной полиціи. — Все-таки комиссаръ. Начальство въ нѣкоторомъ родѣ. И потомъ къ слову — товарищъ, не подойдетъ — здравія желаю.

— Вы, Иванъ Антоновичъ, совсѣмъ еще старорежимный человѣкъ, — сказалъ Стржалковскій — никакихъ „здравія желаю“. „Здравствуйте, товарищъ комиссаръ.“

— Я думаю, — сказалъ командиръ корпуса: — „здравствуйте, господинъ комиссаръ“, будетъ лучше. Онъ, говорятъ, совсѣмъ молодой человѣкъ и ему это польститъ.

— Репетировать прикажете? — спросилъ Иванъ Антоновичъ, — чтобы, значитъ, въ голосъ отвѣчали.

— Нѣтъ. Да вы знаете, пожалуй, даже и лучше не въ голосъ, — картиннѣе и демократичнѣе. А, впрочемъ, Богъ дастъ, и не поздоровается, — сказалъ командиръ корпуса.

Комиссара ожидали къ десяти часамъ утра. Къ этому времени прибылъ казачій полкъ. Казаки ухарски, съ пѣснями проѣхали черезъ деревню и у нихъ былъ такой видъ, что никакъ нельзя было угадать, на чью сторону они станутъ. Командиръ казачьяго полка, пожилой полковникъ,

въ красивой черкескѣ, украшенной серебромъ, и въ богатомъ оружіи, заѣхалъ въ штабъ. Тамъ былъ приготовленъ чай для комиссара и, хотя всѣмъ хотѣлось пить, никто не начиналъ въ ожиданіи Кнопа.

— Ну, какъ ваши? — спросилъ командиръ корпуса у казачьяго полковника.

— Кажется, настроеніе хорошее. Утромъ офицеры съ ними бесѣдовали, возмущались поступкомъ солдатъ, говорили, что такія безобразія и погромы недопустимы въ свободной арміи. Что намъ дѣлать нужно?

— Надо потребовать, чтобы выдали зачинщиковъ, ихъ считаютъ двадцать человѣкъ, арестовать ихъ и доставить въ штабъ, — сказалъ командиръ корпуса.

— Сопротивленія не встрѣтите, — сказалъ Стржалковскій. — Они образумились и покаялись. Всѣ зачинщики ими указаны. Это все заварила вторая рота. Въ ней и произведете чистку. Съ такими молодцами, какъ ваши, ничего не страшно. Вы какъ-то сумѣли видъ сохранить и лошади у васъ въ порядкѣ. А наши — совсѣмъ расползлись. Шинель надѣнетъ — хлястика сзади нѣтъ, рубахи стирать перестали, биваки загажены. Какъ еще болѣзней до сего времени нѣтъ, удивляться надо. А лошадей въ ординарческой и пулеметной командахъ кормить и чистить отказались. Офицеры ходятъ и сами кормъ раздаютъ. Скажешь имъ что, — поровятъ вдвое отвѣтитъ.

— Нѣтъ, у насъ еще, слава Богу, до этого не дошло. Даже честь отдавать офицерамъ сами постановили.

— Да, сознательный народъ, казаки. Не то, что наши, — вздохнулъ сидѣвшій въ углу полковой командиръ.

— Ѣдутъ, — распахивая дверь большой избы, гдѣ сидѣлъ корпусный командиръ, сказалъ молодой прапорщикъ и лицо его сіяло счастьемъ.

— Я думаю, — вставая, сказалъ командиръ корпуса,— намъ его встрѣчать-то, пожалуй, и неприлично. Мальчишка совсѣмъ, прапорщикъ. Говорятъ, ему двадцать три года всего.

— Конечно, — сказалъ Стржалковскій, но всѣ двину-

лись къ дверямъ за Иваномъ Антоновичемъ, который, оправляя амуницію, выбѣжалъ на крыльцо.

По улицѣ по обѣимъ ея сторонамъ, въ тѣни развѣсистыхъ яблонь и грушъ, подъ тополями толпились солдаты.

— Комисаръ... комиссаръ... — шорохомъ неслось по рядамъ.

— А молодой совсѣмъ.

— На жида похожъ.

— Они, почитай всѣ жиды.

— Пропала Россія, жиды стали править ею!

— На Керенскаго похожъ.

— Сказывали прапорщикъ, а погоны солдатскіе.

— Демократичности больше. Онъ партійный человѣкъ.

— Да, вотъ она новая народная власть. Этотъ за генераловъ не потянетъ.

Автомобиль, управляемый двумя молодыми интеллигентными юношами, подкатилъ къ калиткѣ у садика и Кнопъ, небрежно, изученнымъ и скопированнымъ у старыхъ генераловъ движеніемъ, скинулъ съ себя шинель и направился ко входу. Дежурный офицеръ встрѣтилъ его съ рапортомъ.

XXI

— Здравствуйте, генералъ,—протягивая большую чисто вымытую съ отшлифованными ногтями руку, сказалъ Кнопъ. — Я думаю сейчасъ и поѣдемъ. Люди собраны?

— Люди на бивакѣ. Батальоны, стоявшіе на позиціи, отказались смѣниться. 306-й полкъ пока при резервѣ. Они раскаялись. Зачинщики всѣ переписаны, и я не сомнѣваюсь, что ихъ выдадутъ.

Кнопъ, усаженный въ головѣ стола, небрежно развалясь, жевалъ приготовленные для него бутерброды съ сыромъ и ветчиной и пилъ чай.

— Вы, — сказалъ онъ покровительственно командиру корпуса, — не ѣздите. Слишкомъ много чести для этихъ

мерзавцевъ. Мы поѣдемъ вдвоемъ съ начальникомъ дивизіи.

— Я бы полагалъ, господ..., — командиръ корпуса поперхнулся, не зная, какъ титуловать Кнопа, — что мнѣ бы хорошо поѣхать. Люди меня очень любятъ. У нихъ обваливались землянки, я имъ лѣса готоваго выхлопоталъ, такъ, намедни, депутація являлась благодарить. Меня, знаете, и зовутъ даже — „нашъ дѣдушка". Русскій солдатъ, знаете, отходчивый человѣкъ. Патріархальности въ немъ много.

— Нѣтъ, вы останетесь, — сказалъ Кнопъ, кладя свою руку на руку командира корпуса. — Насъ и такъ довольно. Казаки готовы?

— Бивакъ оцѣпленъ лавою и пулеметы установлены,— сказалъ мрачно командиръ казачьяго полка, съ нескрываемою ненавистью и презрѣніемъ глядя на Кнопа.

— Ну, такъ ѣдемъ, — сказалъ, вставая, Кнопъ.

Его автомобиль окружили конные казаки, и сопровождаемый ими, онъ покатилъ по дорогѣ въ лѣсъ.

Былъ жаркій августовскій день. По небу разбѣжались волнистые бѣло-розовые барашки и небо было высокимъ и чистымъ. Стройныя, красно-желтыя сосны окружали дорогу, подъ ними доцвѣталъ розовый вереск, и къ терпкому запаху смолы, моха, хвои и можжевельника примѣшивался мѣстами тошный запахъ гніющаго конскаго трупа и человѣческихъ отбросовъ. Дорога шла то песками, то сбѣгала на узкую, бревенчатую гать, лѣсъ по обѣимъ сторонамъ становился ниже, могучія мачтовыя деревья смѣнялись маленькими кривыми соснами и кустами можжевельника и голубики. Кочковатое болото озеркомъ протягивалось вправо и влѣво, и снова поднимались пески.

Показались проволочныя загражденія и осыпавшіеся, давно не ремонтированные окопы тыловой позиціи, проѣхали лѣсомъ еще съ версту, сильнѣе сталъ запахъ человѣческаго бивака, пахнуло дымомъ и щами, и автомобиль выбрался на большую лѣсную прогалину, гдѣ были разбросаны низкія землянки. На прогалинѣ выстраивалось два батальона. Люди были безъ оружія. Кругомъ, въ лѣсу толпи-

лись въ строя солдаты, это былъ 306-й полкъ, собравшійся посмотрѣть на экзекуцію. Конные казаки съ обнаженными шашками стояли кое-гдѣ вдоль опушки лѣса. Сотня резерва, тоже на коняхъ, стояла противъ батальоновъ.

Раздалась команда „смир-рна!“, и батальоны затихли. Мертвая тишина наступила на лѣсной прогалинѣ. Кнопъ вышелъ изъ автомобиля. Машина, фырча и скрипя, отъѣхала и затихла.

Вся обстановка залитой солнцемъ лѣсной прогалины, гдѣ неподвижно стояло около тысячи человѣкъ, глядя на Кнопа, и куда выходили изъ лѣса и приближались, чтобы услышать комиссара, еще двѣ тысячи, казаки на лошадяхъ и сознаніе, что всего въ верстѣ идетъ позиція, а тамъ и непріятель, все это взвинчивало и вдохновляло Кнопа. Небрежнымъ шагомъ, неловко ступая по мху и вереску, запрокинувъ высоко голову, онъ приближался, сопровождаемый небольшою свитою и казаками, къ первому батальону.

Полкомъ командовалъ помощникъ Козлова, подполковникъ Щучкинъ, бывшій въ обозѣ, избѣжавшій благополучно расправы и теперь явившійся встрѣтить начальство. Это былъ пятидесятилѣтній худой человѣкъ, исправный фронтовикъ, на сухомъ лицѣ его были: исполнительность и почтеніе. Онъ то ѣлъ глазами начальника дивизіи, то грозно окидывалъ старыми, сверкающими изъ-подъ морщинъ сѣрыми глазками солдатскіе ряды и готовъ былъ ежеминутно кинуться и поправить, оборвать и подтянуть солдата. На Кнопа онъ не смотрѣлъ. Онъ старался не замѣчать его и былъ преисполненъ къ нему величайшаго презрѣнія.

Кнопъ остановился въ пяти шагахъ отъ батальона и, стиснувъ кулаки, прокричалъ:

— Мм-ерр-завцы! Вы что же думали, что свобода дана вамъ затѣмъ, чтобъ убивать, чтобъ насилія и погромы дѣлать!?... А?... Мы создаемъ не какой-нибудь англійскій, или нѣмецкій строй, а демократическую республику въ полномъ смыслѣ этого слова. Вы самые свободные солдаты въ мірѣ! Вы должны доказать міру, что та система, на которой строится сейчасъ армія — лучшая система. Вы

должны доказать монархамъ, что не кулакъ, а совѣты есть лучшая сила арміи!

— Докажемъ! — глухо прокатилось по толпѣ.

— Наша армія при монархѣ совершала подвиги, неужели при республикѣ она окажется стадомъ барановъ, негодяевъ и насильниковъ?

— Нѣтъ, никогда, — крикнуло изъ толпы два, три голоса.

— Такъ какъ-же вы употребили данную вамъ свободу? Вы перебили честныхъ слугъ республики, вы унизились до погрома... Вы!.. Вы... Вы не свободные граждане-солдаты, а взбунтовавшіеся рабы!.. И какъ съ рабами, съ вами будетъ поступлено. Я членъ исполнительнаго комитета Петроградскаго Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, и я требую, — взвизгнулъ Кнопъ, — я требую, чтобы вы немедленно выдали мнѣ тѣхъ негодяевъ, которые подстрекали васъ бунтовать на позиціи.

Кнопъ замолчалъ. Въ батальонѣ была тишина. Лица солдатъ были блѣдны, глаза мрачно горѣли. Никто не шелохнулся, ни одинъ голосъ не раздался изъ батальона.

— Зачинщики выданы? — спросилъ у Щучкина начальникъ дивизіи.

— Выданы-съ, ваше превосходительство, — кидаясь впередъ, сказалъ подполковникъ.

— Вызовите ихъ, — сказалъ Кнопъ.

Щучкинъ не шелохнулся, точно это его и не касалось,

— Вызывайте ихъ, полковникъ, — сказалъ начальникъ дивизіи.

Щучкинъ вышелъ впередъ Кнопа и громко и отчетливо сталъ на память выкликать фамиліи. Изъ рядовъ второй роты, медленно и нехотя, стали выдвигаться солдаты и выстраиваться шеренгой впереди батальона. Они были зеленовато-блѣдны и тяжело дышали. Это все были молодые люди, не солдатскаго вида, большинство не крестьяне, а горожане.

Ихъ набралось восемнадцать человѣкъ.

— И кромѣ этихъ, — сказалъ Щучкинъ, — еще двое: Кротовъ и Лунчаковъ на позиціи. За ними послано.

— Арестовать этихъ негодяевъ! — грозно крикнулъ Кнопъ.

— Товарищи! Что же это! — крикнулъ одинъ изъ вызванныхъ.

— Не выдадимъ! — раздались голоса въ батальонѣ. Сотни стиснутыхъ кулаковъ поднялись надъ головами, но никто не тронулся съ мѣста.

— Казаки! — сказалъ начальникъ дивизіи.

Конная сотня надвинулась къ батальону, руки опустились, и снова стало тихо.

— Ведите ихъ, — сказалъ Кнопъ казачьему офицеру.

Офицеръ мрачно посмотрѣлъ на него, окружилъ казаками вызванныхъ передъ строй людей и повелъ ихъ съ площадки. Такая тишина стояла въ лѣсу, что слышно было, какъ шуршали по вереску шаги уходящихъ солдатъ. Кнопъ плавалъ въ блаженствѣ. Ему казалось, что онъ большой, большой, выше всѣхъ, а кругомъ него маленькіе ничтожные люди. Онъ чувствовалъ себя, какъ Гулливеръ въ странѣ лиллипутовъ.

Онъ вышелъ передъ фронтъ батальоновъ и заговорилъ. Отрывистыми, короткими фразами, ясно и твердо чекая слова „подъ Керенскаго“, пересыпая свою рѣчь звучными революціонными лозунгами и отрывками изъ рѣчей своего кумира, Кнопъ говорилъ о завоеванной Русскимъ народомъ свободѣ, о великихъ завоеваніяхъ революціи, объ уничтоженномъ гнетѣ царизма, о необходимости революціонной дисциплины, которая должна быть выше и больше, чѣмъ прежняя дисциплина, и о томъ, что долгъ каждаго гражданина солдата всѣми мѣрами стремиться къ побѣдному окончанію войны въ полномъ согласіи съ союзниками. Онъ говорилъ хорошо. Солдаты его слушали, тяжело вздыхая и потъ струился по ихъ лицамъ. Большинство не понимало того, что онъ говоритъ, но слушало крикливый голосъ съ ясно замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ.

— Такъ поняли меня, товарищи? — закончилъ Кнопъ свою рѣчь.

— Поняли, поняли, — раздались голоса.

— Правильно я говорю?

— Правильно!.. Правильно!..

— Ну, вотъ видите, генералъ, — самодовольно сказалъ Кнопъ, — нужно только умѣть съ ними поговорить. Это славный русскій народъ.

— Да вамъ легко въ солдатскомъ платьѣ, — сказалъ начальникъ дивизіи, — а выйдетъ къ нимъ офицеръ, или, не дай Богъ, генералъ, — слова сказать не дадутъ.

— Пройдетъ и это, — снисходительно сказалъ Кнопъ. — Распустите батальоны, я съ ними потолкую отдѣльно.

— Распустите людей, — сказалъ Щучкину начальникъ дивизіи.

— Не надо бы, ваше превосходительство, — сказалъ Щучкинъ, тревожно глядя на людей.

— Ничего, ничего, распустите. Я знаю, что дѣлаю, — сказалъ Кнопъ.

Онъ ходилъ по бивуаку и ногъ подъ собою не чувствовалъ. Въ эти мгновенія онъ, какъ никогда, вѣрилъ въ силу своего слова и въ свое умѣнье владѣть массами.

— Разойтись, — скомандовалъ Щучкинъ.

Два сѣрыхъ квадрата батальонныхъ колоннъ распались на группы и вся прогалина покрылась кучками людей. Одни окружили казаковъ и заговаривали съ ними, другіе толпою ходили сзади Кнопа. Онъ остановился около большой сосны и, стоя на корняхъ ея, сверху внизъ смотрѣлъ на сѣрую толпу солдатъ, тѣснившуюся вокругъ. Онъ казался самъ себѣ проповѣдникомъ новой морали, новымъ Христомъ, окруженнымъ народомъ, жаждущимъ живого слова.

— Товарищи, — обратился онъ къ толпѣ. — Когда вы бунтовали противъ проклятаго царскаго правительства и убивали тѣхъ генераловъ и офицеровъ, которые не хотѣли идти съ народомъ за одно — это было понятно. Но теперь, когда самое великое благо человѣка, свобода, завоевана вами, теперь вы должны точно и безъ разговора и митинговъ исполнять приказанія своихъ начальниковъ... Если русскій народъ, въ особенности русская армія не найдутъ въ себѣ мужества, не найдутъ стальной брони дисциплины, то мы погибнемъ и насъ будетъ презирать весь міръ, будутъ презирать тѣ идеи соціализма, во имя которыхъ мы

совершили революцію. Вспомните нашихъ непримиримыхъ товарищей, крайнихъ соціалистовъ, думали ли они три мѣсяца тому назадъ, что они сегодня получатъ право говорить такъ свободно? Я привѣтствую тѣхъ, кто не останавливается ни передъ чѣмъ для достиженія своей идеи. Каждая честная цѣль — священна. Но къ вамъ одна просьба истерзанной, истекающей кровью Россіи, одна просьба. Подождите хоть два мѣсяца.

— Черезъ два мѣсяца, значитъ, и миръ? — спросилъ кто-то изъ толпы.

Кнопъ скривился въ презрительную усмѣшку.

— А вы, — сказалъ онъ, — что-же не хотите умирать за свободу?

— Кто хочетъ?... Это извѣстно... Поди-ка самъ попробуй... — ропотомъ пронеслось по толпѣ.

Вся фигура Кнопа выражала нескрываемое презрѣніе.

— Когда мы, кучка революціонеровъ, — продолжалъ онъ, — бросились на борьбу со сложнымъ механизмомъ стараго режима, мы никогда не оглядывались назадъ, мы шли на борьбу безъ оглядки и если надо было — умирали. Если вамъ дорога свобода и революція, и вамъ понадобится идти, и если даже вы пойдете одни, — идите и, если нужно умереть — умрите. Я зову васъ на борьбу за свободу! Не на миръ, а на смерть я зову васъ. Мои товарищи соціалисты революціонеры умирали одинъ за другимъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Мы, дѣятели революціи, имѣемъ право на смерть!

— Мы идемъ за тобой, товарищъ, — раздался чей-то одинокій голосъ.

— Такъ вотъ, товарищи, — вы обязаны исполнять все, что вамъ прикажутъ, — и это уже мы, комиссары, поставленные отъ народа, будемъ слѣдить за тѣмъ, чтобы приказанія не были въ ущербъ революціи.

— А позвольте васъ спросить, товарищъ, — сплевывая шелуху отъ сѣмечекъ, обратился къ нему маленькій несуразый солдатъ съ плоскимъ, желтымъ, изрытымъ оспою лицомъ и маленькими, сѣрыми, равнодушными глазами. У него были длинныя, какъ у обезьяны, руки съ большими

узловатыми кулаками и кривыя короткія по туловищу ноги. Лицо расплывалось въ идіотскую улыбку, и тогда видны были рѣдкіе дурные зубы, между которыми лежали подсолнухи.

— Говори, говори, Шатровъ, — одобрительно загудѣли кругомъ солдаты. — Этотъ скажетъ, правду истинную скажетъ.

— Какое, товарищъ, мы можемъ имѣть довѣріе къ начальникамъ, когда генералъ Саблинъ газами сколько народа передушилъ и ему ничего.

— Правильно!... Вѣрное слово... Правда истинная.

— Позвольте, товарищи, — спросилъ Кнопъ, — да когда же это было?

— А вотъ, объ весну. Заразъ послѣ революціи, какъ свободы вышли, онъ, значитъ, и порѣшилъ съ народомъ прикончить. Газы и пустилъ.

— Навѣрное, товарищи, газы пустили нѣмцы, — сказалъ Кнопъ.

— Это, конечно, нѣмцы. Ну только генералъ Саблинъ, сорокъ тысячъ за это дѣло отъ нихъ получилъ.

— Вы путаете, товарищи. Это не могло такъ быть.

— Конечно, когда солдатъ говоритъ, такъ завсегда скажутъ зря... Потому, молъ, безъ образованія. А правда то, товарищъ, гдѣ сидитъ? Правда въ окопномъ солдатѣ! Да, въ страстотерпцѣ великомъ, вшами заѣденномъ.

Въ другихъ группахъ говорили о томъ, что пріѣзжій комиссаръ вовсе и не комиссаръ, а нѣмецкій шпіонъ, присланный мутить солдатъ.

— Онъ и по русски то говоритъ не то какъ жидъ, не то, какъ колонистъ, — говорили солдаты.

— Совсѣмъ даже не демократическая рѣчь его была, — говорилъ казакъ, обращаясь къ солдатамъ. — Мерзавцы, да мерзавцы, этого мы и при старомъ режимѣ достаточно наслухались.

Офицеры казачьяго полка доложили о такихъ рѣчахъ своему командиру, тотъ собралъ полкъ въ резервную колонну и пошелъ къ Кнопу.

— Я бы вамъ, господинъ, — сказалъ онъ, — посовѣто-

валъ уѣзжать. Дѣло свое сдѣлали, зачинщиковъ взяли и слава Богу. А эти разговоры къ добру не приведутъ.

Кнопъ презрительно сморщился.

— Ахъ, — сказалъ онъ, — вы ничего не понимаете въ солдатской душѣ. Необходимо разсѣять всѣ эти потемки, необходимо разубѣдить солдата, что все это не такъ.

— Слава Богу, — проворчалъ подъ носъ командиръ полка, — тридцать лѣтъ съ этимъ народомъ вожусь и знаю его насквозь.

Онъ приказалъ шоферамъ подавать автомобиль.

Въ это время къ Кнопу подошелъ блѣдный взволнованный офицеръ и сказалъ, глядя на него, но обращаясь къ начальнику дивизіи:

— Ваше превосходительство, батальоны, занимавшіе позицію, сошли съ нея и въ боевомъ порядкѣ, цѣпями, наступаютъ на насъ. Они открыли рѣдкій огонь. Я приказалъ казачьимъ пулеметчикамъ стрѣлять по нимъ. Они отказались.

— Какъ! сошли съ позиціи, — гнѣвно воскликнулъ Кнопъ. — Это преступленіе. Я покажу этимъ мерзавцамъ, какъ обнажать фронтъ. Гдѣ позиція, полковникъ! Проводите меня.

— Не ѣздите лучше! — воскликнулъ командиръ казачьяго полка.

— Нѣтъ, я поѣду! — упрямо сказалъ Кнопъ. — Это мой долгъ заставить этихъ негодяевъ образумиться...

Онъ сѣлъ въ автомобиль съ начальникомъ дивизіи.

Машина тронулась, и сейчасъ же раздался чей-то пронзительный, покрывающій всѣ шумы голосъ:

— В ъ р у ж ь е!

И въ одно мгновеніе вся прогалина опустѣла.

XXII

Изъ землянокъ выбѣгали вооруженные солдаты. Они плотнымъ кольцомъ окружили лѣсную прогалину и загораживали всѣ выходы. Какъ будто, призывая къ бунту,

затрещалъ установленный на противоаэропланномъ колесѣ пулеметъ и сейчасъ же бѣшеная стрѣльба трехъ съ лишнимъ тысячъ винтовокъ, отраженная и усиленная лѣснымъ эхомъ, раздалась кругомъ. Стрѣляли вверхъ. Казачій полкъ всей массой, какъ былъ въ резервной колоніѣ, сорвался со своего мѣста и, увлекая офицеровъ, поскакалъ къ дорогѣ между проволочными загражденіями резервной позиціи. Дорога была узкая, опалѣвшіе казаки бросались прямо на проволоку и лошади падали, запутавшись между кольями, и надъ ними свистали и выли пули, сбивая вѣтки и усиливая панику.

Но не всѣ стрѣляли вверхъ. Часть стрѣляла по автомобилю, гдѣ сидѣли Кнопъ съ начальникомъ дивизіи, и по группѣ верховыхъ, гдѣ былъ командиръ казачьяго полка со своимъ адъютантомъ. Ординарцы казаки покинули ихъ. Автомобиль, поворачивавшій къ дорогѣ на позицію, былъ остановленъ шоферами, выскочившими изъ него и побѣжавшими за землянки, за ними выскочили и Кнопъ съ начальникомъ дивизіи. Начальникъ дивизіи ухватился за стремя командира казачьяго полка и побѣжалъ рядомъ съ нимъ за казаками. Кнопъ бросился въ землянку. Бывшіе подлѣ нея солдаты вскочили въ землянку раньше Кнопа и приперли дверь изнутри. Кнопъ остался на узкомъ крылечкѣ, врытомъ въ землю. Онъ былъ блѣденъ, въ глазахъ былъ безсмысленный, звѣриный ужасъ. Тотъ самый солдатъ съ обезьяньими руками и плоскимъ широкимъ лицомъ, что задавалъ ему вопросы, ударилъ его прикладомъ по темени и Кнопъ упалъ ничкомъ возлѣ двери. Нѣсколько выстрѣловъ въ затылокъ прикончили его. Все это солдаты дѣлали молча, серьезно и дѣловито. Кнопъ остался лежать на крыльцѣ.

Командующему полкомъ Щучкину удалось вскочить въ землянку и онъ спрятался было въ темномъ углу у наръ. Сейчасъ же за нимъ ворвались солдаты.

— Вотъ онъ! — крикнулъ высокій молодцеватый солдатъ съ георгіевскимъ крестомъ на груди. — Волоки его, товарищи, наружу!

Землянка наполнилась людьми. Подполковникъ, ста-

рый, сѣдой, съ потрепанной бородой, одѣтый въ китель съ погонами, при шашкѣ и револьверѣ, опустился на колѣни.

— Братцы, — воскликнулъ онъ, старчески всхлипывая. — Братцы! пощадите. Я ничѣмъ не виноватъ. Я всегда съ вами.

— Волоки, говорятъ, наружу! — раздался грозный приказъ у дверей.

Это распоряжался солдатъ, только что убившій Кнопа.

Грубыя руки схватили Щучкина и поволокли къ выходу.

— Братцы, — молилъ онъ, — во имя Христа пощадите меня.

— Ишь, кого вспомнилъ!... Христа! — проговорилъ мальчишка-солдатъ съ блѣднымъ идіотскимъ лицомъ. — А онъ былъ Христосъ то по твоему? А?

— Распять его товарищи, какъ Христа, тогда узнаетъ, — предложилъ другой молодой солдатъ.

— Гвоздей такихъ нѣтъ, — сказалъ кто-то изъ толкавшихъ Щучкина.

— Онъ и впрямь на Христа похожъ. Только борода сѣдая. Старый Христосъ.

— Распять его. Вотъ тутъ у стѣнки.

Въ лѣсу была построена изъ свѣжихъ сосновыхъ стволовъ небольшая часовня. Раньше подлѣ нея совершались очереднымъ священникомъ богослуженія. Солдаты, еще до революціи стоявшіе здѣсь, украсили ее рѣзьбою и внутри висѣли написанные кѣмъ то изъ офицеровъ образа. Къ ней подвели блѣднаго Щучкина.

— Братцы! — молитъ онъ, — не душегубы же вы, а солдаты. Вмѣстѣ кровь проливали.

— Что же распинать что ль будемъ, — улыбаясь, спросилъ высокій солдатъ, прижимая Щучкина рукою къ стѣнѣ. — Тутъ важно.

— Говорятъ тебѣ, гвоздей такихъ большихъ нѣтъ.

— Чего? Гвоздей?... — протянулъ солдатъ, убившій Кнопа, — а штыки не гвозди? Вытягивай ему руки. Поднимай его!

Въ раздвинутую ладонь съ размаха всадили штыкъ и сняли его съ винтовки. Пальцы инстинктивно сжались — и ухватились за штыкъ.

— О-охъ! — воскликнулъ Щучкинъ. — Ужели крестную муку приму!

Лицо его стало бѣлымъ, но въ глазахъ вмѣсто ужаса появился странный восторгъ. Онъ уже не чувствовалъ боли. Онъ смотрѣлъ вдаль и старый ротъ изъ-подъ сѣдѣющихъ сивыхъ усовъ бормоталъ:

— Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится!

Другой штыкъ пронзилъ его лѣвую руку и онъ полуповисъ на стѣнкѣ, поддерживаемый здоровымъ бородатымъ солдатомъ изъ запасныхъ, смотрѣвшимъ на него серьезными, важными, задумчивыми, кроткими глазами. Такъ смотрѣлъ онъ всегда на быковъ и барановъ, которыхъ приводили убивать.

Третій штыкъ пронзилъ грудь Щучкина по серединѣ и попавъ между бревенъ ушелъ по самую трубку.

— Единъ отъ воинъ копіемъ ребра ему прободе и абіе изыде кровь и вода, — хрипло, но ясно выговорилъ Щучкинъ.

— Да замолчишь ли ты, старый песъ! — крикнулъ гнѣвно солдатъ, убившій Кнопа.

Щучкинъ приподнялъ упавшую было на грудь голову, посмотрѣлъ прямо въ глаза говорившему и прошепталъ: — аминь! аминь! аминь!

Что то такое было въ потухающемъ взглядѣ стараго подполковника, что солдатъ, уже блѣдный, сталъ еще блѣднѣе, схватилъ винтовку и въ упоръ выстрѣлилъ въ високъ Щучкину. Ноги Щучкина безпомощно дернулись и онъ затихъ. Солдаты, распинавшіе его, вдругъ почувствовали ужасъ и разбѣжались отъ мѣста казни.

Стрѣльба затихла. Патроны были на исходѣ. Оживленіе и яростный подъемъ смѣнялись апатіей, люди, дошедшіе только что до крайнихъ предѣловъ озвѣрѣнія и дерзновенія, чувствовали, какъ липкій страхъ заползаетъ въ душу и сердце останавливается въ мучительныхъ пере-

боях. Не заходя въ землянки, они или нестройными толпами въ окопы, тамъ, передъ лицомъ непріятеля, надѣясь найти спокойствіе и оправданіе.

Нѣмецкіе часовые стояли открыто и смотрѣли на странныя событія, происходившія на русской сторонѣ.

Звѣздная теплая ночь спускалась надъ бивакомъ. Казачья лошадь съ перебитой ногой, запутавшаяся въ проволокѣ, то вскакивала на три ноги, то снова падала и жалобно ржала, будто звала на помощь своего хозяина. На порогѣ землянки, ничкомъ, въ парадномъ френчѣ, лежалъ Кноп, заглохшій автомобиль съ криво вывернутыми передними колесами стоялъ неподалеку. У часовни висѣлъ распятый Щучкинъ съ разбитой головой. Луна серебристымъ свѣтомъ отражалась въ его сѣдыхъ волосахъ и издали казалось, что надъ его головою сіяетъ вѣнецъ.

Бивакъ былъ пустъ.

Только Верцинскій лежалъ въ командирской землянкѣ, закрывшись съ головой шинелью и стараясь ничего не слышать и ни о чемъ не думать.

XXIII

Событія на бивакѣ, бѣшеная стрѣльба отразились далеко кругомъ. Казаки, конвоировавшіе арестованныхъ и уже отопедніе на всемъ скоростномъ, разбѣжались, а за ними разбѣжались и арестанты. Казаки, прискакавшіе съ позиціи, въ такихъ страшныхъ краскахъ рисовали то, что тамъ произошло, что штабныя команды рѣшили немедленно арестовать командира корпуса и послать сообщеніе о происшествіи въ штабъ арміи и въ мѣстный совѣтъ.

Поздно ночью изъ штаба арміи къ штабу корпуса прибыло двѣ броневыя машины. Офицеры, прибывшіе съ ними, освободили командира корпуса, но сообщили ему, что команды машинъ ненадежны и расчитывать на нихъ нельзя. Подъ утро явились командиръ казачьяго полка съ начальникомъ дивизіи, проплутавшіе по лѣсамъ цѣлую ночь. Командиръ полка собралъ казаковъ, но тѣ въ категори-

ческой формѣ заявили ему, что противъ солдатъ и трудового народа они не пойдутъ. Казаки собрались въ сотни и отправились на мѣсто своего ночлега, гдѣ выставили сторожевое охраненіе. Они опасались мести со стороны солдатъ Мерочинскаго полка. Полки всего корпуса волновались. Повсюду стало извѣстно объ убійствѣ комиссара и командовавшаго полкомъ и о томъ, что сила осталась на сторонѣ солдатъ и ни начальство, ни комиссары ничего не могли подѣлать.

Часовъ въ одиннадцать утра къ притихшему штабу, возлѣ котораго грозно стояли два броневика, подкатили власти на трехъ большихъ машинахъ. Это были члены мѣстнаго совдепа. Ими руководилъ Коржиковъ, присланный изъ Петроградскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Съ нимъ было семь человѣкъ. Два еврея — одинъ Гоммель — солдатъ-студентъ, другой — Зильбер фанатъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, рабочій, солдаты Лосевъ и Било, оба молодые, кончившіе четырехклассное училище, солдатъ Ломовъ, тупой, упрямый человѣкъ изъ крестьянъ, Павлуцкій — молодой парикмахерскій подмастерье и Лихачевъ — аптекарскій ученикъ. Одному Ломуву было за тридцать лѣтъ, всѣ остальные были моложе двадцати одного года. Съ важными, преисполненными серьезности лицами они разсѣлись за столомъ, вынули тетрадки и приступили къ допросу командира корпуса, его начальника штаба и офицеровъ, свидѣтелей убійства Кнопа, бѣжавшихъ отъ полка.

Коржиковъ сидѣлъ въ головѣ стола и умными злыми глазами смотрѣлъ на всѣхъ, ничего не говоря. Допросъ снималъ Гоммель. Онъ былъ притворно ласковъ, часто называлъ офицеровъ и генерала не чинамъ, но не прибавляя слово „господинъ“, — а прямо — „генералъ“, „поручикъ“, „капитанъ“. Этимъ онъ показывалъ, что хотя онъ и солдатъ, но, какъ членъ совдепа, онъ власть и даже что-то въ родѣ начальства.

— Я полагаю, товарищъ Викторъ, — сказалъ онъ Коржикову, — что намъ здѣсь больше допрашивать нечего. Картина ясна. Полное бездѣйствіе власти. Офицеры вмѣсто

того, чтобы остановить солдатъ отъ насилія и прекратить эксцессы, трусливо бѣжали. Не поѣдемъ ли на мѣсто дѣйствія? Мнѣ кажется намъ необходимо вывести полки съ позиціи, чтобы перебрать ихъ и выдѣлить несознательные элементы.

Коржиковъ кивнулъ головой.

— А вамъ, господа, — сказалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ, понуро стоявшимъ въ большой комнатѣ штабной избы, — я предлагаю немедленно отправиться къ своимъ частямъ и стать поближе къ солдатамъ. Я считаю, что во всемъ этомъ тяжеломъ дѣлѣ вы главные виновники.

Поручикъ, кадровый офицеръ, съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ и горящими глазами, выдвинулся впередъ и твердо сказалъ:

— Вы не правы! Мы дѣлали, что могли. Доказательствомъ тому замученные и убитые наши товарищи. Надо вернуть дисциплину, заставить уважать...

Коржиковъ прервалъ его.

— Но вы еще не убиты? — съ ироніей сказалъ онъ. — Значитъ, вы не исполнили свой долгъ до конца.

— Ахъ, такъ! — сказалъ поручикъ.

— Заставить уважать нельзя. Вы должны пріобрѣсти это уваженіе.

— Надо знать, что сдѣлали съ солдатомъ...

— Я съ вами не разговаривать пріѣхалъ, — сказалъ, вставая, Коржиковъ. — Я указываю вамъ ваше мѣсто. Ѣдемте, товарищи.

Коржиковъ въ сопровожденіи другихъ членовъ совдепа вышелъ изъ избы.

Въ лѣсу у резервныхъ зеленокъ было пусто. Рыжая лошадь, притихшая было на проволокахъ, увидѣвъ автомобили и людей, снова шарахнулась и звонко заливисто заржала. Машины остановились около Кіяновскаго автомобиля и члены совдепа сошли и сейчасъ же увидали убитаго Кіопа.

Ломовъ, Лосевъ и Било спустились, чтобы вынести его, остальные оставались наверху. Коржиковъ равнодушно смотрѣлъ на лицо убитаго. Онъ вспоминалъ совмѣстную

службу въ запасномъ гвардейскомъ полку, волненіе Кюна во время революціи, его страстныя рѣчи на митингахъ и въ совѣтѣ, его святую вѣру въ правильность и непогрѣшимость революціи и его поворотъ отъ народа къ власти, которая должна принадлежать лучшимъ людямъ, интеллигенціи.

— Достукался, — сказалъ онъ.

— Чаво? — спросилъ, оборачивая къ нему свое глупое лицо, Ломовъ.

— Ничего, — отвѣтилъ Коржиковъ и подумалъ: — „вотъ такимъ, какъ Ломовъ, дать власть! Эти раздѣлаютъ!“

Коржиковъ отошелъ отъ столпившихся въ почтительномъ благоговѣніи надъ тѣломъ убитаго товарища членовъ совдепа и, заложивъ руки за спину, пошелъ бродить по биваку.

„Диктатура пролетаріата“, думалъ Коржиковъ. — „Да, Ленинъ правъ, — диктатура пролетаріата, потому что это обозначаетъ нашу диктатуру надъ пролетаріатомъ, потому что пролетаріатъ пойдетъ, какъ рабъ, за тѣмъ, кто поразитъ его воображеніе. Какъ это все умно придумано и въ какой строгой послѣдовательности ведется работа.“

Вдругъ страшный, дикій, такъ неподходящій къ пустынному мѣсту, совершенно брошенному людьми, звукъ поразилъ Коржикова.

— Ха, ха, ха!... — смѣялся кто-то грубо и злобно... Ха... ха... ха!

Коржиковъ пошелъ на звуки этого смѣха. Ели и сосны разступились, образовавъ небольшую прогалину. На прогалинѣ стояла бревенчатая часовня. Видны были старыя гирлянды изъ елей и листьевъ омелы, висѣвшія на ней и иконы Спасителя и Божіей Матери, двухъ ангеловъ и Николая Чудотворца, въ особыхъ нишахъ.

— Ха... ха... ха! — неслось изъ-за часовни. Коржиковъ зашелъ за нее. Страннаго вида человѣкъ въ широкой, безъ клапана сзади, солдатской шинели, со смятыми, золотыми когда-то, капитанскими погонами, безъ фуражки, со

вѣключенными рѣдкими жолтыми волосами, пробитыми сѣдиною, съ бритымъ сухимъ морщинистымъ лицомъ, смотрѣлъ на заднюю стѣнку часовни и дико, какъ сумасшедшій, хохоталъ.

На задней сторонѣ часовни, съ руками раскинутыми на крестъ, прибитыми штыками, съ грудью пригвожденной штыкомъ къ стѣнѣ, съ разбитой головой, опущенной на грудь, висѣлъ трупъ распятаго офицера.

— Товарищъ! — задыхаясь отъ смѣха говорилъ Коржикову странный человѣкъ, — а, товарищъ! Вѣдь придумали же! А? Солдатики то наши! Народъ богоносецъ! Какъ Христа распяли командира своего... Щучкина, а? Поди-ка въ Царствіи небесномъ теперь... А? Святая Русь! Съ попами, съ чудотворными иконами, съ мощами — а... Распинаетъ, какъ Христа! Понимаете, товарищъ, силу сей аллегоріи. Царя не стало и Бога не стало. Аминь. Крышка. Христа то кто распялъ? Жиды? Ну и Щучкина... Не жиды же? Нѣтъ. Православное христолюбивое воинство. Ловко. Это на шестой мѣсяцъ революціи! И замѣтьте себѣ, безкровной! Что же дальше то будетъ? Полюбуйтесь, товарищъ на сіе паденіе. Вѣдь уже пропасть такая, что глубже и падать некуда. А что ежели per aspera ad astra.*) Отъ такихъ то пропастей, до какихъ же звѣздъ мы прыгнемъ! Вотъ она русская революція! Подполковника Мишу Щучкина, какъ Христа, распяли!... Миша! святымъ будешь!... Канонизируютъ тебя попы то, коли останется ихъ хоть немного на разводъ... А!? Святителю отче Михаиле, моли Бога о насъ... Ха.. ха... ха... Какова аллегорія то?

— Вы мнѣ нравитесь, — сказалъ Коржиковъ, остро вглядываясь въ лицо Верцинскаго. — Какъ ваша фамилія?

— Моя то! Позвольте представиться, — прикладывая къ непокрытой головѣ руку и потѣшно вытягиваясь проговорилъ человѣкъ въ шинели.

---

*) *Черезъ пропасти къ звѣздамъ.*

— Верцинскій, Казиміръ Казиміровъ сынъ, капитанъ и латинистъ. Приватъ-доцентъ и революціонеръ... Плехановецъ.

XXIV

Послѣ ареста солдатами и освобожденія въ штабѣ фронта Саблинъ поѣхалъ въ Петроградъ съ твердымъ намѣреніемъ добиться отставки. Въ Петроградѣ онъ нашелъ тревожно выжидательное отношеніе къ революціи. Вся надежда была на Керенскаго. Въ него вѣрили, къ нему подыгрывались, думали, что онъ сможетъ быть тѣмъ мостомъ между Временнымъ Правительствомъ, составленнымъ изъ буржуазіи, и Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, гдѣ неистовствовалъ Чхеидзе.

Отставка Саблина была отклонена. Только что вышелъ приказъ военнаго министра Керенскаго, воспрещавшій старшимъ начальникамъ даже проситься въ отставку. Напрасно Саблинъ доказывалъ, что онъ не можетъ вернуться въ корпусъ, гдѣ сидятъ оскорбившіе его солдаты — „и не возвращайтесь“ — сказали ему въ штабѣ. „Мы вамъ дадимъ другой корпусъ, другое назначеніе. Это такъ понятно. Армія переболѣетъ и выздоровѣетъ.“ Ему приводили въ примѣръ французскую революціонную армію, которая тоже началась съ санкюлотовъ, а преобразилась въ Наполеоновскихъ чудо-богатырей, покорившихъ всю Европу. Саблину льстили. „Намъ“, говорили ему, — „Мюраты нужны“. — „Гдѣ же Наполеонъ?“ — спрашивалъ онъ. Одни говорили: „Явится и Наполеонъ, погодите“. другіе таинственно молчали и подмигивали на висящій повсюду портретъ Керенскаго, то въ профиль, то en face.*) Большинство безнадежно махало руками. Какъ то слишкомъ быстро штабы измѣнили свою физіономію и потеряли торжественность. Ихъ заполнила улица.

Тамъ, гдѣ раньше была тишина, гдѣ сидѣли важные генералы, и гдѣ, чтобы дойти до нихъ, нужно было проходить че-

*) *Съ лица.*

ремъ опросы адъютантовъ, писарей и курьеровъ, гдѣ были совсѣмъ недоступныя постороннему глазу комнаты съ надписями „оперативный отдѣлъ", „управленіе генералъ-квартермистра", гдѣ висѣли громадныя карты фронта, разрисованныя акварельными красками, и гдѣ съ точностью до одного человѣка были показаны всѣ наши части и части противника, гдѣ хранились всѣ секреты и гдѣ работали офицеры генеральнаго штаба съ важными замкнутыми лицами, — теперь свободно ходили какіе-то молодые люди во френчахъ, или рубашкахъ съ солдатскими погонами, то тупые озабоченные солдаты-русаки, то юркіе еврейчики, разспрашивали офицеровъ генеральнаго штаба и тѣ отрывались отъ работы и съ кистью въ рукахъ и разведенной краской на блюдечкѣ, передъ разложенными секретными вѣдомостями, что-то толковали этимъ молодымъ солдатамъ. Все это были делегаты отъ фронта и отъ Петроградскаго гарнизона, старавшіеся проникнуть во всѣ тайны нашихъ дѣйствій для доклада пославшимъ ихъ частямъ. „Въ демократической арміи нѣтъ тайнъ", былъ лозунгъ по всѣмъ министерству и предсѣдатель какого-нибудь полкового или дивизіоннаго комитета съ двумя-тремя делегатами, по предъявленіи „мандата", грязнаго клочка бумаги, гдѣ удостовѣрялось, что они дѣйствительно посланы въ штабъ за справками, имѣлъ право требовать отчета отъ всѣхъ управленій. Настоящая работа остановилась. Она стала фактически невозможной. Некогда было заниматься, все время уходило на удовлетвореніе вопросовъ делегатовъ и комитетовъ, по сто разъ приходилось доказывать, что тотъ, или иной приказъ начальника на фронтѣ вызванъ необходимостью и боевою обстановкой, а не является актомъ, направленнымъ противъ революціи. И только что начальникъ отдѣленія, окончивъ разъясненія и пожавъ десятокъ грубыхъ, грязныхъ и потныхъ рукъ, принимался въ спертомъ воздухѣ кабинета за срочную работу, какъ дверь распахивалась, молодой прапорщикъ-адъютантъ торжественно заявлялъ: — „делегаты отъ №-ской дивизіи сѣверо-западнаго фронта" и партія солдатъ, чающихъ объясненій, вваливалась въ кабинетъ и на-

чиналась новая бесѣда. Весь день проходилъ въ сказкѣ про бѣлаго бычка. „Была революція и дана народу свобода?“ — „Была.“ — „Долженъ приказъ номеръ первый исполняться на фронтѣ?“ — „Долженъ.“ — „Такъ... А насъ начальникъ дивизіи выгналъ окопы рыть и заставилъ по колѣно въ грязи лопатами ворочать. Имѣлъ онъ на это право?“ — „Конечно, имѣлъ.“ — „Да вѣдь была революція?“ — „Была“... И такъ далѣе продолжалось часами. Просидѣвъ часа два въ комнатѣ и не получивъ желаемаго отвѣта, делегаты заявляли иногда между собою, иногда вслухъ: — „ну, товарищи, намъ здѣсь нечего дѣлать, здѣсь еще старымъ режимомъ пахнетъ“ — и шли въ другое мѣсто искать такихъ людей, которые сказали бы имъ, что послѣ революціи наступило такое блаженное время, когда можно ничего не дѣлать. Такое мѣсто они находили. Это былъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Тамъ къ делегатамъ выходилъ солдатъ, или прапорщикъ, и начиналась волнующая душу бесѣда на ту тему, что, конечно, приказъ начальника рыть окопы есть приказъ правильный постольку, поскольку вообще правильно продолжать войну. Россія не нуждается ни въ какихъ завоеваніяхъ, и стремленіе рабоче-солдатскаго правительства заключить миръ безъ аннексій и контрибуцій, но это можно сдѣлать постольку, поскольку мы не связаны договорами съ нашими союзниками, въ полномъ согласіи съ которыми мы и должны продолжать войну. Но договоры съ союзниками обязательны для насъ лишь постольку, поскольку вообще обязательны какіе-бы то ни было договоры Царскаго правительства. Временное правительство ихъ признало, но Временное правительство не есть правительство, избранное народомъ, а настоящимъ правительствомъ являются совѣты. Добейтесь, товарищи, перехода всей власти въ наши руки — совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, только тогда мы сможемъ предложить не на словахъ, а на дѣлѣ демократическій миръ всѣмъ народамъ.

Такая туманная философія очень нравилась солдатамъ. Тѣхъ же, кто хотѣлъ категорическаго, опредѣленнаго отвѣта на всѣ недоумѣнные вопросы, мучившіе ихъ въ око-

пахъ, отсылали въ партію большевиковъ. Тамъ они получали такіе ясные, опредѣленные отвѣты, тамъ открывались передъ ними такія широкія возможности, что делегаты ѣхали на фронтъ, повторяя слова учителей и заучивая ихъ имена, какъ имена апостоловъ.

Одни старые генералы учили, другіе приспособились. Появились въ штабахъ очень молодые полковники и подполковники генеральнаго штаба, сіяющіе, довольные, точно покрытые лакомъ, украшенные алыми бантами и очень занятые. Они сидѣли по нѣсколько минутъ въ штабѣ, небрежно выслушивали генераловъ и кадровыхъ офицеровъ, а потомъ съ какими-то солдатами садились въ автомобили и мчались въ совѣтъ, на митингъ, въ казармы. Они организовывали союзы офицеровъ, выступали съ демократическими рѣчами, предавали проклятію прошлое, отметались отъ вѣковой славы русскаго оружія, заслуженной подъ двуглавымъ орломъ. Они съ лихорадочною поспѣшностью печатали жиденькія брошюры, подъ фирмою „Офицеръ-революціонеръ", говорившія о политическихъ партіяхъ и ихъ задачахъ, объ углубленіи революціи, объ ошибкахъ прошлаго. Они изо всѣхъ силъ насаждали политику въ арміи и съ такимъ же тупымъ упорствомъ, съ какимъ прапорщикъ Никаевъ говорилъ, что онъ и за человѣка не считаетъ того, кто „ежели не партійный" — они доказывали, что каждый офицеръ долженъ открыть свое лицо и сказать, какъ онъ вѣруетъ. И тѣмъ, кто не соглашался съ ихъ программой, недвусмысленно намекали, что имъ грозитъ месть народа: — Варѳоломеевская ночь.

Это были тоже **взбунтовавшіеся рабы** со всѣми чертами, присущими рабамъ. Наглые, жадные къ деньгамъ и къ окладамъ, циничные, готовые предать другъ друга, подхалимы передъ тѣми, кто могъ захватить власть въ свои руки, готовые идти за любымъ вождемъ, кто поманитъ ихъ подачками наградъ и повышеній, эти люди быстро и незамѣтно вытѣснили серьезныхъ, дѣловыхъ офицеровъ и повели штабы и учрежденія по пути соглашательства съ толпою.

Ихъ цѣль была заплевать и вырвать вонъ все старое,

всѣ традиціи русской арміи. Керенскій потребовалъ, чтобы знамена и штандарты русской арміи были доставлены въ Петропавловскую крѣпость для замѣны и передѣлки. Съ нихъ предполагалось сорвать святыя эмблемы: — икону — изображающую вѣру православную, двуглаваго орла — Родину, и вензель государевъ — Царя. Къ чести полковъ — большинство не исполнило этого приказа и не дало тогда знаменъ своихъ на поруганіе. Маріевые батальоны выступали подъ своими алыми знаменами. Были они разнаго качества, разной величины и съ разными часто діаметрально противоположными лозунгами.

Саблинъ видѣлъ, какъ по Загородному проспекту, подъ добрый старый маршъ „Подъ двуглавымъ орломъ“ шелъ на Николаевскій вокзалъ для отправки на фронтъ батальонъ гвардейскаго полка. Надъ нимъ рѣяло большое шелковое красное знамя, гдѣ было вышито бѣлымъ: — „война до побѣднаго конца въ полномъ согласіи съ союзниками“ и на другой сторонѣ — „да здравствуетъ Временное Правительство“... Батальоны шли бодрымъ шагомъ, офицеры шли въ общихъ рядахъ съ солдатами.

— Вотъ молодцы, такъ молодцы! — восхищался ими извозчикъ, вставая на козлы своей пролетки. — Эти покажутъ...

Черезъ полтора мѣсяца Саблинъ узналъ, какъ „эти показали“. Они, перебивъ офицеровъ, бѣжали съ фронта и грабили и неистовствовали въ тылу. Видалъ онъ тоже большую часть, шедшую не то на вокзалъ, не то на демонстрацію. Большія краснаго кумача знамена рѣяли надъ нею, и на нихъ черными буквами значилось: „долой Временное Правительство“, „да здравствуетъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ“, „Миръ хижинамъ, война дворцамъ“.

Эти шли, сопровождаемые громадной толпою женщинъ, и пѣли марсельезу. Потомъ, оборвавъ ее, запѣли на мотивъ „Ухаря купца“.

Рыжь ананасы, рябчика жуй,
Насталъ твой послѣдній денечекъ, буржуй!

И такъ нелѣпы были эти слова въ устахъ солдатъ, что Саблинъ невольно остановился.

Кругомъ толпа возмущалась.

— Это все Ленина работа,—говорили въ толпѣ.—Ишь нѣмецкаго шпіона приняли и во дворцѣ держатъ. Что жъ это за порядокъ? И позволяютъ. Какое это въ самомъ дѣлѣ правительство!

По всему городу висѣли красные флаги.

Были провозглашены свободы слова и печати и старый „Русскій Инвалидъ“, дѣтище Поливанова, газета съ вѣковыми традиціями и съ историческимъ названіемъ, возникшая въ 1813 году съ благотворительною цѣлью помощи русскимъ инвалидамъ великой отечественной войны, перезвѣнила свое названіе на „Армію и Флотъ свободной Россіи“ и стала узко партійнымъ органомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Тѣ самые гвардейскіе полки, что выставляли почетные караулы коронованнымъ особамъ и передъ всѣмъ міромъ являли мощь и красоту русской арміи, теперь выставляли почетные караулы возвращавшимся изъ ссылки преступникамъ. Они брали на карауль передъ „бабушкой русской революціи“ Брешко-Брешковской, глупой старухой, предпринявшей поѣздку по фронту и раскатывавшей съ генераломъ Брусиловымъ на автомобилѣ. Она подмигивала и кивала сѣдою головою солдатамъ, говоря имъ рѣчи, которыя слышалъ только первый десятокъ. Женщина ворвалась въ армію и внесла въ нее развратъ и разложеніе. Какъ-то вдругъ по всѣмъ штабамъ и управленіямъ появились барышни съ пишущими машинками и трескомъ Ремингтоновъ наполнили раньше тихіе и строгіе кабинеты и канцеляріи.

— Что онѣ пишутъ? Почему ихъ такъ много? — спросилъ знакомаго штабного офицера Саблинъ.

— А Богъ ихъ знаетъ, — отвѣчалъ тотъ, разводя руками. — Тамъ, гдѣ раньше сидѣлъ одинъ полуграмотный писарь и справлялся съ работою, тамъ теперь работаетъ десятокъ барышень, и никогда ничего не добьешься.

Керенскій приступилъ къ формированію женскихъ ба-

тальоновъ, и любители клубнички en grand*) потянули туда, прикрываясь красивыми лозунгами общаго равноправія.

Саблинъ смотрѣлъ на все это и уже не возмущался тому, что такъ зря сдали Лѣнинскій плацъ-д'армъ, что его арестовали и оскорбляли солдаты, что вмѣсто наступленія была одна ерунда и позоръ для арміи. Все это такъ и должно было быть, потому что всѣ принципы военной науки были опрокинуты. Гучковъ, а потомъ Керенскій, упрямо доказывали, что дважды два пять, а Брусиловы, Клембовскіе, Рузскіе и другіе, многіе, многіе, съ покорностью рабовъ соглашались съ ними и старательно рѣшали задачи съ невѣрною таблицей умноженія.

Саблину теперь часто вспоминались давніе вечера у Вари Мартовой и его зеленые споры съ зеленой молодежью. Молодежь достигла своего. Ни отданія чести, ни святости знамени, ни отчетливости караульной службы, ни ученій, ни воспитанія — всюду свобода. Арміи уничтожены и вмѣсто нихъ стала толпа. „Ну что же,“ думалъ Саблинъ, „имъ остается довершить начатое и опрокинуть войну. Только въ ихъ ли власти это будетъ? Не окажется ли, что война есть явленіе иного порядка, управляемое не людьми, а Высшимъ Разумомъ, подчиненное волѣ Господа Бога“.

Саблинъ видѣлъ, что революція русская уже идетъ никѣмъ не управляемая, или, можетъ быть, управляемая тѣми невѣдомыми семидесятью, о комъ ему такъ туманно говорилъ Верцинскій.

Приглядѣвшись ко всему, что происходило, Саблинъ понялъ, что никакой отставки быть не могло, какъ не было и службы. Люди оставались на мѣстахъ, люди занимали тѣ, или иныя командныя должности, но работать, служить они не могли, имъ мѣшали и сверху и снизу. И уйти они тоже не могли, потому что некуда было уйти, не было путей отступленія. — Вся Россія кипѣла котломъ, вся Россія обратилась въ сумасшедшій домъ, и каждый здраво-

*) *Въ большомъ количествѣ.*

мыслящій человѣкъ говорилъ себѣ: — я останусь, чтобы противодѣйствовать этому сумасшедшему потоку, но онъ былъ, какъ пловецъ, бросившійся въ пучину Иматры. Волны подхватывали его и разбивали о камни. Но и выбраться на берегъ было нельзя. Можно было сдѣлать только одно: — уѣхать заграницу. Но на такой шагъ Саблинъ не рѣшался. Это казалось ему дезертирствомъ.

XXV

Саблинъ вспомнилъ, что еще 18-го марта, то есть за три дня до газовой атаки и его ареста солдатами Павлиновскаго полка, онъ получилъ изъ Петербурга бумагу, гдѣ отъ него требовали откровеннаго мнѣнія, въ какой мѣрѣ революція расшатала армію.

Саблинъ тогда составилъ докладъ, гдѣ отвѣтилъ съ безпощадною правдивостью, что революція и приказъ № 1 не только расшатали, но уничтожили армію. Революція, отмѣтя царя, уничтожила лучшіе идеалы арміи: родину и ея представительство. Революція, отмѣнивъ молитву, посягнула на вѣру, смыслъ умирать пропалъ. — И теперь надо или выдвинуть новые животные идеалы грабежа и насилія и вести войну во имя добычи и наслажденій, какъ ведутъ ее дикари и варвары, или вернуть старое, или кончить войну. Саблинъ зналъ, что еще Гучковымъ была образована при военномъ министерствѣ комиссія подъ предсѣдательствомъ генерала Поливанова, которая должна была пересмотрѣть весь матеріалъ, поступившій съ фронта отъ строевыхъ начальниковъ, и выработать новые уставы съ новыми принципами. Но новыхъ уставовъ не было. Было отмѣнено старое и на мѣстѣ отмѣненнаго оставалась пустота. Солдаты отказывались признавать уставы гарнизонной и внутренней службы и дисциплинарный, отказывались считаться съ воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ, такъ какъ они были изданы при царскомъ правительствѣ. Необходимо было вмѣсто нихъ издать какіе-то новые революціонные уставы и законы, но кн. Львова

и Гучкова смѣнилъ всевѣдущій Керенскій, а этого сдѣлано не было.

Саблинъ справлялся въ Петербургѣ объ этой комиссіи, но никто не могъ дать ему опредѣленнаго отвѣта. Вмѣсто Поливанова ему называли генерала Потапова. Саблинъ рѣшилъ обратиться къ первоисточнику и отправился къ Поливанову.

Поливанова онъ нашелъ на той же квартирѣ и въ той же скромной обстановкѣ, какъ и передъ революціей. Онъ еще болѣе постарѣлъ и осунулся. Глаза его уже не блестѣли, какъ тотъ разъ въ ожиданіи революціи.

— Да, — сказалъ онъ на вопросъ Саблина относительно работы комиссіи, — такая комиссія была. Она была очень хорошо составлена. Въ нее были привлечены лучшія строевыя силы и мы намѣтили правильный планъ созданія арміи на началахъ желѣзной дисциплины.

Сказавъ это, генералъ Поливановъ откинулся въ кресло, лицо его передернулось болѣзненной гримасой и онъ искоса посмотрѣлъ на Саблина. Но въ маленькихъ узкихъ глазахъ его не было прежняго задорнаго лукавства.

— Что же случилось?

— А вотъ что. Насъ охватила общая болѣзнь всѣхъ дѣятелей теперешняго времени. Насъ охватила б о л т о в н я. Мы начали было дѣловыя совѣщанія, но къ намъ стали являться съ запросами, совѣтами, требованіями делегаціи съ фронта и отъ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, они часами говорили митинговыя рѣчи и не давали возможности работать. Я заявилъ, что я не могу работать, если улица будетъ мнѣ мѣшать. Слово у л и ц а представителями совѣта было принято, какъ оскорбленіе, совѣтъ потребовалъ моего удаленія... И меня удалили...

Наступила длинная пауза. Поливановъ искоса смотрѣлъ на Саблина, Саблинъ прямо смотрѣлъ на Поливанова.

— Выходитъ, — сказалъ Саблинъ, — что бороться съ самодержавнымъ императоромъ и добиваться отъ него правильныхъ рѣшеній на пользу родины, бороться противъ интригъ императрицы было легче. Императрица долгіе

годы не могла добиться вашего удаленія и, когда добилась, вы попали въ Государственный совѣтъ, а республиканскія власти безотказно и безъ разговора сдали и васъ и ваше дѣло въ угоду улицы.

Поливановъ молчалъ.

— Ваше высокопревосходительство, что же будетъ дальше? — спросилъ Саблинъ.

— Что дальше? — сказалъ Поливановъ. — Вы спрашиваете, что дальше. Надо работать съ ними, съ рабочими и солдатами, а не идти противъ нихъ.

— Но съ ними работать невозможно. Работа съ ними означаетъ немедленный сепаратный миръ безъ аннексій и контрибуцій, разрушеніе Россійскаго государства, возвращеніе въ первобытныя времена, полное уничтоженіе культуры и городовъ. О! Я слишкомъ хорошо знаю ихъ. Это не только позоръ Россіи, но и гибель ея.

— Да, если мы не будемъ съ ними работать, если предоставимъ ихъ самимъ себѣ. Но представьте, что мы сумѣемъ взять власть въ свои руки и заставимъ подчиниться намъ это баранье стадо.

— Если только оно уже не подчинено кому-нибудь другому. А если оно работаетъ не стихійно, а управляется со стороны?

— Кѣмъ? — спросилъ Поливановъ, и въ узкихъ глазахъ его показалась тревога.

— Тѣми, кого никто не знаетъ, никто никогда не видалъ, но кто стремится подчинить весь міръ себѣ. Консорціумомъ германскихъ и американскихъ банковъ, рѣшившихъ обратить Россію въ пустыню, чтобы путемъ концессій и колонизаціи выжимать изъ нея доходы. Я не знаю кѣмъ, но знаю одно, что въ кажущейся хаотической обстановкѣ теперешняго бунта есть и извѣстная послѣдовательность: — это уничтоженіе религіи, и я бы сказалъ — русскаго духа, въ чемъ бы онъ ни проявлялся.

— Вы говорите серьезно и я серьезно вамъ и отвѣчу, — скрипучимъ голосомъ сказалъ Поливановъ. — Вы подразумѣваете, конечно, масоновъ. Въ такое могущество масонскихъ ложъ я не вѣрю. Повѣрить въ это, это значило

бы повѣрить въ антихриста и второе пришествіе, это значило бы ожидать кончины міра.

— А если это такъ и есть? — горячо перебилъ Поливанова Саблинъ.

— Это не такъ. Да, тутъ есть работа интернаціонала. Намъ онъ кажется таинственнымъ, потому что у насъ самое слово это было запрещено, но мы знаемъ, что во всемірномъ братствѣ народовъ нѣтъ и не можетъ быть ничего худого.

— Такое братство можетъ быть осуществлено только во Христѣ и черезъ Христа, а теперь идетъ борьба противъ Христа. Я смотрю на весь этотъ переворотъ иначе — я считаю, что то, что дѣлается въ Россіи — это борьба добраго начала со злымъ. Россія оставалась послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ хранилось благочестіе и истинная вѣра, и злое начало, скажу прямо, діаволъ ополчился на нее.

— Оставьте, Александръ Николаевичъ, — сказалъ Поливановъ. — Россія съ ея сектантствомъ, съ ея Распутиными, Варнаввами, Иліодорами, великосвѣтскими и народными кликушами и изувѣрами такъ далека отъ Христа, какъ ни одно государство. Почитайте Розанова — болѣе опошлить вѣру христіанскую, чѣмъ сдѣлалъ это сей православный, трудно. Въ Россіи вѣра Христова поругивалась отовсюду и діаволъ могъ только радоваться. Онъ пришелъ на готовое.

— Мнѣ трудно спорить съ вами, ваше высокопревосходительство, но, можетъ быть, вы позволите задать вамъ два вопроса.

— Пожалуйста.

— Что думаете дѣлать вы?

— Сейчасъ ничего. Сидѣть и ждать.

— Что посовѣтуете вы мнѣ дѣлать?

— Тоже ничего. Я слыхалъ, что вамъ далп N-скій кавалерійскій корпусъ. Поѣзжайте и ничего не дѣлайте. Предоставьте демократіи работать самой. Они скоро убѣдятся, что у нихъ ничего не выходитъ и придутъ сами просить васъ помочь. А силою вы ничего не достигнете.

— А если поздно будетъ?

— Россія такъ могущественна, что поздно не будетъ никогда.

— А я боюсь, что она сгоритъ, какъ горитъ въ жаркій лѣтній день громадное село. Въ нѣсколько часовъ остаются только печи и трубы, да обугливщіяся деревья.

Поливановъ пожалъ плечами и ничего не сказалъ. Саблинъ всталъ и сталъ прощаться.

XXVI

Саблинъ поѣхалъ къ Облѣписимову. Этотъ визитъ давно лежалъ на его совѣсти. Облѣписимова онъ засталъ за укладкой вещей. Квартира его въ особнякѣ на Сергіевской была почти пустая. Той цѣнной мебели, буль и маркетери, что собиралъ Облѣписимовъ всю жизнь — не было. Комнаты стояли грязныя и опустошенныя. Облѣписимовъ въ кабинетѣ былъ занятъ укладкой двухъ порыжѣлыхъ чемодановъ.

— А, Саша, — завопилъ онъ, раскрывая объятія, — здравствуй! Какими судьбами въ нашъ бедламъ?

— Бедламъ?... давно ли вы, дядюшка, раскатывали на автомобиляхъ и говорили рѣчи толпѣ, поздравляя съ самой великой и безкровной революціей.

Дядюшка хитро посмотрѣлъ на племянника и разсмѣялся широкимъ, громкимъ хохотомъ потрясая стѣны пустого кабинета.

— Давно ли?.. Видишь?... И бороду обрилъ и усы остригъ... Изъ русскаго барина актеромъ сталъ. Оселъ я былъ, Саша. Патентованный оселъ. Нѣтъ, милый другъ, въ эту самую матушку Русь ты меня теперь и калачомъ не заманишь. Ну ее въ болото! Помнишь мою бобровую шубу? Ау! Краса и гордость революціи, — матросы, взяли. Да... Ѣздили, ѣздили они со мною на грузовикѣ по городу, говорилъ я рѣчи, это было въ тѣ дни, когда мы вѣрили, что къ небу тянемся, а какъ подъѣхали къ дому, такъ и говорятъ: — „ну, товарищъ, снимай шубу“. — „Какъ?“ — говорю я, — „почему?“ — „А потому“, гово-

рять, „что пожевалъ, да и за щеку, покоснлъ и довольно". — И сняли. Я думалъ, — шутятъ... Отнимать сталъ... Винтовками пригровили и скверными словами обложили. Ваша музыка. ваши танцы, ваша и свадьба. Вотъ тебѣ и революція! Я потомъ узналъ, что они со мною еще милостиво поступили. Ахлестышева помнишь, старика? Изъ клуба, съ засѣданія партіи, шелъ ночью. Солдаты остановили. Догола хотѣли раздѣть. Насилу умолилъ хоть бѣлье оставить. Такъ въ одномъ бѣльѣ два квартала и шелъ. Простудился бѣдняга, слегъ, до сихъ поръ не можетъ поправиться. Подумай, въ мартѣ мѣсяцѣ, по Морской въ одних чулкахъ. Ужасно. Жаловаться поѣхалъ. Въ комиссаріатъ уйма народа. Комиссаръ, интеллигентный еврей, выслушалъ, сочувствуетъ, а кругомъ милицейскіе смѣются. Да... Натворили.

— А вѣдь вы были рады, дядюшка?

— И не говори... Стыдно вспомнить... Что мы потеряли! Ахъ, что мы потеряли! Стою я вчера на Сѣнной въ хлѣбной очереди. Ты, Саша, этого не знаешь. Ты старорежимный генералъ. Твой Тимофей тебя ругаетъ, а боится, Авдотья Марковна о тебѣ, какъ родная печется. Петровъ у тебя на посылкахъ. А я революціонный вождь, такъ полную чашу пью этой самой революціи. И въ очередяхъ стою и чуть что половъ самъ не мою. Домомъ правитъ швейцаръ, и подлецъ оказался первостепенный. Ну да, домъ больше не мой.

— Какъ не вашъ?

— Продалъ, Саша! Ау — никакой собственности! Ты слыхалъ: — собственность есть кража. Это я, понимаешь, я, — тогда на автомобилѣ въ угоду толпѣ изрекалъ, въ тотъ самый день, когда шубу мою соціализнули. Да. Продалъ. Все по формѣ, и деньги въ Шведскомъ банкѣ. самыми настоящими кронами, и съ королевской короной на бумажкѣ, такъ-то оно подъ королемъ вѣрнѣе. Если бы было время, я бы какого-нибудь неограниченнаго монарха отыскалъ и туда бы деньги помѣстилъ. Да. О чемъ, бишь, я. Да, такъ стою въ очереди. А старушка сзади меня въ платкѣ и такъ себѣ, паршивая совсѣмъ старушонка, за-

говорила о томъ, что при царѣ было лучше. А милицейскій, — я его знаю, сынъ дворника нашего, реальнаго шесть классовъ одолѣть не могъ, въ милицію теперь поступилъ, и говоритъ: — „да вѣдь царь-то у насъ былъ дурачокъ!“ А старушка, какъ взъѣлась на него, да какъ крикнетъ: — „вѣрное твое слово, фараонъ несчастный, царь-то былъ дурачекъ, да ситный столъ пятачекъ, а теперь поди, укуси ка этого самаго ситнаго“. Вотъ тебѣ и старушка! Милицейскій хотѣлъ ее въ комиссаріатъ тащить, по-просту въ участокъ — вся очередь за нее. Бунтъ былъ... Какъ кричали! И всѣ за царя. При немъ, молъ, лучше было!

— Куда же вы, дядюшка?

— Заграницу, Саша. Все обратилъ въ деньги. Спасское мое въ Швейцарскомъ банкѣ во франкахъ лежитъ. Домъ въ шведскихъ кронахъ, движимое, до коллекціи фарфора включительно, черезъ одного добраго человѣка на испанскія песеты устроилъ. Теперь везу съ собой маленькую коллекцію миніатюръ, мнѣ по знакомству передали изъ одного дворца... Ты не думай... Я сохраню, сохраню... А въ Россію только тогда пожалую, когда вѣрный человѣкъ ко мнѣ пріѣдетъ и скажетъ, что въ Россіи все по старому. Да и того допрашивать буду: — „Жандармы стоятъ?“— „Стоятъ.“ — „Ваше превосходительство говорятъ?“ — „Говорятъ.“ Да такіе, какъ, помнишь, у тебя вахмистръ былъ Иванъ Карповичъ. Гдѣ онъ?

— Убитъ.

— Царство ему небесное. Этотъ не поддался бы. А помнишь, Бондыревъ, ты его ко мнѣ курьеромъ устроилъ. Онъ гдѣ?

— Убитъ.

— Гмъ... Гмъ... Нехорошо, Саша. Все лучшіе люди, А Ротбекъ, твой пріятель? Такой милый, непосредственный, онъ бы не допустилъ

— Убитъ.

— А Карловъ? Ты какъ-то разсказывалъ, влюбленъ въ великую княжну Татьяну Николаевну? Онъ гдѣ?

— Убитъ.

— Ахъ, Саша! Что же это? Все честные и чистые русскіе люди. Что же это?

— Война.

— Да, война... война... Прости, Господи!

— Вы когда же и куда ѣдете, дядя?

— Послѣзавтра, Саша... Въ Финляндію, оттуда въ Швецію, поживу въ Стокгольмѣ, а тамъ видно будетъ. Война — то похоже на смарку пойдетъ, такъ посмотрю, не то въ Парижъ, не то въ Берлинъ.

— Что же тамъ дѣлать будете?

— Какъ что? Всѣ наши туда ѣдутъ. Что дѣлать!?.. Спасать Россію! — торжественно воскликнулъ Облѣнисимовъ.

— Изъ заграницы? Отъ чужихъ людей спасать Россію? Губить ее, дядя, не нужно было, — съ глубокой горечью проговорилъ Саблинъ.

— Ну, ужъ молчи! Молчи!.. А ты куда? Ты что надумалъ? Ужели здѣсь останешься?

— Останусь. Это мой долгъ. Я завтра ѣду въ Перекалье.

— Это еще гдѣ?

— Въ глуши Пинскихъ болотъ.

— Ты герой, Саша!.. Герой!... Храни тебя Господь... Дай, я перекрещу тебя.

Облѣнисимовъ облобызалъ Саблина, его глаза были полны слезъ.

Съ чувствомъ горькаго недоумѣнія выходилъ Саблинъ изъ особняка Облѣнисимова. Швейцаръ, уже безъ ливреи, въ пиджакѣ, надѣвъ очки, читалъ газету. Онъ не шевельнулся, когда Саблинъ подошелъ къ вѣшалкѣ.

— Пальто подай! не видишь! — сердито крикнулъ Саблинъ.

Швейцаръ бросился подавать пальто и проводилъ Саблина низкими поклонами.

— „Всѣ они такіе,“ гадливо пожимаясь, думалъ Саблинъ, — „ждутъ окрика и повинуются ему. Взбунтовавшіеся рабы!... Только кто-то теперь крикнетъ и что?

Рабы! Slaves éselaves!*) Странно, на всѣхъ языкахъ и корень одинъ и тотъ же... Господи, что же это такое!“

И, опустивъ голову, Саблинъ шелъ и все поеживался отъ какого-то непріятнаго чувства.

XXVII

Съ середины мая Саблинъ поселился въ помѣщичьемъ домѣ въ Перекалыи, гдѣ сталъ штабъ его корпуса. Штабъ былъ небольшой. Начальникъ штаба, генералъ Заболоцкій, объявилъ себя сторонникомъ революціи и республиканцемъ, организовывалъ комитеты изъ штабныхъ командъ и цѣлыми днями бесѣдовалъ съ ними на политическія темы. Онъ создавалъ для телеграфистовъ, мотоциклистовъ и конвойнаго эскадрона народный университетъ и собирался развивать хмурую толпу грызущихъ сѣмечки солдатъ. Штабъ-офицеръ Гаринченко былъ озабоченъ украинизаціей корпуса и велъ тайные переговоры о созданіи особыхъ украинскихъ полковъ, на что свыше было полное сочувствіе. Адъютантъ Свѣсвольскій, сангвиникъ лѣтъ тридцати, съ пайкой удальцовъ мотоциклетной команды, пользуясь свободами, совращалъ дѣвицъ сосѣдняго села, и Саблинъ его почти никогда не видалъ. Старшій врачъ Беневоленскій, толстый, спокойный человѣкъ, съ лицомъ сконца, открыто сказалъ, что онъ никакой революціи не признаетъ, что государь не имѣлъ никакого права отрекаться, что разъ онъ миропомазанъ, то благодать Божія остается на немъ, но подавленный общею ненавистью къ „царскому режиму“, Беневоленскій молчалъ и пилъ по пяти самоваровъ чая въ день. Ординарцы, — одинъ, славный юноша изъ кадетъ, смотрѣлъ на Саблина глазами преданной собаки и все, казалось, ожидалъ, когда онъ ему прикажетъ совершить подвигъ и умереть, другой, убѣжденный демократъ, ходилъ неуклюжими шагами и говорилъ грубымъ голосомъ. Первый при встрѣчѣ неизмѣнно становился во фронтъ, вто-

*) *Славяне — рабы.*

рой старался не замѣчать Саблина и вовсе не отдавалъ ему чести.

Ознакомившись съ полками и съ полковыми командирами, Саблинъ убѣдился, что заниматься чѣмъ бы то ни было нельзя. Люди отказывались даже чистить лошадей и съ трудомъ сговаривались кормить ихъ. Офицеры были поставлены на товарищескую ногу и не имѣли никакого вліянія на людей. Солдаты требовали, чтобы офицеры ходили съ ними къ кухнѣ и выстраивались съ котелками въ очередь для полученія пищи. Только эскадроннымъ командирамъ разрѣшалось обѣдать у себя. Солдаты жили въ однихъ хатахъ съ офицерами и ни на минуту не оставляли ихъ однихъ. Имъ было внушено, что офицеры кавалеріи самые опасные враги революціи, и за офицерами слѣдили во-всю. Вмѣсто прежняго войскового уклада жизни, солдатами явочнымъ порядкомъ былъ проведенъ свой укладъ, сводившійся къ тому, чтобы ничего не дѣлать. Полковыя хозяйственныя суммы, достигавшія значительныхъ цифръ, составлявшія основу благополучія полковъ, были расхищены солдатами и подѣлены между собою. Части жили по инерціи. Были случаи, пока еще единичные, продажи казенныхъ лошадей какимъ-то еврейчикамъ, которые, говорятъ, ухитрялись переправлять ихъ нѣмцамъ. Корпусъ стоялъ въ тылу, ничего не дѣлалъ и быстро разлагался. Саблинъ донесъ по командѣ о состояніи корпуса и получилъ указаніе дѣйствовать черезъ комитеты. А комитеты всецѣло поддерживали этотъ новый строй ничегонедѣланья, долгаго сна, пьянства и картежной игры. Во многихъ полкахъ были устроены солдатами аппараты для приготовленія водки самогонки.

Саблинъ поѣхалъ съ докладомъ въ штабъ арміи. Арміей командовалъ Рѣпинъ. Саблинъ нашелъ стараго Рѣпина въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ цѣлымъ рядомъ казачьихъ постовъ. Онъ не дослушалъ Саблина.

— Милый другъ, — сказалъ онъ ему. — Благодари Бога, что ты живешь и можешь жить, какъ хочешь. Я сижу и ожидаю каждый день, что меня арестуютъ свои же солда-

ты. Вся надежда на казаковъ, но и они надежны лишь „постольку — поскольку“. Живи и жди!

— Чего ждать?

— Чуда.

Да, только чудо могло измѣнить этотъ новый порядокъ службы подъ красными знаменами!

Саблинъ замкнулся въ своей комнатѣ. Единственнымъ развлеченіемъ его была верховая ѣзда, но и та была отравлена.

Счастья больше на военной службѣ не было. Вопреки увѣренію гр. Л. Н. Толстого, что „ежели бы могъ человѣкъ найти состояніе, въ которомъ бы онъ, будучи праздныхъ, чувствовалъ себя полезнымъ и исполняющимъ свой долгъ, онъ бы нашелъ одну сторону первобытнаго блаженства. И такимъ состояніемъ обязательной и безупречной праздности пользуется цѣлое сословіе — сословіе военное. Въ этой-то обязательной и безупречной праздности состояла и будетъ состоять главная привлекательность военной службы“*), вопреки этому увѣренію Толстого, именно теперь, когда Саблинъ и всѣ окружающіе его были безусловно праздны, они не были счастливы

Саблинъ уже зналъ, что счастье не въ праздности, а въ творчествѣ, и онъ нашелъ это счастье и на военной службѣ. Готовилъ ли онъ караулъ во Дворецъ, занимался ли, уча эскадронъ въ ожиданіи смотра, училъ ли новобранцевъ, — онъ творилъ, и онъ былъ счастливъ. Его радовало, когда неуклюжіе, сѣрые и слабые физически люди подъ вліяніемъ занятій гимнастикой, на полуфунтовой порціи мяса, на кашѣ, щахъ и хлѣбѣ до отвала, становились сильными, ловкими и смѣлыми. Онъ чувствовалъ, что это онъ ихъ создалъ такими. Саблина радовало, когда изъ равнодушныхъ, полусонныхъ парней, не поцимавшихъ даже слова Россія, образовывались люди, обожавшіе Государя, любившіе Россію и гордые полковымъ мундиромъ. Слышалъ ли онъ въ толпѣ похвалы своему полку, бравому виду лю-

---

*) *Гр. Л. Н. Толстой „Война и миръ“. Романъ. Томъ II. Часть IV. Глава I.*

дей — Саблинъ былъ счастливъ: — это онъ сдѣлалъ людей такими. Потрясался ли воздухъ отъ могучаго взлета лихой солдатской пѣсни, свисталъ въ ней молодецкимъ посвистомъ свистальщикъ, билъ бубенъ, звенѣлъ треугольникъ: — это онъ, Саблинъ, научилъ ихъ этимъ хорошимъ пѣснямъ — и онъ былъ счастливъ. Праздности не было. Даже въ самое безпутное время до японской войны, время веселое и безпечное, Саблинъ былъ занятъ такъ, какъ рѣдкій рабочій бываетъ занятъ. Бывало въ три, въ четыре часа утра онъ вернется съ вечера или бала, послѣ ужина со многими бокалами вина, — а въ шесть часовъ мутно горятъ въ манежѣ круглые электрическіе фонари и надо быть на ѣздѣ. Тамъ пьяный Ротбекъ крѣпится и не можетъ сдержать улыбки на своихъ пухлыхъ щекахъ, тамъ Гриценко звонко ругается, тамъ вахмистръ говоритъ что-то солиднымъ басомъ. Съ ѣзды — на пѣшій строй, съ пѣшаго строя на гимнастику, на словесность, на занятія съ развѣдчиками — только поспѣвай. Военная жизнь часто была безпутная, наружно безцѣльная, но бездѣльной она не была никогда.

Счастье военной службы состояло въ творчествѣ съ одной стороны, съ другой же въ постоянномъ общеніи съ природой, людьми и лошадьми — почему и служба въ кавалеріи давала болѣе счастья и удовлетворенія, чѣмъ служба въ пѣхотѣ. Для любителя верховой ѣзды, спорта и лошадей удовольствіе службы въ кавалеріи увеличивалось возможностью имѣть и отлично содержать лошадей. Наконецъ, во время войны прибавлялось ко всему этому ни съ чѣмъ не сравнимое счастье побѣды и славы, заставлявшее все забывать: и гибель друзей, и боль ранъ, и близость самой смерти.

Въ Перекальи Саблинъ понялъ, что послѣ революціи невѣжественными руками штатскихъ людей, взявшихся вести военное дѣло, все это было уничтожено. На фронтѣ было ясно, что война кончена. Можно было говорить какія угодно пышныя рѣчи о проливахъ и о продолженіи войны въ полномъ согласіи съ союзниками въ Петербургѣ, — эти рѣчи не находили никакого отклика на позиціи,

гдѣ прочно была усвоена мысль: — миръ безъ аннексій и контрибуцій". Такимъ образомъ не только нельзя было разсчитывать вкусить снова величайшаго счастья побѣды и славы, но слѣдовало готовиться къ страшному позору пораженій, къ ужасу бѣгства, насилія солдатами и плѣна.

Не осталось возможности и творить что бы то ни было. Достаточно было, чтобы что-нибудь исходило отъ генерала, командира корпуса, или начальника дивизіи, чтобы это отметалось солдатами съ полнымъ пренебреженіемъ. Многіе генералы въ эти дни пошли по пути угожденія и заискиванія передъ солдатами, чтобы вернуть ихъ довѣріе — Саблинъ не могъ пойти по этому пути и работать во вредъ службѣ.

Власти, блеска военной службы, пышности титуловъ, красоты обрядовъ, выноса знаменъ, отданія чести, общей молитвы, дружнаго пѣнія, общихъ спортивныхъ игръ не стало. Все стало сѣро, скучно, линяло и некрасиво. Вмѣсто любви и вѣры другъ въ друга встала взаимная ненависть и недовѣріе. Офицеры, за рѣдкимъ исключеніемъ, ненавидѣли и боялись своихъ солдатъ, солдаты ненавидѣли офицеровъ и слѣдили за ними, шпіоня черезъ вѣстовыхъ, подслушивая и подглядывая за всѣми поступками офицеровъ.

Оставались одни животныя — лошади, на которыхъ не могла, казалось бы, отразиться своимъ смертоноснымъ вліяніемъ революція. Ихъ добрый характеръ, ихъ ласка, ихъ любовь къ природѣ и своему хозяину должны были остаться неизмѣнными. Но революція задѣла и ихъ.

У Саблина были двѣ прекрасныя кобылы. Прелестный хёнтеръ Леда, служившая ему уже восьмой годъ, носившая его въ атаку и раздѣлившая съ нимъ всю славу его воинскихъ подвиговъ. Часто Саблинъ, ѣздя на ней, думая о ней, забывалъ, что Леда животное. Она была членомъ семьи, другомъ, понимающимъ всѣ изгибы душевныхъ переживаній Саблина. Саблинъ холилъ ее и ласкалъ. Въ тяжелые дни походной жизни онъ лучше отказывалъ себѣ въ прочной крышѣ, но Леду помѣщалъ всегда хорошо.

Другая лошадь, чистокровная кобыла Діана, была та

самая, на которой былъ убитъ его сынъ. Съ нею тоже было связано не мало трогательныхъ и славныхъ воспоминаній. Нервная, чуткая Діана признавала только своего хозяина. Его она не кусала, не грозила ударить, для остальныхъ она казалась злой и непріятной лошадью.

Онѣ обѣ всегда были такъ чисто содержаны, что всякое прикосновеніе къ ихъ тонкой, блестящей, шелковистой шерсти вызывало удовольствіе и радость.

Для ухода за ними у Саблина было два вѣстовыхъ — Заикинъ и Ферапонтовъ. Заикинъ служилъ съ Саблинымъ еще въ нашемъ полку и ходилъ съ нимъ въ атаку на батарею, онъ былъ очевидцемъ всѣхъ подвиговъ Саблина и обожалъ его. Ферапонтовъ былъ взятъ изъ того гусарскаго полка, что Саблинъ получилъ послѣ своего ранения. Онъ тоже любилъ своего генерала. Все ихъ время проходило въ заботѣ о данныхъ на ихъ попеченіе лошадяхъ.

Теперь, въ Перекалы, если Саблинъ входилъ на конюшню, когда Заикинъ и Ферапонтовъ были одни, они вставали передъ нимъ, называли его „ваше превосходительство", доставали хлѣбъ и сахаръ для лошадей и вмѣстѣ съ Саблинымъ любовались ими и осыпали ихъ ласковыми именами. Но часто у нихъ бывали гости. Какіе-то пѣхотные солдаты, солдаты штабныхъ командъ. Они о чемъ-то шептались. При входѣ Саблина Заикинъ и Ферапонтовъ дѣлали видъ, что не замѣчаютъ своего генерала, и не вставали. Если Саблинъ подзывалъ ихъ, они отвѣчали хмуро и недовольно, грубо кричали на лошадей и норовили ихъ толкнуть. Имъ было совѣстно при другихъ быть вѣжливыми и ласковыми къ Саблину, котораго они любили и которому были многимъ обязаны.

Лошади уже не были такъ тщательно вычищены. Иногда Саблинъ находилъ на ихъ тѣлѣ маленькія ранки.

— Это что такое? — спрашивалъ онъ.

— Такъ, очерябалась, должно быть, обо что-то, — отвѣчалъ вѣстовой.

Но раньше этого не было. Раньше и Заикинъ и Ферапонтовъ тщательно удаляли изъ сарая, гдѣ ставили лошадей, все то, о что лошади могли поранить себя.

На проѣздкѣ — Саблинъ почти всегда ѣздилъ одинъ — онъ мысленно бесѣдовалъ съ лошадьми, и ему казалось, что лошади жаловались ему на перемѣну къ нимъ отношенія вѣстовыхъ, жаловались на то, что не видятъ больше полковъ въ сборѣ и не скачутъ всѣ вмѣстѣ въ побѣдныя атаки. Саблинъ изливалъ имъ свое горе и онѣ понимали его.

Утромъ Саблинъ ѣздилъ первую Діану, вечеромъ, передъ закатомъ, спокойную, понимающую его съ полуслова Леду. Какъ ни старался Саблинъ выбирать такія мѣста для прогулокъ, гдѣ бы не было солдатъ, онъ часто встрѣчалъ группы по пять, по шесть человѣкъ. Солдаты ѣхали на худыхъ, нечищеныхъ, заброшеныхъ лошадяхъ, ѣхали на гуляньe, куда-нибудь въ деревню, играть въ карты, пить самогонку. Иногда они отдавали честь Саблину, иногда кланялись ему, иногда отворачивались. Всѣми силами они старались придать себѣ не солдатскій видъ.

Саблинъ видѣлъ солдатъ въ огородахъ, копающихъ картофель, подъ осень во фруктовыхъ садахъ, въ лѣсахъ съ винтовками, охотящихся на козъ и зайцевъ, всюду они распоряжались чужимъ добромъ, какъ своимъ, вездѣ ихъ проклинали крестьяне. Саблинъ ничего не могъ сдѣлать. Въ одномъ мѣстѣ въ деревнѣ онъ разогналъ солдатъ, тащившихъ сопротивлявшуюся дѣвушку, и пригрозилъ имъ судомъ. Но, когда онъ отъѣхалъ на полверсты, изъ деревни раздалось три выстрѣла и три пули просвистало подлѣ Саблина. Что могъ сдѣлать Саблинъ противъ солдатъ, которые могли стрѣлять по нему и оставаться безнаказанными?

Прогулки были отравлены.

Сѣро, скучно и уныло тянулось время Саблина въ ожиданіи чего-то, что должно было случиться. Что? Саблинъ не зналъ. Учредительное Собраніе? Онъ въ него не вѣрилъ. При запуганности интеллигенціи и обывателя, при страхѣ передъ обнаглѣвшей солдатней, — что могло сдѣлать и какъ могло собраться Учредительное Собраніе?

Саблинъ, какъ и всѣ въ эти дни, ждалъ чуда, или про-

водя аналогію съ французской революціей, ждалъ Наполеона.

XXVIII

Во второй половинѣ августа къ Саблину пріѣхалъ изъ Петербурга его бывшій шоферъ Петровъ и привезъ ему большой пакетъ отъ Тани. Когда Саблинъ посмотрѣлъ на толстый конвертъ, надписанный рукою, такъ похожею на почеркъ покойной Вѣры Константиновны, его сердце дрогнуло отъ недобраго предчувствія. Онъ отослалъ Петрова и, оставшись одинъ, распечаталъ пакетъ. И опять, какъ тогда, выпали листки съ номерами страницъ, искрытые крупными торопливыми буквами. Съ притихшимъ сердцемъ подобралъ эти листки Саблинъ и сталъ читать. Какой еще ударъ маленькими, слабыми, дѣтскими ручонками наносила ему Таня — послѣднее дорогое существо, оставшееся ему въ этой жизни?

— „Папа,“ — писала ему Таня, — „милый, дорогой; славный мой папа! Папа, гордость моя! Ч е с т н ы й папа, — у меня потребность написать тебѣ, потому что тебя я люблю и уважаю безпредѣльно и знаю, что ты поймешь меня и не осудишь, и только похвалишь.

„Ты знаешь, папа, изъ моего предыдущаго письма, что Ника и Павликъ Полежаевы сдѣлали попытку освободить е г о и э т а попытка имъ не удалась. Они до поры до времени принуждены скрываться и находятся въ очень надежномъ мѣстѣ. Петровъ тебѣ все подробно разскажетъ.

„31-го іюля и х ъ увезли въ Тобольскъ. Съ ними поѣхали Нагорный, Жильяръ, Гибсъ, докторъ Боткинъ, гофъ-лектриса Шнейдеръ, Гендрикова, князь Долгорукій, Деревенько съ сыномъ Колей, Клавдія Михайловна Битнеръ и кое-кто изъ прислуги.

„Сестра Валентина получила оттуда письмо отъ Ольги Николаевны, и представь, какъ трогательно! Она, зная, какъ у насъ тяжело со съѣстными припасами, послала сестрѣ Валентинѣ оленидвицу, ветчину и еще что-то. Сестра Валентина плакала, читая мнѣ ея письмо. Святая

женщина, сестра Валентина, святыя, святыя онѣ всѣ, а мы всѣ негодныя, проклятущія, что не могли ихъ отстоять. Ахъ, какія мы нехорошія, папа! Намъ всѣмъ, женщинамъ русскимъ, слѣдовало соединиться и идти требовать у Временнаго Правительства ихъ освобожденія. Мы не сдѣлали этого. Ахъ, папа! какія мы подлыя!

„Доѣхали они благополучно. Со станціи Тюмень ѣхали на пароходѣ „Русь", а лица свиты на пароходѣ „Кормилецъ". Папа, пойми, „Русь" отвозила своего Царя въ заточеніе и ссылку! Я плакала и негодовала, читая это. Въ Тобольскъ они прибыли 6-го августа въ 4 часа дня. Домъ былъ не готовъ и они до 13-го августа жили на пароходѣ.

„13-го августа А. Ѳ. въ экипажѣ съ Татьяной Николаевной, остальные пѣшкомъ прошли въ свой домъ. Домъ этотъ раньше былъ домомъ Тобольскаго губернатора. Онъ каменный, двухъэтажный. По иронiи судьбы онъ находится на „улицѣ Свободы". Устроились они въ этомъ домѣ хорошо, но, конечно, не такъ, какъ нужно, и не такъ, какъ они привыкли. Свита живетъ рядомъ, въ домѣ Корнилова.

„Они устроили свой день такъ, чтобы все время быть занятыми. Государь съ Ольгой Николаевной пьетъ чай въ своемъ кабинетѣ, А. Ѳ. пьетъ кофе въ постели, остальные въ столовой. До 11-ти Государь пишетъ въ кабинетѣ; послѣ 11-ти идетъ заниматься физическимъ трудомъ, къ которому привыкъ и который любитъ. Онъ пилитъ дрова и строитъ площадку надъ оранжереей и лѣстницу. У дѣтей до 11-ти часовъ идутъ уроки. Въ часъ дня завтракъ, послѣ завтрака до 4-хъ всѣ гуляютъ по саду. Въ 5 часовъ чай. Послѣ чая занимаются играми, а потомъ уроками. Въ 8 часовъ вечера обѣдъ, послѣ обѣда чаще всего они собираются всѣ вмѣстѣ и Государь читаетъ вслухъ. Въ 11 часовъ пьютъ чай въ гостиной, а потомъ идутъ спать. Какъ видишь, они старались устроить свою жизнь такъ, какъ она была въ Царскомъ Селѣ. А. Ѳ. чувствуетъ себя очень плохо. У нея болитъ сердце. Она цѣлыми днями у себя и занимается рисованьемъ, или рукодѣльемъ. Обѣдъ

имъ готовитъ поваръ. За завтракомъ и обѣдомъ подаютъ супъ, мясо, рыбу и кофе.

„Государь преподаетъ Наслѣднику исторію. А. Ѳ. всѣмъ дѣтямъ богословіе и нѣмецкій языкъ, русскій языкъ преподаетъ К. М. Битнеръ. Жильяръ французскій языкъ. Гибсъ — англійскій.

„Жизнь идетъ ровно и спокойно. Жители относятся хорошо и, если увидятъ кого-нибудь въ окнѣ, то кланяются, а иные осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

„Ахъ, папа, что же это сдѣлалось съ русскими людьми; вѣдь не хотятъ же они, чтобы ихъ Царь жилъ въ ссылкѣ, какъ преступникъ, а вотъ молчатъ и покорились... Кому? Кому? кому, папа!

„Онѣ ходятъ въ церковь Благовѣщенія къ ранней обѣднѣ.

„Папа, все это хорошо, когда пишешь, но когда поймешь, что это такое, то вѣдь иного слова не придумаешь, какъ тихій ужасъ. Они живутъ въ ожиданіи чего-то, чего-то страшнаго, что должно совершиться. Ахъ, папа, прочитавъ это письмо, я стала сама не своя. Я пошла къ Ритѣ Дуриово. Ты ее знаешь. У ней надъ постелью всегда была надпись: — „До издыханія предана моему Государю". Мы плакали вмѣстѣ и мы рѣшили ѣхать туда, чтобы быть подлѣ, чтобы спасти въ нужную минуту и увезти. Я ѣду сейчасъ, Рита, у которой большія связи, остается пока здѣсь, чтобы проповѣдывать спасеніе Государя и организовать помощь.

„Папа, ты поймешь и не осудишь. Я продала всѣ мои брилліанты, мѣха и платья, я продала все, что имѣла, я одѣлась въ платье простой крестьянки, которое купила въ Перелѣсинѣ у той дѣвушки, что носитъ Полежаевымъ молоко; я три дня изучала ея манеры и завтра утромъ я ѣду, чтобы быть ближе къ нимъ. У меня ея паспортъ. Я — папа, теперь Татьяна Шагина, крестьянка Царскосельскаго уѣзда, деревни Перелѣсино... Папа — сестра Валентина говоритъ, что это подвигъ. Нѣтъ, папа, это мой долгъ. О, только бы помочь имъ! Хотя бы подойти когда-нибудь на

ранней обѣдиѣ и шепнуть имъ: — мы не забыли васъ! Мы думаемъ о васъ, мы — Россія!... Папа — разсѣять ихъ безнадежныя думы, уничтожить этотъ тихій ужасъ размѣреннаго существованія. Папа! благослови меня и помолись за меня. Это мой долгъ. Крѣпко, крѣпко цѣлую тебя и знаю, что ты, мой благородный, мой ч е с т н ы й папа поступилъ бы на моемъ мѣстѣ точно такъ же.

Твоя маленькая Т а н я."

„В е л и к а я м о я Т а н я," — подумалъ Саблинъ. „Да хранитъ тебя Господь въ твоемъ подвигѣ. Но что сдѣлаешь ты, сама слабая и сама неопытная?!"

„А я? Что мнѣ осталось? Ждать случая?"

„Нѣтъ," — громко отвѣтилъ самъ себѣ Саблинъ, вставая, — „готовить этотъ случай. Бороться и побѣдить!"

XXIX

Нѣсколько дней спустя Саблинъ взялъ отпускъ на двѣ недѣли и поѣхалъ въ Петроградъ. Онъ хотѣлъ присмотрѣться и продумать, что надо дѣлать. Московское государственное совѣщаніе взвинтило его нервы и возбудило въ немъ надежды. Саблинъ зналъ изъ газетъ, какъ общество и народъ принимали верховнаго главнокомандующаго Лавра Георгіевича Корнилова, какъ онъ проѣзжалъ сквозь многотысячную толпу, окруженный декоративнымъ экзотическимъ конвоемъ Текинскаго полка, какъ съ автомобиля онъ говорилъ притихшей толпѣ громовую рѣчь о необходимости порядка и дисциплины. Саблинъ читалъ серьезную, нескладно сказанную рѣчь перваго выборнаго Донского атамана Алексѣя Максимовича Каледина, говорившаго о томъ же, отъ имени всего Донского казачества. Тамъ же выступалъ начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго, Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ, и всѣ говорили, не таясь, не скрывая ни отъ народа, ни отъ врага, который черезъ своихъ агентовъ слушалъ ихъ, объ одномъ: о томъ, что армія погибла и нужны чрезвычайныя мѣры, чтобы

вернуть ту мощь и силу, что имѣла она подъ двуглавымъ орломъ. На этомъ совѣщаніи коротко, ѣдко, остроумно, съ ухватками демагога, сказалъ сильную рѣчь казакъ-соціалистъ Павелъ Михайловичъ Агѣевъ, еще болѣе поднявшій патріотическое настроеніе совѣщанія. Въ громадномъ залѣ Большого Московскаго театра сидѣли представители всѣхъ фронтовъ, сидѣли въ грязныхъ рубахахъ тѣ самые, кто продавалъ пулеметы за бутылку нѣмецкаго рома, кто запрещалъ своей артиллеріи стрѣлять, кто братался во время войны съ врагомъ. Иногда они пытались кричать съ мѣстъ: „неправда!“ — но ихъ никто не поддерживалъ и шла рѣчь за рѣчью, какъ страшный обвинительный актъ, какъ слово прокурора надъ краснознаменною арміей. Блѣдно и устало говорилъ Керенскій и слово его уже не было словомъ защиты, но продолженіемъ того же обвиненія. Московское совѣщаніе не дало никакихъ постановленій. Оно поговорило и разъѣхалось, ничего не сдѣлавъ. Но зародились въ обществѣ надежды, что спаситель Россіи, Наполеонъ русской революціи явился, и такимъ называли Корнилова.

Все въ немъ манило воображеніе русскаго обывателя. Даже то, что онъ не былъ чисто русскимъ, что онъ былъ полукиргизомъ, влекло къ нему. Тоже Кореканецъ своего рода. Ex oriente lux!*) Сынъ простого казака, онъ отлично учился въ корпусѣ, блестяще кончилъ академію, путешествовалъ по Памирамъ, во время войны былъ взятъ австрійцами въ плѣнъ и легендарно, фантастично бѣжалъ изъ плѣна — это какъ-то походило на Арколе, Египетъ и чуму, предшествовавшіе Наполеону. Онъ былъ любимъ Петербургскимъ гарнизономъ — толпою непокорныхъ хулигановъ — все это создавало надъ Корниловымъ ореолъ вождя, и имя его было на устахъ всего русскаго общества и всей арміи.

Но только говорили о немъ разно.

Офицеры и старые боевые солдаты, окуренные порохомъ побѣдъ, обвѣянные славою знаменъ, съ любовью говорили о своемъ „верховномъ“ и ждали возстановленія ста-

*) Свѣтъ съ востока.

рой дисциплины, стараго внутренняго порядка въ арміи — возрожденія самой арміи.

Молодые солдаты, не знавшіе муштры, не испытавшіе упоенія побѣдами, молодые офицеры, видѣвшіе въ новыхъ порядкахъ широкія возможности удовлетворить своимъ честолюбивымъ стремленіямъ, говорили, пока осторожно и шопотомъ, что рѣчь Корнилова означаетъ поворотъ къ старому режиму, къ офицерской палкѣ, къ гнету помѣщиковъ и капиталистовъ, къ возвращенію „проклятаго царизма“.

Саблинъ хотѣлъ лично провѣрить слухи, лично узнать, есть ли надежда на то, что армію будутъ лѣчить, потому что послѣ того правильнаго діагноза, что былъ поставленъ на Московскомъ совѣщаніи, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ должно быть лѣченіе болѣзни. Было у Саблина и личное дѣло. Онъ самъ его себѣ навязалъ и исполненіе его ставилъ вопросомъ чести. Это обезпеченіе и устройство вдовы Козлова и его дочери. Онъ зналъ, что она уже бѣдствовала, что даже маленькой пенсіи, выслуженной ея мужемъ, она не могла добиться у новаго правительства, и ее уже гнали изъ санаторіи. Саблинъ рѣшилъ положить на ея имя значительную сумму денегъ и обезпечить ее при помощи Мацнева.

Къ нему-то и направился Саблинъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, съ именемъ Корнилова на устахъ и съ вѣрою въ то, что должна же быть перемѣна, долженъ же быть просвѣтъ въ несчастныхъ злоключеніяхъ Россіи.

— Ты думаешь, что Корниловъ будетъ русскимъ Наполеономъ, — сказалъ, выслушавъ его внимательно и серьезно, Мацневъ. — Боюсь, что ты ошибаешься. Не на тѣхъ нотахъ и не тѣмъ инструментомъ играетъ онъ, какъ нужно играть, чтобы овладѣть умами русскаго народа. Русскій народъ имѣлъ своихъ Наполеоновъ — это Стенька Разинъ, Кондратка Булавинъ и Емелька Пугачевъ, и къ нимъ я бы прибавилъ еще теперешнюю компанію — буду называть по современному — Михаилъ Владиміровичъ Родзянко, Александръ Ивановичъ Гучковъ и Александръ Ѳедоровичъ Керенскій. Поднимать знамя бунта все равно противъ кого,

— противъ царя Алексѣя Михайловича, царя Петра Алексѣевича, императрицы Екатерины Алексѣевны, императора Николая Александровича или псевдонимной компаніи временнаго правительства и совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, — а именно въ этомъ-то послѣднемъ и зарыта собака, такъ надо за это что-нибудь, дорогой мой, и дать. Русскій народъ за honneur et patrie*) умирать усталъ и его поднять можно только иными лозунгами и исторія показала, какими. Лихой атаманъ Стенька даривъ вольности казачьи, бусы — корабли поволжскіе, царство персидское, Астрахань, княжну персидскую, даривъ вкусную лихую жизнь. Есть ради чего и помирать. Кондратика на офицерской палкѣ сыгралъ. „Васъ, де, моль, казаковъ вольныхъ въ регулярство писать будутъ, бороды брить и волосы стричь вамъ станутъ, земли ваши отберутъ, помѣщиковъ, воеводъ посадятъ, старую вѣру уничтожатъ“ — ну и пошло. Пошло писать по хорошему. Емелька и тотъ чище придумалъ. Землю и волю объявилъ. Золотую грамоту о раздѣлѣ помѣщичьей земли съ собою возилъ, крѣпостнымъ рабамъ волю даровалъ, на престолѣ церковномъ сидѣлъ и кровью упивался, за такимъ молодцомъ стоило идти — хоть одинъ день — да зато какой — мой! Нынѣшніе бунтовщики противъ царя — Михаилъ Владиміровичъ, Александръ Ивановичъ и Александръ Оедоровичъ — буду ихъ называть все-таки по современному, тоже охулки на руку не положили: — свободу народу даровали. Бей офицеровъ, грабь мирныхъ жителей, насилуй женщинъ, и ничего тебѣ за это не будетъ, это тоже не дурно пущено. Ну да, растерялись, энергію-то къ грабежу возбудили, разбойничьи инстинкты разбудили, а направить-то ихъ по настоящему и не смогли. Что же, Лавръ Георгіевичъ, я его знаю по Петербургу, хорошій, честный генералъ, да вѣдь онъ опять-таки на бунтъ идетъ, на бунтъ противъ тѣхъ, кто поднялъ бунтъ, ну а лозунги-то у него какіе? Что онъ дастъ? Отданіе чести и власть начальникамъ... А взбунтовавшимся-то рабамъ что?... Смертную казнь?...

---

*) *Честь и родину.*

„Я зато тебя, дѣтинушка, пожалую, среди поля хоромами высокими, что двумя ли столбами съ перекладиной"... Такъ, вѣдь, для того-то, чтобы имѣть право такими хоромами жаловать, надо Богомъ вѣнчаннымъ царемъ быть, надо, какъ Петръ, самому головы непокорнымъ стрѣльцамъ рубить, надо плоты висѣлицами уставить, да по Дону пустить, да всѣмъ этимъ лично управиться, либо надо Суворова имѣть, который бы, какъ борзая собака за волкомъ, за Пугачемъ гонялъ, да въ клѣткѣ его везъ. Лавру-то Георгіевичу съ чего начать бы пришлось?... Кто царя свергалъ? Михаилъ Владиміровичъ!... Кто приказъ подписывалъ — Александръ Ивановичъ... Кто армію развратилъ и господина Ленина, нѣмецкаго шпіона, принималъ?... — Александръ Оедоровичъ!... Бей ихъ!... Да, и вотъ кровью-то ихъ упившись, можетъ, и можно было бы повернуть по-своему. Такъ, молъ, поступлю со всякимъ, который, когда я говорю, дыханіе не затаитъ и руку подъ козырекъ не возьметъ!! А что же онъ: — „я революціонеръ, молъ, я съ народомъ", ну, коли съ народомъ, — такъ втыкай штыки въ землю, лобызайся съ нѣмцемъ и иди грабить помѣщика... Нѣтъ, Саша, ужъ если ты Наполеона ищешь, такъ приходи ко мнѣ въ семь часовъ вечера, я тебѣ покажу Наполеона настоящаго, который понимаетъ толкъ ловли рыбы въ мутной водѣ и знаетъ, что надо дѣлать. Ты вотъ меня тогда, когда на Распутина мы шли, въ Понсонъ де Террайльщинѣ упрекалъ и Пинкертономъ называлъ, ну а теперь я опять попрошу: приходи-ка ты ко мнѣ въ штатскомъ, да грязномъ. У дворника платье возьми, потому что, ежели явишься туда генераломъ, такъ, можетъ, и живой не уйдешь. А послушать интересно.

— Куда же ты меня поведешь?

— Туда, гдѣ было изящество разврата. Гдѣ были ванны изъ оникса и ночныя вазы изъ Севрскаго фарфора, гдѣ былъ культъ женщины, гдѣ блистала современная Фрина, красивая уже тѣмъ, что умѣла обожествить каждый уголокъ своего тѣла, и цинизмъ довела до красоты и такъ пропиталась опіамомъ, что и сама сдѣлалась неземною. Ту-

да, гдѣ обнаженіе тѣла не было оголеніемъ, но сверкающей наготой божества.

— Интересно!

— Было, да. Очень. При всемъ своемъ равнодушіи къ женской красотѣ и женщинамъ, я понималъ ее и тѣхъ кто былъ при ней... Теперь ты увидишь нѣчто другое... Придешь?

— Приду.

XXX

Ясное августовское небо темнѣло. Послѣдніе багряные лучи заходящаго солнца горѣли на стеклахъ оконъ, точно пожаръ занимался въ домахъ. Нева темнѣла подъ высокимъ Троицкимъ мостомъ и яркою синевою вспыхивалъ за нею куполъ бѣлой мечети. Тѣнистыя лины Александровскаго парка, чуть тронутыя желтизною, съ каждой минутой теряли краски и очертанія, сливаясь въ густую массу, откуда кое-гдѣ проевѣчивало алое небо. На востокѣ загорѣлась вечерняя звѣзда и небо тамъ заливалось фіолетомъ, постепенно поднимавшимся кверху. Священная тайна совершалась. Темная ночь смѣняла день.

Разомъ вспыхнули фонари по всему Каменноостровскому проспекту, и какъ будто яснѣе сталъ гулъ трамваевъ, щелканье подковъ по торцу и частые гудки моторовъ. Толпа стремилась въ оба конца къ островамъ и съ острововъ. Она расплывалась по Троицкой площади, заполняла ее, толпилась у ветхаго крылечка Троицкой церкви, той самой, гдѣ Сенатъ Россійскій нарекъ императора Петра именемъ Великаго и „отца отечества“.

Осенній холодокъ тянулъ отъ пустынной Невы. Пахло сыростью, прѣлымъ листомъ, конскимъ навозомъ и керосиномъ.

Въ цвѣтникахъ вдоль проспекта, противъ памятника великому матросу, положившему жизнь свою за честь Андреевскаго флага и за славу Россіи, цвѣли пестрыя астры и лиловые геліотропы, и вдоль зеленаго газона мохнатымъ узоромъ переплеталась голубая лобеллія съ коричневыми и желтыми листочками декоративныхъ травокъ.

Противъ мраморнаго особняка Кнессинской съ балкономъ въ помпейскомъ стилѣ, стоялъ густою стѣною народъ. Люди ввалились на газоны, на цвѣтники, топтали ихъ своими сапогами, мяли порыжѣвшіе темные кусты сирени и голубыя молоденькія американскія елки.

Матросы, въ открытыхъ синихъ и бѣлыхъ матроскахъ, откуда упрямо выдавались чисто вымытыя, нетронутыя загаромъ шеи съ широкою обнаженною грудью, въ цѣпочкахъ съ камнями, съ татуированными руками съ изображеніемъ якорей, змѣй и драконовъ, солдаты въ сѣрыхъ рубахахъ и такихъ же штанахъ, въ башмакахъ съ обмотками, въ фуражкахъ, заломленныхъ на затылокъ, съ клоками подвитыхъ волосъ, спускавшихся на лобъ, казаки въ изящныхъ „френчахъ“ и синихъ „галиффе“ съ такимъ широкимъ алымъ лампасомъ, что издали они казались красными, молодые офицеры, одѣтые такъ же, какъ и солдаты и обнимавшіе за шею солдатъ, стояли вперемежку съ пестро, крикливо одѣтыми женщинами, молодыми, красивыми, со смѣлыми жадными лицами.

Среди преобладающей сѣрой массы солдатъ и офицеровъ видны были темные поношенные пиджаки рабочихъ и молодыхъ людей интеллигентнаго вида, легкое пальто любопытствующаго интеллигента, поднявшагося на цыпочки и жадно съ полуоткрытымъ ртомъ глядящаго поверхъ головъ толпы, барышни, подростки, гимназисты, студенты, священникъ въ рясѣ, купецъ, солидный господинъ. Въ эту толпу протискались въ девятомъ часу вечера Мацневъ, одѣтый какимъ-то анашемъ въ кипрокэполой шляпѣ, стареньkомъ пиджакѣ и пледѣ, накинутомъ на плечи, и Саблинъ въ шоферской курткѣ Петрова и въ шоферской шапкѣ, съ независимымъ видомъ знающаго себѣ цѣну „товарища“.

Впереди надъ толпою вспыхнуло и погасло красное пламя, точно пробѣжали красныя лампочки электричества, или зажгли бенгальскій огонь.

— Значитъ, опять анархисты будутъ свою лекцію показывать, — сказалъ солдатъ, стоявшій впереди Саблина.

— Не анархисты, а коммунисты, это различать надо, — поправилъ его сосѣдъ.

— Ленинъ будетъ говорить, самъ Ленинъ, — сказалъ широкоплечій красавецъ, матросъ гвардейскаго экипажа, стоявшій въ первомъ ряду.

Мацневъ, увлекая за собою за руку Саблина, протискался къ нему и спросилъ у него:

— Скажите, товарищъ, кто же будетъ этотъ Ленинъ?

— Ленинъ? Вы развѣ не слыхали? Даже и въ газетахъ писано. Ленинъ нѣмецкій шпіонъ. Онъ пріѣхалъ изъ Германіи въ запломбированномъ вагонѣ для того, чтобы помогать нѣмцамъ. Читалъ я, что онъ семьдесятъ милліоновъ получилъ на это дѣло отъ нѣмцевъ.

— И что же? Позволяютъ ему?

Матросъ покосился на Мацнева.

— А почему нѣтъ? Теперь свобода. Каждый можетъ. А ты разсуждай и своимъ умомъ доходи, что правильно, и нѣтъ. Никакихъ тайныхъ договоровъ царской дипломатіи.

— Но все-таки, товарищъ, идетъ война, и пріѣзжаетъ изъ вражеской земли человѣкъ, получившій деньги. Вѣдь раньше за шпіонство и предательство вѣшали.

— Такъ это, — вмѣшался въ разговоръ молодой солдатъ въ рубашкѣ безъ погонъ, лущившій сѣмечки, — при старомъ режимѣ такъ было, когда, значитъ, насиліе всякое и смертная казнь, а нынче свобода. Сказываютъ: онъ правильно говоритъ про все и про войну правильно. А что шпіонъ онъ, или нѣтъ, такъ это доказать надо. Можетъ нарочно обманываютъ людей, потому что онъ изъ народа и за народныя права стоитъ. А вы кто такой будете?

Мацневъ ничего не отвѣтилъ.

Красныя лампочки вспыхнули на балконѣ дома Кшесинской и освѣтили балконъ, затянутый краснымъ кумачемъ. Громадные красные флаги тихо рѣяли подлѣ. Ночь уже спустилась на землю, закатъ догорѣлъ, было темно и въ этой темнотѣ кровавой нишей горѣлъ балконъ дома Кшесинской.

На балконъ, изъ внутреннихъ дверей, вышла группа оживленно болтающей молодежи. Одѣтые, кто въ пид-

жакъ, кто въ солдатскую рубаху, они всѣ имѣли на груди громадные красные банты съ лентами до самаго пояса. Они имѣли видъ людей только что хорошо пообѣдавшихъ и выпивши.х. Среди нихъ выдѣлялся худощавый человѣкъ съ типичнымъ еврейскимъ лицомъ, съ неровными приподнятыми бровями, съ усами и маленькою Мефистофельскою бородкой, въ пенсне. Онъ выдвинулся нѣсколько впередъ и гордо сталъ, скрестивъ руки на груди.

— Троцкій!.. Троцкій!... — пронеслось по толпѣ.

— И почитай все жиды, — сказалъ кто-то простодушно.

— Жиды тѣ же люди, — отвѣтили изъ толпы.

— Поумнѣй многихъ русскихъ будутъ.

Въ группѣ, стоявшей на балконѣ, произошло почтительное движеніе и черезъ нее впередъ къ самой балюстрадѣ балкона вышелъ небольшой, нескладно сложенный человѣкъ.

— Ленинъ! Вотъ онъ Ленинъ!.. — раздалось въ толпѣ.

— Я тебѣ, Дженька, прямо говорю, — услышалъ Саблинъ сзади себя негромкій голосъ, - - русскаго человѣка огорошить надо. Помнишь, я насчетъ Казанской иконы и Серафима Саровскаго говорилъ. Такъ вотъ и Ленинъ. На те, молъ, изъ Германіи пріѣхалъ, всѣ знаютъ, что я шпіонъ и деньги за это получилъ, а вотъ видите, говорю съ вами и учу васъ. Наглость безъ мѣры. Это русскій народъ любитъ, за такимъ — обязательно пойдетъ.

XXXI

У Ленина были коротенькія ножки и длинное туловище съ ясно обозначеннымъ круглымъ животомъ. Онъ былъ одѣтъ въ простую „тройку“ съ красными бантами, отъ краснаго освѣщенія казавшуюся красной. Большая голова съ маленькимъ некрасивымъ лицомъ сидѣла на короткой шеѣ. Черезъ всю голову шла самая обыкновенная лысина. Маленькіе косые глаза, надъ которыми подымались тонкія брови, смотрѣли весело. Неправильный плоскій

носъ, ощипанные усы и крошечная бородка клинушкомъ подъ длиннымъ плотоядным ртомъ, — все было типичнымъ лицомъ интеллигента, какого-нибудь бухгалтера, учителя, банковскаго чиновника. Ничего въ немъ не было отъ народа, ничего русскаго, и тѣмъ болѣе ничего Наполеоновскаго. Въ лицѣ Ленина Саблинъ подмѣтилъ черты ненормальности, временами чисто идіотская, безсмысленная улыбка кривила его полныя одутловатыя, опухшія щеки. Это былъ уродъ въ полномъ смыслѣ слова, продуктъ вырожденія, умственной не по разуму работы, сытой, спокойной, неподвижной жизни философа.

Онъ пододвинулся къ самой баллюстрадѣ, обтянутой краснымъ, опершя на нее руками и долго молча смотрѣлъ на толпу.

— Вся власть совѣтамъ! — сказалъ онъ, наконецъ, и началъ говорить. Говорилъ онъ нескладно, съ некрасивой дикціей, короткими фразами, часто повторяясь, и у Саблина создавалось впечатлѣніе, какъ будто этотъ маленькій человѣкъ съ упорствомъ идіота огромнымъ молотомъ вколачивалъ въ мозги слушавшихъ его людей свои дерзкія, преступно-простыя мысли.

— Вся власть совѣтамъ, — повторилъ Ленинъ, — потому что это подлинная народная власть. Власть неимущимъ, власть бѣднымъ, власть пролетаріату. Капиталисты вѣками гнали народъ, пили народную кровь. То, что принадлежитъ имъ — не ихъ, а взято ими у другихъ. Тотъ, кто имѣетъ — тотъ укралъ. Собственность — кража. Правда наступитъ на землѣ тогда, когда ни у кого ничего не будетъ, но все будетъ у всѣхъ, а потому тотъ, кто беретъ, дѣлаетъ правильно, потому что беретъ награбленное. Грабь награбленное, а потомъ разберемся — вотъ въ чемъ углубленіе революціи.

Толпа слушала, затаивъ дыханіе. Солдатъ, лущившій рядомъ съ Саблинымъ сѣмечки, такъ и застылъ съ невыплюнутой шелухой и не сводилъ глазъ съ лица Ленина.

— Намъ надо, — продолжалъ Ленинъ, — сбросить старое бѣлье, названіе соціалъ-демократовъ и вмѣсто про-

гнившей соціалъ-демократіи создать новую соціалистическую организацію коммунистовъ... Одно изъ двухъ, — или буржуазія, или совѣты — типъ государства, который выдвинутъ революціей, или реформистская демократія при капиталическомъ министерствѣ, или захватъ власти цѣликомъ, на который наша партія готова... Наша программа? — Опубликуйте прибыли господъ капиталистовъ, арестуйте пятьдесятъ, или сто крупнѣйшихъ милліонеровъ. Безъ этого всѣ фразы о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій пустѣйшія слова, измѣна и лакейство!.. Объявите, что мы считаемъ всѣхъ капиталистовъ разбойниками. Тогда трудящіеся вамъ повѣрили-бы. Мы уже готовы на это... Ставка въ Могилевѣ — центръ контръ-революціи. Мятежники-генералы, не желающіе подчиниться волѣ Русскаго народа, ведутъ открытую контръ-агитацію среди солдатъ. Надо объявить внѣ закона тѣхъ мятежныхъ генераловъ, которые дерзаютъ святотатственно поднять свою жалкую руку. Не только всякій офицеръ, всякій солдатъ не должны имъ повиноваться, но всякій офицеръ, всякій солдатъ, всякій гражданинъ имѣютъ право и обязанность убить ихъ раньше, чѣмъ они поднимутъ свою руку.

— Муки совѣсти... — а тѣ, кто учитъ васъ этимъ мукамъ, развѣ имѣютъ совѣсть? Попы васъ обманываютъ, говоря вамъ о Богѣ. Правительство для того, чтобы держать народъ, придумало религію. Религія — опиумъ для народа. Проснитесь и поймите, что храмы ваши разззолоченныя неуютныя зданія. Долой поповъ! Они заставляютъ васъ думать о небесномъ для того, чтобы вы забыли земное и терпѣливо переносили свое иго. Для чего вы воюете? Я васъ спрашиваю: — для чего? Развѣ нѣмецкій рабочій не такъ же страдаетъ отъ капиталистовъ-фабрикантовъ, развѣ крестьянинъ не въ кабалѣ у барона-помѣщика? Ихъ гонитъ на войну кровавый императоръ. Воткните штыки въ землю и черезъ головы своихъ начальниковъ протяните руки мира трудящемуся германскому народу. Помогите ему свергнуть Вильгельма такъ же, какъ вы свергли Николая кроваваго. Миръ, свободу и хлѣбъ несутъ вамъ совѣты и партія большевиковъ! Мы — большевики потому, что

мы даемъ больше всего народу. Мы гонимы, потому что мы проповѣдуемъ правду.

На лицѣ идіота то появлялась, то исчезала змѣиная сатаническая улыбка.

— А не антихристъ, это, товарищи? — прошепталъ пожилой рабочій. — Нынь о Богѣ нехорошо какъ говоритъ.

— Господи! Твоя воля! Шпіонъ, нѣмецкій шпіонъ и какое проповѣдуетъ!

— Не мѣшайте, товарищъ. О землѣ говоритъ.

— Земля ваша. Берите и владѣйте ею. А, если кто мѣшаетъ вамъ, боритесь съ нимъ. Вы народъ, ваша воля, ваша власть. Возьмите себѣ такое правительство, чтобы помогало вамъ, а не мѣшало, — неслось съ красной трибуны.

— Это потакать, значитъ, погромамъ, — удивленно сказалъ прилично одѣтый человѣкъ.

Красное освѣщеніе то вспыхивало сильнѣе, то ослабѣвало, и кровавыя тѣни прыгали по лицу Ленина и вспыхивали на его лысинѣ.

— Въ руки народа должна перейти вся прибыль, доходы и имущество крупнѣйшихъ банковыхъ, финансовыхъ, торговыхъ и промышленныхъ магнатовъ капиталистическаго хозяйства. И это будетъ тогда, когда вся государственная власть перейдетъ въ руки совѣтовъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Кто не идетъ съ совѣтами, тотъ измѣнникъ и его просто надо уничтожить. Проще смотрите на это дѣло. Вамъ говорятъ: не нужно смертной казни и мы противъ смертной казни, но мы уберемъ съ дороги всякаго, кто станетъ намъ по пути. Мы не пацифисты и воля народа священна для насъ, и кто не понимаетъ этого — тому нечего жить. И мы уберемъ съ пути трудящихся всѣхъ генераловъ, мечтающихъ о продолженіи войны, всѣхъ помѣщиковъ, тоскующихъ о землѣ и рабскомъ трудѣ батраковъ, всѣхъ эксплоататоровъ. Земля народу, фабрики рабочимъ, капиталъ государству и миръ всему истрадавшемуся человѣчеству.

Внезапно погасли красныя лампочки. Балконъ дома

Киевской погрузился въ темноту и было видно, какъ темныя тѣни поднялись тамъ и стали уходить въ дверь.

— Товарищи! — раздался искренно возмущенный голосъ у рѣшотки. Кто-то, взобравшійся на цоколь, кричалъ чуть не со слезами. — Товарищи, какъ же это такъ! Нѣмецкій шпіонъ и прочее, открыто проповѣдуетъ. Ему на веревкѣ висѣть. Можно сказать, предатель Россійскаго государства и жидова кругомъ его! Какъ же это, товарищи!

— Довольно! Буде!

— Погромщикъ!

— Долой! Долой его!

— И вотъ такъ, — выходя съ Саблинымъ изъ толпы, сказалъ Мацневъ, — по нѣсколько разъ въ день. Эта толпа разсѣдется, вспыхнутъ снова огни, привлекая новую толпу и, когда она соберется, выходитъ этотъ маленькій человѣкъ съ лицомъ идіота и долбитъ свое, какъ дятелъ.

— А правительство?

— Правительство сначала засадило въ крѣпость всю эту теплую компанію, прибывшую къ намъ въ запломбированномъ вагонѣ, и хотѣло назначить слѣдствіе, но потомъ, по приказу Керенскаго, освободило ихъ.

— Керенскаго! О чемъ же онъ думалъ?

— Партійные работники. Вѣдь по существу они одной партіи, — а тамъ большевики, меньшевики, это уже подробность. Партійность теперь все. Партія выше государства.

— Кто же въ концѣ концовъ этотъ Ленинъ?

— Пойдемъ ко мнѣ и я тебѣ разскажу то, что говорятъ про него.

XXXII

Мацневъ жилъ съ женою въ концѣ Пушкинской улицы. У него было двое дѣтей — мальчикъ четырнадцати лѣтъ и дѣвочка шести, и оба не отъ него, онъ это зналъ лучше чѣмъ кто-нибудь. Обыкновенно мужъ и жена находились на своихъ половинахъ и бывало такъ, что они по недѣлямъ

не видались другъ съ другомъ. Но со времени войны они какъ-то сблизились, сошлись на общихъ интересахъ войны, а со времени революціи они стали друзьями. Много способствовало этому и то, что Маноцковъ былъ убитъ въ 1915 году во главѣ своего полка, и Варварѣ Дмитріевнѣ приходилось скрывать свое неутѣшное горе. Тутъ Мациевъ отнесся къ ней съ истинно христіанскимъ участіемъ и утѣшилъ ее умною и дружеской бесѣдой. Варвара Дмитріевна была моложава и красива. Она была умная и образованная женщина. Когда она была въ полку, ее боялись, и когда нужно было услышать честный и разумный совѣтъ, съ нею совѣтовались.

Варвара Дмитріевна искренно обрадовалась Саблину.

— Варя, чайку намъ дашь? — сказалъ Мациевъ и Саблинъ съ удивленіемъ услышалъ и это „ты“, и это уменьшительное имя.

Они усѣлись въ столовой.

— Такъ вотъ, Саша, Ленинъ этотъ самый является до нѣкоторой степени загадкой.

— Прости, Иванъ Сергѣевичъ, — перебила его Варвара Дмитріевна, — вы будете говорить о политикѣ?

— Да.

— Я осмотрю комнаты. Не подслушиваютъ ли. Мавра у меня служитъ двадцать лѣтъ, я ее дѣвчонкой взяла и сама воспитала, а теперь такъ и трется у дверей, все норовитъ подслушать и передать въ комиссаріатъ. Павелъ — тоже самъ не свой. Ливрею надѣвать отказался — это, говоритъ, — мундиръ раба.

— Да, Саша, народъ съ ума посходилъ. Да и какъ не сойти, когда слыхалъ, какою философіей его пичкаютъ и какую звѣриную, погромную религію ему проповѣдуютъ. Такъ вотъ о Ленинѣ. Говорятъ о немъ многое. Начну сначала. Владиміръ Ильичъ Ульяновъ, литературный и революціонный псевдонимъ Н. Ленинъ, родился въ Симбирскѣ 10-го апрѣля 1870 года. Онъ происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ. Отецъ его, когда-то богатый помѣщикъ, занималъ довольно видное мѣсто инспектора народныхъ училищъ. Старшій братъ Ленина, Александръ, въ

1887 году былъ обвиненъ въ организаціи покушенія на императора Александра III и приговоренъ къ смертной казни. Прокуроръ на мольбы матери о помилованіи, сказалъ, что помилованіе будетъ, навѣрно, если только Ульяновъ признаетъ свою вину. Было составлено прошеніе и надо было, чтобы осужденный подписалъ его. Онъ отказался. Приближался день казни. Наканунѣ мать съ младшимъ сыномъ Владиміромъ, ему было тогда шестнадцать лѣтъ, отправилась въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ помѣщался сынъ, присужденный къ смерти. Цѣлую ночь, въ присутствіи жандарма, и на глазахъ у Владиміра, она простояла на колѣняхъ на холодномъ полу, не спуская глазъ съ сына и протягивала ему перо и бумагу. Сынъ остался непреклоннымъ. На разсвѣтѣ его казнили. Этотъ случай произвелъ страшное впечатлѣніе на мальчика и сдѣлалъ его почти душевнобольнымъ. Замкнутый, угрюмый, одинокій среди товарищей, типичный „первый ученикъ", всегда выставляющій свою руку надъ головами товарищей, любитель „пятерокъ", ревниво оберегающій свою собственность, никогда не подсказывающій товарищамъ и не позволяющій списывать — онъ замкнулся въ себѣ еще болѣе. Онъ былъ отъ природы скупъ и разсчетливъ. Никто изъ товарищей не любилъ его. Онъ былъ жестокъ и равнодушенъ къ слезамъ и страданіямъ людей. По окончаніи гимназіи Ленинъ поступилъ на юридическій факультетъ Казанскаго университета, откуда былъ исключенъ за участіе въ кружкахъ. Ленинъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сдалъ государственные экзамены. Въ Петербургѣ, въ „союзѣ освобожденія труда", началась его нелегальная работа. Въ концѣ девяностыхъ годовъ Ленинъ былъ арестованъ и отправленъ въ ссылку. Изъ ссылки онъ бѣжалъ заграницу, въ Швейцарію, и въ 1901 г. вмѣстѣ съ Плехановымъ вошелъ въ редакцію газеты „Искра". Писать, или проповѣдывать, кромѣ жидкой и плохо составленной брошюры о земельной собственности, да нонпло-революціонныхъ газетокъ „Впередъ" и „Искра", онъ ничего не писалъ — проповѣдывать... Но ты слыхалъ самъ, какъ онъ говоритъ: — камни ворочаетъ, онъ не ораторъ, да и наружность у него отталкивающая, онъ просто

жилъ въ Швейцаріи, пользуясь репутаціей убѣжденнаго марксиста, полупомѣшаннаго, человѣка, ненавидящаго Россію и способнаго на любую гнусность, потому что онъ даже и не понимаетъ и не признаетъ, что такое гнусность. Вотъ тебѣ наглядный примѣръ: въ 1898 году въ Россіи основалась соціалъ-демократическая партія. Въ 1903 году, на Лондонскомъ съѣздѣ, она раскололась на партіи меньшевиковъ и большевиковъ, и во главѣ большевиковъ сталъ Ленинъ. Въ 1905 году Ленинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, здѣсь, для разрушенія меньшевиковъ, Плехановцевъ, которыхъ онъ возненавидѣлъ, онъ сошелся съ агентами охранной полиціи — Малиновскимъ, большевицкимъ депутатомъ въ Государственной Думѣ и Черномазовымъ — редакторомъ выходившей тогда въ Петербургѣ газеты „Правда“ и сталъ работать черезъ департаментъ полиціи.

— Милая личность.

— Да, Саша, человѣкъ, у котораго ni foi — ni loi*) и въ этомъ вся его сила. Война съ Германіей застала его въ галиційской деревнѣ. Онъ былъ арестованъ австрійскими властями, но вскорѣ отпущенъ и переѣхалъ въ Швейцарію. Здѣсь онъ принялъ участіе въ Циммервальдской и Кинтальской конференціяхъ и выработалъ резолюцію о томъ, что для рабочихъ всего міра пораженіе выгоднѣе побѣды. Онъ сталъ работать для этого пораженія. Въ 1914 году германскій генеральный штабъ въ поискахъ шпіоновъ и предателей обратилъ вниманіе на достойнаго Владиміра Ильича. Владиміръ Ильичъ тогда не признавалъ отечества, поэтому германское императорское правительство могло, по его мнѣнію, не быть его врагомъ. Онъ носился въ это время съ мечтами о міровой революціи и ему были нужны деньги. Много денегъ. Его взгляды оказались удобными для германскаго штаба, и онъ получилъ крупную сумму въ 70 милліоновъ марокъ, за нее онъ обязался разложить Русскую армію и склонить Россію къ сепаратному миру. Итакъ, сумасшедшій, политическій преступникъ, маніакъ, утопистъ, шпіонъ и предатель, о которомъ въ распоряженіи

*) *Ни вѣры, ни закона.*

сыскной полиціи были самыя точныя неопровержимыя данныя, прибываетъ съ опредѣленною цѣлью уничтожить и опозорить Россію за нѣмецкія деньги. Объ этомъ знаетъ Керенскій и вся его теплая компанія, объ этомъ знаетъ верховное командованіе, знаютъ союзники... Что они дѣлаютъ — ты самъ видѣлъ.

— Шутъ гороховый, — сказалъ Саблинъ.

— Конечно, шутъ гороховый. Но этотъ шутъ съ необыкновеннымъ упорствомъ ведетъ свое дѣло. Въ началѣ лѣта нѣкій доблестный донецъ предаетъ своего командира въ руки солдатъ, которые его чуть не разорвали. Слѣдствіе. Донецъ получилъ на это деньги изъ дворца Кшесинской. Всѣ наши слѣдствія о бунтахъ въ войскахъ приводятъ къ одному мѣсту: — дворцу Кшесинской. Дворецъ Кшесинской обиваютъ краснымъ кумачемъ, ввинчиваютъ красныя лампочки, тамъ ежедневно по нѣсколько разъ появляется этотъ шутъ и говоритъ свои страшныя рѣчи. Скажи мнѣ, Саша, кто виноватъ? Германскій генеральный штабъ, рѣшившій въ изнеможеніи борьбы съ врагомъ пустить такіе удушливые газы, которые бы задурманили мозгъ Русскаго народа?

— Нѣтъ.

— Я зналъ, что ты скажешь „нѣтъ“. Я зналъ, что ты справедливъ. На войнѣ всѣ средства позволены. И это уже наше дѣло парализовать работу непріятеля. Что же, Ленинъ виноватъ въ томъ, что онъ разрушаетъ армію? Но, вѣдь, знаютъ, кто онъ такой, его формуляръ имѣется отъ юныхъ дней, знаютъ, и откуда онъ пріѣхалъ, и для чего, и съ какими деньгами. Нѣтъ, и Ленинъ не виноватъ, — а виновато правительство и народъ. Да и народъ я откину. Виноватъ во всемъ Керенскій и тѣ, кто съ нимъ. Но слушай дальше. Уже кажется и такъ физіономія Ленина достаточно хороша и опредѣленна, но Русскому обществу этого мало. Особенно высшему, интеллигенціи. Ему нужно оправдать свою гнусность тѣмъ, что съ Ленинымъ нельзя бороться, потому что за нимъ стоятъ какія-то страшныя силы: всемірный еврейскій кагалъ, всемогущее масонство, демоны, Бафометъ, страшная сила бога тьмы, побѣж-

дающаго истиннаго Бога. На ухо шепчутъ: Ленинъ не Ульяновъ, сынъ Саратовскаго дворянина. Русскій не можетъ быть предателемъ до такой степени, на такое дѣло пойти можетъ только еврей. И вотъ творится легенда. Въ концѣ 70-хъ, или началѣ восьмидесятыхъ годовъ, черезъ Симбирскъ, въ Сибирь, шла партія каторжанъ. Въ числѣ ихъ былъ еврей Хаимъ Гольдманъ и съ нимъ его сынъ, маленькій, слабенькій еврейчикъ. Онъ свалился на улицахъ Симбирска и его подобрала жена Ульянова, крестила его и, несмотря на протесты мужа, усыновила. Итакъ, Ленинъ еврей.

— Какая ерунда! — воскликнулъ Саблинъ, — мы же видали его. Въ немъ ничего еврейскаго, скорѣе что-то монгольское въ его косыхъ глазахъ. И почему, Иванъ Сергѣевичъ, на гнусность противъ родины не способенъ Русскій человѣкъ?! Развѣ не Русскій дворянинъ и князь, Кропоткинъ, положилъ краеугольный камень той анархіи, той тюрьмы для Русскаго народа, зданіе которой выводитъ теперь Ленинъ? Родзянко и Алексѣевъ развѣ не Русскіе люди, а не они ли толкнули монархію и, поваливъ, разбѣжались!

— Вѣрно, вѣрно, Саша, но тогда нѣтъ таинственности, тогда не о чемъ шептать другъ другу на ухо и передавать тайны, только мнѣ одному извѣстныя. Да, видишь ли, и этого мало нашимъ кумушкамъ. Оказывается подлинный Ленинъ, уже не знаю который, Ульяновъ ли, или Гольдманъ, ну, словомъ, тотъ, кто писалъ въ „Искрѣ“ и редактировалъ „Впередъ“ и былъ вождемъ партіи большевиковъ, умеръ въ Берлинѣ въ 1912 году и партіей соціалъ-демократовъ былъ замѣненъ похожимъ на него евреемъ Циберлейномъ. Такъ еще вкуснѣе выходитъ. Одна фамилія чего стоитъ!

— Все это хорошо для бульварнаго романа.

— Не только, Саша, для романа это хорошо и для будущаго историка. Какъ теперь Соловьевы, Костомаровы, Ключевскіе носятся съ разными Лжедимитріями, такъ въ будущемъ придется повозиться съ Ленинымъ. Мы-то те-

перь все знаемъ. а лѣтъ черезъ триста разберись-ка, гдѣ правда?

— А по-твоему, гдѣ правда?

— По-моему... Мы вѣдь своими глазами видѣли. Ленинъ есть Ленинъ и больше ничего, ни жида, ни дьявола, ни масона тутъ нѣтъ.

— Когда я командовалъ №-скимъ армейскимъ корпусомъ, — пуская клубы напироснаго дыма, сказалъ Саблинъ, — одной изъ ротъ командовалъ капитанъ Верцинскій. Преинтересная личность, — соціалъ-демократъ, меньшевикъ, Плехановецъ. Онъ мнѣ все тумана напускалъ съ масонами. Что ты, философъ, зарывшійся въ книги, объ этомъ думаешь?

Мацневъ не сразу отвѣтилъ.

— Видишь ли. Русское общество любитъ таинственность. Ему дай Пугачева, а сзади поставь императора Петра Оеодоровича, скончавшагося и погребеннаго. Ему дай Наполеона и при немъ звѣриное число 666 и легенды Апокалипсиса. Такъ и тутъ, — что Ленинъ, Вильгельмъ — это неинтересно. Нѣтъ, вотъ, если Ленинъ, масонъ высокаго посвященія, если тутъ и треугольникъ, и циркуль, и змій, и тьма вѣковъ, доходящая до Адонирама, и бычья голова Бафомета, ну тогда — полное оправданіе и нашей растерянности, и нашей покорности и трусости. Сила, молъ, солому ломитъ. А масоны сила.

— Ты не вѣришь въ масоновъ?

— Какъ не вѣрить въ то, что есть. Масонскія ложи были и теперь есть, въ нихъ не вѣрить нельзя, но во всемогущество масоновъ я не вѣрю. Хотя, конечно, есть какія-то странности и, хотѣлось бы, чтобы ихъ не было.

Мацневъ замолчалъ и задумчиво помѣшивалъ чай въ граненомъ хрустальномъ стаканѣ. Варвара Дмитріевна тихо сидѣла за самоваромъ и смотрѣла на опущенную портьеру двери, Саблинъ ждалъ, что скажетъ дальше Мацневъ.

— Въ 1905 году нѣкто Нилусъ выпустилъ книгу подъ названіемъ „Сіонскіе протоколы“. Мнѣ, какъ бывшему правовѣду, сразу стало замѣтно, что это ловкая имитація.

Сіонскихъ мудрецовъ, конечно, никакихъ не было. Не было и ихъ протоколовъ и вся книга не протоколы дѣйствительно бывшаго засѣданія, но компиляція различныхъ ученыхъ трудовъ, имѣющихъ прикосновеніе къ масонству. Книга, по своему провидѣнію, поразительная. Мало ли такихъ книгъ выходило и выходитъ, но вотъ, что любопытно. Она мало обратила вниманіе публики, но зато теперешнее правительство, во главѣ котораго стоитъ Керенскій, усиленно ею заинтересовалось. Она вышла на дняхъ, не знаю, какимъ уже изданіемъ. Иду я, 5-го іюля, по Литейному. Большевики бунтуютъ. Трупы казаковъ и казачьихъ лошадей еще не убраны. Вдругъ вижу большой нарядъ милиціи у книжнаго магазина, и вся лавка наизнанку вывернута.

— Въ чемъ дѣло, товарищи, спрашиваю.

А бравый милицейскій, видать, какимъ-то чудомъ изъ бывшихъ городовыхъ, рапортуетъ мнѣ:

— Распоряженіе господина Керенскаго, чтобы книгу Нилуса „Сіонскіе протоколы“ изъять изъ обращенія. Вредная, сказываютъ, книга.

„Вотъ тебѣ и свобода печати“, — подумалъ я. — „Вотъ тебѣ и завоеванія революціи. Совсѣмъ это, какъ при проклятомъ Царизмѣ дѣлается. Да и книга, видно, хороша, что въ такое тревожное время ее отыскивать надо.“

Мацневъ допилъ чай и, увидавъ, что Саблинъ отказался отъ него, сказалъ:

— Пройдемъ въ кабинетъ, я покажу тебѣ цѣлую литературу по вопросу о масонствѣ. Согласись, милый другъ, не было бы масонства, не стали бы писать о немъ толстые томы.

XXXIII

Мацневъ досталъ изъ книжнаго шкафа нѣсколько книгъ, бросилъ ихъ передъ собою на столъ, усѣлся въ кресло, противъ сѣвшаго спиною къ окну Саблина и заговорилъ:

— Если хочешь, Саша, мы стоимъ передъ тайной, открыть которую не можемъ. Ты слыхалъ слова Ленина —

„Бога нѣтъ. Религія — опіумъ для народа“. Да такъ-ли? Бога нѣтъ, а чортъ есть? Дьяволъ существуетъ, а существуетъ дьяволъ — значитъ и Богъ есть. Есть темное, есть и свѣтлое. Если брошена тѣнь, то есть источникъ свѣта, который эту тѣнь бросилъ. Мы изобрѣли безпроволочный телеграфъ, удушливые газы, мы заставили электричество работать на себя, мы додумались Богъ вѣсть до какихъ откровеній, а мы проглядѣли то, что параллельно съ кроткимъ ученіемъ Христа, нами заброшеннымъ и забытымъ, существуетъ ученіе ему противоположное.

— Смотри, Саша. Эта книга давно у меня. Я купилъ ее въ 1907 году въ Парижѣ, тогда, когда мы и не думали, ни о войнѣ съ Германіей, ни о революціи, ни тѣмъ болѣе о Ленинѣ. Это сочиненіе Jean Bidegain — „Masques et Visages Maçonniques“, documents inédits, издана въ 1906 году, librairie Antisémite, 45, Rue Vivienne, Paris*). У насъ за одинъ заголовокъ назвали бы книгу погромной. На обложкѣ древняя маска и алый уголъ ленты съ крестами и фригійскимъ колпакомъ, папскій наперстный крестъ. Эпиграфомъ стоитъ: — „En premier lieu, arrachez à la Franc-Maçonnerie le masque dont elle se couvre, et faites-la voir telle qu'elle est“ Leon XIII**) Она начинается историческими примѣрами вѣроломства масоновъ. А вотъ на страницѣ 10, я уже читаю и выводы: —

— Мы должны отмѣтить въ теченіе почти двухъ вѣковъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, крайнее противорѣчіе между словами франкъ-масоновъ и между дѣлами ихъ, между принципами, которые они проповѣдуютъ публично, и между событіями, которыя они подготовляютъ терпѣливою оккультною работою...

— „Внимательное изученіе франкъ-масонства и его

---

*) *Жанъ Бидегэнъ. „Лицо и маска масонства“, неизданные документы. Антисемитская книготорговля, 45, улица Вивіенъ, Парижъ.*

**) *Прежде всего сорвите маску съ франкъ-масоновъ, которою они прикрываются, и посмотрите на нихъ, какъ они есть. Левъ XIII.*

дѣятельности приводитъ насъ къ тому, что нельзя судить о масонахъ по тѣмъ маскамъ, которыми имъ хочется прикрыть свое истинное лицо, ни по ихъ публичнымъ рѣчамъ. но съ самаго ихъ появленія у нихъ существуетъ свой секретный планъ, который не знаетъ большинство ихъ учениковъ, но который проводится ими послѣдовательно, широкими штрихами. Средствомъ проведенія этого плана въ жизнь является уничтоженіе интеллигентныхъ силъ и средствъ, традицій и вѣры, составляющихъ скелетъ и основу всякаго отечества."

— „Въ частности во Франціи", — это пишетъ французъ, — „работа масоновъ заключается въ трехъ видахъ быстро и точно ведомой борьбы: борьбы противъ католической церкви: борьбы противъ всякаго правительства, обладающаго сильнымъ авторитетомъ: разрушенія основъ всякаго общества: — семьи, собственности, идеи Родины"... И вотъ, Саша, не вѣришь, а невольно задумаешься. Развѣ не то-же у насъ? Разрушеніе вѣры, низверженіе царской власти и устраненіе всякаго авторитетнаго правительства. Новѣрь мнѣ, при такой работѣ Наполеону не появиться и развѣ это не есть точное и систематическое проведеніе въ жизнь ученія таинственной еврейской каббалы: — и л у ч ш а г о и з ъ г о е в ъ у б е й!..

— Значитъ, масонство и еврейство одно и то-же?

— Видишь-ли. Великій провидецъ Русскій Ѳ. М. Достоевскій въ „Дневникѣ писателя" въ 1877 году обмолвился: „жидъ и его кагалъ все-равно, что заговоръ противъ Русскихъ". Шмаковъ, С. Нилусъ, А. Селяниновъ, Лютостанскій въ книгахъ, ставшихъ теперь библіографическою рѣдкостью, доказываютъ, что существуетъ тайное интернаціональное правительство и правительство это евреи.

— Да, на это мнѣ намекалъ и Верцинскій.

— Это тайное правительство якобы образовало орденъ вольныхъ каменщиковъ, франкъ-масоновъ, подъ христіанской маской помощи ближнему. Это общество должно помочь евреямъ разрушить государственность и въ первую очередь имперіи.

— „Теперь", — пишетъ Бидегэнъ, — „франкъ-масоны

набираютъ своихъ слугъ среди карьеристовъ всякаго рода, между медиками, адвокатами и въ простомъ народѣ. Они не гнушаются, — напротивъ, они привлекаютъ къ своимъ работамъ алкоголиковъ, дегенератовъ и полусумасшедшихъ идіотовъ, словомъ людей всегда способныхъ и готовыхъ, когда то потребуется, возобновить всѣ ужасы террора"...

— Саша, повторяю, я это не выдумалъ, я это читаю по старой, потрепанной книгѣ. У насъ былъ Государь. Онъ былъ честный. Онъ горячо и свято любилъ родину и слово Россія было священно для него. Онъ былъ глубоко-вѣрующій человѣкъ. Распутинъ — это частность — это уклонъ въ сторону мистики, да и Распутинъ не отъ масоновъ ли, то-есть, отъ дьявола? Англійское и французское золото устраиваютъ его сверженіе. Характерная подробность: — народныя толпы и солдаты идутъ 28-го февраля къ Таврическому Дворцу и тамъ Родзянко имъ говоритъ, что Государь отрекся отъ престола. Государь подписалъ актъ отреченія 2-го марта. Что сіе? Провидѣніе, увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ? Свергли Государя, неугоднаго масонамъ. На его мѣсто надо поставить карьериста, сумасшедшаго, идіота, словомъ лицо, которое стало бы слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ масоновъ. Но самоизбирается Временное Правительство изъ благодушныхъ Русскихъ интеллигентовъ и болтуновъ, и во главѣ благонамѣреннѣйшій, патріотично настроенный князь Львовъ. Удержись такое правительство — пожалуй и вся работа масоновъ стала бы ни къ чему. И сейчасъ же появляется въ томъ же Таврическомъ дворцѣ неизвѣстно кѣмъ избранный и откуда взявшійся совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Весь президіумъ состоитъ изъ псевдонимовъ и псевдонимы прикрываютъ евреевъ. Подъ ними сѣрое послушное стадо. 20-го апрѣля вольноопредѣляющійся Линде выводитъ на площадь Маріинскаго дворца Финляндскій полкъ. Несутъ флаги съ надписями — „долой временное правительство", „да здравствуетъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ". Слѣдствіе показываетъ, что солдаты за эту демонстрацію получили по двадцати пяти рублей и сами не понимали, чего они требовали, они дѣйствовали, какъ

статисты — результатомъ: соглашеніе съ Совѣтомъ. Линде назначаютъ комиссаромъ на юго-западный фронтъ — это за бунтъ-то! а Керенскаго сажаютъ вмѣсто Львова. Теперь Россія находится въ рукахъ соотвѣтствующихъ людей — во главѣ ея карьеристъ, дегенератъ, кокаинистъ Керенскій, а подъ нимъ выявляетъ свое сатанинское лицо Ленинъ. Какъ хочешь, Саша, но не странно ли, что все это предсказано, написано десять лѣтъ тому назадъ и напечатано. Слѣдующая очередная задача — свалить императора Вильгельма. Поживемъ — увидимъ.

— Ты такъ разсказываешь, что приходится невольно вѣрить, но какъ-то не хочется вѣрить. Судьбы народовъ, націй и государствъ въ рукахъ некоронованнаго еврейскаго патріарха — властелина міра. Его знаютъ только семь посвященныхъ, а ихъ знаетъ только маленькій кружокъ опять таки никому неизвѣстныхъ людей. Да что же это такое? Вѣдь это сказка.

— Да, Саша, сказка, которой вѣришь потому, что передъ этой сказкой пасуютъ, казалось бы, государственные люди. Куда дѣвался мягкотѣлый Родзянко, гдѣ хитрый, но все-таки вѣрующій Поливановъ, для котораго Россія была величина, гдѣ Гучковъ, драпировавшійся въ тогу патріота? И полугода не прошло, какъ мы уже стоимъ передъ лицомъ анархіи. Теперь говорятъ о Корниловѣ. Это имя. Это горячій патріотъ и видимо сильный человѣкъ. Но о Корниловѣ только заговорили, какъ травля его пошла по всему фронту и ты послушай, что говорятъ про него солдаты. Чья работа?

— Иванъ Сергѣевичъ, но если допустить до этого, то вѣдь это ужасъ. Я могу бороться съ нѣмцами, съ французами, англичанами, могу бороться съ соціалистами, кадетами, но бороться съ таинственной, нечистой силой, чѣмъ и какъ я могу? Какими удушливыми газами пройму я ихъ, когда они неуязвимы? Что же дѣлать? Чѣмъ бороться?

— Христіанскою вѣрою! — отвѣтилъ послѣ долгаго, торжественнаго молчанія Мацневъ, — крестнымъ знаменіемъ!!

XXXIV

На другой день Саблинъ поѣхалъ въ Могилевъ, въ Ставку. Всю дорогу онъ думалъ о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Мациевымъ. Мациевъ, циникъ, невѣрующій, избѣгавшій ходить въ церковь, не признававшій таинствъ, заговорилъ о Христѣ и о Богѣ. Мациевъ примирился съ женою, съ которою не говорилъ лѣтъ двадцать. Что же произошло въ немъ? Саблинъ читалъ въ вагонѣ французскую книгу, данную ему Мациевымъ. На, актами доказано, что французская революція и казнь Людовика XVI были приготовлены въ масонской ложѣ и это дѣло тайнаго общества.

Эта книга увѣряетъ, что все крупное, что совершается въ мірѣ - великая война, революція, перетасовка народовъ на міровой сценѣ, все это дѣло рукъ общества, руководимаго дьяволомъ. У Мациева въ кабинетѣ они перелистывали многія книги. Они разематривали тщательно сохраненную Мациевымъ, изданную въ 1890 году карту будущаго Европы. И на ней, на мѣстѣ Россіи была пустыня, вмѣсто Германской имперіи — Германскія республики, императоровъ и королей нигдѣ не осталось. Кто-то, уже тогда, заботливо вколачивалъ въ мозги людей мысль о ненужности монархіи и расправлялся по-своему съ Россіей. Россія пустыня! Но развѣ не идетъ она быстрыми шагами подъ управленіемъ Керенскаго къ тому, чтобы стать пустыней?

Арміи уже нѣтъ...

Во имя чего Керенскій уничтожаетъ, демократизируетъ армію?

Этого требуетъ программа ихъ партіи. Саблинъ отчетливо вспомнилъ вечеръ у Мартовой, милое лицо Маруси, блестящими глазами смотрѣвшей на него, и жаркіе споры о необходимости разоружаться.

Ну, вотъ, сбылось, по ихъ. Разоружаются, втыкаютъ штыки въ землю, мѣняютъ пулеметы на ромъ, отмѣнили отданіе чести, уничтожили дисциплину, отобрали денщиковъ, устанавливаютъ выборное начало... Все, какъ хотѣли они, товарищъ Навликъ, студентъ въ косоворотцѣ, гим-

газистъ, оказавшійся Верцинскимъ, — они, молодые соціалисты... Но при чемъ же тутъ масоны?

А странно? Мацневъ показалъ вчера нѣсколько масонскихъ свидѣтельствъ. Гербъ, треугольникъ, угломъ внизъ и надпись большими четкими буквами: „Libertas, aegualitas fraternitas“*), тѣ же лозунги, что у соціалистовъ. Внизу буквы, означающія фразу. Не отъ нихъ ли пошло это обыкновеніе въ арміи говорить языкомъ телеграфнаго кода, противнымъ, пошлымъ языкомъ, уничтожающимъ самыя громкія имена? Верховный главнокомандующій — главковерхъ... Главковерхъ, императоръ Николай II!.. Гадко!

Липкій трепетъ пробѣжалъ по жиламъ Саблина. Изъ темнаго угла вагона какъ-будто показалось странное лицо человѣка съ головою козла, съ длинными рогами, съ факеломъ на головѣ. Онъ сидѣлъ, поджавъ ноги, и мутный взглядъ былъ устремленъ на Саблина. Это Бафометъ-демонъ, изображеніе котораго долго разематривалъ вчера Саблинъ.

Но вѣдь это же ерунда, это чепуха! Такъ придется повѣрить въ чертей, въ адъ, въ котлы съ грѣшниками, придется бояться трехъ свѣчекъ на столѣ, бояться снова, вѣрить въ пятницу...

Евреи и масонство?.. „Лучшаго изъ гоевъ убей“... „лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ“. „справедливѣйшаго изъ безбожниковъ лиши жизни“...

Если я хочу властвовать, я долженъ уничтожить у подчиненныхъ мнѣ народовъ все сильное, одаренное, образованное, все лучшее, способное къ протесту! Чтобы одно быдло осталось и само полѣзло въ ярмо!

Кровавымъ полымемъ пылаетъ Русская земля. Въ Выборгѣ, Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ, въ Кронштадтѣ и Севастополѣ избиваютъ генераловъ и офицеровъ, и на всемъ фронтѣ не прекращается страшная Варооломеевская ночь. Солдатъ сводитъ старые счеты съ офицерами и истребля-

---

*) *Свобода, равенство, братство.*

отъ ихъ. но приказъ этому истребленію идетъ изъ дворца Кшесинской, отъ Ленина.

Ленину это нужно? Упившись кровью, онъ сядетъ наверхъ и станетъ упорно проводить въ жизнь ту утопичную сказку, что вынесъ въ себѣ въ долгіе годы эмигрантской жизни?..

Ленинъ одинъ виноватъ во всемъ и весь грѣхъ и все преступленіе на немъ!

Сейчасъ же, съ гадкой ухмылочкой прыщаваго лица, встало блѣдное лицо съ растопыренными ушами Керенскаго и послышались странныя рѣчи, слышанныя вчера на Троицкой площади:

— Жиды тѣ же люди! Почитай еще получше Русскихъ будутъ.

Говорили Русскіе люди. Откуда взялось такое внезапное уваженіе къ жидамъ? Его нѣ было раньше.

Вчера Мациевъ длинно и несвязно, видимо, самъ не вѣря, не зная точно, не уяснивъ предмета, о которомъ говорилъ, разсказывалъ о громадномъ консорціумѣ банковъ. По словамъ Мациева выходило, что борьба идетъ не противъ капитала, но за капиталъ. Въ разсказѣ Мациева мелькали имена американскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ мильярдеровъ. Они устроили войну и революцію. Все это были интернаціональные евреи, рѣшившіе весь міръ прибрать къ своимъ рукамъ. Вмѣсто королей и императоровъ во главѣ государствъ появлялись банкиры и спекулянты и народы сгорали въ погонѣ за золотомъ.

А дальше?

И опять изъ темнаго угла отдѣленія вагона высовывалась противная козлиная рожа, показывались бѣлыя плечи, женскія груди и растопыренныя бѣлыя руки, скалила зубы рогатая морда и желтые глаза смотрѣли тупо и безстрастно.

Проносилась вся страшная символистика масонства: передники, молоты, циркули, звѣзды, треугольники, изломанные кресты, и въ самомъ простомъ предметѣ Мациевъ видѣлъ странную эмблему, казавшуюся Саблину ненужной.

Мациевъ показалъ ему новую тысячерублевку времен-

наго правительства и на ней, какъ орнаментъ — крестъ съ изломанными концами.

Нарочно или случайно? Кому понадобился этотъ орнаментъ, почему именно этотъ — являющійся у масоновъ опредѣленнымъ символомъ пораженія христіанства?

Вспомнилъ Саблинъ и кинематографъ, видѣнный имъ годъ тому назадъ, и невольно подумалъ, что, если Нилусъ и сочинилъ свои „Сіонскіе протоколы“ — онъ ихъ разумно сочинилъ, ибо онъ предвидѣлъ многое.

Масоны и евреи...

Вся пресса уже была въ рукахъ у евреевъ и отдѣльныя русскія газеты дружно всѣми преслѣдовались. Саблину на фронтъ присылали „Русское знамя“. Саблинъ просматривалъ его. Газета велась хорошо, талантливо, много въ ней было правды: — ее не читали. Зачитывались „Кіевскою Мыслью“. Саблинъ выписывалъ „Кіевлянинъ“. „Кіевлянина“ не читали. Это было въ 1915, 1916 годахъ, до революціи. Кто-то работалъ тайно, но упорно и кто-то уже побѣждалъ.

Діаволъ?

Тридцать три степени въ масонствѣ. Обряды, ритуалъ, страшныя клятвы. Надо во исполненіе приказа убить образно кинжаломъ человѣка, надо быть готовымъ на самоубійство. Воля ученика отдается мастеру, воля мастера — Розенкрейцеру... А дальше страшные „шевалье кадошъ“, имѣющіе право казнить королей. Страшные обряды, страшныя эмблемы. Молотъ и циркуль какъ будто говорятъ о строительствѣ, но эмблемы посвященія — гробы съ костями, символы убійства и самоубійства готовятъ къ разрушенію.

Мрачными подвалами средневѣковья несетъ отъ именъ: — „великій инспекторъ — инквизиторъ, командоръ“, „суверенъ“. „невидимыя степени посвященія“, „Алитъ“ „Alliance Israelite Universelle“*), „совѣтъ семи“ и „некоронованный еврейскій царь“.

Бутафоріей скверная балагана вѣетъ отъ всего этого.

---

*) *Всемірный еврейскій союзъ.*

но было и нѣчто страшное. Тайна скрывалась и манила слабыхъ. Слышался визгливый смѣхъ Верцинскаго и жутко становилось отъ неразгаданности того, о чемъ всѣ говорятъ и никто не знаетъ.

Саблинъ перебралъ сотни людей, съ кѣмъ онъ былъ знакомъ, и искалъ хотя одного масона между ними. Не можетъ быть, чтобы онъ никого не встрѣтилъ, чтобы никогда за тридцать лѣтъ сознательной жизни не говорилъ о масонствѣ. Нѣтъ, никого не встрѣтилъ и никогда не говорилъ. Точно раньше масоновъ не было, но появились они только теперь, будто и правда, какъ говорилъ Мацневъ, ихъ надо было придумать, чтобы оправдать свою глупость, трусость и подлость. Когда свершилась революція и оказалась ужаснымъ жестокимъ бунтомъ, когда полетѣла въ страшную бездну Россія, понадобилась вся сложная легенда о масонахъ, чтобы въ нихъ найти оправданіе.

Да, это такъ, ибо иначе быть не можетъ. Не погибнетъ же Россія, не обратится въ пустыню русская земля! Явится русскій вождь, Русскій именемъ, духомъ и вѣрою, и осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ русскій народъ и отметнется сатаны и всего дьяволъскаго навожденія и опять станетъ свѣтлое счастье на Руси и Христосъ воскресе, и цѣлованіе братское, и красное яичко, и весна красна!... Не можетъ быть, чтобы кровь и вѣчное убійство человѣкъ предпочелъ ликующему счастью творчества.

Избавитель идетъ. Народный герой, народный избранникъ — Корниловъ.

XXXV.

Саблинъ пріѣхалъ въ Ставку рано утромъ. Отъ вокзала до штаба ежедневно въ десять часовъ утра ходилъ автомобиль для отвоза пріѣзжающихъ по службѣ въ Ставку.

Въ Могилевѣ Саблинъ нашелъ приподнятое настроеніе. Былъ теплый солнечный день. Сильный вѣтеръ носилъ тучи пыли, шумѣлъ въ листвѣ высокихъ пирамидальныхъ тополей и гонялъ бумажки по улицѣ. Въ ожиданіи пріема главнокомандующимъ Саблинъ пошелъ пѣшкомъ къ своему

знакомому, генералу Самойлову. Чувствовалось, что городъ переполненъ войсками. Въ каждомъ домѣ, въ каждой квартирѣ были солдаты и офицеры. Большинство толпилось безъ всякаго дѣла у воротъ и лущило сѣмечки, но въ Ставкѣ солдаты имѣли болѣе подтянутый видъ и многіе еще съ подчеркнутой старательностью отдавали Саблину честь. Здѣсь Саблинъ въ первый разъ увидалъ Корниловскіе ударные баталіоны. Это была ужасная идея: — выбрать все лучшее и свести въ отдѣльныя части. Масса лишилась опоры, липнлась своего скелета и развалилась, а скелетъ былъ безъ мускуловъ и потому безъ силы.

Саблинъ часто встрѣчалъ бравыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, большинство съ георгіевскими крестами, хорошо одѣтыхъ, отлично выправленныхъ, съ сухощавыми осмысленными лицами. На рукавѣ у нихъ былъ нашитъ голубой полотняный щитъ, гдѣ бѣлой масляной краской аляповато была нарисована Адамова голова и написано „Корниловецъ".

Тяжелое впечатлѣніе жалкой бутафоріи произвели эти нарукавные знаки на Саблина. Они показывали безсиліе вождя. Конвой, опора вождя, его ударная часть должна быть одѣта богато, съ эмблемами побѣды, а не смерти. Такъ было всегда. Такъ учила насъ военная исторія.

На дивныхъ текинскихъ лошадяхъ, въ нарядныхъ халатахъ, съ громадными чалмами на головахъ проѣхалъ взводъ текинцевъ и Саблинъ невольно залюбовался ими. Холодными, презрительными глазами смотрѣли они на толпящихся у домовъ солдатъ.

Самойловъ жилъ въ комнатѣ, реквизированной у обывателей. Въ большой, по провинціальному обставленной гостиной, между роялемъ и диванчикомъ съ трельяжемъ, съ искусственнымъ виноградомъ, стояла постель, тутъ же столъ съ разбросанными бумагами, картами и со стакаиомъ недопитаго чая, гдѣ плавали мухи. Напросные окурки валялись повсюду — въ горшкахъ съ цвѣтами, на полкѣ камина, на полу въ умывальномъ тазу съ грязной водой, стоявшемъ на золоченомъ стуликѣ. Неряшливость обитателя, военная распущенность, которую къ концу вой-

ны пріобрѣли многіе офицеры, привычка смотрѣть на чужое имущество, какъ на мусоръ, обслуживаніе грязнымъ, лѣнивымъ и нерадивымъ денщикомъ сказывались во всемъ.

Было десять часовъ утра. Самойловъ еще не одѣтый, въ однихъ штанахъ и рубашкѣ, что то поспѣшно писалъ на телеграфномъ бланкѣ. Узнавъ, кто къ нему пришелъ, онъ приказалъ просить.

— Извините, Александръ Николаевичъ, за безпорядокъ. Но теперь живешь по-свински. Зачѣмъ пожаловали? — сказалъ Самойловъ, расчищая мѣсто, куда бы посадить гостя. Наконецъ, увидавъ, что на каждомъ стулѣ, или креслѣ лежало что-нибудь, онъ сѣлъ на неубранную всклокоченную постель, а Саблину пододвинулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ.

— И вы, какъ бабочка на огонь, летите сюда, въ нашу... въ нашу... Вотъ и слова не найду.

— Я здѣсь проѣздомъ въ отпуску и счелъ долгомъ представиться своему верховному главнокомандующему, котораго послѣ его выступленія на Московскомъ совѣщаніи я глубоко уважаю, — сдержанно сказалъ Саблинъ.

— Нашли время представляться, — сказалъ желчно Самойловъ. — Да вы что же ничего не знаете?

— То есть, что же я долженъ знать?

— Сейчасъ только, — сказалъ Самойловъ, — Корниловъ въ широко опубликованномъ приказѣ объявилъ Керенскаго измѣнникомъ, готовящимъ гибель Россіи.

— Слава Богу!

— Погодите славословить. Керенскій объявилъ въ свою очередь Корнилова измѣнникомъ, контръ-революціонеромъ, стремящимся къ реакціи и идущимъ противъ всѣхъ завоеваній революціи. Оба кричатъ, что они демократы.

— Ну, и что же?

Самойловъ внимательно, умными глазами посмотрѣлъ на Саблина.

— Вижу, что затуманились богатырскія очи. Правильно, Александръ Николаевичъ, понимать дѣло изволите. На чьей сторонѣ правда?

— Ну, конечно, на сторонѣ Корнилова.

— Правильно, ваше превосходительство. А сила? Толпа, масса вся за Керенскаго. Къ нему примкнули всѣ тѣ прохвосты и негодяи, которыхъ иначе ожидаетъ разстрѣлъ. А солдаты, продающіе обмундированіе на Александровскомъ рынкѣ, а почетный орденъ дезертировъ — все это за Керенскаго. Онъ адвокатъ всякой подлости, онъ укрыватель палачей, казнившихъ генераловъ и офицеровъ, онъ защитникъ нѣмецкихъ шпіоновъ и вся эта накость за него.

— Но вѣдь все это разлетится отъ одного хорошаго выстрѣла.

— Но кто будетъ стрѣлять? Корниловъ, понимаете ли, младшій, а по нашему генерально-штабному обычаю не принято раньше батьки въ петлю лѣзть. Въ Псковѣ сидитъ Главкосѣвъ Клембовскій — съ кѣмъ онъ пойдетъ, а? На кого карту поставитъ? Пойдетъ съ Корниловымъ и прогоритъ: — петля, пойдетъ съ Керенскимъ и прогоритъ: — разстрѣлъ. А? Какова комбинація. А не умоетъ ли онъ руки, не созоветъ ли совѣтъ, не забронируется ли комиссарами, сдѣлавъ, какъ они прикажутъ? Тамъ Войтинскій и Станкевичъ, — друзья Керенскаго, ярые сторонники углубленія революціи, тамъ Бончъ-Бруевичъ, — онъ товарищъ мой, ловкій парень, изъ совѣта не выходитъ, тамъ вашъ другъ Нестрецовъ, съ которымъ и вы и я на „ты“. Этотъ опредѣленно сказалъ, „теперь сила за солдатами и я съ ними. Они — мой царь“. Скажите, надеженъ Псковъ? Да, правда, въ Петербургѣ есть какая то офицерская организація, которая за Корнилова, но не очень то я вѣрю во всѣ эти организаціи. Теперь что же имѣетъ Корниловъ? Третій конный корпусъ Крымова, Туземную дивизію, которую спѣшно разворачиваютъ въ Армію и ударные баталіоны. Начну съ послѣднихъ. Вы ихъ видали?

— Видалъ. Зачѣмъ на нихъ эту бутафорію нацѣпили?

— Не въ бутафоріи, Александръ Николаевичъ, дѣло, а въ томъ, что и они ненадежны.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Въ прямомъ. Заявили черезъ своихъ делегатовъ, что они со своими драться не будутъ. Надежны у насъ только

туркмены. Эти не выдадутъ. Но слушайте дальше, Корниловъ объявляетъ: — „я сибирскій казакъ и сынъ крестьянина“ и такъ далѣе — демократическій приказъ. Хорошо это или нѣтъ?

— Не знаю, право?

— Вотъ то-то и оно-то. Сынъ крестьянина и сибирскій казакъ, вѣдь это иными словами говоря с в о й, значитъ и слушаться не надо. Въ случаѣ чего — „долой“ и крышка. Ихъ втемяшить можно только однимъ: — „союзники требуютъ немедленнаго возстановленія фронта, грозятъ въ противномъ случаѣ высадить большія силы и перестрѣлять всѣхъ черезъ десятаго, а Керенскаго, какъ измѣнника Россіи и имъ, требуютъ повѣсить“. Это воздѣйствовало бы. Воздѣйствовало бы и появленіе „Божіею милостью, мы императоръ и самодержецъ“, — а то — сибирскій казакъ и сынъ крестьянина. Психологія не учтена. Вѣдь какъ никакъ шагъ наполеоновскій, ну значитъ и шагать нужно по наполеоновски. Впереди всѣхъ, — пушку къ Смольному, и самому передъ нею. Такое дѣло изъ кабинета не сдѣлаешь. Ну да посмотримъ! Идете уже?

— Да, мнѣ къ одиннадцати назначено.

— Ну, идите!... идите!...

Саблинъ направился къ дворцу.

XXXVI.

По дворцовой лѣстницѣ было движеніе людей, одни поднимались, другіе спускались. Верховный главнокомандующій былъ занятъ. Саблина просили подождать на площадкѣ лѣстницы. Къ нему привязался офицеръ съ искусственною ногою и забинтованною головою, полный инвалидъ и видимо ненормальный.

— Я, — говорилъ онъ, — сейчасъ съ засѣданія союза инвалидовъ. Мы всѣ единогласно постановили идти съ Корниловымъ. Его дѣло — правое, святое дѣло. Онъ заступился за офицеровъ. Пора прекратить это безобразіе.

Его видъ, его слова смущали Саблина. „Плохо“, думалъ онъ, „дѣло Корнилова, если инвалидамъ приходится

думать о его защитѣ. Плохо государство, не заботящееся о своихъ инвалидахъ, гдѣ имъ приходится устраивать союзы. Послѣднія времена настали. Плохо, если офицеръ противополагается солдату".

Дежурный адъютантъ выскочилъ на площадку и обратился къ Саблину.

— Главнокомандующій васъ проситъ. Но только на одну минуту.

Онъ провелъ Саблина въ кабинетъ, гдѣ было два стола и нѣсколько стульевъ. Начальникъ штаба встрѣтилъ его.

— Главнокомандующій вышелъ, — сказалъ онъ. — Онъ сейчасъ вернется.

Начальникъ штаба смотрѣлъ на Саблина и ничего не говорилъ, молчалъ и Саблинъ. Что могъ онъ сказать, — генералъ безъ солдатъ, командиръ корпуса безъ корпуса.

Дверь быстро и широко распахнулась и въ нее рѣшительными твердыми торопливыми шагами вошелъ небольшого роста крѣпкій человѣкъ. Онъ высоко несъ маленькую сухую голову съ черными волосами и черными небольшими усами. Изъ-подъ тонкихъ бровей остро и пытливо смотрѣли маленькіе, блестящіе, косо поставленные глаза. Въ немъ было благородство жестовъ и красота движеній. Онъ протянулъ руку Саблину и быстро спросилъ его:

— Съ нами вы, генералъ, или противъ насъ?

— Я съ тѣми, — твердо сказалъ Саблинъ, — кто желаетъ добра и счастія Россіи. Я съ тѣми, кто спасаетъ армію и ея честь. Я съ вами, ваше превосходительство.

— Сама судьба посылаетъ мнѣ васъ. Вы съ обстановкою знакомы?

— Очень мало.

— Я приказалъ арестовать временное правительство. Я беру бремя власти на себя для того, чтобы возстановить порядокъ. Конная армія Крымова двинута на Петроградъ. Я думаю, что Крымовъ уже въ Петроградѣ. Поѣзжайте туда же. Вы мнѣ будете тамъ нужны.

— У насъ,—мягко замѣтилъ начальникъ штаба,—ваше превосходительство, еще нѣтъ никакихъ данныхъ считать, что Крымовъ въ Петроградѣ. Не будетъ ли осторожнѣе

направить генерала въ Псковъ къ Клембовскому, который очень нуждается въ твердыхъ людяхъ.

Корниловъ быстро посмотрѣлъ на начальника штаба.

— Вы правы, — сказалъ онъ. — Поѣзжайте въ Псковъ. Явитесь тамъ къ Клембовскому и получите указанія, что вамъ дѣлать.

— Когда прикажете ѣхать? — наклоняя голову, сказалъ Саблинъ.

— Сейчасъ, — сказалъ Корниловъ, пожимая ему руку и давая тѣмъ понять, что аудіенція его окончена.

— Поѣздъ отходитъ въ два часа, — сказалъ начальникъ штаба. — Я распоряжусь, чтобы въ штабномъ вагонѣ вамъ было мѣсто.

Въ два часа дня Саблинъ въ отдѣльномъ купе, одинъ, поѣхалъ изъ Могилева. „Удастся ли дѣло Корнилова?“, думалъ онъ.

Саблинъ былъ очень хорошій кавалерійскій начальникъ. Три года войны, такія блестящія дѣла, какъ прорывъ у Костюховки, научили его военному глазомѣру. Въ умѣ онъ подсчитывалъ силы Корнилова, двинутыя на Петроградъ. 1-ая Донская казачья дивизія, Уссурійская конная дивизія, Кавказская туземная дивизія, Дагестанскій и Осетинскій конные полки, всего восемьдесятъ шесть эскадроновъ и сотенъ или, считая кругомъ по сто человѣкъ въ эскадронѣ - - 8.600 всадниковъ. Немного противъ стотысячнаго гарнизона Петрограда съ его матросами и революціонными казаками. Но, зная настроеніе солдатъ запасныхъ батальоновъ, Саблинъ рисовалъ себѣ, какъ туманнымъ осеннимъ утромъ, одновременно, вдоль Невы, по Шлиссельбургскому тракту появится кавказскій туземный корпусъ, по Московскому тракту отъ Царскаго села Уссурійская дивизія и по Петергофскому тракту — Донцы. Онъ видѣлъ растянутыя на многія версты колонны съ выкинутыми впередъ лавами, онъ видѣлъ суматоху въ гарнизонѣ, митинги, „выступать или нѣтъ“, онъ зналъ, что громадное большинство офицеровъ на сторонѣ Корнилова. Потомъ онъ видѣлъ конныя части, галопомъ скачущія по городу, аресты, револьверную стрѣльбу и Корнилова въ

украшенномъ русскими флагами автомобилѣ на площади у Зимняго дворца. „Должно удаться“, думалъ онъ. „Должно...“

Скорый поѣздъ шелъ поразительно точно. Онъ рѣдко останавливался на станціяхъ, постоитъ двѣ, три минуты и идетъ дальше. Вагонъ мягко покачивался, клонило ко сну и Саблинъ заснулъ.

Онъ проснулся въ пять часовъ, когда еще было темно. Онъ смотрѣлъ на хмурый осенній пейзажъ такъ знакомыхъ ему по маневрамъ окрестностей Петербурга. Наступалъ разсвѣтъ. День обѣщалъ быть хорошимъ. На голубѣющемъ небѣ угасали звѣзды. Лохматыя облака, похожія на клубы пара, неслись вверху. Были видны лѣса, ива съ полуголыми вѣтвями, осыпавшимися желтыми узкими листьями, трепетала на вѣтру. Болота набухли водою. Кривая березка росла по нимъ. У станціи замаячили сѣрыя дачи съ заколоченными окнами, клумбы съ помятыми побурѣвшими георгинами и астрами. У палисадника открыта калитка. Валяется бумага. Кордонка изъ подъ большой дамской шляпы плаваетъ въ канавѣ подъ мостикомъ. Еще такъ недавно здѣсь жили дачники, шла тихая жизнь, ходили собирать грибы и ягоды, устраивали любительскіе спектакли, по вечерамъ играли въ „тетку“, читали газеты и ждали чуда отъ революціи. Странно было думать, что по этимъ дорогамъ идутъ, а, можетъ быть, уже прошли большія массы кавалеріи, что тутъ будутъ уже не маневры, а война, съ убитыми и ранеными.

Стало совсѣмъ свѣтло. Солнце печальными осенними лучами освѣтило болота, лѣса, пустыя поля, грязныя конны, огороды съ черными кочерыжками, кучи картофеля, накрытыя мокрыми рогожами, телѣги, запряженныя маленькими лохматыми лошадьми, и грязныя глинистыя съ глубокими колеями дороги, уходящія куда-то въ поля, къ синѣющему вдали лѣсу.

Поѣздъ задержалъ свой бѣгъ. Застучали по стрѣлкамъ колеса, зашатало ихъ вправо и влѣво и съ обѣихъ сторонъ показались красные товарные вагоны. Двери ихъ были раскрыты и видны лошади, сѣдла, кавказцы въ своихъ

рваныхъ живописно подоткнутыхъ черкескахъ, въ низкихъ рыжихъ и сѣрыхъ папахахъ, въ темномалиновыхъ, черныхъ и бѣлыхъ башлыкахъ, тутъ же видны были рослые драгуны съ желтыми погонами, въ хорошихъ шинеляхъ. На путяхъ была утренняя мирная суета, бѣгали люди съ чайниками, кружками и большими ломтями хлѣба, носили воду въ ведрахъ, поили лошадей, задавали имъ сѣно.

Саблинъ ничего не понималъ. Корниловъ считаетъ ихъ уже въ Петербургѣ, а они, невыгруженные, стоятъ въ вагонахъ и чего то ждутъ въ восьмидесяти верстахъ отъ своей цѣли.

Вся станція Дно была переполнена солдатами и офицерами. Одни спали на стульяхъ, другіе сидѣли за столомъ, пили чай, закусывали, спорили, курили. Тутъ же были частные пассажиры остановленнаго поѣзда, сидѣвшіе на узлахъ и увязкахъ съ понурыми недовольными лицами. У Саблина въ Туземной дивизіи было много знакомыхъ и они обступили его.

— Откуда?

— Изъ Ставки.

— Ну что тамъ? Каково настроеніе?

— Настроеніе хорошее, но тамъ увѣрены, что вы, если не въ Петроградѣ, то на самыхъ подступахъ къ нему.

— И не говорите. У Вырицы разобранъ путь. Тамъ ингуши и черкесы ведутъ перестрѣлку съ пѣхотой противника. Мы ждемъ, когда поправятъ путь.

— Вы ждете, — сказалъ Саблинъ. — Не мое, конечно, это дѣло, но я бы давно уже шелъ походомъ.

— Да видишь ты... Настроеніе, конечно, у туземцевъ отличное. Они своего князя ни за что не выдадутъ. Они его считаютъ прямымъ потомкомъ Магомета, такъ понимаешь ли — это уже не шутки. Но у насъ есть пулеметная команда и команда связи, онѣ составлены изъ солдатъ. Онѣ волнуются. Приморскіе драгуны отказываются идти дальше. Командиръ корпуса пошелъ ихъ уговаривать. Отъ Крымова нѣтъ никакихъ извѣстій. Мы не знаемъ, гдѣ Донцы.

— Кажется подъ Лугой, — сказалъ кто-то.

— Теперь приказъ Керенскаго, объявляющій Корнилова измѣнникомъ, чортъ его знаетъ какимъ образомъ, сталъ извѣстенъ солдатамъ, ну и смутилъ умы.

— Неразбериха какая-то!

XXXVII

Эту неразбериху Саблинъ наблюдалъ всю ночь, пока тащились до Пскова. Поѣздъ едва шелъ, останавливался подолгу на станціяхъ, хрипло въ сыромъ ночномъ воздухѣ свистѣлъ паровозъ, уныло звонилъ звонокъ, трогались и опять стояли. На всѣхъ станціяхъ были эшелоны, лошади, люди, сѣдла въ вагонахъ, горѣли фонари и въ темнотѣ ночи видны были въ рамкѣ освѣщеннаго вагона кучки озабоченныхъ хмурыхъ людей, сидѣвшихъ на тюкахъ съ сѣномъ. Иногда у вагона стояла толпа, человѣкъ въ двадцать, тридцать и среди нея солдатъ, или желѣзнодорожный рабочій. Горячо обсуждали приказы Керенскаго и Корнилова.

— Товарищи, — слышалъ Саблинъ, подходя въ темнотѣ ночи къ столпившимся около оратора солдатамъ. — Керенскій правъ. Онъ не хочетъ братоубійственной войны. Довольно крови лилось. Онъ стоитъ за истинную свободу, а Корниловъ васъ опять ведетъ подъ офицерскую палку. Опять чтобы надъ вами измывались господа, а вы тянулись передъ ними и молчали.

Въ другомъ мѣстѣ маленькій еврей въ солдатской шинели говорилъ среди толпы Уссурійскихъ казаковъ.

— Товарищи Керенскій и Ленинъ стоятъ за одно. Они за миръ. Это товарищи неправда, что Ленинъ нѣмецкій шпіонъ. Ленинъ великій борецъ за пролетаріатъ, и за рабочихъ и крестьянъ. Ему желательно вырвать бѣдныхъ людей изъ подъ власти капиталистовъ.

Въ третьемъ старый унтеръ офицеръ съ георгіевской колодкой во всю грудь говорилъ:

— Ужели жида возьмемъ замѣсто такого героя, какъ Корниловъ? Воевали, сражались съ нимъ и умирали. Ге-

ройская была Русь, а не жидовская. Арміи порядокъ нуженъ для побѣды и Корниловъ это понимаетъ. Мы исполнимъ свой долгъ передъ родиной.

На всѣ разнообразныя рѣчи казаки и солдаты молчали. Они тупо и упорно переваривали совершавшіяся передъ ними событія. Саблину становилось ясно, что это не французская воспріимчивая толпа и Корниловъ не Наполеонъ. Революція русская никакъ не желала укладываться во французскія рамки и ложилась въ привычныя ей рамки кроваваго, жестокаго русскаго бунта, молчаливаго, упорнаго и звѣрскаго.

Поздно ночью Саблинъ прибылъ въ Псковъ. На вокзалѣ, переполненномъ солдатами, какъ въ эти послѣреволюціонные дни были переполнены всѣ вокзалы, стояли гомонъ и суета. Подлѣ вокзала ни одного извозчика. Саблинъ прошелъ къ коменданту, чтобы по телефону попросить автомобиль изъ армейскаго гаража. Растерянный, затравленный солдатами и офицерами, — требовавшими кто ночлега, кто мѣста на поѣздѣ — комендантъ смотрѣлъ на Саблина усталыми и ничего не понимающими глазами.

— Что прикажете, ваше превосходительство, — спросилъ онъ, глядя на Саблина, и вдругъ радостно улыбнулся. Саблинъ узналъ ротмистра Михайличенко, кого онъ награждалъ въ селеніи Озеры вмѣстѣ съ Карповымъ. — Ваше превосходительство, помилуй Богъ, какими судьбами!

— Узнали?

— Господи! Да какъ же не узнать то! И не постарѣли нисколько. Чѣмъ могу услужить?

— Мнѣ надо проѣхать къ генералу Клембовскому.

— Генерала Клембовскаго нѣтъ, ваше превосходительство. Онъ вчера уѣхалъ въ Петроградъ. Фронтомъ, по приказу Керенскаго, командуетъ генералъ Бонч-Бруевичъ.

— По приказу Керенскаго? — спросилъ строго Саблинъ. — А Корниловъ?

— Корниловъ не то арестованъ, не то не знаемъ гдѣ. Сообщенія со Ставкой нѣтъ. Туда проѣхалъ генералъ Алексѣевъ. Фактически фронтомъ распоряжаются комиссa-

ры и совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Вчера на улицѣ убили офицера за то, что онъ этотъ совѣтъ назвалъ совѣтомъ рачьихъ и собачьихъ депутатовъ. Убійцы извѣстны, но имъ ничего не сдѣлано. Мы ожидаемъ каждую ночь рѣзни офицеровъ.

— А Крымовъ?

— Крымовъ былъ въ Лугѣ, оттуда, по слухамъ, проѣхалъ одинъ, по вызову Керенскаго, въ Петроградъ и тамъ арестованъ. Ваше превосходительство, здѣсь находится генералъ Пестрецовъ, нашъ бывшій командующій арміей, можетъ быть, разрѣшите позвонить къ нему, у него и заночуете, все таки лучше. А то нигдѣ квартиръ нѣтъ.

— Хорошо, — сказалъ Саблинъ.

Онъ чувствовалъ себя усталымъ. Три ночи, проведенныя въ вагонѣ, сказывались. Надо было разобраться во всемъ этомъ хаосѣ свѣдѣній и принять рѣшеніе.

Несмотря на поздній часъ, — было два часа ночи, — Пестрецовъ не спалъ. Саблинъ разыскалъ его въ большомъ казенномъ домѣ, на берегу рѣки Великой, гдѣ у Пестрецова была реквизирована квартира. Онъ жилъ съ женою.

— А Саша! Здравствуй. Ночлегъ имѣешь? — привѣтствовалъ его Пестрецовъ. — Нѣтъ. Оставайся у меня. Разсказывай, какимъ вѣтромъ сюда занесло. Да постой, Нина намъ ужинъ смастеритъ. Она еще не ложилась.

За ужиномъ кромѣ Нины Николаевны и Пестрецова. былъ скромный молодой человѣкъ въ солдатской рубахѣ. Пестрецовъ представилъ его, какъ помощника комиссара.

Послѣ ужина Пестрецовъ устроилъ Саблина въ своемъ кабинетѣ. Комната рядомъ наполнена была вооруженными солдатами.

— Это что? — спросилъ Саблинъ у Пестрецова.

— Караулъ, — шопотомъ сказалъ Пестрецовъ. — Отъ совѣта мнѣ присланъ для охраны.

— Да вы что же? Съ совѣтами, или съ Корниловымъ? Пестрецовъ замахалъ руками, приложилъ палецъ къ губамъ и поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

Первымъ движеніемъ Саблина было встать и уйти от-

сюда. Но куда? Одинъ въ полѣ не воинъ. Вся Россія такая. Всюду оживленныя лица солдатъ, чѣмъ то озабоченныхъ, что-то дѣлавшихъ, чѣмъ то взволнованныхъ. Ихъ милліоны. Они вооружены ружьями и пулеметами, въ ихъ рукахъ пушки и броневыя машины. Въ ихъ морѣ тонутъ безправные, оклеветанные генералы и офицеры, лишенные власти и авторитета. Куда убѣжишь отъ этой сѣрой массы, буквально облѣнившей всю Россію? Усталость брала свое. Саблинъ покорился судьбѣ, вспомнилъ о многихъ и многихъ офицерахъ, находящихся въ еще худшемъ положеніи, перекрестился и легъ спать.

Проснулся онъ рано. Косые лучи солнца смотрѣли въ комнату безъ занавѣсей. Вставало грустное утро сѣвера. По нему такъ соскучился Саблинъ. Саблинъ одѣлся и прошелъ въ столовую. Къ его удивленію Пестрецовъ уже пилъ чай.

— Ты куда же такую рань? — спросилъ Пестрецовъ.

— Гулять.

— Пойдемъ вмѣстѣ. Комиссарчикъ мой спитъ, и я свободенъ.

Они пошли на берегъ рѣки Великой.

Издали, изъ города, несся такъ знакомый Саблину дробный стукъ конскихъ копытъ, кавалерія шла по городу. Саблинъ остановился. На мостъ, направляясь въ Завеличье, спускались эскадроны драгунъ на вороныхъ лошадяхъ. Красивыя лошади, всадники съ пиками, заброшенными за плечо, рисовались на фонѣ крѣпостныхъ стѣнъ стараго Пскова и сердце Саблина сжалось тоскою.

— Это что же такое? — спросилъ онъ.

— Это, — сказалъ Пестрецовъ, — судьба... Рокъ... Противъ рожна не попрешь.

— Но неужели идти съ рожномъ?

Пестрецовъ не отвѣтилъ. Внизу темными волнами текла холодная Великая, топотъ конскихъ копытъ удалялся и становился тише. Эскадроны сходили съ мостовой. Ясное небо сіяло надъ сѣрыми башнями, надъ церквами съ головами луковками и бѣлыми простыми стѣнами Кремля. Золотистыя березки съ бѣлыми стволами были на томъ

берегу, и въ нихъ, и въ рѣкѣ была радость теплому солнцу, синему небу и догорающему бабьему лѣту. На душѣ Саблина отъ этой родной и милой картины грустнаго сѣвера становилось еще грустнѣе. Точно съ лѣтомъ умирала и сама Россія, точно вмѣстѣ съ тихо падающими желтыми листочками березы падала и слава русская, точно вмѣстѣ съ осенней водою, которою набухла почва, набухала кровью вся русская земля...

— Крымовъ застрѣлился въ Петроградѣ... — отрывистымъ шопотомъ говорилъ Нестрецовъ. — Генералъ Корниловъ арестованъ по приказу Керенскаго. Въ Ставку пріѣхалъ генералъ Алексѣевъ. Керенскій назначилъ себя верховнымъ главнокомандующимъ арміи и флота... Вся конная армія Крымова измѣнила Корнилову и делегаціи казаковъ и солдатъ явились къ Керенскому съ выраженіемъ готовности служить ему... Керенскій работаетъ въ полномъ контактѣ съ совѣтами... Саша... Конечно, ты одинокъ, у тебя никого и ничего не осталось, ты можешь рисковать. Но для чего рисковать? Если бы были дѣйствительно Наполеоны, — ну тогда, тогда-и я пошелъ бы... А, можетъ быть, правы они?

— Кто они? — усталымъ голосомъ, черезъ силу спросилъ Саблинъ.

— Новая Россія... Демократія, пролетаріатъ, совѣты... Отцы никогда не понимали дѣтей... И мы не понимаемъ ихъ. А, можетъ быть, на ихъ сторонѣ правда...

— Правда въ измѣнѣ родинѣ, правда въ сдачѣ врагу позицій, правда въ убійствѣ честныхъ и лучшихъ офицеровъ и генераловъ, правда въ грабежѣ и насиліи! — воскликнулъ Саблинъ и посмотрѣлъ на Нестрецова.

Нестрецовъ стоялъ, опустивъ голову. При яснomъ утреннемъ свѣтѣ Саблинъ увидалъ, какъ обрюзгло и пожелтѣло его лицо. Передъ нимъ стоялъ старикъ. Презрѣніе и жалость боролись въ Саблинѣ.

— Саша, мы не понимаемъ новой Россіи. Не можетъ же быть, чтобы великій русскій народъ не выдвинулъ изъ нѣдръ своихъ людей, способныхъ управлять государствомъ.

— Чхеидзе, Бронштейны и Нахамкесы — вотъ кого

выдвинулъ русскій народъ, вотъ кто взялъ палку и сталъ капраломъ. Ваше превосходительство, вы не чувствуете, что за совѣтами стоитъ не Россія, а интернаціоналъ, а за интернаціоналомъ какая-то дьявольская тайная сила.

— Надо идти съ ними... Ихъ не побѣдить... Идя съ ними, хоть что-нибудь спасешь, а если уйти отъ нихъ, Россія обратится въ пустыню, — уныло шепталъ Пестрецовъ.

— Съ ними идти нельзя. Надо бороться съ ними и побѣдить ихъ.

— Борьба безполезна... А, право, съ ними не такъ уже плохо работать. У нихъ есть здоровые, правильно мыслящіе люди.

— Вы съ ними?

— У меня, Саша, Нина Николаевна. Это такой ребенокъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! Мнѣ съ вами не по пути.

Саблинъ рѣзко повернулся и пошелъ отъ Пестрецова.

Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ въ Перекалье къ своему корпусу, гдѣ узналъ, что онъ Керенскимъ отставленъ отъ командованія корпусомъ и вызванъ въ Петербургъ.

XXXVIII

Домикъ Петрова, гдѣ поселились братья Полежаевы, находился въ глуши Новгородской губерніи, въ деревнѣ Запоздалово, ни на какой картѣ необозначенной. Вся деревня состояла изъ шести дворовъ при озерѣ, вытянувшихся въ одну линію. Жители занимались рыболовствомъ и охотою, многіе, какъ ушли на войну, такъ и исчезли и никто не зналъ, то-ли убиты, то-ли пропали. Почта въ Запоздалово не ходила, а ходить за нею было далеко, да и ходить незачѣмъ, почти всѣ оставшіеся въ деревнѣ старики и старухи были неграмотные, разбирали только по церковному. По избамъ въ полной неприкосновенности висѣли портреты Государя и его семьи. Вѣсть объ отреченіи Государя глухо дошла до деревни, но ей не повѣрили.

Мало ли смущаютъ темный народъ. Это все отъ нѣмцевъ! То, что въ волости исчезла полиція и появились комитеты и комиссары, тоже никого не смутило. Рѣшили только, что податей платить не надо и ждать съ податями пока пріѣдетъ исправникъ, а до него никому ничего не давать.

Въ комнатѣ, гдѣ поселились Павликъ съ Никой, было четыре окна. Два маленькихъ, подслѣповатыхъ, кое-гдѣ заткнутыхъ тряпьемъ, смотрѣли на озеро, поросшее камышами, съ низкимъ песчанымъ противоположнымъ берегомъ, гдѣ было раскидано нѣсколько сѣрыхъ избушекъ и видны были чахлыя нивы; два побольше выходили къ громадному лѣсу, тянувшемуся въ полуверстѣ отъ деревушки, и на сколько верстъ — о томъ самъ Христосъ Богъ вѣдаетъ. Кругомъ была пустыня. Въ пяти верстахъ шло шоссе, но по шоссе никто никогда не ѣздилъ, скучныя стояли кучи щебня, уходившія вдаль, и розовые цвѣты просвирника поросли по нимъ. Верстахъ въ пятнадцати черезъ лѣсъ шла желѣзная дорога, но такая захудалая, что между шпалами по полотну выросла трава, а поѣздъ прогудитъ разъ днемъ и разъ ночью, а въ остальные часы никого на полотнѣ. Забѣжитъ на него заяцъ, уляжется вдоль нагрѣтаго солнцемъ рельса и лежитъ, скосивъ желтые глаза. Будки сторожей стоятъ рѣдко, и страшно думать, что тамъ живутъ люди, и удивительно, чѣмъ питаются и какъ живутъ. Кругомъ лѣсъ и болота. Въ лѣсу лоси и медвѣди, рысь иногда попадается, глухари и тетерева токуютъ, рябчикъ живетъ, видали и горностая съ лаской, а зимою лисица такъ опушится, что отъ чернобурой не отстанетъ. Лѣсъ, то высокій строевой съ большими красными шумливыми соснами, съ трепещущей листами осиной, съ раскидистыми черными елями, то низкій мелкій, по болоту, съ кривыми тонкими березками, съ кустами можжевельника, съ голубымъ мохомъ, гдѣ по колѣно тонетъ нога, съ красною клюквою и золотою морошкой. На болотѣ торфяныя ямы и въ нихъ черная таинственная вода. Никто никогда къ нимъ не подходилъ и говорили, что дна не достать въ этихъ ямахъ, а тихими ночами, слышно, гудитъ тамъ что-то. То-ли ко-

локола звонятъ, то-ли люди стонутъ. Разсказывали, при Александрѣ Невскомъ много народа тамъ погибло, съ тѣхъ поръ и пошло. Не замерзаютъ никогда эти ямы, даже въ самый лютый морозъ стоятъ и паромъ дымятся.

Въ такую полную лѣсныхъ тайнъ и преданій глушь попали Павликъ и Ника изъ самаго разгара безпокойной русской революціи. Единственнымъ собесѣдникомъ ихъ была бабушка Дарья Ильинишна, мать Петрова, да и та была не очень словоохотлива. Была еще босоногая пятнадцатилѣтняя дѣвчонка Машутка, племянница Петрова, но та такъ боялась барчуковъ, что пропадала цѣлыми днями то въ коровникѣ, то въ сараяхъ, то на сѣновалѣ, и въ горницѣ не показывалась.

Съ автомобиля перетаскали вещи, приготовленныя для Государя, дорожный кофейникъ и чайный приборъ, консервы, бисквиты, чай и кофе, и зажили скучною жизнью.

Шли дни за днями безъ извѣстій о томъ, что дѣлается въ Россіи и въ Петербургѣ.

Павликъ и Ника отдохнули, набрались силъ, окрѣпли и уже подумывали о томъ, что надо имъ какъ-то вернуться, надо знать, что дѣлается и надо работать для спасенія Родины.

Съ большими предосторожностями, черезъ Машутку, на почту — они послали письмо Ермолову и ждали отвѣта. Но проходилъ сентябрь, короче становились дни, длиннѣе вечера, глуше и подозрительнѣе шумѣлъ лѣсъ, а отвѣта не было. Надо было самимъ собираться въ путь и что-то предпринимать.

XXXIX

Ермоловъ явился самъ. Онъ пришелъ октябрьскимъ утромъ съ братомъ-гимназистомъ — Мишей, шустрымъ, бойкимъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ.

Загорѣлые, усталые, исхудавшіе, съ большими безпокойными глазами, они оглянули избу, Павлика и Нику.

— Да, вотъ какъ вы живете! — сказалъ Ермоловъ.

— По-буржуйски, — дѣланнымъ басомъ протянулъ Миша.

— Ничего такъ и не знаете?

— Ничего, — сказалъ Павликъ.

— Счастливые... Я уже думалъ, что и вы погибли.... Слушайте... теперь... такое дѣло... Всѣ нужны... Я и Мишу мобилизовалъ... Только на насъ и надежда...

— Что случилось?

— Про Корнилова знаете?

— Ничего не слыхали. Какъ тогда уѣхали — какъ на другую планету попали.

— Ну, такъ слушайте. Обо всемъ по-порядку... Сперва о вашихъ... домашнихъ. Татьяна Александровна уѣхала въ Тобольскъ, вслѣдъ за Царскою семьею. Отъ нея уже письма есть. Ольга Николаевна пока въ Царскомъ, только я бы совѣтовалъ вамъ при первой возможности переправить ее на югъ, или на Кавказъ. Папенька вашъ пока въ Москвѣ... Генералъ Саблинъ въ Петроградѣ на своей квартирѣ, ничего не дѣлаетъ. Причисленъ къ министерству. Тутъ такія дѣла, такія!..

— Сережа, ты по-порядку, — дѣловито сказалъ Миша.

— И то буду держаться хронологическаго порядка. 28-го августа Верховный Главнокомандующій, видя, къ какому развалу и позору ведетъ Россію Керенскій, издалъ приказъ, которымъ объявилъ его измѣнникомъ Россіи, себя диктаторомъ и двинулъ на Петроградъ конницу подъ начальствомъ Крымова.

— Самъ не пошелъ? — въ голосъ спросили Павликъ и Ника.

— Нѣтъ. Вотъ тутъ-то началась трагедія. Нарочно, или случайно, желѣзнодорожники разбросали всю конницу малыми частями по всему сѣверу Россіи, а Керенскій бросилъ туда своихъ агитаторовъ. Въ Петроградѣ у насъ образовался офицерскій союзъ, намъ удалось достать сто тысячъ рублей, которыми мы разсчитывали въ нужную минуту подкупить солдатъ гарнизона и соединиться съ войсками генерала Крымова.

— И я былъ въ этомъ союзѣ, — важно сказалъ Миша. — Я для этого въ милицію поступилъ и австрійскую винтовку получилъ. Только патроны были русскіе.

— У нихъ милицейскій комиссаръ портной, онъ не различаетъ, какіе патроны.

— Я не хотѣлъ брать. Онъ говоритъ: — ступайте, товарищъ, и эти хороши. Другихъ нѣтъ, — сказалъ Миша.

— Къ намъ присоединился еще совѣтъ союза казачьихъ войскъ съ полковникомъ Дутовымъ, — продолжалъ говорить Ермоловъ старшій, — тоже обѣщали повліять на Петроградскихъ казаковъ, только просили денегъ. Деньги были у двухъ полковниковъ, фамилій не знаю... Все велось конспиративно... Одинъ, генеральнаго штаба, весь бритый, молодой революціонеръ, я съ нимъ отъ своего звена связь держалъ. Жилъ въ Асторіи... Мы подготовили солдатъ, оставалось раздать деньги и идти. Всѣ офицеры шли съ нами. 29-го августа узнаемъ черезъ нашихъ развѣдчиковъ...

— Гимназисты-велосипедисты и кадеты въ Царскомъ и Павловскѣ у насъ работали, — вставилъ Миша.

— Узнаемъ, что дикая дивизія подошла къ Вырицѣ и начинается тамъ бой съ частями Петроградскаго гарнизона. Мы туда. Потерлись среди солдатъ, видимъ, что у нихъ никакого желанія сражаться нѣтъ. Самая пора начинать, купить нѣсколько солдатъ, ну тамъ рублей по двѣсти дать, чтобы поддержали, когда наши крикнутъ: „довольно братоубійственной войны! Да здравствуетъ Русскій вождь Корниловъ! Долой Керенскаго!“ У насъ и люди такіе были намѣчены... Да, ну вотъ ѣду я къ руководителю въ Асторію... Нѣтъ дома... Я весь день то пѣшкомъ, то на трамваѣ проѣздилъ по Петрограду, искалъ его. А бой идетъ... Понимаете, чувствую, что тамъ уже бой. Наконецъ, въ два часа ночи точно толкнуло меня что. Дай, думаю, поѣду въ виллу Роде и по злачнымъ мѣстамъ. Онъ таки любилъ выпить, нашъ выборный вождь.

— За что же его выбрали? — спросилъ Ника.

— Какъ тебѣ сказать. Уже больно хорошо говорилъ онъ на нашихъ собраніяхъ. Какъ-то, по-новому, обѣщ...

строитъ армію, и такъ, что и на старое похоже. Нѣмцевъ такъ ненавидѣлъ, что ажъ трясся весь, какъ говорилъ про нихъ, а о союзникахъ съ благоговѣніемъ. Георгіевскій кавалеръ, саперъ, лицо такое блѣдное, тонкое, одухотворенное. Онъ, да вотъ еще генеральнаго штаба Гущинъ, полковникъ, всѣ головы намъ поперевернули. Я-то держался — армія внѣ политики, а многіе стали говорить съ гордостью — я „офицеръ-революціонеръ“.

— Дальше, Сергѣй, ѣхать надо, —опять остановилъ его Миша.

— Пріѣзжаю на виллу Роде. И дѣйствительно тамъ! Компанія цѣлая кутитъ. И среди нихъ, показалось мнѣ, агенты Керенскаго. Самъ пьянъ, какъ дымъ, куражится. Ты понимаешь — тамъ у Вырицы бой, юнкера выступить готовы, мы только приказа ждемъ поднимать гарнизонъ. вѣдь, Павелъ Николаевичъ, головой мы играли! А! Вѣдь насъ повѣсить могли.

— И еще могутъ, — вставилъ Миша. — Въ лучшемъ видѣ. Дѣло такое.

— Да. А онъ пьяный и съ дѣвками. Я его отзываю, знаки показываю. — А онъ встаетъ разстегнутый и кричитъ: — „вздоръ!... Никакихъ испанцевъ! Да здравствуетъ Русская революція и ея союзники! Пей, веселись, честной народъ!“ И вижу, что кутежъ его тысячами пахнетъ, нашими, понимаешь, тысячами, тѣми, что намъ на возстаніе даны! „Что же это,“ думаю, „дѣйствительно, погибаетъ Россія; если и къ чистому дѣлу идутъ пьяные и воры.“ Наступило утро 30-го. Иду по Литейному. Вижу, солдаты остановили автомобиль. Тамъ блѣдный черноусый сенецъ 13-го полка. Видно, измученъ здорово, куритъ непрерывно. А у меня документъ былъ запасенъ вотъ черезъ него, — кивнулъ старшій Ермоловъ на брата.

— Я черезъ милицію досталъ удостовѣреніе на право производить обыски и аресты, — гордо сказалъ Миша и принялся за пятый стаканъ молока.

— Показываю. Говорю, — что я предоставлю его куда надо. Солдаты повѣрили. Сажусь я въ автомобиль и, какъ отъѣхали, спрашиваю: — „вы Корниловецъ?“ Мол-

читъ. „Не бойтесь“, говорю я, — „я тоже Корниловецъ. Куда вамъ надо ѣхать, я васъ туда и провожу.“ Вижу, повѣрилъ. „Мнѣ,“ говоритъ, „надо увидать генерала Крымова.“ — „А гдѣ онъ?“ „Былъ здѣсь. Я съ нимъ и пріѣхалъ.“ Нашли мы Крымова у Керенскаго. Слышимъ крикъ въ кабинетѣ. Выходитъ Крымовъ, блѣдный, по лбу потъ крупными каплями, черные волосы всклокочены, налипли, какъ изъ бани точно. — „Дайте,“ говоритъ, „мнѣ воды. Я этого мерзавца чуть не побилъ!“ А донецъ и говоритъ ему: — „и жалко, что не побили. Его убить надо, какъ собаку!“ — „Погодите,“ говоритъ, а самъ волосы на себѣ ерошитъ. „Ну,“ говоритъ, „Іосифъ Всеволодовичъ, пойдемте. Мнѣ отдохнуть надо и все обдумать“... Они уѣхали. Я пошелъ домой. Вечеромъ узнаю — Крымовъ застрѣлился... У Керенскаго были представители его корпуса и Керенскій произвелъ простыхъ казаковъ въ офицеры. Корниловъ арестованъ, верховнымъ главнокомандующимъ у насъ Керенскій. Я думалъ, что у насъ бунтъ будетъ, на фронтѣ войска откажутся — ничего подобнаго. Первыми генералы расписались въ своей вѣрности. Гляжу, къ Зимнему дворцу такъ и подкатываютъ, такъ и подкатываютъ генералы съ фронта. А у меня тамъ товарищи юнкера дежурили. Спрашиваю ихъ, не слыхали ли: зачѣмъ? „Да кто,“ — говорятъ, — „корпусъ, кто дивизію, кто полкъ получить желаетъ. Жаренымъ тамъ пахнетъ.“ И вотъ, друзья мои, стало въ Петроградѣ такъ тихо, тихо, точно, кто умираетъ въ сосѣдней комнатѣ. Округъ нашъ получилъ молодой полковникъ Полковниковъ. Я при округѣ устроился ординарцемъ, наблюдаю. Вижу, что доклады въ два мѣста возятъ — во дворецъ къ Керенскому и въ Смольный къ Ленину и Троцкому, нѣмецкимъ шпіонамъ. Что же это, думаю, явное предательство. Тамъ въ совѣтѣ у меня пріятели были, товарищи по корпусу, тѣ, что меня и генерала Саблина арестовывали — Осетровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ.

— Гайдука и я знаю, — сказалъ Ника. — Мерзавецъ страшный.

— Одинъ хуже другого, — сказалъ Ермоловъ. — Но, думаю, надо узнать отъ нихъ, что они замышляютъ. Не-

ужели нѣмцамъ насъ предадутъ? Сдѣлалъ я докладъ объ этомъ въ совѣтѣ союза казачьихъ войскъ — этимъ я вѣрилъ. Тамъ славные ребята были, и съ ихъ благословенія подкараулилъ я Осетрова. Онъ мнѣ какъ-то лучше казался. Онъ все-таки русскій. Подошелъ, напомнилъ старое, какъ погоны съ насъ рвали, подъ руки съ позиціи вели, и говорю ему: — „ну, скажите, Осетровъ, вы русскій человѣкъ, для чего вы все это дѣлали? Неужели вы нѣмцамъ насъ предавать хотите?“ „Ничего,“ говоритъ, „подобнаго. Я и въ мысляхъ этого не имѣю. а мы просто большевики и хотимъ произвести міровую революцію.“ — „Что-же,“ спрашиваю, „изъ этого будетъ?“ — „Какъ,“ говоритъ, „что. Вы послушайте Ленина. Надо все разрушить, все, все. И когда все будетъ разрушено, мы построимъ новое, счастливое.“ Вижу я, что онъ и самъ не понимаетъ, что говоритъ. — „У каждаго,“ говоритъ, „будетъ и домъ, и земля, и скотъ, и сытъ будетъ каждый, и на все будетъ свобода. А пока — наша власть.“ „Когда жъ,“ спрашиваю, „вы разрушать начнете и какъ?“ Онъ и проговорился. „Въ концѣ,“ говоритъ, октября. Намъ надо растащить казаковъ, отрубить послѣднюю голову гидрѣ контръ-революціи.“ И замолчалъ. — „А вы,“ говоритъ, „товарищъ, не хотите большевикомъ стать?“ Я говорю: — „радъ бы душою это сдѣлать. Да только не знаю какъ.“ — „Хотите, я научу.“ Я и ухватился. Сталъ бывать у него и узналъ, что большевики рѣшили свергнуть временное правительство, засадить его въ крѣпость и взять власть въ свои руки. Они обѣщаютъ сейчасъ же заключить миръ съ нѣмцами какою угодно цѣною. И вотъ тогда рѣшили мы стать всѣ на сторону временнаго правительства. Тутъ уже вопросъ не въ Керенскомъ, а въ томъ, чтобы никакъ не допустить до власти большевиковъ, потому что тогда — гибель. Намъ, Павликъ и Ника, дорогъ каждый человѣкъ. Пока намъ вѣрны юнкера, да и то не всѣ, обѣщалъ поддерживать Керенскаго женскій батальонъ, надѣемся, что Волынскій и Преображенскій полки будутъ съ нами, рабочіе Путиловскаго завода тоже противъ большевиковъ. Надо умирать, господа, надо бороться!

— За что бороться?

— За Россію.

— Съ кѣмъ?.. Кто васъ поведетъ?..

— Съ кѣмъ?.. Пока хоть съ Керенскимъ.

— Но Россія съ Керенскимъ гибнетъ.

— Тутъ уже не приходится разсуждать, съ Керенскимъ, или съ кѣмъ инымъ, лишь бы не съ большевиками.

— Мы готовы, — сказали Павликъ и Ника.

— Дайте намъ отдохнуть. Ночью пойдемъ на желѣзную дорогу и завтра утромъ мы будемъ въ Петроградѣ. Только не было бы поздно.

XL

Октябрьскія сумерки рано надвинулись. Густой туманъ поднялся надъ озеромъ, темный и сырой стоялъ лѣсъ. На ночной поѣздъ рѣшили выйти въ девять часовъ вечера, но уже къ шести всѣ были готовы и сидѣли въ темной избушкѣ, сбившись на лавкѣ въ углу подъ образами. Въ избѣ было темно. Окна были мутныя и въ нихъ видна была полоса неба надъ темнымъ лѣсомъ и ярко горѣла вечерняя звѣзда. Темнота и невозможность различать лица сблизили всѣхъ, и всѣ притихли и сидѣли, переговариваясь короткими фразами. Все не дѣтское, поношенное, залитое кровью, затертое лишеніями, что дали имъ война и революція, отлетѣло и они стали тѣмъ, чѣмъ были: молодыми людьми, у кого такъ еще мало въ прошломъ и такъ много въ будущемъ.

— Читалъ я какъ-то, — сказалъ Ермолаевъ, — у Толстого, какъ Наташа и Николай Ростовы и Соня въ своемъ старомъ помѣщичьемъ домѣ на святкахъ вспоминаютъ свое прошлое. Луна свѣтитъ въ комнату, за окномъ морозъ трескучій, снѣжная русская зима, а передъ ними встаютъ мирныя, теплыя картины ихъ дѣтской жизни.

— Ахъ, помню, помню, — сказалъ Павликъ. — Наташа съ Николаемъ какого-то арапа видали... А Соня не помнитъ. Къ чему ты это?

— Такъ вспомнилось. У насъ уже нѣтъ такихъ воспоминаній. Чтобы, понимаешь, было тепло и хорошо.

— Ахъ, нѣтъ, — сказалъ Миша. — Я помню, какъ-то, въ гимназіи это было. Я былъ въ первомъ классѣ. Весна. Окна отворены на широкій гимназическій дворъ, за дворомъ садъ, большія липы и дубы растутъ и чуть покрыты зеленью. Я спускаюсь внизъ по лѣстницѣ, а внизу по коридору, гдѣ были старшіе классы, восьмиклассники дружно хоромъ поютъ: — „елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся!“ И такъ хорошо у нихъ выходитъ. Весна, солнце, зеленый пухъ на деревьяхъ, за заборомъ трамваи гудятъ, а тутъ молодые басы дружно такъ: — „елицы во Христа крестистеся!“...

— Это не то, — сказалъ Ермоловъ. — У нихъ были общія воспоминанія, воспоминанія семьи, а не школы.

— Ты помнишь, Ника, — сказалъ Павликъ, — какъ мы съ Олей собирали разные уродливые корни и въ саду дѣлали клѣтки и сажали ихъ въ нихъ. Это былъ Зоологическій садъ. Ты приходилъ и спрашивалъ, гдѣ какой звѣрь. А помнишь Колю Саблина? Какъ онъ приставалъ къ намъ: „а почему верблюдъ — верблюдъ?“

— Какъ же, помню! А помнишь, какъ меня съ Таней нарядили маркизомъ и маркизой? Мама была жива еще. Она поставила насъ на столъ, пришли гости, а она увѣряла, что мы ея куклы и она сама маленькая. Ты помнишь Танину мать. Мнѣ она казалась громаднаго роста и удивительно красивой. Мы были богаты, но когда насъ привозили къ Саблинымъ, мнѣ казалось, что это сказка.

— Какъ же! Какъ же! А кузина Тата все время говорила ей: „баронесса, баронесса!“..

— Куда все это ушло?

— Ника, Ника, помнишь, какъ мы привезли изъ корпуса эту шуточную оперу „Открытіе Америки“ и научили пѣть Олю и Таню! — „по улицѣ ходила большая крокодила... Она... она... зеленая была!“

— И намъ всѣмъ попало.

— А потомъ, какъ только Оля про кого-нибудь начнетъ говорить и запнется и скажетъ: „она, она...“, всѣ хоромъ:

— Ну, какъ же! — зеленая была!

— Ахъ, хорошо было до войны!

— Теперь за это буржуемъ назовутъ, — басомъ сказалъ Миша.

— Да. Теперь. Помнишь Миньону Латышову? Мы ее Миньоной называли за то, что она такъ хорошо Миньону пѣла, — началъ Павликъ...

— Эту: Connais tu le pays?*) — напѣлъ Ника.

— Эту самую. Встрѣтилъ я ее весною въ Павловскѣ. „Вы, Павликъ," говоритъ, „признаете свободную любовь?"

— Что, ей теперь лѣтъ тридцать будетъ?

— Я думаю, и всѣ тридцать пять, но она хорошенькая. Я промолчалъ. А она говоритъ: — „Тутъ я познакомилась съ однимъ матросомъ — удивительно красивъ. Хочу его писать Аполлономъ, но, если вы согласитесь, я васъ буду писать." Ну, мнѣ не до того было. Помнишь, что замышляли?

— Она такая, — сказалъ Ника. — Но неужели съ матросомъ?

— Ей мода важна. А это первые герои. Помнишь, какъ она за Керенскимъ бѣгала?

Изъ далекаго прошлаго воспоминанія перешли къ болѣе близкому, краски померкли, появились жуткія картины убійствъ на улицѣ, и молодежь замолчала.

Съ кипящимъ самоваромъ пришла Дарья Ильинишна.

— Что, господа, въ темнотѣ сидите? А я вамъ лампу засвѣчу. Чайку напьетесь, я вамъ коржиковъ напекла на дорогу. Въ Питерѣ-то, Богъ знаетъ, еще что найдете, все свой запасъ лучше имѣть.

Когда загорѣлась лампа и сталъ шумѣть самоваръ, призраки прошлаго исчезли и невольно всѣ стали думать о томъ, что предстоитъ въ Петроградѣ.

— Куда же мы пойдемъ? — спросилъ Ника.

— Увидимъ. Если все будетъ тихо — на квартиру Саблина. Посовѣтуемся съ нимъ, потомъ въ казачій совѣтъ на Знаменскую, тамъ наша штабъ-квартира. А тамъ видно будетъ.

---

*) *Ты знаешь край?*

— Я такъ думаю, — сказалъ Миша. — Набрать человѣкъ двадцать съ ручными гранатами, ну и подговорить еще человѣкъ пятьдесятъ товарищей солдатъ и придти на засѣданіе совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, когда тамъ будетъ говорить Ленинъ, и крикнуть: „бей ихъ!“ и съ ручными гранатами на нихъ... Я думаю... выйдетъ.

— Не вѣрю я въ товарищей, — сказалъ Ермоловъ. — Крикнешь — „бей ихъ!“, а никто не поддержитъ. Начнутъ говорить: — „да я что, да не мое это дѣло“, и сорвутъ всю исторію.

— Такіе, какъ Осетровъ, пойдутъ, — сказалъ Миша.

— Такъ Осетрова надо перевернуть всего. Онъ убѣжденный большевикъ. Онъ говоритъ: — „подъ краснымъ знаменемъ все дозволено, а если по царскому времени меня размѣнять, что я такое — прапорщикъ и сынъ извозчика. Война кончится — опять на Лиговку въ вонючій трактиръ. А ежели мы у власти будемъ, такъ я ужъ себѣ особнячокъ въ Царскомъ присмотрѣлъ.“ Чѣмъ его угомонишь.

— Ну, дать ему этотъ особнячокъ, — сказалъ Павликъ, — лишь бы дѣло сдѣлалъ.

— Не пройдешь въ Смольный-то! — сказалъ Ермоловъ.

Въ девять часовъ всѣ поднялись.

— Что, бабушка, сыну поклониться прикажешь? — сказалъ, прощаясь со старухой, Ника.

— Ну, кланяйся, батюшка, ему. Но только не очень вы ему крутите голову-то. Одинъ онъ у меня остался. Никого больше нѣту!

Старуха смотрѣла на надѣвавшую шинели молодежь и слезливо моргала.

— Коли за царя, — тихо сказала она, — такъ и его можно... И его, значитъ, отдамъ. Потому отъ Бога такъ сказано. Ну, спаси васъ Христосъ. Машутка васъ до дороги проведетъ, а то ночью-то не найдете.

— А не боится Машутка?

— Ну, гдѣ ей бояться! Почитай и родилась въ лѣсу.

Ее и лѣшіе-то всѣ знаютъ, — смѣясь сказала старуха. — Готова, что-ль, Маша?

— Иду, тетенька! — и Машутка появилась въ большомъ платкѣ, въ высокихъ мужицкихъ сапогахъ и съ фонаремъ въ рукѣ.

— Пошли, господа, что-ль, — сказала она.

— Посидѣть надо, — сказала Дарья Ильинишна, — по старому русскому обычаю.

Сѣли на лавки, помолчали, потомъ разомъ встали и пошли. Старуха въ дверяхъ благословляла ихъ старой коричневой морщинистой рукой и, сама не зная, почему, плакала и все повторяла — не вернутся вѣдь! Не вернутся! Спаси ихъ Христосъ!...

XLI

У Царскаго Села былъ бой. Солдаты Царскосельскаго гарнизона толпами бѣжали на станцію, запружали ее, ломились въ вагоны и требовали немедленной отправки въ Петербургъ. На окраинахъ Царскаго Села маячили рѣдкія цѣпи донскихъ казаковъ, приведшихъ съ Керенскимъ, но ненавидѣвшихъ Керенскаго. Въ казармахъ шли митинги. Оставшіеся стрѣлки выносили резолюціи: ни съ Керенскимъ, ни съ Ленинымъ, а въ общемъ, было видно, что пойдутъ съ тѣмъ, кто окажется сильнѣе. Братья Полежаевы и Ермоловы потолкались на Царскосельской станціи и, убѣдившись, что мѣста на поѣздѣ имъ не получить, рѣшили идти пѣшкомъ. На станціи Александровской были матросы и вооруженные рабочіе — красная гвардія. Тамъ въ сумеркахъ яснаго осенняго дня желтыми огоньками вспыхивали выстрѣлы. Казаки наступали на Александровскую.

Полежаевы шли по нижнему шоссе. Все Подгорное Пулково свѣтилось огнями. Въ каждой избѣ сидѣла компанія матросовъ, или красногвардейцевъ, выгоняли крестьянъ рыть окопы на Пулковской горѣ. Глухою ночью Полежаевы съ Ермоловымъ подошли къ Средней Рогаткѣ. По избамъ, несмотря на поздній часъ, горѣли огни. Петер-

бургъ былъ въ четырехъ верстахъ, темный и необычно тихій. Надъ нимъ не было отраженнаго небомъ зарева огней, городъ лежалъ, притаясь, и страшно было входить въ него, не зная, что тамъ дѣлается.

Миша подошелъ къ избѣ и заглянулъ въ окно. Въ черномъ штатскомъ пальто и старой гимназической фуражкѣ со снятыми лаврами онъ походилъ на красногвардейца. Онъ долго смотрѣлъ въ окно, потомъ подошелъ къ ожидавшимъ у палисадника братьямъ.

— Забайкинъ тамъ. Ей Богу, господа, Забайкинъ, — сказалъ онъ.

— Кто такое — Забайкинъ? — спросилъ Ника.

— Да гимназистъ же! Годомъ меня старше. Мать его яблоками на Загородномъ торгуетъ. Шалопай страшный, а такъ ничего, добрый парнишка.

— Одинъ онъ? — спросилъ Ермоловъ.

— Ну! одинъ! Человѣкъ двадцать съ нимъ, рабочихъ. Красная гвардія! Да чудные! Пулеметными лентами позакрутились, прямо индѣйцы какіе-то. Точно дѣти играютъ. Зайдемъ туда. Скажемъ, что мы тоже красная гвардія.

— Ну, что же. Развѣдать, разспросить, господа, надо, — сказалъ Павликъ.

— Идемте.

Изба была переполнена народомъ. Это были рабочіе съ заводовъ и все больше молодежь. Подъ потолкомъ горѣла лампа, красногвардейцы сидѣли по лавкамъ и за столомъ и пили чай. Большой каравай крестьянскаго хлѣба лежалъ передъ ними.

— Здравствуйте, товарищи, — сказалъ Миша. — Забайкинъ, узнаешь, друже?

— Ермоловъ! Ты что? Тоже поступилъ?

— Ну да. Это мой братъ. А это товарищи наши.

— Вы откуда? — подозрительно оглядывая вошедшихъ, спросилъ рабочій.

— Изъ Царскаго, на развѣдку въ Питеръ посланы.

— А что въ Царскомъ? — спросило нѣсколько голосовъ.

— Казаки занимаютъ.

— Ну!...

— Я говорилъ, товарищи, что такъ и будетъ, — сказалъ рабочій съ простымъ русскимъ лицомъ. — Керенскій тамъ? — спросилъ онъ.

— Не то тамъ, не то въ Гатчинѣ, — отвѣчалъ Миша.

— Какъ же это солдаты сдали? — спросилъ пожилой рабочій.

— Солдаты всѣ сюда идутъ. Матросы у Александровской бой ведутъ.

— А много казаковъ?

— Кто ихъ знаетъ! Тысячъ десять, сказывали, — говорилъ Миша. — А что въ Питерѣ?

— Чортъ его разберетъ, что, — сказалъ Забайкинъ. — Вышло требованіе народа: вся власть совѣтамъ. Значитъ, Ленинъ и исполкомъ берутъ все на себя. Обѣщанія народу даны такія: — немедля по телеграфу миръ, и айда по домамъ, раздача хлѣба, земля крестьянамъ, заводы и банки соціализируются и передаются народу, созывается Учредительное Собраніе. Ну, товарищи понумѣли и пошли къ Зимнему дворцу. Тамъ заперлось правительство. Выставили пулеметы, юнкера охрану держатъ, женскій батальонъ.

— Это мы все знаемъ, сами тамъ были съ рабочими, — сказалъ Миша.

— Да, кабы намъ кто сказалъ, гдѣ правда, — сказалъ пожилой рабочій. — А то такъ говорятъ: Ленинъ шпіонъ, на германскія деньги работаетъ. Ладно. Такъ я и повѣрилъ! Почему же не арестовали тогда? Нѣтъ — Черновъ, Викторъ Михайлычъ, сказалъ, что это неправда, что Ленинъ честный человѣкъ. Керенскій съ нимъ былъ заодно. Вы возьмите въ толкъ еще то, что, когда рабочіе за винтовки взялись и пошли къ дворцу, такъ кто на защиту сталъ? Юнкаря, да дѣвки — самой буржуй, значитъ. Солдаты по казармамъ заперлись. Офицеры молчатъ. Теперь, глядите, товарищи, — 25 октября Керенскій помчался въ армію, войска собирать противъ Ленина. Кого собралъ? Одинхъ казаковъ. Казаки тѣ же буржуи. Вотъ я и пола-

гаю, что Ленинъ и большевики истинно за народъ стоятъ и намъ съ ними идти надо, а не противъ нихъ.

— Кабы разъяснилъ кто, — съ тоскою сказалъ красногвардеецъ, оглядывая всѣхъ кругомъ, — мы народъ темный. Царя не стало и пошла путаница. То Львовъ, то Керенскій, то Ленинъ. И каждый другого хаитъ.

— Нѣтъ, товарищи, это уже истина. Народная власть — совѣты.

— Да такъ-то оно, такъ, а только, товарищи, былъ я въ Смольномъ. Жиды, да нѣмцы, да латыши — русскихъ-то почитай и не видно.

— Кабы такъ было, солдаты пошли бы съ Керенскимъ. А то не идутъ.

Миша сталъ прощаться.

— Куда же ты, Ермоловъ? — сказалъ Забайкинъ.

— Съ донесеніемъ обратно, на Пулковскую гору.

Никто ихъ не задерживалъ. Они вышли на шоссе и пошли по пустынной дорогѣ. Дорога была грязная, растоптанная войсками и обозами. Не доходя до тріумфальной арки они свернули въ сторону и огородами стали пробираться къ городу. Ночь была свѣтлая. Ярко горѣли на небѣ звѣзды. Въ городѣ было тихо. Электричество свѣтило только въ центрѣ. Изрѣдка доносились оттуда рѣдкіе выстрѣлы. Увязая въ черной и липкой грязи, прыгая черезъ канавы, Ермоловъ и Полежаевы подвигались къ Боровой улицѣ. Два раза пришлось перелѣзать заборы, проходить пустыми дворами, наконецъ, вышли на широкую грязную, немощеную улицу.

— Боровая, — сказалъ Павликъ.

— Она самая. А тихо какъ, — сказалъ Ника, — куда же пойдемъ?

— Вотъ и я думаю, куда? На Забалканскомъ у нихъ, конечно, заставы. Тамъ казармы близко, народа много. Не всегда Забайкины попадутся, можно и на Гайдука нарваться, — сказалъ Ермоловъ. — Пойдемте, господа, на Разъѣзжую, потомъ по Чернышеву и Гороховой.

Всѣ одобрили его предложеніе.

Петербургъ вымеръ. Всѣ окна были темны. Рѣдко, рѣдко виднѣлась кое-гдѣ лампадка, затепленная подъ образами, и гдѣ краснымъ, гдѣ зеленымъ свѣтомъ тускло мигающая подъ окномъ. Нигдѣ на перекресткахъ не было милиціи. Она была снята рабочими. Но чувствовалось, что городъ не спалъ, а тревожно прислушивался къ тому, что дѣлается на улицахъ. За закрытыми желѣзными воротами слышались робкіе голоса. Городъ ждалъ избавленія. На Лиговкѣ яркимъ свѣтомъ горѣли два освѣщенные дома. Часть оконъ была прикрыта ставнями и сквозь щели выбивался желтый свѣтъ. Компанія загулявшихъ матросовъ стучала въ запертыя двери и грубо хохотала. Сверху, изъ раскрытаго окна слышался истерическій женскій смѣхъ и ругательства. Нѣсколько извозчиковъ стояли посереди̇нѣ улицы и лошадей подъ уздцы держали солдаты.

На Разъѣзжей по трактирамъ и кинематографамъ горѣлъ свѣтъ и толпа солдатъ стояла подлѣ. Молодые люди спустились по Коломенской и Ямской на Ивановскую, по пустой Бородинской вышли на Фонтанку и здѣсь остановились. Опять взяло сомнѣніе, куда идти. Но деревянный мостъ противъ Малаго театра охранялся мальчишкой-красногвардейцемъ. Онъ съ испугомъ смотрѣлъ на приближавшихся и ничего имъ не сказалъ, и Ермоловы и Полежаевы благополучно вошли въ Апраксинъ дворъ. У темныхъ рядовъ магазиновъ кое-гдѣ дежурили сторожа, но они, видимо, были рады тому, что молодые люди торопливыми тѣнями скользили дальше вдоль желѣзныхъ арокъ.

На Каменномъ мосту пришлось выдержать опросъ. Ермоловъ сразу замѣтилъ, что опрашивавшіе не имѣли точныхъ инструкцій. Ограничились осмотромъ кармановъ, нѣтъ ли оружія, причемъ у Мини пропалъ кошелекъ, а у Павлика портсигаръ. Та же исторія повторилась и на Синемъ мосту. По Морской горѣли фонари. На Маріинской площади стоялъ отрядъ матросовъ и красной гвардіи. Надъ ними темными громадами, точно сѣрые слоны возвышались двѣ броневыя машины. Здѣсь Полежаевы узнали, что днемъ красная гвардія заняла центральную телефонную станцію. Каждые двадцать шаговъ ихъ опраши-

вали, но удовлетворялись отвѣтомъ: — „мы за совѣтскую власть, идемъ домой на Петроградскую сторону.“

На той сторонѣ Невскаго, на половину освѣщеннаго, подстрѣливали. Нѣсколько грузовиковъ и легковыхъ автомобилей стояли возлѣ дома Благороднаго собранія и по Мойкѣ. Подлѣ горѣли костры и какіе-то люди толпились у огней.

— Все дѣло въ смѣлости и нахальствѣ, — сказалъ Ника, и пошелъ впереди всѣхъ на Милліонную. Изъ Зимняго дворца стрѣляли по аркѣ. Пули проносились со свистомъ по улицѣ и впивались со щелканіемъ въ торцовую мостовую. Красноармейцы жались къ стѣнамъ домовъ, укрываясь выступами арки.

— Эй! товарищи, — вы куда! — раздались голоса съ обѣихъ сторонъ.

— Свои, свои! — крикнулъ Павликъ.

— Туда нельзя. Тамъ юнкаря.

— Врозь и бѣгомъ къ дворцу! — шепнулъ Ника. Павликъ и братья Ермоловы кивнули головами.

— Стой! — крикнулъ сбоку красногвардеецъ и выставился изъ-за арки. Пуля щелкнула по аркѣ и онъ поспѣшно спрятался. Братья бросились бѣжать по площади къ дворцу.

Нѣсколько выстрѣловъ раздалось по нимъ, пули защелкали по аркѣ, осыпая камень, но они уже были на площади. Затрещали выстрѣлы изъ Александровскаго сада и съ Мойки, пули свистали кругомъ, откуда-то сверху защелкалъ пулеметъ, но они бѣжали невредимые, сливаясь темными силуэтами, съ темными торцами и мокрыми камнями площади. Впереди былъ Зимній дворецъ съ большими, наглухо запертыми, желѣзными воротами. Ворота были забаррикадированы дровами, сложенными на подобіе бастіона. Чьи-то головы показались надъ ними. Вдругъ ярко загорѣлся большой круглый фонарь у воротъ и сейчасъ же погасъ.

— Господа! впустите! свои! — задыхаясь, крикнулъ Ермоловъ. Нѣсколько рукъ протянулись имъ навстрѣчу и ихъ перетащили черезъ дрова.

Юнкера въ шинеляхъ съ красными погонами, обшитыми серебрянымъ галуномъ, повели ихъ черезъ ворота во дворъ.

Во дворѣ горѣлъ костеръ и сидѣло человѣкъ двадцать юнкеровъ. Они окружили вошедшихъ.

XLII

— Ну, что? Гдѣ Керенскій и казаки? — было первымъ вопросомъ юнкеровъ. Они по лицамъ, по смѣлости подвига узнали, съ кѣмъ говорятъ.

Братья усѣлись на ступеняхъ главной дворцовой гауптвахты и стали разсказывать все то, что они видѣли и слышали за день своихъ скитаній. Они сказали, что казаковъ меньше тысячи, что они ждутъ помощи солдатъ, а солдаты не приходятъ, что они не вѣрятъ больше Керенскому и не хотятъ сражаться, что всѣ ихъ надежды на то, что Петроградскій гарнизонъ станетъ на ихъ сторону.

— Какъ же, — съ отчаяніемъ и злобою сказалъ юноша лѣтъ шестнадцати, почти мальчикъ, глядя усталыми страдающими глазами на Ермолова — наши солдаты сплошь трусы и шкурники. Они ни за что не выйдутъ изъ казармъ. Они готовы признать своею властью нѣмцевъ, большевиковъ, Ленина, Керенскаго, хоть самого дьявола, лишь бы имъ ничего не дѣлать, лущить сѣмечки, да шататься по кинематографамъ.

— Такіе же и здѣшніе казаки, — сказалъ черноусый маленькій юнкеръ, — понарядились во френчи, денегъ уйма и никто не интересуется, откуда у нихъ деньги.

— Приходили тутъ уральцы, старые, потолкались по Царскимъ комнатамъ, а потомъ и утекли. „Когда мы сюда шли," — сказали они намъ, — „намъ сказокъ наговорили, что здѣсь чуть не весь городъ съ образами, да всѣ военныя училища и артиллерія, а на дѣлѣ-то оказалось — жиды, да бабы, да и правительство, тоже на половину изъ жидовъ. А русскій-то народъ тамъ съ Ленинымъ остался. А васъ

тутъ даже Керенскій. не къ ночи будь помянутъ, оставилъ однихъ. Вольному воля, а пьяному рай!"

— Вотъ вамъ и казаки!

— И вѣдь надо же, чтобы этакій грѣхъ случился: у дверей молельни императрицы часовымъ поставили юнкера-еврея.

— Чуть не подрались казаки съ юнкерами.

— Главное — никто не распоряжается. Керенскій уѣхалъ, а министры тутъ засѣли и ничего не дѣлаютъ.

— Все разговорчики...

— И умирать за такихъ министровъ охоты нѣтъ никакой.

— Раньше былъ царь, а теперь пустое мѣсто.

— Россія, господа, осталась.

— Россія подъ краснымъ знаменемъ! Какая уже это Россія!

— Говорятъ, въ городской думѣ собрались общественные дѣятели, можетъ быть, они что придумаютъ.

— Слыхали, господа, — сказалъ подошедшій изъ дворца юнкеръ, — сейчасъ Пальчинскій отъ министровъ передавалъ: — звонили по телефону изъ Городской Думы, что общественные дѣятели, купечество и народъ съ духовенствомъ во главѣ идутъ сюда и скоро должны подойти и освободить дворецъ отъ осады...

— Это поразительно красиво будетъ! — сказалъ офицеръ школы въ сѣромъ пальто мирнаго времени съ блѣднымъ усталымъ лицомъ, гдѣ горѣли душевной тоскою большіе лучистые глаза.

— Бросьте, господинъ поручикъ, ночь уже. Какіе общественные дѣятели!

— Куда имъ! Вы слыхали, что плѣнный большевикъ рабочій разсказывалъ.

— Да брешетъ онъ!

— Кто знаетъ? А на нихъ похоже. Говоритъ — вы не знаете Ленина и Троцкаго. Они поставятъ подъ Александровской колонной электрическую гильотину и всѣмъ, кто противъ нихъ, головы пострубаютъ.

— Бросьте, Вагнеръ, и безъ васъ тошнехонько.

— Не можетъ этого быть. Не звѣри же они? Такіе же люди, да и Русскіе притомъ.

— А вотъ увидите. Слыхали, на Петроградской сторонѣ тридцать юнкеровъ Владимірскаго училища взяли въ плѣнъ, поставили у забора и всѣхъ разстрѣляли. Красногвардейцы разстрѣливали. Вертуновъ изъ окна видѣлъ. Потомъ уложили трупы, какъ дрова на грузовикъ, и куда-то увезли.

— У васъ нервы, Вагнеръ.

— Господа юнкера, можно у васъ огонька получить, — сказала, подходя къ сидѣвшимъ, дѣвушка лѣтъ двадцати пяти. Поверхъ юбки на ней надѣта была шинель, подпоясанная ремнемъ съ патронташами.

— Пожалуйте, Леночка, присаживайтесь къ намъ.

— Некогда, господа, съ вами растабарывать.

Леночка взяла головню и побѣжала во дворецъ.

— Ну, какъ онѣ? — спросилъ Павликъ.

— Ничего. Все драться хотятъ. Это „ударная рота женскаго баталіона смерти“. Уже въ вылазку ходили, къ Милліонной улицѣ. Все какъ слѣдуетъ — винтовку на руку и впереди женщина-офицеръ съ револьверомъ. Теперь съ нами первый этажъ дворца занимаютъ.

Юнкера примолкли. Послѣ оживленнаго обмѣна мнѣніями всѣ сидѣли и молчали. Блѣдный разсвѣтъ наступалъ на дворѣ. Лица стали облѣзлые, лишь кое-гдѣ сохранившіе листву кустарники по серединѣ двора, столбики и будка гауптвахты, стеклянная галлерея. Звѣзды погасали и сѣрое небо надъ узкимъ дворомъ каждую минуту становилось блѣдиѣе.

— Господа выборные, на совѣтъ, — сказалъ кто-то съ гауптвахты и ушелъ во дворецъ, хлопнувъ стеклянною дверью.

— О чортъ возьми! Опять разговорчики! — проворчалъ поручикъ и шатающейся отъ усталости походкой побрелъ къ дворцу.

Ника сидѣлъ въ сторонѣ и смотрѣлъ на юнкеровъ у догоравшаго костра. Они всѣ были съ блѣдными, усталыми отъ безсонной ночи лицами. Тонкій, точно барышня,

стройный, хорошенькій юнкеръ лежалъ на ступеняхъ, положивъ нѣжное лицо на черныя доски гауптвахты и спалъ. Длинныя рѣсницы сомкнулись, пухлый дѣтскій ротъ былъ полуоткрытъ и грудь ровно дышала. Рядомъ съ нимъ черноусый спалъ сидя и густо, по-утреннему, храпѣлъ. Вагнеръ, блѣдный, съ окруженными синевою мечтательными глазами, сидѣлъ на принесенномъ изъ дворца креслѣ и смотрѣлъ на небо. Онъ замѣтилъ, что Ника смотритъ на него, и подошелъ къ нему.

— Мнѣ вся эта исторія представляется безнадежной, — сказалъ онъ со слезами въ голосѣ — насъ и четырехсотъ человѣкъ не наберется, патроновъ мало, связи ни съ кѣмъ нѣтъ. 25-го октября удралъ Керенскій, сегодня удеретъ или измѣнитъ Полковниковъ, и что будетъ съ нами?! Въ Неву вошла „Аврора“. Она уже стрѣляла по городу. Два хорошихъ попаданія и отъ дворца ничего не останется.

— Но что же дѣлать? Не сдаваться же? — сказалъ Ника.

— Сдаваться нельзя. Перестрѣляютъ, замучаютъ всѣхъ. Вертуновъ разсказывалъ, что когда юнкеровъ повели на разстрѣлъ, мать одного изъ нихъ, интеллигентная женщина лѣтъ сорока, хорошо одѣтая, бросилась на колѣни передъ красной гвардіей и кричала: — „я мать! я мать! Отдайте мнѣ его!“ — Красногвардеецъ грубо выругался и сказалъ: — „ну, такъ смотри же, какъ твоего щенка задушимъ“, и сталъ выпускать въ него пулю за пулей, а она на колѣняхъ ползала передъ нимъ по грязи и хваталась за его ноги. Чего ждать отъ нихъ!

— Надо биться до конца.

— Я понимаю васъ. Это вѣрно. Надо биться, но за кого умирать, когда такъ хочется жить? За Коновалова и Терещенко? За Керенскаго и Чернова?.. Они такъ много говорятъ о Россіи, а понимаютъ ли они Россію?.. Ахъ... такъ жить хочется!.. Я мечталъ о славѣ на войнѣ, о подвигахъ. Нѣмцы разбиты, мы возвращаемся ликующими рядами и жители встрѣчаютъ насъ цвѣтами и букетами. И у меня есть мать, сестры и братья, есть родной уголъ. За-

чѣмъ же? по какому праву хотятъ отнять это у меня? За что берутъ мою жизнь?

— За Россію, — тихо пожимая ему руку, сказалъ Ника.

— За Россію... Но безъ царя нѣтъ и Россіи.

Вагнеръ отошелъ отъ Ники и, войдя въ кусты, низко опустилъ голову. Никѣ показалось, что онъ плакалъ.

Ясный октябрьскій день наступалъ.

XLIII

Съ утра во дворцѣ начался безпорядокъ. Ника видѣлъ, что не было никакого плана обороны дворца, да его и не могло быть, потому что никто никого не слушался, и не исполнялъ чьихъ приказаній.

Въ одномъ изъ залъ были наставлены столы. Придворные лакеи, съ презрительными улыбками на блѣдныхъ лицахъ, служили за ними, подавая закуски и вина. Тамъ пировали офицеры въ то время, какъ юнкера и Полежаевы съ Ермоловыми второй день не имѣли корки хлѣба. На улицахъ стрѣляли. Здѣсь были разстегнутые мундиры, пьяныя лица, въ коридорѣ кого-то тошнило, нѣсколько человѣкъ стояли у стѣны, съ дорогими портретами въ позахъ, не вызывавшихъ сомнѣнія въ томъ, что они дѣлали.

Ужасная тоска сжала сердце Ники.

„Да“, подумалъ онъ, „понятно, почему гибнетъ Россія. Она не можетъ не гибнуть“.

— П-поручикъ! и-по-жалуйте, — привязался къ Никѣ капитанъ Ораніенбаумской школы прапорщиковъ. — Выпьемъ... Вино отличное, Царское!.. И то, представьте, эта старая рвань, лакеи, намъ еще худшее подали. Воображаю, что было бы съ нами, если бы мы да старенькаго тянули. Пожалуй и на ногахъ не устояли бы.

Ника смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и злобой.

— Стыдно, капитанъ! — тихо сказалъ онъ и пошелъ по дворцу.

Вездѣ былъ хаосъ. Въ одной изъ залъ строились юнкера Ораніенбаумской школы, и одни выходили изъ строя,

потомъ снова вбѣгали. Фельдфебель никакъ не могъ закончить разсчета.

Они оставляли дворецъ.

Защитниковъ дворца становилось все меньше, а толпа въ немъ не уменьшалась и все чаще и чаще Ника слышалъ, какъ юнкера говорили между собой и разсказывали ему, что то тутъ, то тамъ среди толпы, шатающейся по дворцу, захватили то матроса, то солдата-большевика. Они просачивались откуда-то во дворецъ и вели настойчиво свою агитацію среди юнкеровъ. И сразу всѣмъ стало ясно, что безъ помощи извнѣ, безъ возстанія Петербургскаго гарнизона, безъ подхода какихъ-то силъ къ Петербургу, не удержаться. Лазили на крышу, прислушивались къ тому, что дѣлалось кругомъ, но все было тихо. Казаки не наступали. Нѣсколько отчаянныхъ юношей рѣшились пробиться и принести въ Царское Село записки съ описаніемъ положенія. Юнкера и женскій батальонъ сбились по коридорамъ и заламъ дворца, терялись въ лабиринтѣ комнатъ, этажей и залъ. Отъ поры до времени раздавался тяжелый гулъ, что-то охало неподалеку, звенѣли и падали стекла и сейчасъ же страшный взрывъ обозначалъ паденіе снаряда. Стрѣляла „Аврора“. И то, что у большевиковъ была артиллерія, а у юнкеровъ ея не было, понижало духъ защитниковъ Зимняго Дворца.

Министры нервничали и все чаще говорили о томъ, что сопротивленіе безполезно.

Высокій стройный министръ Пальчинскій выходилъ изъ залы и пытался водворить хотя какой-либо порядокъ въ кошмарномъ сумбурѣ, царившемъ во дворцѣ.

— Постройтесь, постройтесь, господа, скорѣе, — говорилъ онъ. — Юнкерамъ надо очистить дворецъ отъ большевиковъ. Мы поднимемся наверхъ, пройдемъ верхнимъ этажомъ и зайдемъ этимъ негодямъ въ тылъ. Сколько васъ?

— Двадцать семь человѣкъ, господинъ министръ.

— Ну, довольно для этихъ негодяевъ. Они трусливы. А знаетъ кто планъ Зимняго Дворца?

Но никто не зналъ.

Шли наудачу и путались по темнымъ переходамъ, по винтовымъ лѣстницамъ и вся операція казалась сумбурнымъ лихорадочнымъ сномъ.

Захватывали во дворцѣ большевиковъ и не знали, что съ ними дѣлать, куда ихъ дѣвать.

Телефонъ уже не работалъ, и никакой связи съ внѣшнимъ міромъ не было и, какъ это ни странно, слухи зарождались и гасли, ихъ сообщали, какъ истину, и то надѣялись, то предавались отчаянію. Отъ всего этого безпорядка юнкера волновались, не видѣли смысла боя, не видѣли возможности отсидѣться. Продовольствіе было давно на исходѣ и если бы не таинственныя корзины съ хлѣбомъ и закусками, что, несмотря на то, что дворецъ былъ оцѣпленъ кругомъ красногвардейцами, протискивали туда люди разнаго званія, провозили иностранцы — среди защитниковъ былъ бы уже настоящій голодъ. Никто не думалъ, что это продолжится такъ долго. Разсчитывали, что уже 26-го октября Керенскій съ войсками освободитъ Петербургъ изъ-подъ власти большевиковъ, но шло уже 29-е, а помощи ниоткуда не было.

— Держитесь! — говорили прибѣгавшіе изъ штаба округа люди, — помощь близка.

Но по ихъ лицамъ было видно, что они и сами не вѣрили въ эту помощь.

— Капитану Кузьмину, комиссару Петроградскаго Округа, удалось уговорить Преображенцевъ. На Невскомъ Преображенцы разоружаютъ красную гвардію. Волынскій полкъ окружилъ Смольный. Ленинъ и Троцкій бѣжали на „Аврору“.

Ленинъ и Троцкій, — эти два имени не сходили съ устъ, и на ихъ головы сыпались всѣ проклятія.

Все оживало. Любопытные устремлялись къ окнамъ, открывали двери подъѣзда, и падали раненые невидимыми пулями. Было ясно одно: — обложеніе дворца стало еще крѣпче и еще тѣснѣе.

Ползли новые слухи, передаваемые на ухо съ глазу на глазъ. Блѣдный юноша склонялся къ блѣдному юношѣ и

говорилъ чуть слышно: — казаки Керенскаго митингуютъ и не желаютъ драться.

— Викжель постановилъ не пропускать никакихъ войсковыхъ эшелоновъ къ Петербургу.

— Кто такое Викжель?

— Военноисполнительный комитетъ желѣзно-дорожниковъ.

Въ эти страшные часы нарождались и страшныя слова. Отъ нихъ уже вѣяло мертвящее, ядовитое дыханіе интернаціонала. Къ Викжелю присоединился Потель — союзъ почтово-телеграфныхъ рабочихъ, и онъ становился на сторону большевиковъ.

Около полудня стрѣльба замолкла. Какая-то делегація отъ большевиковъ проѣхала къ штабу округа и не успѣла она скрыться въ широкихъ дверяхъ громаднаго зданія, какъ пошли новые слухи.

— Большевики сдаются, хотятъ переговоровъ. Они требуютъ допущенія своихъ членовъ въ Правительство.

— И пусть... и пусть... кому они мѣшаютъ.

— Допустите хоть одного большевика въ Правительство, и онъ разложитъ все правительство и погубитъ Россію.

— А теперь лучше?

Оглядывались на восьмимѣсячную работу Временнаго Правительства и чувствовали, какъ обмякали руки и ноги, и сердце медленно падало. На фронтѣ отходили.... сдавались... бѣжали... На фронтѣ былъ одинъ позоръ. Армія разложилась. Внутри грабежи и погромы. На улицу страшно выйти. Голодъ надвигается вмѣстѣ съ зимою, дровъ нѣтъ, желѣзныя дороги умираютъ, рабочіе перестали работать. Красивый Русскій языкъ поруганъ, старое правописаніе замѣнено новымъ. Заборное правописаніе освящено Академіей Наукъ и постановленіемъ временнаго правительства. Правительство широко раскрыло двери хаму и хамъ врывался и поганилъ все, что было чисто и свято.

Съ улицы шли страшныя вѣсти:

— Ищутъ по домамъ кадетъ и юнкеровъ и убиваютъ.

— Съ офицеровъ срываютъ погоны на улицѣ и забиваютъ на смерть.

И сейчасъ же говорили о томъ, что красная гвардія дрянь, она не хочетъ сражаться.

— На Невскомъ дама одна трехъ красногвардейцевъ обезоружила и винтовки сама въ дворницкую снесла, при смѣхѣ толпы.

На улицахъ была толпа, значитъ, не такъ страшно. Опять любопытныя лица тянулись къ окнамъ, опять по узкимъ лѣстницамъ лѣзли на чердаки и выползали на крышу. Большой красный флагъ трепался на флагштокѣ и говорилъ о крови и мученіяхъ. Внизу въ сыромъ туманѣ осеннихъ сумерокъ мокрыми камнями блестѣла площадь съ черными полосами торцовыхъ дорогъ.

Пусто было на ней.

Александровскій садъ шумѣлъ осенними кустами, и они, облетѣвшіе, разбухшіе отъ дождя, казались зловѣщими. Вся его площадь, съ извилистыми дорожками, съ круглымъ бассейномъ фонтана, съ памятниками, была пуста. Въ бѣломъ зданіи Адмиралтейства таилась толпа и оттуда щелкали выстрѣлы. Пять человѣкъ матросовъ жались за Александровской колонной и чудилось, что они устанавливаютъ тамъ пулеметъ. Броневикъ стоялъ подъ аркой Главнаго Штаба.

Дальше было море крышъ — темнокоричневыхъ, сѣрыхъ, мокрыхъ, блестящихъ. Тамъ были дома, гдѣ жили родители этихъ юношей, гдѣ отъ нихъ ждали спасенія.

Тамъ было тихо. Взглядъ хотѣлъ увидѣть въ туманной дали за городомъ двигающіяся войска, слухъ хотѣлъ уловить громъ канонады, увидать дымъ поѣздовъ, спѣшащихъ на выручку. Но кругомъ была тишина и темное марево покрывало поля и огороды вокругъ Петербурга.

— Митингуютъ... — шептали молодыя уста.

— Казаки митингуютъ и не идутъ спасать Петроградъ!

XLIV

30-го октября стало холоднѣе. Съ моря дулъ рѣзкій порывистый вѣтеръ. Нева почернѣла, и волны съ глухимъ шумомъ набѣгали на мосты, пѣнились бѣлыми гребнями и разсыпались, шипя. То билъ холодный косой дождь, то между тучъ обнажались клочки голубого неба и печальные лучи будто заплаканнаго солнца упадали на сверкающую подъ ними воду, на дома, на дорожки сада.

Съ юга отчетливо, часовъ съ десяти, послышалась частая канонада.

Бухъ, бухъ! слышалось оттуда.

Бухъ, бухъ, бухъ, бухъ! и опять четыре выстрѣла и еще четыре.

— Очередями сыпятъ, — говорили во дворцѣ.

— Казаки наступаютъ.

Родились слухи... Возникали надежды...

— Подъ Пулковымъ дерутся.

— Какое! Ближе! Среднюю Рогатку, слыхать, занимаютъ.

— Измайловскій полкъ въ безпорядкѣ бѣжалъ. У казаковъ броневой поѣздъ оказался.

— Броневой дивизіонъ выступилъ изъ Петрограда съ бѣлыми флагами сдаваться Керенскому.

— Казаки сѣдлаютъ лошадей, переходятъ на сторону Керенскаго.

Кто-то уже видѣлъ казаковъ на Невскомъ у Гостинаго двора.

Голодныя, блѣдныя, исхудалыя, изможденныя безсонными ночами лица юнкеровъ оживлялись, глаза сверкали надеждой.

— Погодите, Леночка, и на нашей улицѣ праздникъ будетъ.

— Теперь отсидимся.

— Ахъ, далъ бы Богъ!

Выстрѣлы гудѣли все въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Часамъ къ двумъ они стали рѣже. Къ тремъ совсѣмъ смолкли. Солнце садилось въ сѣрый туманъ, тучи завола-

кивали небо, Нева съ глухимъ шумомъ билась о гранитъ набережной. Вмѣстѣ съ сумерками появились и страшные слухи.

— У казаковъ нѣтъ патроновъ.

— Казаки измѣнили и сдались...

Послѣдняя надежда рухнула. Въ Зимнемъ дворцѣ становилось хуже. Ораніенбаумцы ушли. Петергофская школа прапорщиковъ оказалась ненадежной. Кто же былъ надеженъ? Кому можно было вѣрить? И было ясно, что дворецъ уже занятъ не юнкерами, а большевиками, и юнкера группировались лишь въ Портретной галлереѣ, да въ фельдмаршальскомъ залѣ, составляя непосредственный караулъ Временнаго Правительства. Временное Правительство совѣщалось... о сдачѣ...

Притихшіе у высокихъ дверей юнкера шопотомъ передавали другъ другу страшныя вѣсти:

— Керенскій пошелъ на переговоры.

— Викжель требуетъ мира и прекращенія междуусобной брани.

— Полковниковъ бѣжалъ.

Офицеры ходили растерянные среди юнкеровъ и не могли разсѣять страшныхъ слуховъ, возникавшихъ то тутъ, то тамъ, не могли отвѣтить на тревожные вопросы. Они не знали ничего.

Петербургъ, озаренный пламенемъ костровъ, глухо волновался и въ этомъ рокотѣ толпы, гудкахъ автомобилей, вдругъ проснувшихся, чудилась побѣда большевиковъ.

Опускались руки. Обойма, взятая, чтобы быть вложенной въ магазинъ винтовки, падала на полъ и патроны разсыпались. Мертвѣли глаза.

Двери залы, гдѣ были министры, были наглухо заперты. Возлѣ нихъ стояли часовые. Тамъ шли совѣщанія. Иногда оттуда выходилъ человѣкъ въ темномъ сюртукѣ, съ сѣдыми волосами и говорилъ сбѣгавшимся къ нему юнкерамъ:

— Господа, оборонимъ и защитимъ честь и достоинство Россіи. Господа! умремъ, а не сдадимся.

Юнкера молчали. Мрачнымъ огнемъ горѣли глаза. Руки сжимали винтовки

— Если сдадимся, пощады никому не будетъ, — говорилъ министръ, уходя, и никто не зналъ, что рѣшили, что придумали тѣ, кому довѣрили свои молодыя жизни эти юноши и дѣвушки.

— Сдаваться немыслимо...

— Сдаваться позоръ, — говорили по заламъ, коридорамъ, лѣстницамъ и дворамъ дворца. И вдругъ, какъ ошеломляющее, убивающее извѣстіе пронеслась среди защитниковъ страшная вѣсть: —

— Бѣлый флагъ на дворцѣ.

Вся площадь сразу наполнилась густою глухо гомонящей толпою. Слышались изъ нея рѣзкіе командные крики. Стало до боли ясно, что стрѣлять по ней ни къ чему.

Матросы, солдаты и красногвардейцы густыми толпами врывались въ ворота и подъѣзды и растекались по дворцу, наполняя его отовсюду.

— Держите, товарищи, дисциплину, — покрикивалъ худощавый человѣкъ въ мятой черной пиджачкѣ, размахивая руками.

— Товарищи, — прокричалъ еще разъ худощавый человѣкъ, — помните революціонную дисциплину! — и скрылся за дверями полуциркульнаго зала, гдѣ находилось Правительство.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Двери зала распахнулись и опять появился этотъ же черный, худой молодой человѣкъ. Лицо его было восторженно. Онъ поднялъ руки надъ головой, растопыривъ ладони, будто хотѣлъ начать дирижировать какимъ-то хоромъ, и закричалъ дикимъ голосомъ:

— Спокойствіе, товарищи, спокойствіе! Товарищи! Да здравствуетъ пролетаріатъ и его революціонный совѣтъ! Власть капиталистическая, власть буржуазная у вашихъ ногъ! Товарищи! У ногъ пролетаріата! И теперь, товарищи пролетаріи, вы обязаны проявить всю стойкость революціонной дисциплины пролетаріата крас-

наго Петрограда, чтобы этимъ показать примѣръ пролетарію всѣхъ странъ! Я требую, товарищи, полнаго спокойствія и повиновенія товарищамъ изъ операціоннаго комитета Совѣта!

Толпа дрогнула, навалилась, подалась впередъ, плотнымъ кольцомъ окружила юнкеровъ и стала отнимать у нихъ винтовки.

Вооруженные рабочіе вошли въ залъ, гдѣ въ дальнемъ углу сбились члены Правительства.

Звонкій голосъ распорядителя раздался по Портретной галлереѣ:

— Товарищи, выдѣлите изъ себя двадцать пять лучшихъ, вооруженныхъ товарищей для отвода сдавшихся намъ слугъ капитала въ надлежащее мѣсто для дальнѣйшаго производства допроса.

Изъ толпы стали выдѣляться матросы „Авроры“ и окружать членовъ Временнаго Правительства.

Нѣсколько минутъ во дворцѣ былъ слышенъ сдержанный гулъ многихъ тысячъ голосовъ. Товарищи еще „держали революціонную дисциплину“, но вотъ щелкнулъ выстрѣлъ: — юнкеръ застрѣлился.

Этотъ выстрѣлъ точно пробудилъ толпу. Она вдругъ раздалась, разсѣялась и изъ неподвижнаго состоянія ожиданія чего-то перешла къ дѣятельности.

Начали хватать вещи со столовъ, драть обивку креселъ и диванов. Показались люди, несшіе съ хохотомъ дѣвушекъ женскаго баталіона. Отдѣльные крики возвышались надъ общимъ гоготаніемъ и разносились по дворцу.

— Спасите! спасите! — дикимъ голосомъ кричала Леночка. Матросы тащили ее по комнатамъ нижняго этажа.

— На царскую постель ее!

— Натѣшимся!

— А и много ихъ здѣся.

— То-то добыча!

— Спасите!

— Боже!

— Здорово завоевали! Хо-хо, вотъ это такъ добыча! По заламъ дворца, на полу, на постеляхъ лазарета, на-

чивалось пиршество звѣрей. Въ полутьмѣ видны были группы по восемь, по десять человѣкъ, слышались хриплые, стоны, тяжелое дыханіе и циничная ругань.

— Въ очередь, товарищи, становись въ очередь! Вынимай билетики на брунетку фельдфебеля.

Юнкеровъ обезоруживали и сгоняли во дворъ, чтобы вести ихъ куда-то.

— Тащи, пулеметъ, прикончимъ здѣся, — смѣясь кричалъ матросъ съ краснымъ лицомъ и веселымъ горящими глазами.

— Вотъ такъ Ленина свадьба!

— Товарищи, помни приказъ комиссара никого не трогать. Большевики не крови ищутъ!

— Куда ихъ беречь, буржуевъ!

— Что, братъ, трясешься. Погоди, къ стѣнкѣ поставимъ, то-то танцы узнаешь.

— Это враги народа!

— Не разговаривать! Комиссаръ идетъ.

Молодой офицеръ въ шинели, въ погонахъ, съ алой повязкой на рукавѣ, властно расталкивая матросовъ, прошелъ черезъ толпу къ юнкерамъ и приказалъ построиться.

— Вамъ, — сказалъ онъ, — ничего не будетъ. Товарищъ Шлоссбергъ, ведите ихъ въ крѣпость.

Ночь прошла на крѣпостномъ дворѣ, возлѣ монетнаго двора у Трубецкаго равелина. Какъ стадо столпились юнкера, одни сидѣли, другіе лежали на мокрыхъ камняхъ, третьи стояли, прислонившись къ стѣнамъ. У воротъ, возлѣ костра толпились вооруженные рабочіе. Мелкій холодный дождь сыпалъ сверху и, казалось, что этой ночи не будетъ конца.

Миша съ братомъ, Павликъ и Ника были въ этой толпѣ. Къ нимъ жался Вагнеръ съ блѣднымъ и тонкимъ, какъ у дѣвушки, лицомъ. Онъ отвелъ Нику въ сторону и началъ говорить, но подбородокъ запрыгалъ у него и вмѣсто словъ вылетѣлъ только неясный звукъ: — у-а, а, а...

Онъ отвернулся, набралъ воздуха въ грудь и заговорилъ:

— Вы знаете... Леночка... моя невѣста. Я не буду больше жить... На Дегтярной, въ домѣ номеръ 28, квартира 36, во дворѣ... Моя мать... Разскажите ей, какъ я умеръ.

Юнкера подходили къ красногвардейцамъ и заговаривали съ ними. Красногвардейцы, молодые рабочіе въ черныхъ пальто, а многіе и безъ пальто, въ пиджакахъ, опоясанныхъ патронными сумками и пулеметными лентами, стояли, опираясь на винтовки, и шутили.

— Что, господа буржуи, попановали и довольно.

— Третьяго дня такихъ, какъ вы, сотню на Смоленскомъ полѣ въ расходъ вывели.

— Оставьте, товарищи, каждый въ своемъ правѣ. Отпустятъ васъ. Только подписку возьмутъ, что вы противъ Совѣтской власти никогда не пойдете. Живите. Большевики добра хотятъ.

— А куда ушли казаки? — спрашивали юнкера.

— Въ Гатчино. Да и казаковъ-то котъ наплакалъ. Только четыреста человѣкъ и пошло за Керенскаго. Всѣ за народную власть!

Поздно ночью узнали, что привезли арестованныхъ министровъ.

— Капутъ временному правительству, товарищи. Рабоче-крестьянская власть наступаетъ въ Россіи. Теперь и миръ, и хлѣбъ, и земля. Никто васъ, юнкарей, не тронетъ,—говорили красногвардейцы.

Отъ надежды, подлой надежды какъ-нибудь сохранить свою шкуру, переходили къ страшному отчаянію. Слышались стоны насилуемыхъ женщинъ, и липкое сознаніе какой-то низости вступало въ молодыя сердца. И тогда тошнило не отъ одного голода. Нѣсколько человѣкъ, упрѣвшись вмѣстѣ въ углу двора, положивъ головы на мокрыя плиты тротуара, спали, рѣшивъ, что надо набраться силы для завтрашняго дня. Среди нихъ былъ Миша. Все кипѣло въ немъ негодованіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то планъ геройскаго подвига, который онъ долженъ совершить, создавался несознательно въ его головѣ.

Вагнеръ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и лицо его съ закрытыми глазами было такъ блѣдно, что Никѣ вре-

менами казалось, что онъ уже умеръ отъ горя. Но, увы! отъ горя не умираютъ.

Такъ долгая, мучительная, холодная и сырая шла ночь, и каждый зналъ, что эта ночь послѣдняя для него.

Какъ хотѣлось многимъ проститься со своими, увидать послѣдній разъ лицо матери, отца, сестеръ и братьевъ, увидать свой домъ, свою квартиру.

— Какъ думаешь, — тихо проговорилъ Ника, обращаясь къ Павлику — Таня и Оля чувствуютъ теперь, что съ нами?

— Страшно подумать. Оля въ Царскомъ, а Царское...

— Богъ милостивъ.

— Ты думаешь, насъ разстрѣляютъ.

— Только не мучали бы.

— Ахъ! уже умирать! Мы такъ молоды.

— Молчи!.. Молчи!..

Утро наступило, наконецъ, хмурое, туманное и сырое. За воротами въ узкомъ переулкѣ съ тяжелымъ грохотомъ промчался грузовой автомобиль и остановился, трещa машиной. Во дворъ вошелъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, окруженный вооруженными матросами. Онъ держалъ въ рукѣ револьверъ и бумагу.

— Юнкерамъ построиться! — властно крикнулъ онъ.

Юнкера стали становиться въ двѣ шеренги. Ихъ лица были землистыя, глаза смотрѣли угрюмо.

— Совѣтская власть побѣдила, — сталъ говорить пріѣхавшій. —Во всей Россіи водворяется порядокъ, и совѣтъ народныхъ комиссаровъ постановилъ даровать жизнь тѣмъ, кто былъ обманутъ и ослѣпленъ безумными вождями, стремившимися къ реакціи. Вы подпишете здѣсь бумагу о томъ, что вы признаете власть совѣтовъ и не будете выступать противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ. И тогда вы свободны. Можете ѣхать по домамъ. Клянитесь въ этомъ.

Юнкера молчали. Многіе тяжело дышали. Слезы стояли въ пустыхъ усталыхъ глазахъ.

— Я клянусь, — раздался искусственный ломающійся басъ, — всю жизнь бороться противъ насильниковъ Русска-

го народа и уничтожить предателя, подлеца и шпіона Ленина!

— Что-съ! Кто это сказалъ? — визгливо выкрикнулъ молодой человѣкъ.

— Я! — выступая впередъ, сказалъ Миша. — Господа, подписывайте бумагу. Она вынужденная и ничего не стоитъ. Моя кровь развяжетъ вашу клятву.

— Къ стѣнкѣ! — взвизгнулъ молодой человѣкъ.

Матросъ такъ толкнулъ Мишу, что онъ упалъ на камни, но сейчасъ же всталъ и смѣло подошелъ къ стѣнкѣ.

Онъ стоялъ у стѣны и его глаза, большіе и лучистые, сверкали, какъ глаза Ангела на иконѣ.

— Стрѣляйте же! — крикнулъ молодой человѣкъ и прицѣлился самъ изъ револьвера.

— За Царя и за Русь!

Рѣзко щелкнуло около десятка ружей. На блѣдномъ лицѣ вдругъ черньімъ пятномъ появилась кровь, глаза закрылись, тѣло безсильно согнулось и рухнуло ничкомъ на мокрые камни.

— Мерзавцы! Палачи! — крикнулъ Вагнеръ и кинулся на молодого человѣка, но сейчасъ же грубыя руки схватили его и установили у стѣны.

— Этого я самъ, — сказалъ молодой человѣкъ и, подойдя на шагъ къ Вагнеру, всадилъ ему пулю въ високъ изъ револьвера.

— Да здравствуетъ революція! — крикнулъ онъ и въ какомъ-то возбужденіи продолжалъ стрѣлять въ трупъ Вагнера.

— Ну-съ, господа! Кто еще желаетъ?

Юнкера стояли молча. Нѣкоторые тряслись сильною, замѣтною дрожью.

— Пожалуйте подписываться.

Черезъ полчаса они выходили изъ крѣпости. Они шли, молча, не глядя въ глаза другъ другу.

Подъ воротами ихъ обогналъ автомобиль-грузовикъ и заставилъ прижаться къ стѣнѣ. На грузовикѣ уѣзжали матросы. Они сидѣли по бортамъ платформы, а на днѣ ея лежало два трупа.

Матросъ схватилъ винтовку и выстрѣлилъ поверхъ головъ юнкеровъ. Юнкера невольно отшатнулись. Матросы грубо захохотали.

За мостомъ юнкера расходились и тихо брели по своимъ домамъ. Кругомъ кипѣла и бѣсновалась уличная толпа, шатались солдаты и слышались крики — да здравствуетъ совѣтская республика!

XLV

Все это время Саблинъ почти безвыходно провелъ на своей квартирѣ. Что могъ онъ дѣлать? Онъ — генералъ свиты Государя Императора. Одного его появленія было достаточно, чтобы разъярить и взволновать солдатъ. Сначала онъ пробовалъ найти работу и пошелъ къ военному министру Верховскому. Верховскій былъ изъ хорошей семьи, учился когда-то въ Пажескомъ корпусѣ, тамъ увлекся соціальнымъ вопросомъ, былъ исключенъ изъ корпуса, разжалованъ въ рядовые и сосланъ въ Туркестанъ. Тамъ онъ хорошо себя зарекомендовалъ, добился производства въ офицеры, поступилъ въ Академію. Онъ былъ лѣвый, но по рожденію и воспитанію онъ былъ нашъ, и Саблинъ надѣялся, что съ нимъ онъ найдетъ общій языкъ. Пріемъ у Верховскаго былъ по-демократически, съ восьми часовъ утра, и къ этому времени было назначено придти и Саблину. Въ пріемной, въ домѣ на Мойкѣ, — когда-то угольной гостиной madame Сухомлиновой, мебель была чинно разставлена вдоль стѣнъ и покрыта пылью. Видно было, что съ самой революціи хозяйская рука не касалась ея и вытирали ее только платья просителей. У Верховскаго ожидало пріема нѣсколько солдатъ, потомъ являлась какая-то украинская депутація показывать министру новую форму. Это были рослые молодцы гвардейцы — полковникъ, оберъ-офицеръ, фельдфебель и солдатъ, одѣтые въ какую-то русско-французскую форму съ генеральскимъ малиновымъ лампасомъ на штанахъ. Они охорашивались, какъ женщины, передъ зеркаломъ и все спрашивали: хорошо ли?

Отъ нихъ вѣяло опереткой. Полковникъ готовился сказать благодарственную рѣчь Верховскому за проведеніе идеи созданія особой украинской арміи.

Всѣхъ ихъ адъютантъ пропустилъ раньше Саблина, несмотря на то, что самъ же по телефону назначилъ Саблину придти къ 8 часамъ.

Когда Саблинъ ему мягко замѣтилъ объ этомъ, онъ вычурно вскочилъ и воскликнулъ:

— Извеняюсь, господинъ генералъ. Но то депутаціи, комитеты, выборные отъ частей и по демократическимъ правиламъ, я обязанъ ихъ пропускать ранѣе генераловъ.

Саблинъ хотѣлъ уйти, адъютантъ испугался и доложилъ о немъ Верховскому.

Верховскій, молодой человѣкъ, сидѣлъ за громаднымъ письменнымъ столомъ. Лицо его было неувѣренное и жалкое. Какъ ни старался онъ играть республиканскаго министра, эта роль ему не удавалась. Онъ старался быть важнымъ, но ордена и осанка Саблина его смущали и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся сидѣвшаго сбоку за столомъ юнаго штабъ-офицера генеральнаго штаба, вѣроятно, комиссара, или его помощника, безъ котораго онъ не смѣлъ ничего дѣлать. Онъ хотѣлъ быть свѣтски любезнымъ и демократически грубымъ, хотѣлъ передъ комиссаромъ изъ Совдепа показать, что ему плевать на генераловъ и всѣ для него:— „товарищи“, но въ то же время слово товарищъ, примѣненное къ Саблину, у него никакъ не выходило.

Верховскій выразилъ удивленіе, что Саблинъ обращается къ нему. Онъ ничего не зналъ о томъ, что Керенскій назначилъ Саблина въ его распоряженіе.

— Такимъ боевымъ генераламъ, какъ вы, мѣсто на фронтѣ. Армія нуждается въ нихъ. Я во всякомъ случаѣ узнаю, какія будутъ распоряженія относительно васъ, и вамъ сообщу. Вы здѣсь живете?

Саблинъ сказалъ свой адресъ.

— Отлично. Отлично. Работы теперь такъ много, мы получили такое тяжелое наслѣдство, что вы не останетесь безъ дѣла.

Это было 18-го сентября, но кончился сентябрь, проходилъ и октябрь, а никто не безпокоилъ Саблина на его квартирѣ. Не было пакетовъ изъ канцеляріи военнаго министра, не было звонковъ по телефону. Бродя по улицамъ, встрѣчаясь со знакомыми по гвардіи, толкуя съ ними, Саблинъ скоро понялъ, что никакого вызова и не можетъ быть. Ни Саблинъ, ни тѣ, кто походилъ на Саблина, по своимъ убѣжденіямъ, не были нужны Керенскому. Ему нужно было не создавать, но разрушать и Русскую армію, и самую Россію.

Керенскій былъ Верховный Главнокомандующій арміи и флота и предсѣдатель Совѣта Министровъ, но держалъ онъ себя, какъ монархъ. Въ Ставкѣ онъ бывалъ налетами, армія его не интересовала, онъ только позировалъ передъ нею.

Саблинъ видѣлъ ежедневно, — онъ нарочно ходилъ смотрѣть на это — какъ громадныя толпы солдатъ съ утра наполняли Александровскій рынокъ. Вся набережная Фонтанки и площадь подлѣ рынка были сѣры отъ нихъ. Тамъ, на глазахъ у всѣхъ, солдаты продавали свое казенное солдатское обмундированіе, покупали штатскія тройки, тутъ же переодѣвались и толпами, съ котомками на плечахъ, текли на вокзалы желѣзныхъ дорогъ. Демобилизаціи арміи никто не объявлялъ, но она уже расходилась самовольно, на глазахъ у всѣхъ.

Всѣ желѣзныя дороги были переполнены солдатами. Солдаты требовали у желѣзнодорожныхъ служащихъ эшелоновъ, составляли поѣзда и, нарушая движеніе, рискуя крушеніями, ѣхали, куда хотѣли.

На Марсовомъ полѣ, иногда, по утрамъ, Саблинъ видѣлъ жалкія шеренги обучающихся солдатъ. Они часами стояли, ничего не дѣлая, грызли сѣмечки и пересмѣивались. Какъ то разъ Саблинъ увидѣлъ на полѣ эскадронъ своего роднаго полка. Его сердце мучительно сжалось, рой воспоминаній охватилъ его и онъ подошелъ къ эскадрону. Училъ эскадронъ солдатъ. Лошади были худыя и нечищенныя. Въ такомъ видѣ Саблинъ никогда не видалъ лошадей своего

полка. Люди болтались въ сѣдлахъ, все было грязное, ржавое.

Совсѣмъ молодой офицеръ, графъ Конгринъ, стоялъ пѣшій въ сторонѣ. Саблинъ зналъ его. Онъ подошелъ къ нему и спросилъ, почему онъ не учитъ солдатъ.

— Ахъ, ваше превосходительство, — взволнованно отвѣтилъ корнетъ Конгринъ, — но они меня не послушаются. Сегодня и такъ чудо. Самъ комитетъ постановилъ произвести ученіе.

Солдаты не слушаются офицеровъ, не признаютъ генераловъ — такова была система управленія арміями Главковерха Керенскаго, отнявшаго власть у генерала Корнилова во имя спасенія не Россіи, но революціи.

Газеты были полны резолюціями и постановленіями армейскихъ комитетовъ и съѣздовъ, комитетовъ корпусныхъ и дивизіонныхъ.

„Комитетъ Тьмутараканскаго полка постановилъ продолжать войну съ непріятелемъ до побѣднаго конца въ полномъ согласіи съ союзниками. Позоръ предателямъ дезертирамъ, покидающимъ окопныхъ товарищей."

„Комитетъ N-ской дивизіи постановилъ ввести въ полкахъ дивизіи революціонную дисциплину и установить товарищеское привѣтствіе другъ друга."

А рядомъ съ этимъ партіей большевиковъ при бездѣйствіи „главкосѣва" Черемисова въ Псковѣ издавалась газета „Окопная правда", гдѣ печатались статьи о необходимости заключенія мира съ нѣмцами безъ аннексій и контрибуцій, о демократизаціи арміи, о выборномъ началѣ.

Керенскій и совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ работали въ полномъ согласіи. Корниловымъ къ Петербургу былъ стянутъ III конный корпусъ, состоявшій изъ надежныхъ и твердыхъ людей. Здравомыслящимъ лицамъ удалось уговорить Керенскаго оставить этотъ корпусъ подлѣ столицы „на всякій случай". Но началась планомѣрная работа большевиковъ и корпусъ систематически растащили по эскадронамъ и по сотнямъ и разбросали по Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Витебской,

Псковской и Новгородской губерніямъ, гдѣ оставленные безъ вліянія старшихъ начальниковъ казаки разложились, потеряли дисциплину и перестали повиноваться.

Саблинъ видѣлъ все это. Какая то властная рука готовила послѣдній ударъ Россіи и не было никого, кто бы могъ отвратить этотъ ударъ. Была это рука германскаго генеральнаго штаба, неустанно черезъ Швецію переводившаго деньги Ленину на его работу, была это рука таинственнаго интернаціонала, готовящаго царство сатаны, — была это просто глупость Керенскаго, у котораго въ Зимнемъ дворцѣ закружилась отъ власти голова — это было все равно. Саблинъ видѣлъ, что отстранить эту руку онъ не можетъ.

Для Саблина не были поэтому неожиданностью октябрьскія событія. Они должны были совершиться. Онъ презиралъ такихъ генераловъ, какъ Нестрецовъ, но онъ понималъ, что они могли или ничего не дѣлать, „саботировать“, какъ говорили въ эти дни, какъ это дѣлалъ самъ Саблинъ, или идти съ рожномъ въ надеждѣ хоть отъ чего либо этотъ рожонъ удержать.

На глазахъ у Саблина избивали мальчиковъ юнкеровъ, убивали офицеровъ. Что могъ онъ сдѣлать? Только умереть, только быть такъ же избитымъ и убитымъ. Саблинъ зналъ, что онъ обреченъ на смерть, что та „Еремѣевская“ ночь, ночь избіенія офицеровъ, о чемъ сладострастно толковали солдаты съ самой февральской революціи, уже наступила. Онъ понималъ, что офицерство русское, а съ нимъ и вся интеллигенція всходили на Голгоѳу страданій, и съ ними вмѣстѣ шелъ и Саблинъ. Онъ не боялся смерти. Жизнь давно утратила для него свое значеніе, потому что та красота жизни, которую даетъ семья, родина, свой полкъ, армія, побѣда и Царь, какъ символъ всего этого, были вырваны изъ его сердца. Но ему не хотѣлось умирать, какъ барану, ведомому на закланіе, какъ убойному скоту, ему хотѣлось отдать свою жизнь въ борьбѣ и онъ ждалъ того момента, когда эта борьба начнется, чтобы въ ней дорого отдать свою жизнь, а пока берегъ себя.

25-го октября красное знамя мятежа перешло въ руки

большевиковъ, и началась ихъ быстрая разрушительная работа.

Саблинъ часто сравнивалъ состояніе Россіи съ состояніемъ тифознаго больного. Періодъ Временнаго Правительства это было скрытое состояніе тифа, когда больной еще ходитъ, у него нестерпимо болитъ голова, иногда начинается бредъ, но окружающіе еще не чувствуютъ, какая у него болѣзнь. Теперь кровавый бредъ окончательно свалилъ больного и жуткіе кошмары начали душить его. Но дальше должно быть выздоровленіе. Саблинъ ждалъ этого выздоровленія.

А если смерть?

Саблинъ не вѣрилъ въ возможность смерти націи.

2-го ноября Совѣтъ народныхъ комиссаровъ вызвалъ въ Смольный для допроса ученаго артиллериста и академика, начальника Михайловскаго Артиллерійскаго училища и Артиллерійской Академіи генерала Карачана. Допросъ продолжался недолго. За Карачаномъ никакой вины не нашли. Матросы вывели его изъ Смольнаго, завели въ переулокъ и звѣрски убили.

На улицѣ убили трехъ прелестныхъ мальчиковъ французовъ, сыновей учителя французскаго языка Генглеза. Они не были ни офицерами, ни юнкерами. Какъ иностранцы они оставались чужими русской революціи. Ихъ завели къ стѣнѣ и въ сумерки осенняго вечера разстрѣляли по всѣмъ правиламъ палаческаго искусства.

Однихъ хватали, возили для допроса въ Смольный, продѣлывали комедію какого-то суда, везли въ Петропавловскую крѣпость, или на Смоленское поле и тамъ разстрѣливали нѣсколькими выстрѣлами изъ ружей, другихъ просто убивали на улицѣ, на квартирѣ, въ больницѣ, третьихъ буквально растерзывали — совѣтская народная власть покоряла подъ ноги свои всякаго врага и супостата.

9 ноября новая народная власть объявила о назначеніи Верховнымъ главнокомандующимъ Арміи прапорщика Крыленко.

Русская армія приняла его, потому что онъ былъ на-

родным героем того времени. Саблин поинтересовался прошлым нового Главковерха и вот что он узнал.

Крыленко был учителем истории. Это был маленький, озлобленный, нескладно сложенный, безобразный, желчный интеллигент — точная копия знакомого Саблину Верцинскаго. Должно быть когда-то кто нибудь из офицеров оскорбил Крыленко; он ненавидел офицеров и военную службу. На одном из митингов, в разгар проводимаго Керенским углубления революции, Крыленко вышел на эстраду, произнес патетическую речь, сорвал с себя погоны и ордена и в диком экстазе стал топтать их, называя их клеймом рабства. Возбужденная им солдатская толпа последовала его примеру. Старые заслуженные подпрапорщики и солдаты, офицеры, перепуганные на смерть, срывали с себя колодки с георгиевскими крестами, рвали на себе погоны и несли к ногам Крыленко. Это и сделало Крыленко народным героем и приблизило его к шпионской шайке Ленина.

Первым приказом Крыленко было требование по всему фронту послать парламентеров для переговоров с немцами о мире. Мир должен был быть заключен через головы генералов и правительств самими солдатами. Мир должны были заключать роты с ротами, батальоны с батальонами, полки с полками...

Это была такая новость для международнаго права, что даже немцы усумнились в возможности так добиться мира и решили снестись со ставкой, с Могилевым.

В Могилеве после бегства главковерха Керенскаго, автоматически вступил в исправление его обязанностей его начальник штаба, генерал Духонин.

Это был молодой еще, красивый генерал генеральнаго штаба, вполне порядочный, но робкий и нерешительный. Он отдался в распоряжение комиссаров и правил армией через них, верне подписывал текущия бумаги.

Он возмутился такому предложению и не признал Крыленко. Крыленко, во глав матросских и латышских банд, двинулся к Ставке на нескольких поездах. Шли медленно, осторожно, трусливо. Малейшее сопротивление

ударныхъ Корниловскихъ войскъ и всѣ эти банды вмѣстѣ съ самимъ Крыленко убѣжали бы безъ оглядки. Но, послѣ долгихъ митинговъ, ударные батальоны умыли руки и объявили нейтралитетъ, Крыленко побоялся ѣхать въ Ставку и потребовалъ, чтобы Духонинъ явился къ нему въ поѣздъ для доклада. Онъ гарантировалъ ему полную безопасность. Напрасно комиссары и друзья Духонина отговаривали его ѣхать къ Крыленко, совѣтовали переѣхать въ Черниговъ, уже и автомобиль былъ готовъ. Духонинъ счелъ себя обязаннымъ покориться новой власти. Надо было быть послѣдовательнымъ. Кто, измѣнивъ Государю, присягнулъ Временному Правительству, кто вмѣсто Великаго Князя Николая Николаевича призналъ Брусилова, потомъ Корнилова, потомъ Керенскаго, долженъ былъ признать и Крыленко.

Страшенъ былъ только первый шагъ измѣны природному Государю, дальнѣйшіе были легки и никто не думалъ, что послѣдній ведетъ въ пропасть.

Едва Духонинъ появился на перронѣ вокзала, на него бросились свирѣпые матросы. Съ него сорвали погоны и буквально растерзали его на глазахъ у Крыленки. Его раздѣли, страшно, цинично осквернили трупъ и оставили лежать на перронѣ.

За тѣломъ убитаго мужа пріѣхала вдова. Ее водили къ трупу, издѣвались надъ нею и послѣ долгихъ униженій выдали ей трупъ для погребенія...

Убійство Духонина, совершенное неслыханно звѣрски и сопровождавшееся небывалымъ надругательствомъ, понравилось арміи негодяевъ и предателей. Всякій приговоръ къ смерти офицера или генерала объявляли съ этого времени съ циничной усмѣшкой:—„получаетте новое назначеніе! Въ штабъ генерала Духонина!“...

Саблинъ зналъ все это. Онъ зналъ, что и онъ находится въ числѣ обреченныхъ на командировку въ штабъ генерала Духонина. По совѣту Петрова, оставшагося вѣрнымъ ему, хотя и служившаго „въ собственномъ Ленина гаражѣ“, Саблинъ съѣхалъ съ своей квартиры и кочевалъ теперь съ мѣста на мѣсто, ночуя по знакомымъ и прему-

щественно у Мацнева, иногда на пустой квартирѣ князя Рѣпнина или на квартирѣ Гриценки или Марьи Ѳедоровны Моргенштернъ.

Личная жизнь его прекратилась.

XLVI

„Что же Россія?“ часто думалъ Саблинъ, засыпая то на диванѣ въ гостиной, то на оттоманкѣ въ кабинетѣ, то на мягкихъ перинахъ любовно постланной ему постели въ особой комнатѣ у Марьи Ѳедоровны, то въ комнатѣ лакея. „Что же Россія?“ И долженъ былъ отвѣтить себѣ: „Ничего Россія. Шумитъ по городамъ и весямъ, волнуется красными знаменами, объявляетъ самостоятельныя республики и готовится къ выборамъ въ Учредительное Собраніе.“

Война не то идетъ, не то нѣтъ. Одни люди сидятъ въ окопахъ, хотя и знаютъ, что если нѣмцы станутъ наступать, — они убѣгутъ. Другіе дѣловито и спокойно ѣдутъ домой, тащатъ съ собою оружіе и съ оружіемъ готовятся отнимать чужую землю и дѣлить ее между собою. А по всей Россіи вывѣшены плакаты, списки по номерамъ, партіи враждуютъ между собою, партіи выхваляютъ выставленныхъ кандидатовъ, партіи сулятъ золотыя горы, молочныя рѣки и кисельные берега.

„Какъ жаль“, думалъ часто Саблинъ, „что дядюшка Облѣписимовъ уѣхалъ. То-то доволенъ былъ бы теперь, то-то шумѣлъ бы и кричалъ: — „у насъ совсѣмъ, какъ въ Англіи!“

Всѣ говорили, что пройдутъ эсъ-эры и большевики. И не могло быть иначе. Къ урнамъ готовились идти съ оружіемъ въ рукахъ и громко заявляли: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ. А кто противъ насъ: — въ штабъ генерала Духонина“.

14-го ноября избиратели потянулись къ урнамъ, а солдаты, стоявшіе подлѣ мѣстъ выборовъ, посмѣивались и говорили: „не видать вамъ Учредительнаго Собранія. Наша теперь власть!“

И отъ этого падало уваженіе и вѣра въ Учредительное Собраніе. Называли его просто „Учредилкой“ и мало интересовались тѣмъ, кто пройдетъ. И менѣе всего интересовался этимъ Саблинъ. Онъ вспомнилъ, какъ еще въ 1905 году ему говорилъ управляющій на заводѣ, гдѣ онъ стоялъ съ охраннымъ взводомъ, что всеобщее, прямое, равное и тайное — это только ловушка. Голосованіе не было всеобщее, потому что къ урнамъ не явилось громадное большинство: просто боялись солдаты-большевиковъ. Оно не было прямымъ, потому что не было достаточной провѣрки, кто подаетъ записку, такъ какъ города были переполнены пришлымъ элементомъ — солдатами, для кого уже ничего не было святого. Оно не было тайнымъ, потому что партіи заготовляли и разсылали печатные списки и готовые конверты и можно было знать, кто за какой списокъ голосуетъ. Наконецъ, оно не было равнымъ, потому что большевики уже проявили терроръ въ полной мѣрѣ и боялись голосовать противъ нихъ. Это была комедія, а не выборы.

Не пошелъ и не подалъ своего голоса и Саблинъ. Не пошелъ по убѣжденію. Изъ отдѣльныхъ лицъ, — онъ нашелъ бы, можетъ быть, кого выбрать, но голосовать за списки не могъ. Больше другихъ ему нравился казачій списокъ, начинавшійся именемъ Каледина, но когда Саблинъ разспросилъ про остальныя имена, то оказалось, что дальше слѣдовали лица въ полной мѣрѣ парализовавшія Каледина. Честные, благородные люди, любящіе родину, попрятались въ подполье. Одни изъ скромности, другіе изъ трусости и въ Учредительное Собраніе нагло перла мразь и темныя силы, чтобы разрушать, а не возстановлять Россію.

Три года тому назадъ, передъ войною Саблинъ, думая о Государственной Думѣ, пришелъ къ тому убѣжденію, что въ Россіи нѣтъ людей. Говорятъ: — война родитъ героевъ. Эта война не только не родила героевъ: — она уничтожила ихъ. Кого ни вспомнишь, его уже нѣтъ на свѣтѣ. Застрѣлился на полѣ сраженія у Сольдау, не желая идти въ плѣнъ къ нѣмцамъ, доблестный генералъ

Самсоновъ, томится въ Быховскомъ застѣнкѣ горячій патріотъ Корниловъ, ушелъ въ отставку пылкій и честный графъ Келлеръ, застрѣлился Крымовъ, убитъ доблестный Карповъ. Кто остался? Остались и продолжаютъ гдѣ-то копошиться тѣ, кто предалъ Государя, тѣ, кто сегодня носилъ Царскіе вензеля и былъ счастливъ назначенію въ Свиту, или въ генералъ-адъютанты, а завтра рвалъ съ себя въ угоду толпѣ вензеля, драпировался красной матеріей и свои рѣчи начиналъ лживыми словами: — „Я демократъ и другъ народа. Моя идея — народовластіе. Я соціалистъ и революціонеръ!“

„Что же? Выбирать ихъ, готовыхъ мѣнять ежеминутно свои убѣжденія? Ихъ, ницыихъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ и способныхъ продать честь и достояніе Россіи?!“

Рана была ужасная, и Саблинъ за эти три мѣсяца посѣдѣлъ и постарѣлъ на двадцать лѣтъ. Остались только юношески-гибкая талія, осанка стараго военнаго, да стальнымъ блескомъ воли горѣли сѣрые глаза.

Кругомъ суетилась толпа. Люди веселились, какъ никогда. Кинематографы были полны народомъ, въ театрахъ или спектакли. Марія Ѳедоровна ежедневно пѣла въ концертахъ, и это веселье, когда у лавокъ съ хлѣбомъ стояли часами длинныя очереди, когда уже не было сахара, когда мясо стало рѣдкостью и половина магазиновъ стояла съ заколоченными окнами, казалось пиромъ во время чумы.

Правительство старалось урегулировать продукты, быть справедливымъ. Но весь народъ сверху до низу сталъ безчестенъ, открылись ходы и возможности добывать муку и продукты со стороны, явилась протекція и каждый тащилъ къ себѣ все, что могъ, создавая запасы на черный день. Каждый чувствовалъ и понималъ, что черный день наступалъ.

Совѣтская власть наложила руку на всякую собственность. Начались повальные обыски, ревизія банковскихъ сейфовъ, а вмѣстѣ съ этимъ начался повальный грабежъ. Состоянія въ золотѣ, брилліантахъ и бумагахъ перекладывались изъ однихъ кармановъ въ другіе. Это дѣлалось безстѣнчиво, просто, нагло, на глазахъ у всѣхъ. Чтобы

спасти хотя часть имущества, надо было дать крупную взятку комиссару, наряду красной гвардіи, комитету, совѣту. Если Ленинъ, — глава правительства, бралъ взятки отъ Германскаго императора за предательстве Россіи, то какъ же было не брать этихъ взятокъ комиссарамъ и прочей власти рабоче-крестьянской республики? Брали, какъ никогда, и развратъ красныхъ чиновниковъ достигъ въ эти дни небывалыхъ размѣровъ.

Саблинъ постоянно читалъ евангеліе. Въ каждомъ новомъ декретѣ онъ видѣлъ подтвержденіе словъ Спасителя и чувствовалъ, что настаютъ послѣднія времена. Онъ ждалъ Антихриста.

XLVII

Письмо отъ Тани... Его принесъ Петровъ, а ему доставилъ его какой-то солдатъ, не пожелавшій назвать себя. Таня устроилась въ Тобольскѣ. Она шьетъ и стираетъ бѣлье. Она шьетъ рубахи тѣмъ самымъ солдатамъ, что караулятъ Государя, она стираетъ бѣлье Царской Семьи. Это даетъ ей возможность знать все, что дѣлается въ Тобольскѣ на „улицѣ Свободы“. Таня ни на минуту не теряетъ вѣры въ то, что русскій народъ пойметъ страшное преступленіе, имъ совершенное, и освободитъ и вернетъ на престолъ своего законнаго императора. Но она становится нетерпѣливой. Она боится за неприкосновенность Царской Семьи. Кровавые призраки французской революціи ее преслѣдуютъ.

— „Папа“, — писала Таня, — „вамъ нужно торопиться, нужно что-нибудь сдѣлать, что-нибудь предпринять. Я писала Тебѣ, что я не могу назвать теперешнее существованіе Государя и его семьи иными словами, какъ тихій ужасъ. Когда сравню еще недавнее прошлое съ тѣмъ, что дѣлается теперь, я вижу, что раньше все-таки можно было жить — теперь жить стало немыслимо отъ тысячи обидъ, оскорбленій, возмутительныхъ и наглыхъ выходокъ.

„Въ сентябрѣ въ Тобольскъ отъ Временнаго Прави-

тельства прибыли комиссаръ Панкратовъ и его помощникъ Никольскій. Они собрали солдатъ, объявили имъ, что они партійные соціалисты-революціонеры, стоятъ за народъ и за народную власть и что они не могутъ допустить, чтобы и въ заточеніи Государь жилъ, какъ Государь. Панкратовъ за политическое преступленіе сидѣлъ 15 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости, а затѣмъ 27 лѣтъ провелъ въ ссылкѣ въ Якутской области. „Какъ обращались съ нами они, такъ и мы теперь будемъ обращаться съ ними", говорилъ Панкратовъ. Никольскій, тоже изъ ссыльныхъ Якутской области, грубый и глупый, неотесанный мужикъ съ новадками палача. Никольскій кричалъ на Наслѣдника Цесаревича и называлъ его гадкими словами. Бѣдный мальчикъ боится теперь выйти изъ комнаты, боится встрѣтить этого мерзкаго человѣка. Папа, у нихъ система отравлять существованіе Царской семьи цѣлымъ рядомъ мелочей, ранящихъ глубоко чувствительное сердце.

„Я много насмотрѣлась наглостей солдатскихъ въ Царскомъ Селѣ послѣ революціи, но никогда, никогда я не могла подумать, что нашъ русскій солдатъ можетъ пасть такъ низко.

„Государю и Государынѣ было запрещено выходить куда бы то ни было, кромѣ церкви. Никто изъ народа не допускался въ церковь, когда тамъ молилась Царская семья. Единственное мѣсто, гдѣ Государь и его семья могутъ быть на воздухѣ, это дворъ. Тамъ Государь пилилъ дрова, Великія княжны качались на качеляхъ, а теперь устроили ледяную гору. Солдаты, по наущенію Панкратова и Никольскаго, стали дѣлать на доскѣ качелей неприличныя надписи, а ледяную гору уничтожили.

„На дняхъ у нихъ былъ митингъ. Они постановили, чтобы Государь Императоръ снялъ съ себя погоны. Папа, ты знаешь, что такое погоны для каждаго изъ васъ! Они еще дороже для Государя, потому что на нихъ вензель его отца. Въ самой грубой и возмутительной формѣ солдаты предъявили это требованіе къ Государю: — „а не снимешь", кричали они, — „такъ мы сорвемъ ихъ съ тебя силою".

„Теперь, папа, Государь ходитъ въ курткѣ. Всѣхъ лицъ, проживавшихъ въ домѣ Корнилова, переселили въ губернаторскій домъ и тамъ стало тѣсно и неудобно. Теперь они запретили Государю и его семьѣ посѣщать даже церковь, разрѣшены только домашнія богослуженія и то подъ надзоромъ выборныхъ отъ солдатъ.

„Папа, что это за выборные! Вчера священникъ поминалъ въ молитвѣ святую царицу Александру. Солдаты остановили его грубыми словами и подняли скандалъ. Они не вѣдали, что творили. А я, папа, когда мнѣ разсказывали про это, подумала, что это правда: — она святая. Все, что было въ прошломъ, — все искуплено этими муками и будетъ день, когда русскій народъ помянетъ ее во святыхъ своихъ угодникахъ.

„Что я пишу такое... Мои мысли путаются. Ужели ей тѣ же страшныя муки, что имѣла святая царица? ужели явится Георгій Побѣдоносецъ на бѣломъ конѣ и сокрушитъ главу дракона, ужели повторится дивная легенда святыхъ Георгія Побѣдоносца и Царицы Александры? И что это за змѣй, поработившій нашу землю? Страшно папа!

„Я сижу въ маленькой комнатѣ неподалеку отъ ихъ дома и шью при свѣтѣ керосиновой лампы. Кругомъ холодная, суровая, сибирская зима. Глубокій снѣгъ лежитъ на улицахъ и черезъ бѣлые, какъ сахаръ, пласты его, прочные и крѣпкіе, протоптаны узкія дорожки. Холодно, папа. Когда кто-нибудь идетъ по улицѣ, то снѣгъ такъ скрипитъ, что слышно въ моей избушкѣ. Старая бабка, хозяйка моя, сидитъ рядомъ въ коморкѣ. Котъ забрался мнѣ на колѣни и, лежа на спинѣ, мягкой лапкой играетъ съ клубкомъ нитокъ. У меня хорошо, папа, а каково имъ?

„Папа, имъ больше не присылаютъ денегъ отъ Правительства. Мы ходимъ по Тобольску и собираемъ деньги у купцовъ и крестьянъ. Интеллигенція не даетъ. Папа, русскій Царь живетъ Христа ради! Но онъ не знаетъ этого, мы скрываемъ отъ него.

„Новая власть — я не знаю, папа, какая она, но, видно, гадкая, распорядилась по телеграфу, что она не намѣрена

содержать Царскую Семью. 10 человѣкъ служащихъ уволены, сахара отпускаютъ по полфунта въ мѣсяцъ на человѣка. Къ невыносимымъ страданіямъ нравственнымъ имъ прибавили и муки тѣлесныя!

„Папа! но вѣдь это же недопустимо! Это позоръ, Его никогда не проститъ русскому народу исторія! Папа, дѣйствуйте, работайте. Папа, я, что могу — дѣлаю. Въ меня влюбился здѣшній солдатъ охраны. Онъ некрасивый, курносый, маленькій, кривоногій, у него лицо изрытое оспою, большой ротъ съ длинными плохими зубами, отъ него гадко пахнетъ, онъ глупый, но онъ добрый... Я, папа, обѣщала выйти за него замужъ, если онъ освободитъ Государя и Его Семью. Онъ теперь только и думаетъ объ этомъ.

„Папа, но вы тамъ въ Россіи должны дѣйствовать! Вы генералы, списканные его милостями. Надо дѣйствовать на союзниковъ. Что же они? Такъ платятъ они Государю за его непоколебимую вѣрность своему слову? Что же король Георгъ и королева Александра? Что же Пуанкаре и Фошъ? Ужели они всѣ безсильны и не могутъ приказать кучкѣ евреевъ, правящей Россіею, отпустить Богомъ вѣнчаннаго Царя и не мучить его!

„Папа! милый, родной, ч е с т н ы й папа. На тебя всѣ надежды. Но вѣдь дѣйствовать надо. Если ничего не дѣлать, то ничего не будетъ“...

Саблинъ призвалъ Петрова и разспросилъ, какой изъ себя былъ солдатъ, привезшій письмо. Оказалось: — невзрачный, кривоногій, курносый, съ лицомъ изрытымъ оспою, большимъ ртомъ.

„Умная дѣвочка“, — подумалъ Саблинъ. — „И права она. Дѣйствовать надо. Дѣйствовать, а не ждать!“

XLVIII.

Глухой стукъ. Точно стукъ изъ подполья, точно шопотъ за каменной стѣной: на Дону у атамана Каледина все по старому, полный порядокъ. Дисциплинированная армія, жандармы по станціямъ, поѣзда ходятъ по расписа-

нію — тишь, да гладь. Корниловъ неизвѣстно какимъ образомъ освобожденъ изъ Быховскаго застѣнка. Пріѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба и комиссаръ съ предписаніемъ освободить и освободили. Предписаніе такъ тонко поддѣлано, что никто не усумнился въ его подлинности. Корниловъ, окруженный своими вѣрными туркменами, идетъ по степямъ на югъ. Къ нему примыкаютъ юнкера и офицеры. На югѣ создается снова россійская армія и эта россійская армія освободитъ Россію отъ засилья большевиковъ!

Это передалъ Саблину Ермоловъ, разыскавшій его у Маріи Ѳедоровны Моргенштернъ. Онъ разсказалъ обо всемъ.

— Надо бѣжать, ваше превосходительство, — сказалъ Ермоловъ. — Тамъ и вамъ работа будетъ. На ваше имя солдаты и офицеры пойдутъ.

Саблинъ задумался.

„Да“, подумалъ онъ. — „Надо творить. Надо возстановить старые полки и вернуть совѣсть русскимъ людямъ.“

Было тутъ-же рѣшено ѣхать въ Ростовъ, а тамъ, что Богъ дастъ. Ермоловъ обѣщался выѣхать впередъ, развѣдать, побывать у атамана Каледина, сговориться съ нимъ, разыскать Алексѣева и встрѣтить Саблина съ докладомъ въ Ростовѣ. Братья Полежаевы поѣдутъ вмѣстѣ съ Саблинымъ и составятъ его охрану, но будутъ держаться въ сторонѣ и какъ будто незнакомые, они вывезутъ съ собою и Олю, она поѣдетъ въ Смольный институтъ, только что отправленный на югъ.

— И я поѣду съ вами, — вдругъ сказала Марія Ѳедоровна. — Когда вы поѣдете съ дамой, Александръ Николаевичъ, на васъ меньше будутъ обращать вниманія. Вы будете только буржуй, какихъ много теперь ѣдетъ искать счастья на югѣ, если же вы поѣдете одинъ, то вы будете контръ-революціонеръ и вамъ не избѣжать крупныхъ непріятностей.

— Поѣзжай, Муся, — глядя въ большіе печальные синіе глаза своей подруги, сказалъ Гриценко. — Ты права. Ты у меня умница.

— Что же вы тамъ дѣлать будете? — сказалъ Саблинъ.

— Ростовъ веселый городъ, и я тамъ всегда найду себѣ заработокъ. Можетъ, тамъ въ оперетку поступлю. Это всегдашняя моя мечта.

— А ты, Павелъ Ивановичъ?

— Я останусь. У меня, Саша, старуха мать восьмидесяти лѣтъ, какъ я ее брошу? Проживу какъ нибудь. Мы съ Мацневымъ рѣшили скрипѣть до конца. Вѣдь къ веснѣ, поди и Калединъ въ Москвѣ будетъ и вы съ Корниловымъ подоспѣете. А то еще на нѣмцевъ у меня надежда большая. Не первый разъ варягамъ выручать насъ. Пусть приходятъ княжить и володѣть нами.

Саблинъ отправился въ контору Международныхъ спальныхъ вагоновъ. Оказалось, что билеты на Ростовъ получить не легко.

Всѣ мѣста на всѣ дни вплоть до второго февраля были проданы. Знакомый кассиръ, не разъ продававшій Саблину билеты, сказалъ ему: — „навѣдывайтесь къ намъ каждый день. Можетъ быть будутъ случайныя мѣста. Бываетъ такъ, кто нибудь записался, а потомъ передумаетъ и мѣста остаются. Только, простите, я васъ запишу на чужую фамилію, а то васъ ищутъ. Придумайте какую нибудь".

— Моргенштернъ, — не задумываясь сказалъ Саблинъ.

— Хорошо. Шведская фамилія. Такъ даже лучше, товарищи иностранцевъ еще боятся. Вѣдь, повѣрите, насъ спасаетъ пока только то, что на вагонахъ написано: „compagnie internationale".*) Они думаютъ, что у насъ есть что то общее съ ихъ новымъ интернаціоналомъ, и не трогаютъ.

Случайное мѣсто оказалось на 22-е января. Однако тотъ же кассиръ предупредилъ Саблина о томъ, что поѣздъ дальше Лисокъ не пойдетъ, такъ какъ, по слухамъ, у Лисокъ бой. Казаки дерутся съ большевиками. Подробностей кассиръ не зналъ. Въ газетахъ глухо писалось о

---

*) *Международное общество.*

контръ-революціонныхъ замыслахъ атамана Каледина и о томъ, что должны взяться за оружіе и отстаивать землю и миръ отъ генераловъ, капиталистовъ и казаковъ. Были короткія сообщенія штаба главковерха съ знаменательнымъ заголовкомъ: — „На внутреннемъ фронтѣ“.

На этотъ внутренній фронтъ и стремился Саблинъ и его сердце по прошлому, молодо билось въ ожиданіи боя и побѣды!

XLIX

До Москвы ѣхали благополучно. Марія Ѳедоровна и Оля Полежаева въ дамскомъ купе, Саблинъ съ Павликомъ, Никою и богатымъ Ростовскимъ евреемъ Каппельбаумомъ въ другомъ купе. Вагонъ былъ полонъ, коридоры заполнены офицерами и солдатами, такъ что нельзя было открыть двери и пройти въ уборную, въ уборной было разбито стекло, не было воды и три „товарища“ дружно храпѣли на полу подъ умывальникомъ. Если бы не эти подробности, то можно было бы забыть о томъ, что ѣдутъ послѣ революціи. Въ купе было чисто, постели, постланныя свѣжимъ бѣльемъ, были опрятны и ярко горѣло электричество.

Саблинъ былъ одѣтъ въ шубу съ мѣховымъ воротникомъ и мягкую бобровую шапку, одолженныя ему братомъ Варвары Дмитріевны Мацневой, и Каппельбаумъ принималъ его за купца. Павликъ и Ника тоже были въ штатскомъ. Солдаты, попавшіе въ коридоръ интернаціональнаго вагона, чувствовали себя смущенными и вели себя тихо.

Въ Москвѣ была пересадка. Прямые поѣзда не ходили, пришлось нанимать извозчика, взявшаго за конецъ безумную цѣну: двадцать пять рублей; на Курскомъ вокзалѣ садиться пришлось вечеромъ и носильщикъ предупредилъ, что брать мѣста надо будетъ со скандаломъ. Дѣйствительно за часъ до подачи поѣзда платформа наполнилась солдатами съ сундучками и котомками, многіе и съ ружьями. Они, едва только подали поѣздъ, кинулись, давя другъ друга, къ вагонамъ и быстро ихъ заполнили.

— Вчора вотъ такъ то кинулись, — разсказывалъ, проталкиваясь, нескльщикъ, — женщину подъ рельсы сбросили. Задавило на смерть. Имъ все ничего.

Однако въ интернаціональномъ вагонѣ опять былъ порядокъ. Солдаты не входили въ купе и тѣснились въ коридорѣ. Они останавливали другъ друга, говоря, что это вагонъ иностранный. Они, видно, твердо усвоили, что свое грабить и портить можно безнаказанно, а иностранное боялись, какъ бы не пришлось отвѣчать.

Опять безъ приключеній добрались до Воронежа, но тамъ остановились, и черезъ часъ пришелъ проводникъ и сказалъ:

— Ну, господа, какъ хотите, или вылѣзайте, или обратно поѣзжайте. Казаки подъ Чертковымъ дерутся, не пущаютъ.

Саблинъ, Павликъ и Ника собрались на совѣтъ. Къ нимъ примкнулъ молодой энергичный горецъ, инженеръ Арцхановъ, замѣнившій Капельбаума, перешедшаго въ сосѣднее купе.

Ника стоялъ за то, чтобы слѣзть въ Воронежѣ и ѣхать лошадьми черезъ фронтъ. Въ разговоръ вмѣшался Арцхановъ.

— Простите меня, господа, что я позволю себѣ дать вамъ совѣтъ, — сказалъ онъ. — Сдѣлайте такъ, какъ я. Вы куда ѣдете? Въ Ростовъ?

— Въ Ростовъ, — отвѣчалъ Саблинъ.

— Ну вотъ. И я въ Ростовъ. Мы вернемся на Грязи и тамъ сядемъ въ Царицынскій поѣздъ. Въ Царицынѣ все спокойно. Изъ Царицына поѣдемъ на Торговую и по новой вѣткѣ въ Ростовъ.

— А почему не на лошадяхъ? — спросилъ Ника.

— Да вѣдь вы — офицеръ? — сказалъ Арцхановъ, въ упоръ глядя на Нику.

Ника замялся.

— То есть, былъ офицеромъ.

— Все равно. Попадетесь въ руки красной гвардіи — въ расходъ выведутъ. Притомъ же съ господиномъ помѣщикомъ, — кивнулъ онъ на Саблина — дама, съ вами, ба-

рыния. Теперь зима, чего вы натерпитесь еще въ дорогѣ, а тутъ мы потеряемъ всего одинъ день.

Павликъ сталъ на сторону Арцханова, Саблинъ молчалъ, но видно было, и ему не хотѣлось попадать на фронтъ въ костюмѣ буржуя и начинать свои похожденія съ плѣна большевикамъ. Рѣшили остаться въ вагонѣ.

Рано утромъ выгрузились въ Грязяхъ и стали ожидать поѣзда на Царицынъ. Регулярнаго движенія не было, но по требованію солдатъ, въ огромномъ количествѣ переполнявшихъ станцію, начальникъ станціи согласился отправить на Царицынъ теплушечный поѣздъ.

— Вы, господа, ничего не будете имѣть противъ, заплатить поѣздной прислугѣ рублей по тридцати, — сказалъ Арцхановъ, — намъ выберутъ вагонъ почище и мы своей „буржуйской" компаніей славно докатимъ до Царицына.

Всѣ согласились. Каппельбаумъ, Арцхановъ и молодой телеграфный чиновникъ явились ходатаями и послѣ долгихъ переговоровъ и хожденія въ комитетъ желѣзнодорожниковъ дѣло стало налаживаться.

— Мы взятокъ не беремъ, товарищъ, — сказалъ въ канцеляріи комитета молодой желѣзнодорожный служащій на предложеніе Арцханова заплатить за вагонъ.

— А я вамъ ихъ, товарищъ, и не предлагаю, — сказалъ Арцхановъ. — Но я прошу васъ принять эти четыреста рублей, собранныя пассажирами на партійныя цѣли, какъ знакъ того, что буржуазія, ѣдущая на югъ, сочувствуетъ вамъ.

— А вы знаете, какой мы партіи, — самодовольно усмѣхаясь, сказалъ молодой человѣкъ.

— Большевики, — сказалъ Арцхановъ, — потому что это теперь единственная партія въ Россіи, которая можетъ существовать.

Молодой человѣкъ не понялъ иронiи, но польщенный смягчился.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — я вамъ выдамъ квитанцію въ полученіи денегъ. Партія дѣйствительно нуждается. Просвѣтительныя цѣли, то да се, знаете, товарищъ,

деньги всегда нужны, повѣрите-ли, комитетъ до сего времени даже граммофономъ не могъ обзавестись. Только, извиняюсь, теплушки вамъ не найдется. Такъ, чистенькій вагончикъ вамъ подберется, знаете такой, гдѣ скота не возили.

Въ сумеркахъ зимняго дня пригнали этотъ вагонъ, оказавшійся вагономъ изъ подъ угля. Но такими пустяками, какъ угольная пыль, стѣсняться не приходилось, и пассажиры стали устраиваться въ немъ на своихъ вещахъ.

Солдатская толпа бушевала кругомъ. Ей не хватило вагоновъ и, увидавъ еще вагонъ, прицѣпливаемый къ поѣзду, она кинулась къ нему.

За эти полгода свободной республиканской жизни Саблинъ привыкъ къ солдатскимъ митингамъ и выраженіямъ, на нихъ употребляемымъ, и потому нисколько не волновался, зная, что, если нѣтъ у этой массы вожака, то отъ словъ и угрозъ до дѣла очень далеко.

Не смутило его и то, что солдаты наполнили вагонъ и стѣснили откупившихъ его буржуевъ. Этого надо было ожидать. Люди ѣхали на крышахъ и на буферахъ, естественно, что они не могли оставить лишь на половину занятаго вагона.

Саблинъ, устроивъ возможно удобнѣе Марію Ѳедоровну и Олю, усѣлся самъ у стѣны и думалъ свои думы, лишь однимъ ухомъ прислушиваясь къ той перебранкѣ и къ рѣчамъ, говорившимся въ вагонѣ. Онъ однако сразу замѣтилъ молодого солдата, одѣтаго лучше другихъ, видимо комиссара, или члена комитета, сразу оцѣнилъ его значеніе и сосредоточилъ на немъ вниманіе.

Поѣздъ тронулся, многіе заснули въ вагонѣ, но Саблинъ не спалъ.

L

Онъ вспоминалъ всю свою жизнь. Вспомнилъ весенній „балъ“ у Гриценки, когда онъ, юный корнетъ, заступился за Захара, а потомъ пѣлъ съ Любавинымъ и отвозилъ

Китти. Онъ былъ тогда ближе къ Захару, къ Любовину, къ людямъ своего взвода, чѣмъ теперь, когда онъ прожилъ съ ними двадцать пять лѣтъ! Чувства и мысли своихъ лошадей Леды и Діаны, своего Мирабо, на которомъ онъ ѣздилъ въ дни юности, онъ зналъ лучше, чѣмъ то, что думаютъ и переживаютъ своими тяжелыми мозгами эти люди.

Онъ жилъ съ Китти цѣлую недѣлю, не отходя отъ нея ни на шагъ, онъ зналъ каждый уголокъ ея тѣла. И теперь стоитъ ему только зажмурить глаза, и онъ можетъ ощутить сладострастный трепетъ при воспоминаніи о полномъ, розоватомъ, упругомъ тѣлѣ Китти, о ея прекрасныхъ ногахъ и нѣжныхъ душистыхъ рукахъ. Сколько разъ, покрывъ свое лицо ароматными волнами ея золотыхъ волосъ, онъ цѣловалъ ея затылокъ. А думалъ ли онъ, зналъ онъ, что думаетъ, что переживаетъ она въ эти часы? Онъ испортилъ, исковеркалъ ея жизнь и даже не знаетъ, гдѣ она теперь, жива, или умерла? Быть можетъ, она слѣдила гдѣ-нибудь по газетамъ за его успѣхами, читала про его блестящую конную атаку, про ранепіе, про возвышеніе, и думала: — „онъ мой! онъ мой! онъ былъ моимъ!“

Или она давно въ землѣ и прекрасное тѣло ея съѣдено червями и, вѣрно, лежитъ она въ сторонѣ отъ другихъ, какъ самоубійца, — не даромъ призраки самоубійцъ его такъ часто преслѣдовали. Она ушла и потонула въ людскомъ морѣ, какъ тонетъ песчинка, но легче песчинкѣ смытой океаномъ на дальнемъ сѣверѣ столкнуться съ песчинкой, смытой въ знойной Африкѣ, чѣмъ встрѣтиться имъ на землѣ.

А сколько, сколько солдатъ прошло мимо него! Онъ зналъ ихъ по фамиліямъ, училъ ихъ, разговаривалъ съ ними и проглядѣлъ ихъ душу, проглядѣлъ ихъ страшный инстинктъ разрушенія. Саблинъ считалъ, что счастье въ творчествѣ, но, если въ творчествѣ счастье, то вѣдь и въ разрушеніи должна быть своя радость.

И сейчасъ же онъ вспомнилъ Марусю. Никогда наслажденіе женщиной у него не достигало такого остраго напряженія, какъ это было въ дни его связи съ Марусей. Онъ разрушалъ ея тѣло и ея душу. Онъ перевернулъ весь

ея міръ. Она плакала, сгорая отъ дѣвичьяго стыда, а онъ заставлялъ ее стоять передъ нимъ обнаженной, съ поднятыми руками, и любовался, какъ краска стыда разливалась по шеѣ, по груди, заливала все тѣло, становившееся блѣдно-розовымъ. Она страдала — онъ наслаждался. А что, если есть наслажденіе и дальше, что, если есть наслажденіе видѣть муки человѣка и его медленную смерть? Ходятъ же люди смотрѣть смертную казнь, ходятъ годами по циркамъ смотрѣть укротителей звѣрей, или какихъ-нибудь отчаянныхъ гимнастовъ, чтобы подстеречь минуту ихъ гибели и... — насладиться. Стоитъ, чтобъ кого-нибудь задавило лошадьми, или поѣздомъ, и бѣжитъ уже жадная толпа смотрѣть на остатки разбитаго тѣла, на муки и страданія.

Смерть и жизнь близко соприкоснулись въ послѣднемъ спазмѣ наслажденія дающемъ жизнь новому существу, и въ послѣднемъ спазмѣ тѣла, покидаемаго жизнью, и въ обоихъ есть что-то общее. Женщина, которая рожаетъ, мучается и иногда умираетъ. Жизнь и смерть сплетаются въ судорожномъ объятіи...

Свѣтало. Въ открытую дверь вагона врывался свѣжій, весною пахнущій воздухъ, пахло талымъ снѣгомъ, прѣлымъ листомъ и могучимъ запахомъ земли, воды и воздуха, напоеннаго озономъ.

„Жизнь и смерть сплетаются въ судорожномъ объятіи“... — снова подумалъ Саблинъ и вспомнилъ сумерки осенняго дня, чистую бѣлую постель и на ней тяжело утонувшее въ подушкахъ тонкое лицо. Оно было когда-то несказанно дорогимъ, и рядомъ, въ креслѣ, въ кучѣ тряпья, красный, какъ паучокъ, ребенокъ, безпомощно шевелящій ручками и ножками...

— „Мой принцъ!... Мой принцъ!...“ донеслось до него изъ какого-то далека.

Было это все! Было и ушло. Исчезъ Любовкинъ, исчезъ Коржиковъ, и гдѣ сынъ Викторъ?

Марусю поглотило на его глазахъ небытіе, а тѣ, быть можетъ и живы, но Саблинъ про нихъ не знаетъ и узнаетъ ли когда?

Tout passe, tout casse, tout lasse?...*)

Въ этомъ сила, въ этомъ смыслъ, въ этомъ возможность жить.

Все проходитъ!...

Проходитъ страданіе, проходитъ и радость, наслажденіе смѣняется болѣзнью, острая боль тупою. Жизнь смѣняется смертью... Смерть... Да, и смерть проходитъ и наступаетъ что-то новое, иное, чего мы не знаемъ, какъ не знаемъ и того, что смѣнитъ ощущеніе данной секунды, даннаго мига, четверти мига, мгновенія. Пройдетъ и большевизмъ, пройдутъ всѣ ужасы Русскаго бунта, но стараго не будетъ, не будетъ стараго Гриценки, его Захара, Ивана Карповича. А почему не будетъ?

Вспомнилась поговорка: — plus ça change, plus ça reste la même chose.**)

Красный паучокъ, безпомощно шевелившійся въ кучѣ тряпья въ домикѣ на Шлиссельбургскомъ трактѣ, выросъ. Ему теперь должно быть столько же лѣтъ, какъ вотъ этому солдату. „Какое у него прекрасное, тонкое и въ то же время отталкивающее лицо! Почему онъ на меня такъ смотритъ? узналъ меня, служилъ гдѣ-нибудь со мною? Кто онъ? Шоферъ, мотоциклистъ, радіотелеграфистъ, писарь? У него тонкія породистыя, холеныя руки, такъ странно напоминающія чьи-то другія руки... Чьи? Чьи?.. Въ бровяхъ, сурово насупленныхъ, лежитъ что-то странно-милое, такъ несоотвѣтствующее всему его наглому виду. Гдѣ я видалъ его, гдѣ я встрѣчался съ нимъ?“

„Что ему отъ меня надо? Почему собрались тамъ, за вагономъ позванные имъ вооруженные солдаты, почему онъ идетъ ко мнѣ?“

— Вы будете не генералъ Саблинъ? — услышалъ Саблинъ обращенный къ нему вопросъ и голосъ послышался ему какимъ-то далекимъ и глухимъ. Точно уши у него

---

*) *Все проходитъ, все разбивается, все отгараетъ.*

**) *Чѣмъ больше все измѣняется — тѣмъ больше все остается тѣмъ же самымъ.*

заложило, такъ слышны бываютъ голоса, когда нырнешь глубоко въ воду и вода зальетъ уши.

„Вотъ оно!“ — подумалъ Саблинъ. — „Насталъ и мой чередъ!“ Онъ опустилъ руку въ карманъ, гдѣ лежалъ браунингъ, и едва замѣтнымъ движеніемъ большого пальца перевелъ пуговку на боевой взводъ.

— Я васъ спрашиваю! — воскликнулъ солдатъ, гнѣвно протягивая руку къ Саблину.

И стало такъ тихо кругомъ... Саблинъ слышалъ, какъ капала съ сучка вода на ноздреватый снѣгъ и, пробивая его, шуршала по листьямъ. Упала одна капля, потомъ другая.

„Вотъ оно!“ — мелькнуло въ головѣ у Саблина и сейчасъ же сердце сказало ему: — „все проходитъ!...“

— Да, я генералъ Саблинъ, — спокойно сказалъ Саблинъ. — Что вамъ отъ меня угодно?

Онъ не слышалъ того, что говорилъ послѣ молодой солдатъ толпѣ у вагона, но онъ слышалъ только, что была сказана ужасная наглая клевета и что солдаты повѣрили ей и готовы на самосудъ. Саблинъ слишкомъ хорошо зналъ психологію толпы и солдата, чтобы ошибиться.

„Не все еще потеряно,“ — подумалъ онъ, выхватилъ изъ кармана револьверъ и, угрожая имъ, бросился въ толпу. Онъ не ошибся. Толпа разступилась передъ нимъ и никто не вырвалъ у него изъ рукъ револьвера, никто не схватилъ его.

Саблинъ ловкимъ прыжкомъ перепрыгнулъ канаву и побѣжалъ, дѣлая широкіе скачки, по рыхлому снѣгу въ лѣсъ.

Саблину было сорокъ четыре года, но онъ всю жизнь занимался гимнастикой и служилъ въ строю. Онъ былъ силенъ и ловокъ. Онъ скоро почувствовалъ, что кинувшіеся за нимъ въ погоню солдаты бѣгутъ тяжело и неумѣло, и что они его не догонятъ. Выстрѣлы, раздавшіеся ему вслѣдъ, были направлены зря, Саблинъ не слыхалъ даже свиста пуль. Онъ сталъ бѣжать спокойнѣе, выбирая направленіе. Онъ понималъ, что солдаты далеко отъ поѣзда

не побѣгутъ, и если машинистъ тронетъ поѣздъ, онъ спасенъ.

Но сейчасъ же Саблинъ почувствовалъ, что отъ солдатъ отдѣлился кто-то и быстро его настигаетъ. Саблинъ понялъ, что тотъ, кто настигаетъ, такъ же силенъ и ловокъ, какъ онъ, но моложе его. Еще десять, двадцать скачковъ, и онъ настигнетъ его сзади и тогда собьетъ съ ногъ. Саблинъ боялся оглянуться, но инстинктивно понялъ, что настало время стрѣлять.

Онъ быстро остановился и повернулся лицомъ къ нагонявшему. Онъ поднялъ револьверъ и прицѣлился... Туманъ на секунду застлалъ его глаза мутною пеленою. Между нимъ и настигавшимъ его молодымъ солдатомъ, среди тонкихъ стволовъ осинъ, на мокромъ снѣгу странное закольхалось облачко. Въ колеблющемся туманѣ утра отчетливо засіяли синіе лучистые глаза, большіе, тоскующіе, прикрытые длинными рѣсницами. Тонкое бѣлое лицо безъ единой кровинки обозначилось на фонѣ длинныхъ черныхъ волосъ, волнистыми змѣями упадавшихъ на спину, двѣ тонкія руки протянулись къ нему.

„Мой принцъ!.. Мой принцъ!...“ неслось откуда-то издали.

Это видѣніе продолжалось одну секунду. Саблинъ успѣлъ только подумать: „Это потому, что я думалъ о Марусѣ!“...

Эта секунда была роковою для Саблина.

Сильный ударъ по кисти выбилъ револьверъ, тяжелыя могучія руки навалились на его плечи, охватили его поперекъ, онъ сразу былъ окруженъ толпою. Его толкали, съ него сбили шапку, его ударили по шеѣ такъ, что у него зазвенѣло въ ушахъ. Чей-то грубый голосъ, смѣясь веселымъ, торжествующимъ смѣхомъ, сказалъ:

— Въ штабъ генерала Духонина!...

Саблину показалось, что послѣ этихъ словъ наступила страшная тишина. Мутно рисовались тонкіе стволы осинъ, и рыхлый снѣгъ, и небо сквозь переплетъ голыхъ сучьевъ, блѣдно-голубое, жалкое, точно плачущее небо...

Ему показалось, что вѣтви зашумѣли отъ набѣжав-

ваго вѣтерка и тихо прошептали: — „въ штабъ генерала Духонина!“

Онъ понялъ значеніе этихъ словъ и тоскливо посмотрѣлъ кругомъ.

Кто-то, только что подбѣжавшій, ударилъ его сзади по затылку чѣмъ-то твердымъ, должно быть, ружейнымъ прикладомъ. Въ глазахъ у Саблина потемнѣло, онъ пошатнулся и еще разъ услышалъ ликующіе, веселые голоса:

— Въ штабъ генерата Духонина!...

1920 г.

Шлахтензее подлъ Берлина. .